

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ. Том 2

Третий джокер

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ. Том 2

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

Том второй
Третий джокер

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

НЕ БОЙСЯ
ДРУЗЕЙ

Том второй
Третий
джокер

ЭКСМО
МОСКВА
2012

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

- Звягинцев В. Д.
3-45 Не бойся друзей : фантастический роман : в 2 т. Т. 2 :
Третий джокер / Василий Звягинцев. — М. : Эксмо, 2012. —
544 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-55908-4

Вадима Ляхова с юных лет учили спасать людей, а не убивать, даже когда второе — предпочтительнее. Но в этот раз полноценного боя избежать не удалось, потому как «дача» Президента была атакована намного превосходящими ее защитников силами, и цель у наступавших была очень ясная и определенная — захват главы страны и уничтожение его сторонников. А вот этого Ляхов допустить уже никак не мог. Не вписывался в планы «Андреевского братства» государственный переворот и потеря Президента, ключевой фигуры операции «Мальтийский Крест» по объединению России из главной исторической последовательности и ее альтернативного аналога в одно мощное государство. Однако бой — не спектакль, очень часто он развивается по непредсказуемому сценарию или вообще без такового. И тут уже ключевыми моментами становятся мужество, опыт, взаимопомощь и, главное, вера в то, что ты сражаешься за правое дело. Команда Ляхова была в этом уверена...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ТРЕТИЙ ДЖОКЕР

А пока — в неизвестном живём
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнём,
Обжигаем себя и других...

А. Блок

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ёст немного удивился быстрому возвращению Сильвии из Берендеевки — он предполагал, что Император сумеет задержать её там хотя бы на неделю. В способностях «госпожи Берестиной» стать за этот срок абсолютно незаменимой и непрерываемо авторитетной советницей и консультанткой в «альтернативной внешней политике» он не сомневался. Секонд, наоборот, к появлению рядом с Государем сильной (явно сильнее кардинала Ришелье) фаворитки относился слегка настороженно, согласно дворянско-феодалному менталитету, доставшемуся от предков и подогретому причастностью к «пересветам». На подсознательном почти что уровне. Налицо, как говорится, присутствовал *конфликт интересов*, свидетельствующий о том, что аналог всё ещё не осознал себя (только и единственно) членом «Братства». На него действовала та самая, описанная Азимовым и считавшаяся для «хроноагентов» большим недостатком, на грани профнепригодности, «одержимость временем»¹.

¹ См. А. Азимов «Конец вечности».

Сам Фёст считал, что особой беды тут нет, иначе просто не бывает, если человек не законченный «безродный космополит», а Азимов это явление осуждал, поскольку сам был из таких же.

Не раз вставал перед Фёстом, тоже подверженным временами «интеллигентским рефлексиям», вопрос, лучше всего иллюстрируемый на примере почитаемого им Штирлица-Тихонова. А как у него обстояло с этой самой «одержимостью»? Всё ж таки ровно полжизни он пробыл немцем, нацистом, до штандартенфюрера дослужился. Что-то ведь «фашистское» ему за эти годы приходилось делать, и делать очень хорошо, и не в комиссии по сбору бытовых отходов, а в СД! Старательность ведь явно была и инициативность, и служебное рвение. Как без этого на службе? Так вот кого в нём больше было, не по книжке, а в жизни — покинувшего Советскую Россию в юном возрасте романтика-чекиста или всё же талантливого специалиста РСХА? Для сравнения — можно представить гуманиста-идеалиста, честным трудом заработавшего «старшего майора» ежовско-бериевского НКВД, сохранив при этом в чистоте свои «белые одежды»? Если только некие «высшие силы» или воля автора не позволят ему заниматься какой-нибудь вегетарианской, абсолютно бескровной работой, позволяющей одновременно быть причастным к государственным тайнам высшей степени секретности.

Такие мысли часто посещали Фёста, ибо ведь «реальная деятельность» занимала лишь несколько процентов его жизни после встречи с Шульгиным, остальное — пусть активная, но праздность.

Когда Сильвия вернулась, она, то ли утомлённая, то ли поглощённая своими мыслями, серьёзный разговор отложила на следующий день. Одобрила удач-

ную тактику Ляхова в вербовке Мятлева, согласилась с тем, что дальше, очевидно, особых проблем с выяснением окончательных позиций президентского окружения не будет. Подчеркнула, что ей удалось успокоить Императора и привести несколько весьма заинтересовавших Олега доводов в пользу необходимости изменить отношение к здешнему Президенту. Просто отнестись к нему как к молодому человеку (хотя на самом деле они были ровесниками), честному, наивному в делах государственного управления, почти случайно выброшенному к вершинам власти. А власть — это ведь совсем не то, что под нею понимают «карьерные чиновники». Не приз в «гонке на выбывание», не повод и не способ какой-то срок чувствовать себя «царём горы»...

Все это Сильвия пересказывала Фёсту отрывочно, в моменты, когда они оказывались наедине в кабинете или изолированных комнатах третьей, *настоящей* квартиры. Большую часть вечера она сосредоточила своё внимание на Герте и Мятлеве. Вела себя то как строгая тётка, старающаяся понять, что за «жених» появился у племянницы, и «самостоятельный ли он человек?», то как светская дама, уже с точки зрения «общества» прикидывающая, заслуживает ли эта юная девица внимания столь почтенной «особы 4-го класса» (т.е. генерала).

В этом, понимал Вадим, крылся очередной тонкий расчёт (а других у леди Си не бывало), только не совсем ясно — какой, на какую ситуацию спроектированный.

Но иногда она делала Ляхову знак выйти, очевидно точно выбирая момент, когда требовалась «оперативная пауза», чтобы «валькирии» и Леонид осознали или обсудили только что ею сказанное.

В один из таких «перекуров» Фёст сказал:

— Если бы вы с Секондом Олега «дожали», заставили включить «Крест» в список первостепенных государственных приоритетов, а сами стали реальным куратором проекта, получилось бы крайне интересно. Извините меня за дерзость, — при этом Ляхов улыбнулся несколько двусмысленно (а чего стесняться перед женщиной, не так давно откровенно предлагавшей себя в любовницы?), не будем касаться слишком деликатных моментов, но истории известны случаи... Стань вы как-то легитимизированным наместником Императора в переговорах с Президентом, работать стало бы гораздо проще. Я как раз неделю себе назначил, чтобы свести воедино и консолидировать команду «друзей Президента», после чего выступить с новым «предложением», от которого трудно будет отказаться. Тут и «Чёрная метка» пригодится, благо, есть повод для её активизации.

К случаю рассказал об обиде, нанесённой всему корпусу «честных служак» демонстративным, оформленным с подачи «закулисы», которой именно сейчас потребовалось показать свою силу увольнением авторитетного генерал-лейтенанта.

— Явные успехи делаете, юноша. — Сильвия задумчиво выпустила дым в открытое окно. — След за мной идёте. Я за вами обоими наблюдаю — вы своего братца всё очевиднее опережаете...

— Среда выживания у нас с ним разная. Одно дело — Гавайские острова, другое — леса северо-восточной Руси. У нас в десятом веке то охотиться, то избы рубить, то воевать приходилось, одновременно добывая хлеб свой в поте лица, а гавайцы в то же время на пляжах валялись, укрепляя силы кокосами, от нечего делать доску для сёрфинга придумали, на чём и успокоились... Иногда завидую.

— Каждому своё. Я другое имею в виду. Всё, что ты сказал, я как раз и делаю. Угол зрения у нас разный, у тебя мужской, у меня женский, а цель в перекрестье — одна. Завтра мы всем, о чём говорим, займёмся. По-брусиловски¹: сразу и по всем направлениям. И с «друзьями» встретимся в подходящей обстановке, и с Президентом я пообщаюсь *прежним* способом, в самый подходящий момент... — прозвучало это достаточно зловеще, хоть и с обычной, одной из сотни, улыбкой. В этом легионе Си и Шульгин были похожи — Александр Иванович тоже умел улыбаться по-разному и в самые неожиданные моменты.

Однако, не дождавшись утра, даже не разбудив никого, оставив только обычную, на листке бумаги, записку, Сильвия экстренно отбыла в двадцать пятый год. Неужели и там столь сильная команда без неё не может справиться? Вот уж воистину: «Фигаро здесь, Фигаро там».

Ну, так тому и быть. Пока Сильвия не вернётся (чтобы вместе закрутить околопрезидентскую интригу), Фёст с Секондом, что называется, бегом — туда и обратно, сгоняют к месту прокладки тоннеля

¹ Сильвия имеет в виду стратегию генерала Брусилова, разработанную им для выхода из «позиционного тупика» мировой войны. В то время как англо-французы и немцы годами тупо долбили оборону противника в одном и том же месте (Верден, Сомма), безрезультатно теряя миллионы (!) солдат (только при Сомме — 1,3 млн), Брусилов предпринял наступление на более сильные, чем под Верденом у французов, позиции австро-венгров сразу по многим направлениям без многосуточной артподготовки, стремительно наращивая силы на участках обозначившегося успеха. Через сутки оборона противника была прорвана на стратегическую глубину, австрийцы потеряли более полутора миллионов убитыми и пленными. (См. любые материалы по теме «Брусиловский прорыв».)

«из России в Россию». На месте и лично убедиться, что он в полной мере отвечает возлагаемым на него надеждам, и график выдерживается. А уж тогда, со всеми козырями на руках...

Разговор с Людмилой у Фёста вышел не очень приятный. Она упёрлась, настаивая, чтобы ехать вместе. В конце концов, у неё приказ — непосредственно и постоянно осуществлять личную охрану именно этого вот господина, каковому и намерена следовать. Остальные обстоятельства можно временно не брать во внимание.

— Прежде всего, ты ошибаешься. Последний приказ был совсем не такой. «Поступить в распоряжение для выполнения особого задания». Мы его и выполняем. Я, понятное дело, в данном случае твой начальник и принял решение. Оставить Мятлева наедине с Гертой не считаю полезным. Она должна с ним работать, но самостоятельного дела я ей поручить не могу...

— Почему? Ты ей не доверишь? Она же тебя спасла, рискуя жизнью, — искренне удивилась Людмила.

— И речи нет, чтоб не доверять. Но пора бы тебе усвоить до предела избитую истину: «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблён на своём месте». У нас в «Братстве» она очень в ходу, пора на знамени или нагрудном жетоне написать. Герта уже в роли. Ей, продолжая охмурять генерала, нельзя проявить хоть на столько вот, — он показал большим и указательным пальцами зазор примерно в полдюйма, — выходящих за рамки *легендированной* должности инициатив. Дураку всё станет ясно. А вот тебе можно всё. И с Мятлевым от моего имени, даже моим тоном говорить, и

с Журналистом встретиться. Я тебе даже тезисы набросаю, как его агитировать и чем...

Не заводишься, не заводишься, — предупредил он, увидев посуровевшие глаза подруги. — На ножки твои он, конечно, пялиться будет, так для того они тебе и дадены...

— Я думала — ходить, — сделала наивные глаза Вяземская.

— Иногда приходится, — согласился Вадим, — ходить, а также и бегать — это проза жизни. Однако с юных лет помню — если вдруг девушке ветром юбку поднимет, вопрос о том, можно ли с данной конструкцией опорно-двигательного аппарата «сотку» за «одиннадцать и две» сделать, приходил в последнюю очередь. Да и то если ты тренер по лёгкой атлетике.

— Снова тебя понесло, — сказала Людмила, — и отчего-то — в одну и ту же сторону.

— Не я первый начал, — возразил Фёст. — Тем более, наш друг Анатолий к женщинам относится не в пример равнодушнее товарища Мятлева. Ты просто скажешь ему вот это... — он подвинул к Людмиле листок бумаги. — Но главное — чётко и неотрывно наблюдать окружающую обстановку, не допускать провокаций, но и не расшифровывать себя. Блок-универсалом пользоваться только в совершенно безвыходной ситуации. В случае *серьёзного* осложнения обстановки — отходить сюда, на Столешников. Как уйти в свой реал — ты знаешь. Ещё одно — покажется, просто покажется, что за вами и квартирой продолжают следить, ну, вроде того милицейского сержанта, обратиться к нашему консьержу. Я его предупрежу...

— Не думай, что с дурочкой разговариваешь, —

отчего-то опять заершилась подпоручик, — мы, «печенег»...

— Стенд боад¹, если по-английски, — с улыбкой сказал Фёст, — или «ша», по-одесски. Даже могучего викинга можно убить пущенной в щель доспеха стрелой с костяным наконечником. Короче, подпоручик Вяземская, ваша задача исполнить приказанное и встретить меня живой и здоровой. Больше трёх дней я отсутствовать не собираюсь.

— А связь? — спросила Людмила, имея в виду, что и у неё, и у Вадима есть теперь личные блок-универсалы.

— В крайнем случае, — отрезал тот. — Дела вокруг тёмные, и лишний раз ночью костёр разжигать или фары включать не рекомендуется. Так я побежал, меня Секонд *на той стороне* ждёт.

Возле стойки консьержа Бориса Ивановича Вадим приостановился. После вчерашнего утреннего разговора они не виделись. Обменялись приветствиями, закурили, как у них стало принято.

Ляхов молчал, едва заметно улыбаясь. Отставному майору пришлось заговорить первым.

— Обошлось? — спросил он в безличной форме, как бы безотносительно к чему-либо.

— Похоже, — ответил Фёст. — Но вопросы остаются открытыми.

— Именно?

— Первый — кто это был и какого хрена им требовалось?

— Я видел, как ты к ментам в машину сел, — общил консьерж. — И?

— Да эти как раз ничего. Под таксистов сработа-

¹ «Задний ход» — флотская команда.

ли. Довезли до места за «рубль». А я, между прочим, на встречу с генералом МГБ ехал...

Говоря это, Вадим ничем не рисковал и никаких тайн не раскрывал. Десятки, а то и сотни «наружников» могли отслеживать каждый его шаг, да и на врождённую скромность оперативников Мятлева рассчитывать не приходилось.

— Понятное дело, — деликатно кашлянул майор прикрывшись ладонью. Наверное, дым не в то горло попал.

— Второе. — Фёст чуть понизил голос, просто чтобы придать своим словам значимость. — Насчёт «метки» как, настроения не поменялись?

— Я уже сказал — лучше с автоматом по сопкам бегать, чем здесь.

— До сопки, даст бог, дело не дойдёт, а первое задание, «не отходя от кассы», примешь?

— Я вообще-то конкретность люблю, — сказал Борис Иванович, — втёмную не подряжаюсь...

— Проще некуда. Я на несколько дней уезжаю. Племянницы здесь остаются. Так продолжай приглядывать. Если за чем обратятся — помоги по возможности. И сам, заметишь что непонятное, подскажи. Вот карточка с телефонами Люды и Герты. Звони в любое время.

Номера на визитке опять были четырёхзначные.

В подкрепление своих слов Фёст неуловимым движением на то же место, не просматриваемое видеокамерой, положил не одну «пятёрку», а пачечку, пусть и не очень толстую.

— На оперативные расходы. Отчёта не требуется, — и счёл нужным пояснить: — У нас принято людям реальные деньги платить. Если в группу примут, там твёрдый оклад пойдёт...

— Так точно, всё будет сделано, товарищ ...?

— Вадим Петрович, знакомы ведь уже... Оружие требуется?

— Да есть кое-что...

— Смотри. Надо — и зарегистрируем, и «применение» в случае чего правильно оформим. Ну, бывай, я побежал, время не ждёт.

Секонд подобрал Фёста на углу Петровки, и машина направилась в сторону хорошо укрытого густым лесом авиааэродрома. Оттуда на реактивном четырёхместном разведчике лететь до места было не больше трёх часов.

Как раз сегодня к вечеру планировалось открытие первого в современной истории прямого сообщения между реальностями и вдобавок в каком-то смысле и межвременного тоже, поскольку Фёст никак не мог отделаться от ощущения, что, перемещаясь, он попадает не просто в страну с другим политическим устройством. Сохранялась отчётливая иллюзия, что мир Секонда — бесконечно длящееся прошлое, слишком часто в нём попадались элементы, связанные с самым ранним детством, с тех пор бесследно утраченные.

И вот теперь появится действительно полноценный, постоянно действующий транспортный путь *туда*, железнодорожный, двухколейный, а рядом можно и хорошее шоссе пустить.

Правда, как такое сопряжение миров проявит себя в долгосрочной перспективе, никто ещё понятия не имел. Тут бы сначала профильному НИИ как следует поработать, все плюсы и минусы рассмотреть, теоретическую базу создать, а потом и подвести. Но в таком случае на реализацию проекта следовало бы отпустить лет тридцать, поскольку ни в одной, ни в другой России профессиональных хронофизиков

не имелось. Чтобы их подготовить, Левашову следовало бросить все свои занятия и учредить нечто вроде колледжа собственного имени, где сначала передать группе юных гениев свои отрывочные и в основном интуитивные озарения, затем всем вместе попытаться их систематизировать и формализовать, ну и так далее. Проще говоря, в одиночку, с нуля создать новую высокоточную науку, и только потом...

Правда, Удолин, пусть и профессор, но совсем в другой области, несколько месяцев назад, сразу после открытия *латентного* прохода, заверял, что ничего страшного не произойдёт. Если какой угодно закон природы существует, то существует априорно, и совершенно неважно, пользуется им кто-нибудь на практике или нет. Неприятности могут быть только у отдельных личностей, оказавшихся объектами приложения данного закона, как, например, закона всемирного тяготения.

— Но это — слишком частный и достаточно примитивный случай. Если же взять законы более общие, как, например, перехода количества в качество или единства и борьбы противоположностей, то...

И потекла бесконечная вязь профессорской мысли, из которой прагматик Фёст сделал вполне буддийский вывод: «Одним словом, в масштабах мироздания или делай что угодно, или не делай вообще ничего — итог один». Так что лучше делать. По крайней мере, это интереснее, чем сидеть сложа руки и ждать, куда оно само повернётся. Опять же — тысячам людей, не знающим, куда свои мозги и руки приложить, интересное и на первый взгляд осмысленное занятие появится.

Тоннель под отрогом Уральского хребта, соединяющий две реальности, был создан то ли природой, то ли неведомыми разумными силами в незапамятные времена и предусмотрительно закрыт с обеих

сторон скальными стенками всего лишь двух-трёх-метровой толщины. Совершенно грандиозное природное образование более сорока метров шириной, от пятнадцати до двадцати высотой, длиной же всего около трёх километров. Подобных пещер в мире не слишком много, доступных для обозрения — наперечёт. И каждая, вроде Новоафонской, например, таит странные секреты.

В той, говорят не просто местные жители, а учёные-спелеологи, время течёт в десятки раз медленнее, чем на поверхности. Обычным туристам, проводящим в лабиринтах сталактитов и сталагмитов час-другой, это незаметно, а те, кто профессионально работает там годами, включая обычных экскурсоводов, выглядят на десять, а то и двадцать лет моложе своих ровесников.

В этой пещере, а точнее всё же тоннеле, поскольку весь он проходил выше уровня окружающей местности, как и в любом другом подобном образовании, уже известном «Братству», ровно посередине его длины горная порода прорезалась кольцом чистейшего самородного золота. Разной толщины и диаметра, никак не связанным со свойствами самого прохода. Например, на пути из Израиля в Новую Зеландию (гигантское расстояние плюс временной шаг в восемьдесят лет) золотая прослойка не превышала метра, в Южноафриканской пещере дагонов золота было гораздо больше, но межвременного перехода исследователи не обнаружили. Возможно, он и есть, ведущий в географический и хронологический Древний Египет, только не для всех.

А здесь толщина пласта драгоценного металла просто поражала. Почти десять метров шириной и около двух — глубиной. В самом приблизительном пересчёте (кому нужно, посчитали точно), золота здесь было больше ста тысяч тонн. Чистейшего, де-

вяносто шестой пробы, не нуждающегося в аффинаже, вообще каких-то технических ухищрениях для добычи. Подходи с кайлом или перфоратором и руби сколько хочешь.

— Наверное, так и задумано кем-то, — сказал Секонду Удолин, когда с помощью Маштакова его некромантская команда проникла в земные недра, подражая героям Жюль Верна. — Любые изыскатели, добравшиеся до этого «кольца», тут бы и остались. Никто бы живым не ушёл...

— Это вы, Константин Васильевич, отчего-то на «просвещённых европейцев» равняетесь, разных там англо-американо-испанцев. Это тех «золотая лихорадка» не хуже холеры поражала. А открой это месторождение какой-нибудь армейский географ вроде князя Кропоткина, капитана Арсеньева, да хоть бы и будущего Великого князя Олега Константиновича, спокойно бы всё на карту занес, образцы взял и по начальству представил. Грамма бы никто не присвоил, разве что в виде сувенира.

— Может быть, вы и правы, Вадим Петрович, — согласился профессор. — Только устроители этой штуки явно не на ваших «рыцарей без страха и упрёка» рассчитывали.

— Ни на кого они не рассчитывали, — оставил за собой последнее слово Ляхов. — Это небось ещё во времена трилобитов образовалось.

Как бы то ни было, взорвать каменную преграду со стороны Екатеринбурга служащим «Императорского корпуса военных инженеров» труда не составило. Затем тоннель прошли некроманты, ощупывая всё вокруг известными им методиками. Сразу за ними — оба Ляховых, Секонд и Фёст в качестве тех самых канареек, что брали с собой в забой *старые* горняки. Лишь они из *нормальных* людей (хотя можно ли двух *аналогов* так называть с чистым серд-

цем?) без всякой подготовки сумели успешно миновать израильско-новозеландский тоннель, да и к «боковому времени» отношение имели, причём каждый своё.

Оттого профессор Удолин, во всяких таких «мистических штучках» ощущавший своё полное превосходство над «умными мальчиками» типа Шульгина с Новиковым, со времён его спасения из лап Агранова вслух и в лицо членам «Братства» свой статус обозначать избегал. Решил посмотреть, что сейчас у *этих* получится. А он... Ну, что он?

Профессор всегда думал, что Александр Иванович более склонен к бестактностям, чем рафинированный Андрей Дмитриевич. Но именно Новиков как-то спросил, видимо притомившись от профессорской трепотни: «Какого же ты ... такой весь из себя, в камере сидел, пока мы тебя оттуда под пулями не выволокли? Махнул бы себе, как ты *якобы* умеешь, в любимый XV век и у «прекрасных стен Гренады» тамошнюю чачу с маврами жрал! Что-нибудь из трудов Аверроэса¹ с раввинами обсуждал. Или лично с ним. И никакого «исторического материализма».

— Какой XV? XIX век тогда был. А от Агранова я вырваться никак не мог. Те страницы каббалы², ко-

¹ А в е р р о э с (Ибн Рушд, 1126—98), представитель арабского аристотелизма, доказывавший вечность и несотворённость мира, единый, общий для всех людей мировой разум, а также двойственность истины.

² К а б б а л а — мистическое течение в иудаизме, подразумевающее возможность человека при помощи специальных ритуалов активно вмешиваться в божественно-космические процессы. Окончательно оформилось в Андалусии в XIII веке. (См. «Зогар» или «Книгу сияния» на арамейском. Переводы на идиш и иные языки аутентичными не являются.)

торами он пользовался, из моих собраний таинственным образом исчезли...

— Хороший был мистик, — без всякой иронии ответил тогда Новиков, — а супротив «нагана» и он ничего не смог...

— Только отчего-то «наган» на него подействовал только в ваших руках. В других — увы, — возразил Удолин.

Как ни лестны были Андрею эти слова, ради поддержания справедливости он заметил, что в реальной истории Яков Саулович принял смерть тоже от револьверной пули в затылок, в лубяном подвале, без всякого вмешательства потусторонних сил.

— Это вы так думаете, — ответил профессор и не стал развивать тему.

Когда Ляховы подошли к «золотому кольцу», оба испытали то же самое чувство, что и при переходе из Израиля на другой конец света: будто вдруг погрузились в ледяной, бурлящий нарзаный источник: пронзивший до мозга костей холод и миллион облепивших кожу щекочущих и покалывающих пузырьков. Дыхание перехватило так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. И тут же отпустило. Прошли. Опять прошли через границу миров.

Самое интересное — поручики и унтера инженерного корпуса, шедшие позади, не почувствовали ничего.

У выхода из тоннеля, точнее, у мощной каменной стены, никаким образом не намекающей, что за нею — выход в иной мир, Ляховы и Удолин остановились.

Константин Васильевич извлёк из внутреннего кармана просторного парусинового плаща (он не любил дождей и был сторонником проверенной от

них защиты) пол-литровую титановую фляжку, предложил по глотку офицерам и обладателям двух и более лычек на чёрных погонах.

— Двадцать полукилограммовых зарядов вот по этому кругу, — обрисовал он пальцем. — Шурфы — на метр. Рванёт — посмотрим. Думаю — хватит. Отходим...

Удолин не ошибся. Подрывники — тоже. Минут через десять, когда пироксилиновый дым и кальцитная пыль слегка осели, отряд исследователей выбрался на ту сторону, перелезая через каменные глыбы и груды щебёнки.

— Вот вам и очередной «прекрасный новый мир», — сказал Секонд, поскольку только он и мог сказать это своим соотечественникам и «современникам». Фёст по компасу и отечественного издания карте приблизительно определил направление до ближайшего населённого пункта. Поскольку точку выхода тоннеля, находясь на *той* стороне, угадать было невозможно. Пресловутый «принцип неопределённости». Удолин и его мудрецы соглашались поручиться либо за географические координаты, либо за время, на выбор. Фёста, как специалиста по своему миру, больше устраивал хоть пятисоткилометровый промах по месту, но желательно — в юго-восточном направлении, нежели по времени — на пятьдесят лет. Совсем ему не хотелось встретиться с районным уполномочённым госбезопасности или выскочить внутрь «запретки» каторжного ИТЛ¹.

На мотоцикле *того* российского производства, очень похожем на советский «М-72» (т.е. немецкий

¹ ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь, которых в пятидесятые годы в предполагаемом месте выхода имелось достаточно.

«БМВ»), в сопровождении офицера-«печенег», одетого в потёртую кожанку и солдатскую шапку, одинаковые на территории любой России в интервале почти что века, с трёхлинейным карабином (вдруг чем-то раздражённый медведь встретится, не говоря о «лихих людях»), под тентом коляски, Фёст отправился на разведку.

Чем дальше, тем больше, выехав с щёбёнчатого плато, поросшего корявым, местами — с трудом проходимым кустарником, на прилично накатанную грунтовку, он убеждался, что попал, куда надо. Особенно когда увидел на обочине смятую сигаретную пачку знакомой марки.

— Так, — сказал он поручику, с любопытством озиравшему ландшафты незнакомой страны, — плюс-минус десять лет наши авгуры угадали, уже неплохо. Но хотелось бы поближе. Как тебе здесь, у нас?

— Да вроде бы всё то же самое. Кажется, пахнет чуть по-другому, — он несколько раз втянул носом воздух. — Химией какой-то незнакомой отдаёт, и кислорода, похоже, меньше, как в горах.

— Очень может быть, — согласился Фёст. — Промышленная химия на этой Земле наверняка другая. Да прибавь почти сорок лет ядерных испытаний в атмосфере. И до Китая не слишком далеко, а они природу пакостят — не приведи бог! То ли дело у вас — до сих пор «желтолицые братья» в Россию только за золотом и женьшенем забредают, и никакой геополитики и экономической экспансии.

Поручик, крайне далёкий от проблемы российско-китайских отношений даже в собственном мире, на всякий случай согласился:

— Это точно. Давайте, господин полковник, я за руль сяду.

— Ни к чему. Ты наших правил движения не знаешь. Вот выскочит сейчас из-за тех кустов гаишник с радаром и объявит, что ты разрешённую скорость превысил, поскольку вон на том повороте был знак, правда, его в позапрошлом году спёрли, но и сам должен понимать... Что ты ему ответишь, чтобы не спалиться мгновенно?

Поручик впал в задумчивость.

— Что такое «гаишник», господин полковник, почему с радаром, какая-то «разрешённая скорость», зачем в чистом поле «знак» и откуда я должен знать, что его спёрли? И что, тем более, понимать?

— А мне говорили, будто «печенег» — ребята, способные на всё и не теряющиеся ни в какой обстановке. Ваш же полковник Ляхов и говорил. А у тебя на одну совершенно бытовую ситуацию — шесть вопросов. Поэтому, пока не освоишься в моём «прекрасном и яростном мире», сиди в коляске, рот как следует сполосни из фляжки «НЗ», да и внутрь в пределах ста граммов принять можешь, чтобы «футурошока» не случилось. И молчи до последней крайности, или пока я не разрешу. Если представитель власти обратится лично к тебе, отвечай невнятно — «день рождения вчера начали праздновать, а сегодня отходняк у меня, Вадик лучше помнит». Любого штатского просто посылай по матушке, но без перехода на личности, а то и схлопотать можешь. На Урале народ политесам не обучен...

— Серьёзная тут жизнь, — без усмешки сказал поручик. — А говорили — на историческую Родину идём. Получается — снова в десант?

— Так не в Центрально-Африканскую империю всё-таки, — успокоил офицера Фёст. — Я там послужил, херовее места не придумаешь, да ещё во-

круг — сплошные негры-людоеды с автоматами. А здесь — в лучшем случае с обрезам. И не людоеды, за исключением особых случаев. По-русски говорят. Пооботрёшься немного — может, и поправится. Как нашим евреям в Израиле.

Вадим откровенно развлекался, очень ему забавным казалось подобным образом дурака валять.

Он держал на спидометре пятьдесят, самое то для подобной дороги. Через десять километров им встретился жёлтый молоковоз, древний «ГАЗ-53» с проржавевшими до дыр крыльями. Значит, и райцентр какой-нибудь есть поблизости с заводиком, и фермы, где люди скотину держат. В этих краях Фёсту бывать никогда в жизни не приходилось, но, листая иногда «либеральную прессу», подсознательно думал, что не могут же господа воловичи врать настолько уж беспросветно. И, чёрт его знает, может, за пределами МКАД народ действительно обречённо вымирает, если уже вообще не вымер, ибо как можно жить не на многотысячедолларовые гранты, а на зарплату в пять тысяч рублей? На три заправки «Лендровера» не хватит.

А вот нет — тридцатилетний парень за рулём молоковоза выглядел бодрым и весёлым, машина шла хорошо, не бренча оторванными деталями, тётка лет под пятьдесят — экспедиторша или хозяйка «бизнеса» — с трудом помещалась телом в кабине, а лицом — в лобовом стекле. И взгляд, который водитель бросил на встречный мотоцикл, был удивлённым. Вот тут Фёст осознал свою ошибку. На сотню вёрст в округе, может, и нет теперь ни одного мотоциклиста. Все на джипы, хоть «Нивы», хоть «Нисан патрули» пересели. И откуда они едут? Вёрст на пятьдесят в округе этот шофёр должен всех знать и со всей подноготной. А они, выходит,

подозрительные чужаки. Нехорошо. Лучше бы нормальный БТР взяли, тот в любой точке необъятной нашей Родины удивления не вызвал бы. Однако деваться некуда, название ближайшего села узнать необходимо. Да и газетку с датой купить.

До села они доехали, прочитали надпись на синем щите, через двести метров увидели магазинчик с гордой надписью «Минигипермаркет «Атлант». Фёст хохотнул от удовольствия за фантазию уральцев, поручик изящества ситуации не оценил.

— Здорово, девчата, — обратился Вадим к двум продавщицам, скорее всего — внучке и бабушке. — Нам две поллитры, вон той, «Кедровой», два плавленых сырка и полторашку минеральной.

— Не мало бўдет? — спросила старшая тётка.

— Да нет, закуси у нас навалом. Просто вдруг сырков захотелось. Ещё сигарет дайте, блок «Кэме-ла». И...

Он увидел то, что ему и требовалось больше всего, а остальное так, антураж. В проволочной корзиночке левее кассы сиротливо торчали две «Комсомолки-толстушки» и журнальчик «Теле-семь». А почему и нет: почти на каждом доме и даже на вросших в землю, почерневших от времени избах торчали телевизионные тарелки.

— Я про водку говорю, — пояснила продавщица. — Вы ж туристы? У нас на мотоциклах давно никто не ездит. И говорите не по-нашему. А мы в четыре закроемся и до десяти до завтра. Больше нигде не купите, самогонку давно не делают, разве для себя кто, так пойдй ещё найди. Народ обычно по ящику берёт, чтоб два раза не бегать.

— А что, мать, ты права, наверное. Давай ящик!

Фёст сообразил, что лучшего сувенира для участников открытия тоннеля и не придумаешь.

— Надька, подай... — распорядилась старшая.

Деваха сибирской стати легко выбросила на прилавок двадцатикилограммовый, аккуратно звякнувший ящик.

— Перегружать будете? Или за тару ещё триста.

— Давай с тарой, — махнул рукой Фёст. — Коля, неси в багажник...

Пока он расплачивался да и просто болтал с продавщицами, редко видевшими свежих людей, поручик Николай, укладывавший ящик в коляску, таки получил возможность встретиться с представителем местной власти.

Участковый как участковый, в капитанском чине, не молод, но и не стар ещё, не толст, но в теле. Тормознул свой «Патриот» возле магазина, увидев незнакомый транспорт. Что водку в него грузил мужик в чёрной кожанке и крепких, почти под колено шнурованных ботинках, его ничуть не удивило.

Но вот кое-что другое давало шанс негаданно подзаработать.

Николай, как и приказано было Ляховым, в разговор не вступал, смотрел на капитана умело расфокусированными глазами и пытался выковырнуть из здесь уже купленной, в познавательных целях, пачки сигарету. Всё, что он ухитрился произнести, с трудом складывалось в те же самые: «День рождения, отходняк, садись — налью».

— Здравствуйте, — сказал, поднеся ладонь к козырьку, участковый. — Капитан Самокрутов. Документики ваши предъявите, пожалуйста.

— Свободно, — ответил засёкший осложнение и быстро спустившийся с крыльца Вадим, подавая права и паспорт. С этим у него было всё в порядке. И прописка московская. Не придерёшься.

Капитан рассматривал документы так долго, буд-

то они были действительно из Центрально-Африканской Республики и написаны на суахили или какой там язык в ходу?

Ляхов, скучая, курил, глядя на быстро летящие серые тучи, между которыми иногда проблёскивало синее небо. Украдкой посмотрел на газету в руке. На дату, конечно. Смотри, как чётко выскочили! Всего на неделю раньше, чем планировали. А место уже и неважно — полста километров туда, полста сюда — раз шоссейная дорога рядом, а от неё и до железной рукой подать.

— Ну и что делать будем, Вадим Петрович? — с прежней вежливостью спросил капитан, задерживая при этом документы в руке.

— А ваши предложения?

— На то, что вы возите с собой человека в крайней степени алкогольного опьянения, способного в любой момент совершить любое правонарушение вплоть до выпадения из коляски на дорогу, как смотрите?

— Плохо, — тяжело вздохнул Ляхов. — А куда ж его девать? К вам в ИВС? Жалко. День рождения у человека. Вам бы понравилось такую дату в «обезьяннике» отмечать?

— Я употребляю в положенное время, в положенном месте и в допустимых дозах, — веско сообщил капитан.

— Вот ведь беда. А он всего лишь кандидат философских наук, впервые в жизни выехавший на уральскую природу, то есть за пределы московской цивилизации, я хочу сказать, и от наслаждения первозданностью мира слегка забыл о непреложности произнесённых вами тезисов.

Самокрутов, вдумавшись, оценил изящество словесной конструкции.

— А вы-то сами как?

— Как стёклышко. За рулём с рождения — ни капли. Отец так учил, да и чужой печальный опыт...

— Правильно, — одобрил капитан. — Тогда второй вопрос — и можем распрощаться. — С этими вроде бы вселяющими надежду словами он сунул документы Ляхова в карман кителя. — Как это вы из Москвы до нас — и без номеров? Мотоцикл у вас хороший, раритетный, и четыре тысячи кэмэ на нём проехать можно. А четыреста постов ДПС?

«Это он молодец! — подумал Вадим, как Румата про дона Рэбу. Нет, в книге было сказано — «великодушно подумал». С великодушием у бывшего капитана Ляхова было не очень. — Тут мы, пожалуй, недодумали. Чёрт его знает, я ведь и не посмотрел, что мотоцикл без номеров. А был бы с номерами? С чужими!»

— Как вас, простите, товарищ капитан? — мягко спросил он.

— Прокофий Порфирьевич, — с некоторым вызовом произнёс участковый. Небось надоели ему некоторые граждане «из Центра», с удивлением воспринимающие его имя-отчество.

— Из староверов? — проявил понимание Ляхов. — У меня врач в полку был Авраам Моисеевич, причём — русский в десятом колене. А солдаты и девушки смеялись. Пришлось Андреем Михайловичем именоваться. Но это к делу не относится. Вот, посмотрите...

Вадим протянул специально изготовленное в столешниковской квартире удостоверение полковника Федеральной службы охраны. Ничуть не хуже настоящего, хоть в экспертно-криминалистический отдел на проверку отдавай.

— Мы, Прокофий Порфирьевич, прилетели в

Ё-бург самолётом. Спецрейсом МЧС на «Ил-76». Оттуда — на вертолёте. Таких, как этот мотоцикл, «раритетов» у нас с десяток. Даже один гусеничный есть. Образца тысяча девятьсот тридцать девятого года. Не приходилось видеть? Зря. Но у всех всё впереди. Катаемся, отдыхаем. Иногда дни рождения справляем...

И, не желая показаться московским жлобом, не понимающим «человеческого обращения», одну руку протянул вверх ладонью, другой протянул бу-мажку в сто евро.

— Возьмите для коллекции. Или детям покажете, что за «фантики» в дальних странах за деньги считают. Так мы поехали?

Капитан, крикнув, поправил фуражку. Немного подумал. Нет, не подстава. Не станут ребята из областного ССБ¹ такие сложные игры затевать с сельским участковым. И мотоцикла такого им взять нигде. Спрятал сувенир в карман, потом возвратил права.

— А вы далеко отдыхаете? И надолго ли задержитесь?

Теперь скрывать было нечего, даже, наоборот, хорошо всё складывалось.

Ляхов раскрыл планшет с картой, черкнул пальцем по листу.

— Здесь примерно. Особо любопытствовать не советую. Мы ж там не только на мотоциклах катаемся. Лучше вообще забыть на время, что нас видел и что-то лишнее слышал, пока из области команда не придёт. Там скоро запретка появится и вообще большое строительство. Интересная жизнь начнётся. Майором точно станешь, капитан, старшим участ-

¹ Служба собственной безопасности МВД.

ковым на особо охраняемой территории. Я тебя запомнил, и ты меня не забывай. Удачи!

Мотоцикл с рёвом понёсся обратно по уже знакомой дороге.

— Интересная у вас здесь жизнь, господин полковник, — сказал поручик, когда село скрылось из виду и не нужно было больше изображать пьяного.

— Будто у вас лучше, — крикнул Ляхов, преодолевая встречный поток ветра. — Поживёшь немного, присмотришься — домой не захочешь.

«Печенег» с сомнением pokrutil головой:

— Я главного не понял — отчего он у вас не спросил: если вертолётами технику возите, почему спиртного не захватили, сколько требуется?

— А оттого, мил-друг, что, посмотрев на мою «ксиву» и денежку на память получив, пропало у хорошего человека желание глупые вопросы начальству задавать. Я ему сотку дал, «а мог бы и зарезать», как в анекдоте про дедушку Ленина, тебе, к счастью, неизвестного, говорилось. И ещё одну присказку запомни — сколько водки ни возьми, всё равно два раза бегать придётся.

Результат рекогносцировки показал, что эмпирические предположения оказались верны, тоннель вывел, куда надо, с исключительной точностью, и теперь не нужны никакие СПВ и блок-универсалы для поддержания постоянной связности двух миров, фактически слившихся в один, но парадоксальным образом устроенный. Полностью объяснить и даже вообразить себе, как он может оставаться именно таковым, не только в физическом, но экономическом и культурно-политическом виде, не мог никто. Одним словом — повторялась история с практическим использованием «бокового времени». С любой

★ точки зрения необъяснимо и даже бессмысленно, а работает тем не менее вполне убедительно, с впечатляющим эффектом.

Впрочем, профессор Маштаков, проводя некоторые аналогии с им же открытым «боковым временем» утверждал, что за два-три месяца он берётся хотя бы предварительную теоретическую базу под «феномен» подвести. С чем и отбыл в Пятигорск, заявив, что в любом другом месте его мыслительные процессы не могут протекать должным образом. А пока следует продолжать чисто инженерные работы, более не пытаясь проникать в соседнюю реальность.

Особенно же он предостерег от попытки изъять из «золотого кольца» хотя бы килограмм металла. В каких угодно целях.

— Подобное деяние смело сравню с преступлением планетарного масштаба. Вообразите, что произойдёт, если позаимствовать хоть сантиметр провода из схемы Большой электронно-вычислительной машины? Вдруг здесь тоже всё прецизионно¹ отлажено. Измените ёмкость, сопротивление, силу индукционных токов — и провалитесь к центру Земли. Или в мезозой. Вот если бы найти пульт управления, принципиальную и монтажные схемы...

— Ну, это уже из раздела фантастики, — ответил Удолин. — Если такое где-нибудь имеется, так в одном из Узлов Сети. Во всём остальном я с вами полностью согласен, коллега. К примеру, при начертании четырёхмерных пентаграмм ошибка в один миллистерадиан²... Впрочем, это сейчас неважно. Вы, Вадим, — обратился он к Секонду, — озаботьтесь

¹ Прецизионно — с особой точностью.

² Стерadian — единица измерения телесных углов.

немедленно направить сюда несколько специально подготовленных офицеров, которые единственно бы наблюдали за сохранностью Кольца.

...Выход в реальность Фёста был заново закрыт металлическими щитами, тщательно замаскированными имитацией камня и живой, чрезвычайно цепкой и буйной растительностью. Затем, в полном соответствии с формулой генерала инженерных войск Карбышева¹, сапёрный батальон за световой день, использовав одну тонну колючей проволоки, соорудил километровое ограждение вокруг горловины распада. Тексты запретительных надписей, развешанных по всему периметру, придумал лично Фёст: «Из-за дефицита боеприпасов охрана предупредительных выстрелов не делает». Пришлось и реальное патрулирование изнутри организовать, солдатами, переодетыми в здешний российский камуфляж, единственной задачей которых было при появлении посторонних кричать; «Стоять, кто идёт, стрелять буду!» Для местных этого было бы достаточно, а на случай чего (мало ли?) Фёст переправил из Москвы несколько старших офицеров из «Чёрной метки», снабжённых документами и предписаниями как раз тех подразделений Центрального аппарата, которые могли бы отвечать за сооружение и безопасность некоего объекта особой важности. Отдохнуть за казённый счёт на природе, ну и для подкрепления сымпровизированной версии. Вдруг да проявит излишнюю бдительность участковый, доложит о странной встрече по команде? Маловероятно, но всё же...

¹ Афористичная формула для расчёта установки проволочных ограждений: «Один батальон (сапёрный), один день, одна тонна (проволоки), один километр (ограждения), один «кол» (т.е. ряд)».

Для окончательной подстраховки Секонд разыскал среди своих «печенегов» бывшего сотника Уральского казачьего войска, ныне штабс-капитана Синеусова, уроженца здешних мест (плюс-минус три сотни километров. Из Сима он был), что по уралосибирским масштабам вообще ничто. Придал ему поручика Горелова (того, с кем Фёст на мотоцикле ездил и участкового Самокрутова знал в лицо), отделение горных егерей, чтобы местных рыболовов-охотников, а также и бескорыстно любопытных к линии оцепления не подпускали. То, что эти бойцы манерой разговора и поведения сильно отличались от привычных «солдатиков», должно было произвести на встретившихся с ними людей дополнительное впечатление. «Спецназ какой-то, да не отсюда, с Кавказа, небось?»

Строго говоря, тем самым был совершён акт неспровоцированной агрессии — проникновение военнослужащих иного государства на территорию Российской Федерации. Фёст, который в отличие от Секонда никакими должностными полномочиями не располагал, с усмешкой говорил ему и всем остальным:

— Семь бед, один ответ. Если с Президентом договоримся, на такую мелочь никто и не посмотрит. Опять же оправдываться можно пресловутым тезисом о действиях «в условиях крайней необходимости».

— Вообще-то мы сейчас являемся «незаконным бандформированием», — сказал Секонд, — поскольку не принадлежим ни к какому существующему на вашей Земле государству.

— Или же совсем наоборот — обычными первооткрывателями, в ходе исследования собственной территории оказавшимися в неизвестном месте,

чья государственная принадлежность никак не обозначена. Вроде необитаемого острова в неизвестном океане...

— Пошла трепотня, — отмахнулся Фёст.

...Приехав сюда, Фёст с Секондом убедились, что на «объекте», а по-старому выражаясь, на «ударной стройке», всё обстоит совершенно нормально. Никто не ставил трудовых рекордов, не стремился выполнить «пятилетку в три года», но работы шли строго по графику, без срывов, человеческих или технических ошибок. Воровать, скорее всего, тоже не воровали, разве что медицинский спирт, выдаваемый «для промывки фокусного расстояния» всяких теодолитов и нивелиров.

Раньше Ляхов предпочитал Императора ненужными подробностями не отвлекать, делал своё дело, довольствуясь тем, что окружные власти и сам генерал-губернатор Урала и Западной Сибири отнеслись к предъявленным им полномочиям и самой задаче с полной серьёзностью. То есть к тому моменту, когда Олег соизволил лично побеседовать со своим «сопредельным удельным князем», то есть Президентом Российской Федерации, подготовительные работы были выполнены на девяносто процентов. Зная об этом, Секонд с Сильвией позавчера в очередной раз «нажали» на Государя, чтобы убедить его изменить свою несколько отстранённую позицию в отношении «Креста» да и самой идеи форсированного воссоединения двух Держав.

Пообещали буквально на днях доложить о практических результатах «проекта», а также и изменении точки зрения Президента. Наметились, мол, серьёзные «позитивные подвижки». Олег Константинович, всегда любивший всякого рода *предпри-*

ятия с авантюристическим оттенком, благосклонно покивал головой.

— Что ж, если так, то я не против. Не против. Посмотрю, что у вас получится.

Пусть в устной форме, высочайше повелеть соизволил — стационарный проход в соседнюю Россию, буде такой практически возможен — открыть! На перерезание ленточки пообещал прибыть лично. А уж как такой путь использовать, и использовать ли вообще, он на досуге ещё подумает. В любом случае всё, что находится на территории Его Державы, входит в сферу Его стратегических интересов. Мировая практика подобных примеров не знает? Так узнает, даст бог.

В очередной раз перед Ляховым-Секондом замаячили широкие погоны с императорским вензелем и витые аксельбанты.

Невиданное (по своей сути) в истории строительство никакого ажиотажа у причастных к нему, но непосвящённых лиц не вызвало. Мало ли где и какие объекты приходилось возводить? Одних горных, военного назначения дорог в непроходимых даже для вьючного транспорта местах проложили десятки, на Кавказе, Памире, Тянь-Шане. Железнодорожную колею от порта Провидения на Чукотке до Якутска недавно сдали в эксплуатацию.

То, что поручили сейчас, — так, пустычок, на два месяца спокойной работы.

От ближайшего разъезда потянули железнодорожную ветку, благо, рельеф благоприятствовал, кроме нормальной насыпи никаких инженерных сооружений строить не пришлось. Параллельно местные подрядчики, привлечённые двойной, против обычных расценок, платой, принялись проклады-

вать грейдер с перспективой покрытия полотна асфальтобетоном. Зачем, почему — никого не интересовало. Наверное, очередной завод собираются строить. Или рудник. Начнут — видно станет, какой кому гешефт сорвать получится. А пока и так хорошо.

Надев положенные при горных работах каски и иное снаряжение, «инспектирующие лица» на мотодрезине углубились в тоннель, снаружи производящий вполне удовлетворительное впечатление. Производитель работ, инженер-полковник, носивший, по странному совпадению, фамилию Клейнмихель¹, но не Пётр Андреевич, а Василий Августович, давал пояснения.

Внутри тоннеля присланная из отдалённого гарнизона инженерная рота со специальной техникой прежде всего густо, на два сантиметра, закрасила «золотой пояс» битумным лаком и из пескоструйных машин покрыла мелкой гравийной смесью. После чего отбыла обратно. Едва ли кто-то, включая офицеров, вообще догадался, чем здесь пришлось заниматься. Солдаты в минералогии не сильны, и обставлены работы были надлежащим образом, чтобы и чересчур догадливые ни осколка, ни крупинки жёлтого металла в карман не словчились сунуть. А потом думайте и говорите что угодно — привезли роту ночью и увезли ночью, попробуй догадайся, где именно в радиусе пятисот вёрст располагалась пещера, в которой пришлось поработать в противогазах и костюмах химзащиты.

¹ Клейнмихель П. А. — граф, главноуправляющий путями сообщения в середине XIX века, руководитель строительства Николаевской железной дороги (Петербург — Москва).

Когда золотое кольцо было надёжно укрыто от человеческих глаз и специальная проверка подтвердила, что маскировка и изоляция никак не повлияли на свойства прохода, началось нормальное обустройство тоннеля, по положенным для такого рода объектов СНИПам¹ и требованиям техники безопасности.

Всего за три недели всё было готово к началу эксплуатации. Из двадцатиметровых, снаружи смонтированных секций рельсов со шпалами положить три километра пути, пока однопутного — плёвое дело. Так полковник и выразился. И шоссе с двухполоской рядом — в полном порядке, до выходного портала хоть на лимузине подъезжай. Дальше, конечно, на той стороне, до самой заброшенной бетонки на Златоуст (бывшей секретной, для ракетных тягачей), ехать желательно на вездеходах и гусеничной технике, но вполне можно, в любую погоду.

Однако, если Президент согласие всё же даст, императорские инженерные войска, хоть с привлечением областных дорожных служб и фондов, хоть без оно, наподобие древнеримских коллег, за следующий месяц проложат такую дорогу, что пресловутой МКАД стыдно станет. Причём — не украв ни копейки казённых денег.

Очень это легко и просто делается — пресечение якобы непреодолимой силы коррупции. Если есть, конечно, хоть малейшее желание ей воспрепятствовать. Один конкретный человек смету подписывает, второй с ней соглашается (или нужные поправки вносит, поскольку за всё отвечать ему лично). Финансирование открывается на имя непосредственного исполнителя. Между заказчиком и производи-

¹ СНИП — строительные нормы и правила.

телем работ — ни единого посредника. Одни безгласные подчинённые. Сегодня за сто рублей расписался — завтра квитанции и платёжные ведомости на стол. Расходы *непрегдигенные* возникли — или оправдай *форс-мажором*, или возмещай из своего кармана. Как в нормальной семье: сегодня жена, скажем, картошку в десять раз дороже обычной купила (ну, получилось так!), значит, изволь следующие две недели выкручиваться — новым деньгам до очередного жалования взяться неоткуда.

А закончили объект, сдали совершенно ни от кого не зависимому военпреду (за которым свой пригляд) — тогда и посмотрели, кто в пролёте, казна или подрядчик. Казна своё в любом случае с подрядчика возьмёт, а уж он, болезный, может озолотиться на удачном контракте да с премиями всякими, тоже заранее оговоренными, — за срочность, за качество, за полезные рационализации. А в трубу вылетит, так до нас сказано: «Не умеешь — не берись».

Тем более, как известно, традицию — пешком по этапу к месту отбытия наказания, если ни от кого не зависимый, кроме как от Государя, генерал-прокурор подобную меру изберёт — никто не отменял. Прогулка от Москвы, скажем, до Соль-Илецка, не говоря о Магадане, прочищению мозгов и возрождению нравственного чувства очень способствует (гораздо лучше для здоровья, заметим, чем душные тюремные вагоны и бесконечные пересыльные центры). Плюс сам срок (хоть и «пятёрка» обычная, а не бессрочная каторга), это не собственная дача на Лазурном Берегу или в Симеизе, это гораздо хуже. Сто раз подумаешь перед тем, как казённую копейку зажить!

— А команда будет — от выходного портала ветку до стыковки с тамошней «железкой» тоже за два

★

месяца кинем. Не впервой. Рельеф-то известный, тот самый, что и у нас, — будничным голосом сказал Клейнмихель. — Изысканий проводить не придётся, давно всё отснято, и глазомерно, и инструментально.

— Вы-то сами на той стороне были? — скорее из любопытства узнать, как реагирует на парадоксы природы обычный армейский инженер, спросил Фёст.

— Бывал, ознакомительно, — ответил полковник.

— И как?

— Да как всегда, — дёрнул плечом, где под брезентовой курткой топорщился погон, инженер. — До Трансатлантического кабеля письма шли из Америки в Европу месяц. Потом — три дня. Каравелла плыла шестьдесят дней, реактивный самолёт — пятнадцать часов. Теперь сообщения проходят за пятнадцать минут. У вас, я слышал, можно с любой точкой Земли сообщаться с любого места и в ту же секунду. Наши ведь, инженерные достижения. Сейчас оказалось, что в соседние миры проникать можно хоть на паровозе марки «ЭР». Ну и слава богу. Всё дело в том, что я совершенно не уверен, будто наши открытия как-то влияют на сумму человеческого счастья. Вы бы не хотели пожить на древнеримской вилле и сравнить?

«Ещё один философ на нашу голову выискался», — подумал Фёст, глядя на умное утомлённое лицо пожилого и опытного человека.

— А водку вы пьёте? — спросил он в стиле Салтыкова-Щедрина. — Если бы, например, выпить при сём две-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало нам, помимо свободно-разумно-

го отношения к действительности, выразиться и так: «Господа! Да неужто же, наконец...»

«Современная идиллия?» — уточнил Клейнмихель, одновременно показывая взглядом и общим выражением лица, что означенный тезис полностью разделяет.

Что они и сделали, пока дрезина не докатилась до последнего звена рельсов, упирающегося в броневой щит.

Убедившись, что дело в основном сделано и остались только косметические, по сути, работы, уточнив ряд практических вопросов, в том числе и на счёт оборудования специальных пересадочных и перегрузочных терминалов с обеих сторон тоннеля, Фёст с Секондом вернулись в Москву. Вся командировка заняла ровно двое суток реального времени, без всяких межвременных скачков. Обычный самолёт, обычные автомобили.

На Столешниковом они застали и обеих «валькирий», и Мятлева, всех в полном порядке. Людмила не захотела посещать другую реальность, не дождавшись Фёста. А Леониду с Гертой здесь тоже было лучше. Генерал продолжал медленное и спокойное налаживание с «первой любовью второй молодости» ровных и в перспективе длительных отношений. Герта не возражала. Она тоже увлеклась своим новым положением, на ближайшее время не требовавшим никаких «служебных» действий. Вадим Петрович позволил ей «быть самой собой», и это было чудесно.

Зато Фёста очень встревожил факт, что Сильвия до сих пор не вернулась. Уж ей ничего не стоило расчитать соотношение времён при самом банальном перемещении по надёжно освоенному маршруту.

Уединившись с Секондом в кабинете, он высказал аналогу своё беспокойство. Тот отнёсся к его настроению как-то очень легко. Мол, что хочет леди Си, то и делает. Шульгин, Новиков и другие сейчас проникли в такие глубины времён и пространств, что связи уже два с лишним месяца нет, и ничего. Воронцов, и тот не волнуется.

— Это совсем, брат, другое. Ты ведь тоже не беспокоишься, как там сейчас Майя с Татьяной в Кисловодске обретаются? Кстати, не сбегать ли нам всем туда на денёк-другой? С женой повидеаешься, и гостю «культурную программу» расширим. Покупать человека, так за настоящую цену.

— Свободно. Прямо утром можем, здесь делать всё равно нечего, а к президентским ребятам нам с тобой без разницы, когда приходить. Всё равно окажемся там «когда надо», — легкомысленно ответил Секонд.

— Договорились. С утра и отправимся, опять твоим казённым самолётом. Только Майе предварительно позвони, чтобы не вышло классического сюжета: «Вернулся муж из командировки», — с аналогом он мог себе позволить шутки такого рода.

— Позвоню. Прямо сейчас, пусть стол накрывает. Но про Сильвию мне таки не совсем понятно...

— Соображать надо, господин академик. Если человек, имеющий возможность вернуться в исходную точку времени и пространства по прошествии любого локального времени, этого не сделал, значит, он не может этого сделать. По какой угодно причине, пусть нам и непонятной. Теперь дошло? А с нею и Уваров, и остальные наши девушки. Есть повод для тревоги?

— Не поспоришь, — вздохнул Секонд, — только мы ведь никаким образом на это дело повлиять не можем. Разве что попробовать — по их следам...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Встречавший группу гостей, а скорее — пленников «циркач» с погонами английского капитана начала XX века, не стыкующимися с архаичной формой, никак не представившийся, был, разумеется, таким же роботом, вышедшим из тех же «мастерских» Замка, что и биороботы «Валгаллы», хорошо и близко знакомые Сильвии и Басманову. Удолину, конечно, тоже.

Профессор, впрочем, хотя и привык пользоваться их услугами, относился к «механическим людям» негативно, воспринимая их как аналогов «големов» Бен-Бецалеля. По личному опыту знал, что добра от «голема» ждать не следует. Уж если заклинания самого правнука в пятой степени царя Соломона не всегда оказывались действенной мерой сдерживания тех лишённых намёка на подобие «души» глиняных существ, так чего можно ждать от сугубо механических изделий на «электронных схемах», понятие о которых Константин Васильевич имел самое смутное.

— Тебя, любезнейший, как звать-величать? — тоном барина-крепостника, обращающегося к незнакомому дворецкому соседа по имению, спросил Басманов, всем видом показывая, что хоть на капитанские, хоть на фельдмаршальские погоны самозванца ему плевать.

Марина посмотрела на своего вновь обрётённого кумира с восхищением, остальные — с должной степенью уважения. Правильный тон взял господин полковник. Только пилоты и экипаж «Буревестника» восприняли это как должное. Все они родились, как говорил Бендер, «ещё до исторического материализма» и в чинопочитании толк знали.

Хорошо ещё, по стойке «смирно» не поставил этого нахала Михаил Фёдорович и не заставил рапортовать, как положено. А как это умеет делать Басманов (до сих пор отчего-то полковник), командир легендарных «рейнджеров Каховки», в югоросской армии знал самый зелёный прапорщик.

— Капитан Джинджер, к вашим услугам.

— К моим? — удивился Басманов.

Сильвия с удовольствием наблюдала, как Михаил, используя совсем древние психологические приёмы, приводит в чувство не то чтобы напуганных, но прилично ошарашенных спутников. Из семнадцати оказавшихся здесь человек лишь они трое, включая Удолина, что-то понимают. Остальных удерживает в должных рамках только дисциплина, как Уварова, «валькирий» и лётчиков или высочайшая степень самоуважения, как Катранджи (своим прыжком в пропасть он уже почти «потерял лицо», больше такого не допустит). Наоборот, в рамках своего восточного менталитета способен сорваться в приступ истерики, деликатно называемый «отвагой шахида».

— Если вы офицер, — продолжал гнуть свою линию Басманов, — вы, исполняя приказ или служебный долг, отнюдь не можете быть «к услугам». Я понятно выражаюсь?

«Опять урок даёт девочкам, больше некому, — подумала Сильвия. — Лётчики и так готовы умереть, раз служба требует. Уварова не вдохновлять, а сдерживать надо. Нет, ну каков Михаил, — она чуть вслух не рассмеялась. — Всё, что можно, человек прошёл и пережил, а мои *соплячки* (леди Спенсер уже и думать научилась настолько по-русски) ему голову вскружили».

Но тут же с присущим ей чувством объективной справедливости признала, что полковник вёл бы се-

бя точно так же в любой обстановке. Независимо, стоят за *его спиной* юные девушки-офицеры и она, единственная зрелая женщина, способная правильно оценить его неповторимый стиль, или *перед ним* стоит расстрельная команда. К случаю вспомнился Гумилёв, с которым ей довелось встретиться в девятьсот семнадцатом в Лондоне.

«... Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас», —
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придёт их последний час,
Ровный красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда...»

Гумилёв в *той*, настоящей для обоих жизни не был знаком с Басмановым (хотя могли бы и пересечься где-то под Сморгонью или во время кратких отпусков с фронта в Петроград), но писал свои стихи, не только себя лично имея в виду (хотя себя прежде всего, конечно), а и таких вот поручиков и капитанов, десятью годами младше его возрастом¹, но воевавших на той же самой войне.

¹ Гумилёв Н. С. (1886 г.р.) — на ПМВ сначала вольноопределяющийся, потом прапорщик, подпоручик.

Басманов М. Ф. (1894 г.р.) — на ПМВ подпоручик — капитан.

— Отчего вы вдруг — англичанин? — продолжил полковник. — Вы что — завоевали Замок? Как давно? В ходе какой кампании? Многие из нас тут бывали раньше и не замечали следов иноземного присутствия. И почему при этом говорите на чистом русском, даже без акцента?

Слова Басманова на какое-то время повергли «капитана» в замешательство. Он явно не был подготовлен к ответу, а скорее всего, просто не понял, как следует соотнести пять заданных в быстром темпе вопросов, причём — из разных смысловых рядов. Тут и обычный, не слишком развитый человек запутался бы.

— Не могу ответить, — наконец сказал «Джинджер», запрограммированный, очевидно, крайне небрежно, на одну-единственную функцию. — Я — капитан, командир роты охраны Замка. Имею приказ встретить вас и доставить в Замок. До ворот. Там мои полномочия заканчиваются.

Сильвия вдруг шагнула вперед и выдала длиннейшую, очень быстро произнесённую фразу на смеси «оксфордского» английского и солдатского жаргона, употреблявшегося Киплингом в его «колоннальных» стихах.

Джинджер посмотрел на неё растерянно. Да и остальные тоже, кроме «валькирий», они, как известно, знали все европейские языки и диалекты. Кто-то даже хихикнул.

— Я повторила твой вопрос, Михаил, причём добавила несколько непристойных и оскорбительных для офицера выражений, — пояснила Сильвия. — С Замком явно не всё в порядке, без Антона он стремительно деградирует. Какая-то художественная самодеятельность в сельской школе...

Басманов махнул рукой:

— Я с первого взгляда примерно так и подумал. Поехали, что ли?

Он, ничего не говоря «капитану», сам сел за руль «Виллиса», указав аггрианке место рядом. «Капитан» покорно, не выразив и тени несогласия, полез через борт на узкое сиденье между задними колёсными нишами. В смысле комфорта «Виллис» — крайне неудобная машина, только втроем на нём ездить хорошо, хотя в боевых условиях и восемь бойцов с оружием легко помещались.

Сильвия устроилась на жёстком, обтянутом дерматином полукресле, напоминающем куриный настил тем, что с него так же легко свалиться, тем более — на скорости. Сиденье почти вровень с бортом, вместо дверцы — вырез, чтобы ноги пронести. Она вдруг с тёплым чувством вспомнила события богзнаетскольколетней давности, ещё до того, как они отплыли отсюда в Крым на строящейся тогда вон там, сотней метров левее, «Валгалле». Шульгин тогда заказал Замку эти самые «Виллисы» для всех, чтобы ездить на верфь и просто кататься по окрестностям. Только что прибыв из страны никак не «доразовьющегося»¹ социализма, ему казалось интересным и забавным тешить себя памятной по детству экзотикой. Такими вот машинками — в том числе. Очень удобно, особенно для женщин, — садиться легко, и даже ключа зажигания нет. Повер-

¹ Имеется в виду терминология советских партийных теоретиков, время от времени изобретающих термины, как-то маскирующие реальную несостоятельность происходящего. Был сначала просто «коммунизм», «коммунизм военный», «социализм эпохи реконструкции», «социализм построенный, полный, но не окончательный», «социализм окончательный, но развивающийся», «социализм развитой». На нём всё и закончилось в 1988 — 1991 г.

нула рычажок на панели — и ездай. Скорости переключать необязательно. И на первой (10 км/ч) до места спокойно доедешь.

Остальные пятнадцать гостей разместились в автобусе, где роль водителя исполнял такой же робот, но с нашивками сержанта на рукаве серой рубашки.

— Езжайте прямо, — сказал «капитан», будто здесь была ещё какая-нибудь дорога.

Через десять минут, обогнув скалистый отрог, они увидели Замок. Сильвии по своему опыту сначала пленницы-аггрианки, а потом и настоящей «сестры», проводшей здесь порядочное время, вновь увидеть его невероятной высоты стены, угловые и промежуточные башни, донжоны, десятиметровой ширины ров, неизвестно от кого и от чего защищавший, было просто приятно. Как одну из достопримечательностей своей долгой, но в отличие от распространённых мнений не такой уж богатой яркими событиями жизни.

Вон Басманов кружит девчонкам головы своими геройскими похождениями. Да, были, никто не спорит. Так ведь не говорит же, что на два-три ярких боя приходится месяцы и месяцы сидения в окопах, грязь под ногами, дождь или снег сверху, борьба со вшами (бичом Мировой войны вместе с давно с тех пор забытым тифом), бессмысленные перемещения вдоль фронта, в тыл и обратно, скудная и невкусная пища.

Да хоть бы и приснопамятную Цусиму взять — больше полугода мучительного кругосветного плавания и три часа сражения!

Вот и у неё так. Почти сто пятьдесят лет прожила на Земле, а если собрать всё яркое и интересное в один букет, ненамного больше и выйдет, чем у тридцатидвухлетнего полковника.

Удолин впервые увидел Замок снаружи. Всегда он попадал только внутрь, внепространственно-астральным способом. И знал там, кроме *коммуникационного* кабинета, свой любимый бар да ещё несколько помещений.

Остальные Замок не видели никогда, а слышали о нём только девушки, от Натальи Андреевны, причём в основном как о месте, где она «стала сама собой» и встретила своего Дмитрия. Технические, архитектурных и прочих вопросов не касалась. «Валькириям» этот Замок представлялся вещью вполне абстрактной, вроде Шамбалы, Беловодья и чего-то в этом роде, заманчивого, но к повседневной жизни отношения не имеющего.

Катранджи, Уваров и лётчики совсем ничего не представляли и не понимали. Но увидели это титаническое сооружение и, кроме обычного удивления, можно сказать — потрясения от мгновенного перемещения из привычного мира совсем в другое место, невольно прониклись чувством, похожим на то, что испытывает человек, впервые соприкоснувшийся с одним из пресловутых «чудес света». Сильвия не помнила за собой подобной эмоции, вслух высказанной одной из девушек. Замок восхищал, удивлял, вызывал почтение своим величием — это она помнила, пусть и оказалась во вражеском гнезде, подобного которому аттры на Земле не создали. Считали, что и базы на Таорэре достаточно. Но вот чувства «приниженности» перед *нечеловеческим* величием она не испытывала даже в тогдашнем своём положении. Сейчас — тем более. Начала нарастать в ней боевая злость.

Значит, кое-что изменилось. И землян сейчас *пригласили* сюда несколько с другой целью, чем раньше, это очевидно.

«Ничего, прорвёмся, — подумала бывшая аггри-анка словами своих друзей и пожалела, что нет сейчас рядом Воронцова, первым из всех посетившего Замок. В одиночестве, совсем ничего не зная и не ожидая каких-либо неожиданностей, прямо с сухумского пляжа, но тем не менее не растерявшегося.

Её пальцы нащупали в кармане свой блок-универсал. Одно движение, и можно вызвать сюда Дмитрия. (Если получится, конечно, преодолеть разделяющий неизвестно какие уровни континуума барьер. Но раньше получалось!) Вызвать и возложить на него все заботы, он ведь утверждал, что с Замком у него наладилось полное взаимопонимание, напрямую, минуя Антона.

Нет, не нужно, и сами как-нибудь разберёмся! Ничего ведь особенного. С Антоном приходилось бороться на равных, признавая силу и право друг друга, но и уважая соперника. А здесь какая-то дешёвая ерунда происходит.словно в средневековом феоде на место барона внезапно уселся его шут.

Сильвия окончательно решила в нынешней ситуации стать главной. Кому же ещё? Даже по высшему счёту «Братства» она признавала по всем параметрам сильнее себя только Новикова и Шульгина. Достоинства Левашова не отрицала, но только в инженерной области. Воронцов, Берестин — мужчины, офицеры, умны и беспрдельно отважны, не поспоришь, однако... Пусть чуть-чуть, но из другой оперы!

К старому маразматику и алкоголику Удолину с его замшелыми заклинаниями и почерпнутой из глиняных табличек мудростью она уважения совсем не испытывала. Разве что некоторый не совсем рациональный страх. Возьмёт и от вредности обратит тебя в жабу, и не успеешь блок-универса-

лом воспользоваться. В эти его способности, как ни удивительно, инопланетянка и «вульгарная материалистка»¹ Сильвия верила. Пусть и выглядело это достаточно нелогично.

В то же время опытным взглядом бывшей главной координаторши она продолжала наблюдать, кто как из девушек-«валькирий» ведёт себя во вновь изменившейся обстановке. Вроде бы все одинаковы: совсем недавно она просканировала каждую и в биологическом, и в психиатрическом смысле. Даже Анастасия Вельяминова старается не выделяться. Однако тут неожиданно ярко проявила себя Марина Верецагина. Вроде не делая резких движений и никого не расталкивая плечами, она вдруг первой оказалась у дверцы автобуса, спрыгнула на вымощенную красным кирпичом дорогу. Раньше даже, чем Басманов перекинул ноги через порог «Виллиса».

С автоматом на изготовку, двумя пистолетами в кобурах на бёдрах и ножом ниже правого колена Верецагина змейкой метнулась влево, замерла у опоры моста в идеальной позиции — сбоку и сзади прикрыта гранитным столбом. Пожалуй, даже с привратных башен её не достать стрелой или пулей. Сама держит под прицелом автобус, джип, доставивших их сюда «охранников» и мост до самых ворот.

Титанический, неизвестно на кого рассчитанный — на колонны трёхметровых троллей или современную бронетехнику, — подъёмный мост был гостеприимно опущен. Поблёскивали ничуть не заржавевшие цепи толщиной с телеграфный столб, под настилом, почти не колеблясь, стояла зеленоватая

¹ С точки зрения марксистской философии — материализм примитивный, грубый, не опирающийся на знание теории, не отразивший основной вопрос философии (см. Краткий философский словарь).

вода, местами подёрнутая ряской. Но ворота в стене между двумя башнями, громадные, метров десять в высоту и не менее шести в ширину, окованные полосами буроватого металла и покрытые шляпками гвоздей, с тарелку каждая, были закрыты. Отчего бы? И на стенах, башнях, в бойницах никакого шевеления, отблеска оптики или дымков пушечных фитилей, если здесь играют в давнее прошлое.

Верещагина стояла, готовая ко всему. Бравая, подтянутая, даже с озорной улыбкой. Казалось бы, что она может со своей «трещоткой» против стен, какие и шестидюймовые гаубицы пробьют после долгой стрельбы прямой наводкой? Но в нынешних обстоятельствах её решение — наиболее тактически грамотное. И «противник», если он там есть, сразу поймёт, с кем имеет дело. Семнадцать человек, все вооружены, у всех имеется какая-то, пусть и не уровня «валькирий», боевая подготовка. Тут или без разговоров вводить в действие тяжёлое вооружение, или договариваться. Марина, как и все остальные, слышала обещание «английского капитана» проводить их «до ворот Замка». А что будет дальше? Ведь и сама Сильвия, и Басманов знают о почти полной физической неуязвимости роботов Замка. Не с автоматом против них выходить, а с противотанковым гранатомётом, да и то из засады. Или — использовать на полную мощь блок-универсалы.

Но дело сейчас совсем не в этом, до боя на уничтожение наверняка не дойдёт, а только в поддержании боевого духа личного состава.

Самым же главным для Верещагиной было то, что Басманов её решительность оценил, на что и был расчёт! Она сразу заметила его одобрительный кивок. Есть, мол, в группе инициативный боец, ка-

кой в нужный момент объявляется почти в каждом подразделении. Командир ещё только собирается приказ отдать, а кто-то уже занял ключевую для прикрытия товарищей позицию и готов к бою.

Вот и Марина! Случись что — откроет отсечный огонь и даст возможность остальным приступить к осмысленным действиям.

Каждая из девушек, как известно, умела (мадам Дайяна постаралась, обучая питомиц) охмурить и совратить любого мужчину по одной из пятнадцати стандартных программ, за полчаса превратить, условно говоря, Атоса в жалкого Казанову, ползающего у ног не поддавшейся ему с первого захода дамы. Только было у них и другое правило. Для работы можно всё. Хоть Катранджи, хоть Императора заставить в себя влюбиться (или просто возжелать) до полной потери самоуважения и здравого смысла. А если вдруг своего мужчину встретишь, уж тут без фокусов. Старайся понравиться, как самая обычная девушка, и страдай, если не повезёт, по-настоящему. Людмила и Настя сумели, кажется, найти своё счастье, оказаться подходящими невестами. Теперь и Марина человека, в которого ей захотелось влюбиться, увидела.

После недавнего обмена взглядами она опять нашла возможность оказаться в центре его внимания. Если даже сейчас прикажет: «назад, отставить», всё равно запомнит, кому он это приказал.

Ни Басманов, ни Сильвия не стали девушку оставливать. Всё правильно она сделала. Что-то долго раскачивается Джинджер, только-только из машины вылез, брюки на коленях отряхивает. И в Замке полная тишина. Ни почётного караула, ни наоборот. С прохождением сигналов какая-нибудь ерунда, или некто сценическую паузу выдерживает? Или

ещё хуже — в программе самого Замка начались сбои по неизвестной причине? Может быть, он тоже подвергся информационной инвазии супердуггуров каких-то, оттого все странности. Будто специальный червь в управляющие программы внедрился. Сильвия начала профессионально ситуацию разбирать и оценивать, стоя при этом в сторонке, позади девушек и бравых пилотов, воодушевлённых броском Марины, тоже ладони на рукоятки своих «воеводных» положивших.

Если дуггуры действительно сумели добраться до Замка, это очень плохо, это полная катастрофа. То, что они десантировались на Таорэру, особого удивления не вызвало. Практически неохраняемая территория, расположенная в том же самом континууме, то есть проблема перед ними стояла чисто транспортная. А Замок — это совсем другое — вневременной и внепространственный артефакт, для удобства посещавших его людей принимавший, в какой-то своей части, доступную человеческому восприятию форму. И что же это за силы, сумевшие проникнуть в него и непонятным, едва ли не бессмысленным образом перепрограммировать?

Предположение выглядит чересчур смело, но резон в нём есть. Не первый необъяснимый момент за последнее время. Отряд Шульгина — Новикова, отважно отправившийся на трофейной «медузе» в поход на «вторую землю», успел передать, что с чем-то непонятным встретился. И тут же Ларису ребята к себе вызвали (зачем, интересно, подумала Сильвия, если там «осложнения» ранее неизвестного типа начались?), после чего всякая связь с экспедицией прервалась.

Объяснения Удолина, единственного сумевшего выбраться со «второй Земли» (причём неизвестно,

по своей воле, или его просто вытолкнули некие силы, сочтя его там присутствие лишним), потом рассказывал Воронцову, Сильвии и Берестину, как всё получилось. После встречи на «второй Земле» с представителями дутгурского *мыслящего* сословия, закончившегося непонятной агрессией «коричневой тучи» на дворец Рорайма, Константин Васильевич ощутил приближение чего-то совершенно непонятного, выходящего за пределы его мистического опыта. Кое-как объяснил друзьям, что, кажется, некие наконец-то «настоящие хозяева» планеты за ними идут, и лучше бы убраться отсюда поскорее. Внутренним взором он смутно различил нечто ужасное, одной природы с гоголевским Вием. Похоже, у профессора наступило некоторое помутнение сознания. Он неотчётливо помнил свои крики о «наступающей полночи», об отбивших «пятый удар» часах. А Новиков, Шульгин, Лариса, Ростокин, несмотря ни на что, сохраняли достойную преклонения выдержку. Стреляли по «туче» из гравипушки и пулемёта, даже сумели захватить в плен одного из «высших», «сияющего ангела», пойманного, как на живца, на Ларисины прелести¹.

Удолин, видя, что к его словам не очень прислушиваются, рванулся к открытому Левашовым со стороны «Валгаллы» проходу. Попытался толкнуть перед собой Новикова, но тот отклонился, сделал шаг в сторону: негоже руководителю экспедиции первым бежать с корабля, оставляя за спиной почти двадцать человек, друзей, офицеров капитана Ненадо, пленника. Так Константин Васильевич в единственном числе вылетел на палубу парохода, и рамка за ним сразу закрылась.

¹ См. роман «Скоро полночь».

Профессор, очень скоро обретя свой агрессивный апломб, после доказывал Воронцову и Левашову, что совсем он не испугался, и до последнего вёл себя героически, сопротивляясь «энергетическим порождениям тьмы», похожим на глубоководных скагов, и лично принял на себя удар некробиотической энергии, прикрыв своим телом Новикова (что было правдой). Решение отступить он принял вполне осознанно, поняв, что идущая против них сила непреодолима и бессмысленна, как, скажем, радиация. Смешно же рвать на груди рубаху, пытаясь что-то доказать «рентгенам» или «живертам».

— А как же ребята? — очень спокойно и даже деликатно спросил у него Воронцов, кое в чём с помощью Левашова разобравшись. — Ты — оттуда ломанулся, а Олег вам в помощь, навстречу твоей ретирade жену послал. Слабую женщину...

— Вы только мне, пожалуйста, господин адмирал, — с некоторой желчностью в голосе, продолжая снимать стресс коньяком, ответил Удолин, — не навязывайте своих идеалов эпохи загнивающего военно-феодального строя. Видел я вашу слабую женщину в разных ипостасях. Оч-чень непонятно, какая она есть. То на балах мужчин очаровывает, то, сверкая глазами, лом об колено согнуть готова. Вы бы видели, Дмитрий Михайлович, с каким она лицом отсюда выскочила и как этого дугтурского мальчишку чуть что не за яйца схватила с отнюдь не сексуальным намерением. Не уверен, что он при её взгляде не обмочился в свои светящиеся ризы. А вы говорите — слабая женщина... Я не убежал, не отступил, не ломанулся, как вы не совсем изящно выразились, а был оттуда *устранён*. Непонятным мне способом. Или я там оказался лишним с точки зрения *кого-то* враждебного, или был таким образом спасён от воздействия, коему противостоять был не в силах. Зато

там остался ваш Антон, со всеми его способностями. Наверняка он там был полезнее меня. Я не «боец», в вашем понимании, и не нужно от меня этого требовать. Помню я, как в вашей «основной» истории зачислили в «московское ополчение» сто тысяч интеллигентов-белобилетников, от студентов в очках минус восемь до профессоров консерватории. Уж они навоевали...

На том у них тогда с Воронцовым содержательная беседа и закончилась. Удолин есть Удолин. С ним ведь не поспоришь на равных. Пока он хочет — ты ему, бывший советский капитан-лейтенант, — годишься в друзья и собеседники. Если вдруг что не по его норову — он двухтысячелетний (как минимум) маг, а ты — всё тот же каплейт (центурион, в переводе на римские или какие угодно служебные категории), тридцати семи реальных лет от роду. И ни одна апория¹ Зенона тебе не по силам. Как, впрочем, и Удолину — расчёт торпедного трезугольника на логарифмической линейке (во времена службы Воронцова ни компьютеров, ни даже обычных калькуляторов не существовало). Электроники, считай, никакой не было, а умение соотносить свою скорость со скоростью цели, с учётом углов расхождения курсов, движения самой торпеды, волнения, глубины и всего прочего, да чтоб результат показал — вынь да положь.

Что на самом деле случилось (или как раз сейчас происходит) на «второй земле» с разведывательным отрядом, узнать пока не удалось. Время-то течёт везде по-своему, и если кажется, что банкет в Лондоне,

¹ А п о р и я (по-греч. буквально — безвыходность) — неразрешимая проблема, вытекающая из столкновения противоположных, но равно справедливых аргументов.

вечеринка в Кейптауне, постельная сцена Сильвии с Императором Олегом, разыгрываемый Фёстом и его подружками *покер* с президентской командой стыкуются почти *поминутно*, то это глубокое заблуждение.

Попали друзья в плен к *истинным* хозяевам «Земли-2», или нашли с ними общий язык — неизвестно. Когда вернутся — тоже. Установка СПВ с парохода канал восстановить не могла. Единственное, что утешало и позволяло заниматься своими делами здесь, не впадая в отчаяние, — каким-то особым образом сигнал от имевшихся у Шульгина и Новикова маячков до форта Росс доходил, подтверждая, что друзья живы, а главное — приборы находятся при них. В чужих руках маячки просто инактивировались бы, имелись на этот случай подстраховки.

Интересно, что передача велась с ретрансляцией через Валгаллу-Таорэру, что первым заметил робот-связист. Ещё более интересно было то, что местонахождение передатчика не фиксировалось хронологически. Учитывая межвременное положение Валгаллы, с равным успехом экспедиция могла находиться в любой точке пространственно-временного континуума, но явно за пределами уже освоенных реальностей, значит, только на «второй Земле» или ещё дальше.

Была, конечно, у Сильвии мысль, что друзья, раз с ними Антон, могли отступить от неведомой опасности именно в Замок, но уж оттуда форзейль имел возможность свободного перемещения практически в любую точку пространства — времени, что неоднократно и доказывал. Следовательно, ни самого Антона, ни «братьев» там нет. Зато очень убедительно, после всего, что только что довелось увидеть, вы-

глядит гипотеза: Антон полностью потерял связь с Замком, и тот пошёл «вразнос», как избавленный от графитовых замедлителей ядерный реактор. И всем сейчас заправляет Арчибальд, обиженный невежливым бегством гостей, на которых возлагал большие надежды. И без того невеликого ума механизм под влиянием «дестабилизирующих эмоций» мог превратиться в совершеннейшего монстра вроде Гитлера, на всю жизнь травмированного непризнанием его живописных талантов. А признали бы — писал по две картины в день, как Айвазовский, и был бы совершенно счастлив, нравственно и материально, оставив остальной мир сходить с ума как-то по-другому.

«Ну, ничего, — подумала Сильвия, — в ближайшие минуты всё станет ясно».

Она надеялась, что их появление (зачем-то их выдернули из своей реальности сюда?) вернёт Замку здравомыслие. Он исходно ориентирован на общение с людьми, по большому счёту — на служение им, и под должным контролем «умеет» вести себя правильно.

На мысли, желания, а то иногда и приказы совсем тогда ничего не понимавшего Воронцова при первой встрече он реагировал вполне адекватно, и модель-копию (чтобы его соблазнить и склонить на свою сторону) Натальи сконструировал без единой ошибки. Более того — сумел выявить, воспроизвести и закрепить самые лучшие, не всегда даже ей самой до конца понятные черты её личности.

Все мысли и воспоминания Сильвии промелькнули настолько быстро, что Басманов едва успел оценить обстановку и обратиться к «начальнику охраны».

— Ну, ты, — без всякого намёка на вежливость

сказал Басманов Джинджеру под одобрительными взглядами Уварова и лётчиков, — скажи там, чтоб ворота отворяли, а то мы и обратно можем. Нам такое ваше гостеприимство — до... — Полковник в стиле гвардейской конной артиллерии объяснил, до чего именно. При таких словах кони в манеже обычно прядали ушами и отворачивались.

Михаил мельком взглянул на сплочённую группу в синих рабочих кителях. Пилоты, совсем ничего не понимающие парни, далёкие от любых забав «высших существ», для которых родной двадцать пятый год — единственный из возможных, держались великолепно. Если что — на них можно положиться не хуже, чем на девочек-профессионалок.

Правда, следует признать — кое-какая психическая закалка у авиаторов есть. На их памяти взлетел бамбуково-полотняный самолёт братьев Райт, а сами они, не дожив до тридцати, уже пилотируют летательный аппарат, на два поколения превосходящий то, что им пришлось бы увидеть в нетронутой чужим вмешательством жизни. Вдобавок командир успел конец Мировой и всю Гражданскую повоевать на «Сопвиче», пять сбитых самолётов на счету.

Сейчас эти семеро офицеров и унтеров были гораздо ближе Басманову, чем все остальные, невзирая на его пятилетний опыт в «Братстве». Уваров — особая статья, он просто слегка растерялся, не зная, кем он может по-прежнему командовать, а кому должен подчиняться в слишком уж нештатной ситуации.

Сам же Уваров решил, что всё же полковник, поскольку сам в происходящем совершенно ничего не понимает, а чтобы совсем не оставаться «не у дел», продолжит выполнение единственного, никем не отменённого приказа — руководить своими девуш-

ками для сохранения жизни и свободы Катранджи, насколько хватит возможности. Остальное ведь — на ответственности «принимающей стороны»? Так было сказано начальством.

Он передвинулся вплотную к турку, сохранявшему подобающее его рангу спокойствие.

— Ибрагим Рифатович, всё время держитесь возле меня. Что здесь происходит, я, честно говоря, пока не врубился. Девчата будут прикрывать вас со всех направлений. Я — само собой. И вместе посмотрим, как дальше пойдёт.

— Как пойдёт, так и пойдёт, — с восточным фатализмом ответил Катранджи. Он уже устал от валящихся на него один за одним «случаев». — Я смерти не боюсь, а она может прилететь в любую секунду из каждого окошка. Правильно?

Уваров машинально кивнул.

— Только никто никогда не проводит таких сложных операций, чтобы убить одного пожилого турка и несколько молодых русских людей. Наш самолёт можно было обрушить в море без всяких «заморочек». Значит, не только поживём, полковник, (даже эту тонкость русского обращения Ибрагим не забыл), но и увидим наверняка очень много интересного. А то, что случилось с крейсером, это, очень может быть, только преамбула. Или — прелюдия.

Так немедленно и случилось.

Ворота Замка неспешно, с намёком на кинематографический саспенс, отворились, и на мост вышел хорошо знакомый троим из присутствующих Арчибальд Арчибальдович. Впрочем, каждому знаком он был по-разному. В прошлое посещение он ухитрялся казаться совершенно иным Сильвии, Басманову, Удолину, если приходилось общаться наедине. А уж что случалось, когда он затевал свои игры с Новико-

вым, Шульгиным и пришедшим из будущего специалистом по машинным логикам Скуратовым — это никому из присутствующих до конца не было известно.

«Человеком» он был чрезвычайно примечательной наружности. Высокий и широкоплечий, с заметной сединой в тёмных волосах. Мужественное загорелое лицо, украшенное тщательно ухоженными усами, выражало спокойную доброжелательность. Стройную, несмотря на возраст (около пятидесяти), фигуру облегал полувоенный костюм цвета хаки, к брюкам-полугалифе очень шли коричневые шнурованные ботинки до колен. Вылитый полковник Лоуренс Аравийский, только пробкового шлема и стека в руке не хватало.

— Дорогие друзья, как я счастлив снова принимать вас в своём поместье! — провозгласил он сочным баритоном, легко слышимым с двадцати метров, словно с трёх шагов.

Обращался он, конечно, к своим старым знакомцам, но и на остальных его радушные слова распространялись как бы по умолчанию.

Первым ему навстречу через мост пошёл Удолин, заранее протягивая руку. На середине моста они обменялись крепким рукопожатием, затем Арчибальд, ускорив шаг, приложился к ручке Сильвии, почти по-братски обнялся с Басмановым. Михаил не противился: лично ему хозяин Замка ничего плохого не сделал, конфликты, если и были, произошли на более высоком уровне.

— О! А какие прекрасные девушки появились, чтобы скрасить моё одиночество, временами — прямо невыносимое. — Он перецеловал руки всем «валькириям», каждый раз представляясь. К концу это стало выглядеть слегка карикатурно, как в филь-

ме «Иван Васильевич меняет профессию». Особенно, когда Марине пришлось переложить автомат в левую руку, протягивая галантному кавалеру правую, пахнущую не «духами и туманами», а обычной ружейной смазкой.

Желал ли Арчибальд достигнуть именно этого эффекта — неизвестно, может быть, просто набор стереотипов срабатывал, а элемент, отвечающий за самокритику, в контурах его псевдоличности отсутствовал. Когда Замок вместе с Антоном взялись реконструировать Наталью, они могли непрерывно сверяться с человеческой натурой форзейля и, главное, воспоминаниями и ощущениями самого Воронцова. Оттого всё так удачно и получилось. А сейчас несчастному Арчибальду подсказать, что его «заносят не туда» и что смокинг со шляпой канотье не носят (пусть по отдельности это весьма стильные детали туалета), было некому. Вот он и упивался собственным бесконтрольным величием.

Пожав руку последнему из бортстрелков «Буревестника», что было явно лишним (если в компании оказывается более трёх человек, от вновь пришедшего рукопожатий не требуется, достаточно общего поклона согласно этикету), он широким жестом предложил следовать за ним. Сильвия — по правую руку от него, Басманов — по левую.

— Зачем весь этот цирк? — спросил Басманов, поскольку Сильвия на правах женщины предпочитала по своей инициативе разговор не затевать. — Если захватил нас в плен, так к чему бессмысленные церемонии?

— Упаси бог, Михаил Фёдорович, уж имён-то Арчибальд не забывал, — о каком плене речь? Я только что выручил вас из крайне неприятной ситуации и рад, что удачно получилось. Я ведь преду-

преждем и Андрея, и Александра, что в «большом мире» им давно уже находиться крайне опасно. Помните наш предыдущий разговор, когда вы все сюда явились? Разве зря я предложил Южную Африку, XIX век? Сидели бы и не высывались... — эти слова и по тону, и по стилистике прозвучали диссонансно. — Вы не послушались, и случилось то, чего и я предвидеть не мог. Думаете, те, кто изловил и осудил на вечное заточение Антона, смирились с его бегством? Нет, нет и нет! Их злопамятность и мощь не имеют границ. Только я могу им противостоять, да и то лишь в пределах территории Замка.

Тут в его голосе прозвучало нечто вроде самодовольства.

— Я сумел сделать её независимой от существующей Вселенной и предложил вам всем гарантию безопасности. Вы не захотели меня послушать. Вы от меня, попросту говоря, бежали, задев, признаюсь, мои лучшие чувства. Но я не обидчив, моя единственная цель — оберегать моих друзей от любых опасностей, подстерегающих их в этом мире и за его пределами. Я полтора года лет делал это для Антона. Потом пришли обычные земные люди, до которых мне раньше не было никакого дела. И вдруг, познакомившись ближе, я их полюбил... Да, да, не смейтесь, — он обратился непосредственно к Сильвии, заметив скользнувшую по её губам не совсем доброжелательную улыбку. — Ведь единственное, чего я хотел прошлый раз, — как можно ближе познакомиться с вашим другом Виктором. Я раньше не встречал людей с такими свойствами мыслительной деятельности, пришедших из недоступного мне будущего. Да-да, эфемерное будущее мне недоступно, как, впрочем, и вам, Сильвия: мы все обречены существовать в пределах определённых границ. Я только

недавно выяснил, что доступное нам время и пространство находятся в обратно-пропорциональной зависимости, в определённых обстоятельствах то или другое стремится либо к бесконечности, либо к нулю... Проще говоря, то ли в вашем распоряжении беспредельное пространство, но крайне ограниченное время, то ли — наоборот.

— Может быть, теоретический семинар мы отложим на более подходящий момент, а вначале вы объясните, что вдруг с нами произошло и каковы ваши дальнейшие планы в отношении нас? — холодно спросила Сильвия.

— Обязательно и всенепременно, — закивал головой Арчибальд. — Сейчас мы придём на место, вы разместитесь по комнатам, по тем, где уже жили, или любым другим, на ваше усмотрение. Потом за дружеским столом мы удовлетворим взаимную любознательность...

Басманов, услышав о «дружеском столе», с удивлением почувствовал, что успел проголодаться и мысль о предстоящем обеде или ужине его радует. А ведь, казалось бы, они встали из-за обильного стола не более чем час назад. От силы полтора. А есть хочется так, будто прошло не менее полусуток.

Это очередная странность непонятным образом текущего времени, или Арчибальд решил устроить для них подобие одного из вариантов рая, где «удостоенные блаженства» могут пиршествовать и общаться с противоположным полом сколько угодно, не пресыщаясь и не утомляясь.

Удолин, Сильвия и Михаил предпочли занять те же комнаты, где уже останавливались, до сих пор хранившие следы их пребывания, включая предметы, которые они не сочли нужным взять с собой,

уходя, и запахи, свойственные лишь им. У Сильвии — её духи, у полковника и профессора — остывший табачный дым.

Остальные поселились на том же этаже, со всем возможным в Замке комфортом, отвечающим вкусам каждого. На всякий случай, по решению Уварова, «валькирии» и сам он расположились в комнатах по обе стороны и напротив просторных апартаментов Катранджи. Лётчики, уточнив у Басманова, действительно ли могут заказать себе помещения по вкусу, попросили расквартировать их вместе. Очутившись неизвестно где, экипаж предпочитал не разделяться — мало ли что. Для них Арчибальд немедленно предоставил требуемое — отдельную секцию из семи комнат с просторной гостиной (или кают-компанией), отделанную и обставленную на уровне адмиральских люксов в доме отдыха под Гурзуфом. На большее фантазии у скромных лейтенантов не хватило, унтер-офицеры же подобной роскоши вообще никогда не видели.

Басманов, осмотрев расположение экипажа «Буревестника», счёл нужным провести краткий инструктаж. Чтобы, наконец, снять общее недоумение и пресечь «излишние умствования», как выражался Салтыков-Щедрин. Так или иначе лейтенантам и мичманам приходилось слышать о не отвечающем гимназическим представлениям устройстве мира. Если не меньше сотни членов достаточно тесной офицерской семьи югоросской армии и флота попадали в разные интересные ситуации, в том числе и в иные миры и времена, так в тайне этого не сохранишь. Дело лишь в трактовке этих ситуаций и степени приближённости каждого к первоисточнику сведений и слухов.

Полковник на ходу сконструировал подходящую

к случаю легенду, объяснил, что происходящее вполне укладывается в рамки выполняемой ими задачи, о подробностях которой всё, что нужно, будет сообщено в соответствующее время и строго в пределах должностных обязанностей.

— Пока что можете считать себя в краткосрочном отпуске. Старший лейтенант Дмитриев несёт полную ответственность за вверенный ему личный состав. Вопросы внутреннего распорядка в экипаже — на его усмотрение. Предупреждаю — по территории Замка вы можете перемещаться свободно, куда заходить нельзя — туда просто не пустят. На «экскурсии» по одному не ходить. Заблудиться здесь практически невозможно — в случае чего просто заходите в первый попавшийся лифт и громко произносите место назначения. Он доведёт. Самое главное — во время прогулок вы обнаружите большое количество разного рода питейных заведений. Всё, что в них выставлено, — бесплатно. Поэтому особо предупреждаю — знать меру, как во время увольнения на берег в чужом порту. Мои дисциплинарные права в отношении вас не ограничены, поэтому в случае чего прошу не обижаться. Если кто меня ещё не знает, то не советую начинать знакомство с этой стороны.

На ужин с Арчибалдом собрался только «высший круг», считая Уварова и Катранджи. Для девушек и лётчиков Арчибалд организовал отдельную «культурную программу», нечто вроде кабаре + варьете (что, впрочем, почти одно и то же). Пусть молодёжь отдохнёт и развлечётся, не забывая себе головы «взрослыми» вопросами. Кристине вежливо, но твёрдо было указано, что некоторое время

Ибрагим Рифатович обойдётся без её услуг. Спорить было бессмысленно.

С лучшей стороны проявил себя Удолин. Казалось бы, какое ему дело до мелких проблем незначительных людей, которых столько мелькало за минувшие века перед его глазами. Однако озаботился.

Отвел на минуточку Арчибальда в сторону от посторонних ушей и сказал ему достаточно веско:

— И чтобы никаких больше шуточек с этими юношами и девушками. Никаких «римских ночей» и принуждений к «счастью и любви».

Константин Васильевич деликатно намекнул на предыдущую попытку робота (иначе профессор это человекообразное тучело про себя не называл) внушить гостям Замка желание отбросить все моральные принципы и взаимно удовлетворить самые затаённые желания в отношении друг друга. Ему (Арчибальду) тот раз показалось очень интересным, для расширения собственных познаний в психологии, понаблюдать, как поведут себя люди, связанные очень сложными личными отношениями, получившие возможность реализовать все свои мечты и вожделения, хоть в интимной обстановке, хоть публично.

Еле-еле Новиков с помощью профессора сумел эту намечавшуюся и наверняка поведшую бы к нравственной катастрофе вакханалию пресечь в последний момент. Даже пистолетом пришлось наекнуть, что настаивать на своём — не нужно.

Удолин, будучи, с точки зрения Арчибальда, существом не вполне материальным и абсолютно нерациональным, нагонял на него подобие если не страха, то ощущения, что вступать в конфронтацию с магом не стоит. С обычными людьми сначала разобаться бы. Поэтому Константин Васильевич не-

медленно получил заверения в том, что никаких вмешательств во внутренний мир гостей допущено не будет.

Взяв на себя функции хозяина и одновременно тамады Арчибальд произнёс целую серию вполне дежурных фраз о том, как он очень рад видеть и своих старых друзей, и новых гостей, непременно станущих таковыми, о том, что они не должны себе ни в чём отказывать, ибо «мой дом — ваш дом!» и так далее... Басманов, пусть не очень долго, но всё же послужив на Кавказском фронте, а потом пожив в Стамбуле, кривился от потока восточных банальностей самого низкого разбора.

Он посмотрел на Катранджи. Тот понимающе усмехнулся и сделал римский императорский жест — большой палец вниз.

Всё ж таки, выстраивая свою личность по доступным ему образцам, Арчибальд позаимствовал у землян слишком много лишнего, прежде всего страсть к «велеречивости». Сообразить, что копирование длительных, вплоть до академического часа, рассуждений Удолина на любую подвернувшуюся тему ещё не есть определяющий признак разумного существа, он пока не успел. Что же говорить об обычном «словоблудии» Новикова, Шульгина, Левашова? Стилистика и витиеватость выражений Воронцова заслуживают отдельного разбирательства. Потому Арчибальд, как какой-нибудь персонаж Гоголя или Достоевского, повращавшись в обществе образованных людей, тоже вообразил, что выражаться нужно как минимум «красиво», употребляя как можно больше «по-научному» звучащих слов и выражений.

Мысленно пропуская целые словесные периоды робота, не несущие вообще никакого смысла (как

абзацы из докладов партийных секретарей советских времён), а остальную часть его выступления мысленно сократив примерно вчетверо, слушатели поняли, до каких высот самоутверждения успел подняться данный механизм. Лет сорок назад в большой моде были фантастические книжки о всемирном бунте роботов. Так там речь шла о примитивных ламповых устройствах, работавших на перфокартах, с быстродействием тысячу операций в секунду, а теперь к идее мирового (если не вселенского) господства пришёл псевдоразум с непостижимыми для большинства земных учёных способностями и возможностями.

Одно счастье — он по-прежнему оставался конструкцией, пусть даже и наделённой бесчисленным, далеко превосходящим человеческую нервную систему количеством элементов и связей, со скоростью проводимости «нервных импульсов», приближающейся к скорости света, но лишённой существенного свойства, не говоря о «душе» или чём-то подобном. Самой обычной интуиции у Арчибальда не было, и того, что называется «житейским умом», тоже. А что есть «ум», и что отличает даже малограмотного, но «умного» человека от облечённого академическими степенями «дурака»? Всего лишь способность мгновенно принимать решение, *адекватное* ситуации. И ничего больше. Лишённые же этого природного свойства люди (и «не люди» тоже) приходят к окончательному результату путём длительных сомнений и терзаний, тупого перебора вариантов, гадания на картах или внутренностях животных, а нередко — подбрасыванием монетки. Что уж говорить об интуиции и «гениальных озарениях»?

В конце концов Арчибальд сообщил (и это было самым главным), что после того, как люди, в том чис-

ле и Антон, его покинули, он решил принять всю ответственность за судьбы этого потерявшего управление мира на себя. Ничего сложного в поставленной задаче он не видел. Информации у него достаточно, все ошибки, допущенные форзейями, агграми и обычными земными правителями, стремившимися к власти над миром, он проанализировал и учёл. Разработал собственный, безупречный план. Друзья (он привычно, или подчиняясь какому-то императиву, заложенному в самые основы его личности, продолжал называть Антона и всех остальных «друзьями») вначале правильно поняли его предложение и удалились на сотню лет назад, в Южную Африку. Там они получили возможность создать новую временную линию и жить совершенно спокойно, не вмешиваясь в события на Главной Исторической Последовательности, которую Арчиба́лд *по праву* считал «линией своих жизненных интересов». Он не возражал и против того, чтобы люди продолжали использовать планету Валгалла-Таорэра (тут он отвесил полупоклон с сторону Сильвии, как бы признавая её права на названную территорию). Однако его не послушались. Вначале вмешались в дела дуттуров, до которых им не было никакого дела, а потом, буквально ни с того ни с сего, принялись наводить свои порядки и внедрять неподходящие принципы в *истинной реальности* (понимая под ней ту же ГИП).

— Простите, кто начал вмешиваться? — спросила Сильвия тоном отличницы, не совсем понявшей преподавателя на семинаре. — Кажется, так называемых *дуттуров* никто не трогал, пока они сами не появились и на Земле, и на Таорэре. Получили отпор, не спорю, но не более чем соразмерный. Не так?

— А зачем Новиков с Шульгиным, меня не по-

слушав, пошли в пещеры дагонов? Зачем, захватив корабль, полетели на «Землю-два»?

— Зачем ты, Арчибальд, захватил наш самолёт и притащил нас сюда? — в той же логике ответил ему Басманов. — Разве это подпадает под положения Га-агских конвенций тысяча восемьсот девяносто девятого и тысяча девятьсот седьмого годов? Все здесь присутствующие относятся к категории *некомбатантов*¹, в пределах, только что тобою обозначенных. И, следовательно, на территории третьих стран не подлежат даже интернированию. Поясни, пожалуйста.

Полковник давно понял, что в Замке и с Замком лучше всего разговаривать не эмоционально, а *формализованно*. Так он быстрее запутается в собственных построениях.

Наверняка Арчибальд прокрутил в памяти все пункты и положения названных конвенций, включая дополнения тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года, и ответил почти возмущённо:

— О каком интернировании может идти речь? Это было всего лишь спасение терпящих бедствие на море и в воздухе! — Он мгновенно привёл соответствующие статьи всех существующих в современном международном праве договоров и соглашений. — Без моего вмешательства ваш самолёт и все вы были бы уничтожены ровно через три минуты семнадцать секунд ударом молнии. Естественно-го в южных широтах природного явления. Я узнал, просчитал и успел немного раньше.

— Как трогательно, — сказал вертящий в паль-

¹ Некомбатанты — лица, не входящие в состав вооружённых сил воюющих сторон и не принадлежащие к каким-либо вообще формированиям, принимающим участие в боевых действиях (партизаны и т.п.).

цах тонкую ножку коньячной рюмки Удолин. — Мы вам несказанно благодарны. И что дальше?

— Дальше вы побудете моими гостями столько времени, сколько потребуется, чтобы нейтрализовать все связанные с вашими вмешательствами в «ткань времени» явлениями.

— Хотя бы совместимо это «время» с продолжительностью нашей физической жизни? — спросила Сильвия, вспомнив разговор Антона, Скуратова и Арчибальда в прошлое посещение.

— Вас это не должно слишком интересовать, — неожиданно резко, если не злобно, ответил Арчибальд.

— Конечно, конечно, — опять удивительно мягко ответил Константин Васильевич очень ему не свойственным образом.

«Наверняка уже придумал свою *контроверзу*, — подумала Сильвия. — И дай бог! Похоже, иначе, как магическими способностями этого вздорного старца (пятьдесят пять лет физического возраста, более двух тысяч, по его словам, реального), мы с Замком не справимся».

— Меня не интересует почти ничего, — продолжил Удолин. — Если мне довелось увидеть пресловутый «Большой взрыв», так тринадцать миллиардов лет туда, столько же сюда — непринципиально.

Арчибальд естественным образом обалдел. Лишённая воображения машина моментами склонна принимать любой сигнал, поступающий на её воспринимаящие внешнюю информацию модули, как истину. Иногда нуждающуюся в проверке, а иногда и нет.

Так и начали вертеться «шестерёнки» внутри немислимо сложной и настолько же никчёмной, если некому ею управлять, машины. Не умевший писать

Сократ и то наверняка презрительно бы поморщился. Простейшая (для «дураков») посылка — если объект «Удолин» существует превосходящее обычное для биологических существ время, то отсутствует принципиальное различие между тысячей и тринадцатью миллиардами лет. Если объект «Удолин» владеет десятью (условно говоря) способностями в ментальной и физической сфере, мне недоступными, нет оснований считать, что он не владеет ста или тысячью.

Вывод (в пределах «сократической» логики) — объект «Удолин» является интеллектуально доминирующим, поскольку я не в состоянии доказать его неправоту.

«Что и требовалось доказать», — в пределах той же логики подумал Константин Васильевич, уловив систему мышления Арчибальда. Он, опустив руку вдоль спинки кресла, показал только Сильвии особым образом сплетённые пальцы. Это был тайный знак посвящённых, употреблявшийся шумерскими жрецами, раскрытый Удолину Верховным из Верховных, после того как профессор извлёк из-под хитона (или шерстяной юбки? Чёрт знает, сколько веков и цивилизаций он посетил, попробуй упомни, где когда что носили!) титановую пол-литровую фляжку. И каким же почтением тот самый жрец проникся к профессору, хлебнув настоящего «Ара-рата» после мутного просяного пива!

Тайный знак сообщал, что ситуация под контролем, и никому в её разрешение вмешиваться не нужно. Сильвия шумерских обычаев не знала, но мистическое свойство знака было таково, что его понимал тот, кому он предназначался. Независимо от возраста, образования и национальности. Следующим жестом Константин Васильевич сообщил

остальным, что вступать в данную дискуссию им никоим образом не следует. Без них разберутся.

Дальше Константин Васильевич самым блестящим образом начал *раскрывать* Арчибальда.

Он заставил его рассказать всю предысторию, историю, а главное — методику его действий — то ли повелителя, то ли слуги *настоящего* Замка. Всю картину (несколько не совпадающую по *реальному* времени) организованной им вооружённой конфронтации между двумя чересчур близкими реальностями. Арчибальд, по своей «наивности», а точнее — интеллектуальной примитивности, считал, что поражение, нанесённое направляемыми им силами возрождающейся Империи Олега, лишит «друзей» как минимум уверенности в своих способностях. Они проиграют сражение за три реальности сразу. Да и как могут не проиграть? Он ввёл в действие и человеческие возможности, начиная от «Хантер-клуба», полтора-два десятилетия направлявшего ход мировой истории, и самые современные изобретения «психоволновой» и «хронофизической» человеческой техники, и свои собственные, позволявшие свободно манипулировать межвременными и межпространственными границами. Он открыл людям, которых считал «подходящими», тайну «бокового времени» (внушив эту идею Маштакову), но они воспользовались ею совсем не так, как он рассчитывал. А рассчитывал он на то, что Катранджи, увлечённый идеей получить в своё распоряжение полностью свободную от населения Землю, освободит от своего присутствия и присутствия своей организации целую реальность, чем значительно понизит геополитическую и хронофизическую связность всего Узла Сети.

Затем он направил в параллельную Россию жестоких и отлично вооружённых боевиков с ГИП, чтобы они убили Императора и захватили власть для последующей передачи назначенцу Арчибальда, но и тут ничего не получилось. Его всё время опережали, то на шаг, то на два.

В конце концов происходящее (особенно попытка некоторых из присутствующих устроить объединение двух абсолютно несовместимых России) привело Арчибальда в бешенство (свое собственное, с человеческим ничем общего не имеющее). Он решил поставить точку. Как Господь Бог — ликвидировать мешающее ему человечество в двух *лишних* реальностях путём чего-то похожего на Всемирный потоп. На ином, разумеется, технологическом уровне. Кого назначить на роль Ноя, он не успел определиться. Вмешалось что-то ещё!

— Ты хочешь сказать, что инцидент с «Гебеном» в Царьграде и следующая попытка нашего уничтожения «молнией» исходят не от тебя? — приподняла тонко очерченную бровь Сильвия.

— Именно это я вам и говорю! Я никогда не поднял бы руку на своих друзей, людей, бывших гостями Замка и столь многому меня научивших. Всё, что я себе позволил — лишь показать вам всем собственную способность управлять мировыми процессами, причём уже после того, как вы приняли моё предложение заняться более интересными и безопасными делами за пределами *расползающейся* ткани Бытия. То, что я решил совершить в первой и второй реальностях, никак не затрагивало ваших интересов и должно было спасти то, что ещё возможно спасти.

— Реинкарнация британского неокOLONиализма как способ спасения России, — насмешливо загнул длинный костлявый палец Удолин. — Оригинально.

Уничтожение всего, что дорого твоим «друзьям» как метод объяснить им степень твоего уважения. Если им нечего будет больше любить, придётся любить тебя. Прелестно. Но, увы, дражайший, настолько не ново, что просто скучно.

Он протянул вперед кулак с загнутыми четырьмя пальцами.

— Разрешаю тебе загнуть пятый, — очень жёстким, даже беспощадным голосом, каким, наверное, разговаривал Ашурбанипал со своими клеветами, сказал Константин Васильевич. — Что за неожиданный шаг, способный рассеять все наши сомнения, ты придумал? Впрочем, лучше оставь нас в покое до утра, мы все очень устали, и сам разберись, что же за неведомая сила вмешалась в твои гениально-безупречные планы? А главное — зачем? От кого ты нас спас, и что мы будем делать дальше? Надеюсь — вместе. Ибо глупо и бессмысленно продолжать спор о курице и яйце, когда неведомый враг выламывает двери твоего дома...

Удолин сказал всё, чтобы перегрузить оппонента «Белым шумом». Не так много труда это составило тому, кто опроверг *силлогистику* Аристотеля задолго до того, как тот её создал.

Неизвестно, сколько триллионов рефлекторных связей задействовал Замок, чтобы Арчибальд — его *эффектор* — сумел прекратить этот *симпозион* и распрощаться с гостями самым милейшим, в его понимании, и взаимоприятным (как ему казалось) образом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Знаешь, Михаил, — вдруг придержала за локоть Басманова Сильвия, когда они вышли из каминного зала, в котором перед ними вещал, изобра-

жая из себя нового «Властелина мира», Арчибальд, — мне нужно с тобой серьёзно поговорить.

— О чём? — сделал вид, что удивился, Басманов. — Как власть в отряде делить будем? Тебя это волнует? — Он вдруг впервые обратился к ней на «ты», а раньше положение и возраст будто бы мешали.

— Волнует, — тихо и спокойно ответила она, чтобы не услышали шедшие впереди Катранджи, Уваров и профессор, говорившие о своём. — Сейчас расходимся по своим комнатам, через полчаса выйди на лестничную площадку.

Тон у леди Си был такой, что спорить не хотелось, да и нужды не было. В любом случае — она для него «старшая сестра». А в «Братстве», как в нормальной биологической семье, случиться в личных отношениях может всякое, но младший брат старшим всё равно не станет. Это вам не армия, где иногда лейтенант (в понятиях Басманова — поручик) обгоняет полковника.

А вдобавок Сильвия очень легко, одновременно нежно и уверенно коснулась пальцами его ладони.

Басманов переоделся в так и не ставшие ему по настоящему привычными джинсы и майку с короткими рукавами, открывающими руки, в недружественные объятия которых мало кому хотелось бы попасть. Полковник с первого дня в отряде рейнджеров на «Валгалле» понял, что теперь спортом заниматься надо без дураков (иначе просто не выдержишь сержантской муштры), в назначенное время вышел из комнаты. Свой любимый с германской войны «парабеллум» на всякий случай сунул сзади под ремень. Не помешает, пусть просто как атрибут офицерского достоинства. Сильвия появилась через минуту. Точная женщина. Она была одета легкомысленно. Возможно, чтобы дезориентировать того (или тех),

кто за ними вздумает наблюдать. Очень открытый сарафанчик, в вырезе которого вольно покачивалась неестественная галантерейным изделием грудь. Басманов, несмотря на совсем другой настрой, слегка удивился. Сколько он знал леди Спенсер, она всегда одевалась достаточно строго, и эта часть её тела специального внимания не привлекала, ему как-то не приходило в голову задумываться, что именно скрывается у неё под жакетом или платьем. Полковник вообще всякой ерундой интересовался не слишком, имел слабое представление о «размерах», не мог в отличие от приятелей навскидку отличить третий размер от четвёртого. Зато славился на фронтах умением попадать в наблюдаемую цель вторым снарядом, обходясь без классической «вилки»¹. На его взгляд, достаточная компенсация. Дуррак, кто, засмотревшись на женские сиськи, иногда крайне эффектные, пропускает нечто более важное. Михаил заметил, что не только груди «мадам» освободила (может, им, женщинам, снять свою «сбрую» так же моментами хочется, как солдату — размотать портянки), но и бёдра у неё выглядят шире обычных. Значит, там пистолетные кобуры, пусть и изготовленные по форме тела. Два пистолета, не меньше, чем «девяносто вторые» «беретты». Или нечто примерно того же размера.

Басманов был человек, умеющий мыслить в любой обстановке и не поддающийся слишком броским очевидностям. В боковом кармане юбки Силь-

¹ «В и л к а» — способ артиллерийской стрельбы, при котором накрытие цели достигается последовательным делением показаний угломера пополам, между исходными «наблюдаемыми знаками разрывов». Есть такое грустное стихотворение: «Недолёт, перелёт, недолёт. По своим артиллерия бьёт».

вии почти в открытую лежит портсигар. Курящей женщине вполне уместно держать его именно там, раз больше нигде. Любой *понимающий* человек (если Арчибальда можно отнести к таковым) сразу сообразил бы, что владеющей блок-универсалом почти раздетой даме совсем ни к чему таскать под юбкой два килограмма стреляющего железа. Значит, она уверена, что Арчибальд и Замок в целом не подозревают о функциях её золотой игрушки? Если так — это великолепно! Тогда две «пушки» у бёдер — отвлекающий маневр, очевидное доказательство и её «боеготовности», и безвредности для того, кто обладает *высшими*, на его взгляд, возможностями. Пусть веселится, воображая, что люди всё так же примитивны, раз даже в недрах Замка полагаются на свои примитивные пистолеты, считая их некими амулетами, способными от чего-то спасти.

Она посмотрела на него яркими, до невозможно-сти откровенными и, как показалось наивному полковнику, «старому солдату, не знавшему слов любви», очень добрыми глазами. Ну, действительно, старшая сестра, без всяких посторонних смыслов.

— Сейчас мы немного покатаемся, не спрашивай меня ни о чём, делай то, что я буду показывать только жестами, — шепнула Сильвия на ухо Михаилу во время поцелуя в щёку, так тихо, что и на расстоянии сантиметра он едва услышал. Басманову этого было достаточно. Несколько десятков раз, наверное, Шульгин под настроение заводил ему патефонную пластинку американского певца Дина Риды под названием «Война продолжается». Александру очень нравилась мелодия и слова, и родившемуся полувеком раньше Басманову она в памяти засела. Хорошая военная песня, в строю исполнять можно.

Для него война всегда продолжалась. Но сейчас — в более приятном варианте, чем зябкой, дождливо-снежной весной шестнадцатого года. Вот тогда штабс-капитан Басманов усвоил, что офицерская шинель впитывает в себя до ведра льющейся с неба воды, а самые лучшие сапоги промокают насквозь через два часа.

Сильвия для любого из нескромных наблюдателей, хоть из своего отряда, хоть включённых Арчибалдом, мастерски изображала женщину, охваченную страстью и ни о чём больше не думающую. Разве что решившую, для обострения чувств, предварительно показать любовнику прелести места, где они оказались. Неважно, чьей волей и по какой причине. Радуйся, мол, жизни, пока есть такая возможность, «на том свете не дадут...».

Они заглянули в самый знаменитый среди «братьев» вымышленный и воплощённый Шульгиным бар, с витражами обнажённых наездниц. Басманову «модели» понравились, но сама идея, будто такие красавицы способны получать хоть какое-то удовольствие от строевой посадки (даже для позирования, а не реальной скачки на галопе), в своих эфемерных туалетах или вовсе без них, вызвала у него добродушную, но уничтожающую критику.

— Александра Ивановича я понимаю. Не одну ночь в душещипательных беседах провели. Весь он в этих картинках сублимировался...

Сильвия сначала удивилась чересчур научному слову, не совсем подходящему стилю старинного строевика, потом вспомнила, что он артиллерист, а значит, познаний в химии не чужд.

— Со мной бы посоветовался, я в седле с двенадцати лет. Эту вот фею, — он указал на самый эффектный из витражей, — лучше б в дамское седло

★

посадить. И достовернее вышло бы, и куда соблазнительнее...

Сильвия прикинула и согласилась. Вот тебе и батарейный командир, ничего, кроме кадетского корпуса, училища и шести лет войны, не видевший. Она вспомнила этого же Басманова, только что «завербованного» в Константинополе. Нет, всё правильно — иным он и не мог быть, если из сотни тысяч беженцев Новиков с Шульгиным выбрали именно его. И ни разу не имели оснований усомниться в правильности выбора.

А сколько таких же, ничем не хуже, а может, и лучше поручиков, капитанов и подполковников легли в землю с августа четырнадцатого... Или умерли, спились в эмиграции, не встретив на бульваре чужого города своих Новиковых и Шульгиных...

«Грустно», — подумала Сильвия, неожиданно ощутив, что, может быть, именно в этот момент она полностью сменила самосознание, став уже стопроцентно русской женщиной. Раньше кое-что «спенсерское» в ней оставалось, невзирая на множество ситуаций, где ей приходилось держаться крайне русифицированно. Особенно — живя с Берестиным. Но вот сейчас...

Они пили в основном кофе, который здешняя автоматика готовила просто великолепно и на любой вкус, сопровождая его коньяками и ликёрами, разговаривали на темы, очень далёкие от «злобы дня». Не только Арчибальд при своей интеллектуальной тупости, но и вполне проницательный человек непременно поверил бы, что взрослая женщина применяет все свои чары и способности, чтобы соблазнить довольно инертного в сексуальном смысле офицера.

Басманов, как мог, ей подыгрывал. Труда не со-

ставляло — партнёрша была хороша сама по себе и в школе Станиславского могла быть лучшей ученицей, а уж ему стыдно вспомнить, как рассеян и неуклюж он был с дамами, последний раз перед февральским переворотом попал с фронта в «приличное» петроградское общество.

Потом вдруг Сильвия указала ему на дверь позади барной стойки. В лучших традициях детективов они вышли через неё в полутёмный кривой коридорчик, параллельный центральной, ярко освещённой и устланной ковровой дорожкой галерее. В тупике, ничем не примечательном, агтрианка дёрнула Михаила за рукав:

— Нам сюда!

Непонятно, что она сделала, но прямо перед ними вдруг раздвинулись не отличимые от каменной кладки стен двери, засветилась огнями кабина почти обычного лифта.

Несколько минут, как ему показалось, они летели в зеркальной кабине одновременно вверх, вниз, по горизонтали и в других направлениях. Объяснить это трудно, но вестибулярный аппарат реагировал именно так, пусть полковнику и не пришлось крутиться на космонавтских центрифугах и лопингах.

Михаил терпел, хотя несколько раз тошнота подкатывала к самому горлу. Утешало то, что он верил: Сильвия — специалистка высокого класса и за время пребывания в Замке научилась многому, недоступному ни Воронцову, ни Шульгину с Новиковым, пусть они и сумели проникнуть в закрытые для гуманоидов уровни Замка. Просто специализация и система подготовки у них были немного разные, и на одни и те же вещи они смотрели под разными углами.

Она ещё во время их первой (фактически ещё до

начала нашей эпопеи) официальной встречи с Антоном, как резидентов и «высоких договаривающихся сторон» в Норвегии, согласилась на пресловутый «Ставангерский пакт»¹. Если исходить из принципов хоть аттрианской, хоть форзейлианской политики — они в тот раз и стали предателями. Более того — обрушили всю систему тысячелетних, достаточно удачно сохранявших баланс интересов противостоящих сил на этой планете. С того дня, закрепившего их соглашение «о принципах отношений за пределами предписанных руководством конфронтаций» бессонной ночью в апартаментах отеля «Густав Ваза», всё и посыпалось. Нельзя, оказывается, даже из «лучших соображений» выдёргивать хоть один камешек из фундамента на песке построенного здания.

И потом, уже в Замке, она, деморализованная проигрышем каким-то крайне примитивным, пусть и дико агрессивным молодым парням, регулярно проводила время в постели Антона. Эти забавы её не унижали и ни к чему не обязывали. Зато позволили вытащить из его раскрывавшегося на пике страсти подсознания много полезных подробностей и фактов.

Отчего и использовали в своих операциях аттры исключительно женщин, оставляя «примитивным существам» роль исполнителей или, в крайнем случае, подконтрольных «старшим» координаторов. Как того же Лихарева или Георгия.

Наконец утомительный полёт закончился, дверь открылась, они вышли на узкую, окрашенную неприятной синей краской площадку «чёрной лестни-

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

цы» обычного петроградского дома. Только при «настоящей» жизни Басманова и эти лестницы содержались в порядке, а здесь словно стадо плохо воспитанных обезьян повеселилось. Деревянные накладки с перил сорваны, железные стойки погнуты, будто их пытались сломать или вырвать с корнем, да силы не хватило. Стены исписаны, где гвоздями глубиной на сантиметр, где краской — примитивными матерными словами. Ступеньки в грязи, перемешанной с окурками.

Бывало, видел он такое, попадая в освобождённые от «красных» города. Везде одно и то же, будто существа, некогда вынужденные выглядеть и называться «людьми», превратившись в «пролетариев», облегчённо возвращались к своей истинной сущности.

— Михаил, — сказала Сильвия, запирая за ними дверь на тяжёлый засов, — теперь можно говорить и держаться свободно. Я вижу, как ты натянут.

— Миледи, — ответил Басманов, вынимая из кармана папиросную коробку, — вот об этом — не надо. Тебе смысл подобных слов просто непонятен. Когда у тебя два снаряда остаётся, на боку шашка и «наган», а немцев вокруг полсотни — тогда «натянешься». А шляться с красивой женщиной по кабакам в сухих сапогах — штатским просто не понять, насколько это расслабляет, а не «напрягает».

— Хорошо, Михаил, я поняла, не обижайся...

Она наскоро объяснила ему сущность места, где они оказались. В той самой, придуманной Шульгиным, «советской коммуналке», куда сам Замок всеми своими силами не мог проникнуть и в то же время закрыть в него доступ «посвящённым». Сашка тогда подловил почти всемогущее «явление» (а как ещё назвать этот самый Замок, почти как Вселен-

ная, бесконечный и неопиcуемый) на древней, как мир, апории. «Может ли всемогущий Бог создать камень, который сам не сможет поднять?» Именно это и получилось.

Басманов в Замке побывал именно тогда, когда решался вопрос о южноафриканской экспедиции. Пробыл очень недолго. Сюда ему зайти не случилось. Он стоял, озираясь на грязные стены и заросший паутиной четырёхметровой высоты потолок, несколько газовых плит и кухонных столов, принадлежавших нескольким хозяевам живших здесь семей.

— Посмотри вон в том стенном шкафчике, — сказала Сильвия.

Он подошёл, открыл, увидел там будто век его дожидавшуюся бутылку «Московской» водки с красной сургучной головкой. Бывшая британская аристократка в это время открыла холодильник «ЗИС», специально для советских коммунальных кухонь придуманный, с замком на дверной ручке, но сейчас незапертый. Нашла там солидный кусок почти свежего сыра. А в остальном: «Зима, пустынная зима». Да им ничего больше и не требовалось, поужинали они достаточно плотно. Разве что горелку под чайником зажечь. Индийский чай «со слоником», для разговора, голландский сыр, ну и та самая «Московская».

С полчаса Басманов с Сильвией сидели и говорили совсем спокойно. Не хотелось им задевать ни одной темы, способной нарушить хрупкое равновесие отношений. Говорили просто так, старшая сестра с братом, о жизни прошлой и будущей, о каких-то интересных событиях, ну, само собой, о личной жизни.

— Я тебе, Миша, очень советую закончить свою

«вольную жизнь». Тридцать два тебе, правильно? — тихо и назидательно спросила агтрианка.

— Тридцать три скоро, — грустно ответил Басманов, будто этот возраст действительно имел для него какой-нибудь смысл.

— Вот и хватит. Марина на тебя обратила внимание?

Полковник будто бы слегка смутился. Не понять, чего вдруг?

— А ты на неё?

Басманов молча согласился.

— Чего же тебе ещё? У моих девушек присутствует нечто вроде импринтинга. От чего он зависит — я не знаю. Верещагина почти год прожила в человеческом мире, послужила в спецназе, мужчин видела достаточно. И — ничего! Тут вдруг увидела тебя — и что-то ощутила! Не узнать девчонки. Логически это необъяснимо: и «братья» Ляховы, и Уваров, и многие другие её ничем не привлекли. Мужчины с московских улиц — тем более. И тут увидела тебя! Наверное, Дайяна их так и программировала — если её девушки захотят влюбиться, так уж в самых лучших, наиболее им подходящих. Ты ей показался лучше всех, увиденных за год. Так уж ты постарайся, Миша, не обмануть её надежд. Если она тебе хоть немного нравится.

— Красивее девушки я не видел, — почти выдохнул Басманов.

— Отчего так? — спросила Сильвия, разливая по стаканам советскую водку. — Ты пятерых сразу увидел. Чем Людмила хуже, Маша, Кристина?

— Что ты хочешь, леди Си? Объяснить необъяснимое? Как будто ты из ста мужчин не выбирала одного...

— Тут совсем другая тема, — ответила Силь-

вия. — Обо мне говорить не будем. Но вчера ты эту девушку не видел и ничего подобного не думал. Потом перед тобой возникли сразу пять, среди которых даже я не взялась бы выбрать лучшую. А ты — выбрал. Почему? Она на тебя первая посмотрела «нужным» взглядом, или ты ощутил «родство душ»?

— Не терзай ты меня, я сам ничего не понимаю. Завтра мы с ней снова увидимся, тогда, может быть, что-то прояснится...

В третьей по счёту от кухни комнате, обставленной как настоящая спальня, с очень широкой кроватью и абсолютно свежим бельём (крахмалом пахло и морозной свежестью, будто вправду его на зимней улице сушили), Сильвия сказала:

— Завтра ты, Михаил, сделаешь всё, чтобы стать для девочки Марины лучшим и единственным.

— Завтра? — как-то очень безразлично спросил Басманов, глядя, как Сильвия, погасив верхние люстры и включив слабенький торшер в углу, стянула через голову сарафан, слегка растрепав причёску. Под ним у неё действительно были подвешены к широкому, усиленному кевларовой лентой кружевному поясу и ещё ремешками вокруг бёдер, на манер подвязок, пистолетные кобуры. Она их сняла вместе с поясом, бросила на прикроватную тумбочку. Теперь на леди Спенсер остались только трусики, абсолютно символические. Офицеру было даже и непонятно, для чего *такое* носить? Ни от чего не защищают, всё через них просвечивает и проступает. Давно, впрочем, известное.

Но груди у Сильвии и впрямь были хороши. Тугие, круглые, с розовыми, чуть больше вишнёвых косточек сосками. Не у каждой двадцатилетней такие увидишь. Гомеостат, однако, подумал Михаил,

даст бог, с ним и я в сто буду не хуже неё выглядеть. Мысль сама по себе дикая. Сказал бы кто-нибудь человеку, который своё двадцатипятилетие встречал на склоне дороги, ведущей от хутора Верхнебаканского к Новороссийску, что через какое-то время он будет всерьёз размышлять, в какой физической форме отметит вековой юбилей. Тут не знаешь, доживёшь ли до вечера...

Лил бесконечный трёхдневный дождь, снарядов оставалось два десятка на всю батарею. Басманов страшно удивился, когда вахмистр затряс его за плечо в тесной мазанке на окраине хутора и протянул кружку местного вина:

— Господин капитан, с днём рождения!

Басманов медленно сообразил, что так оно и есть. На душе стало ещё более погано.

— А ты откуда знаешь, Пилипенко?

— Так, господин капитан! Мы ж люди православные! Помирать будем, а день рождения и день ангела — святое ведь!

— Спасибо, Пилипенко, — с дрожью в голосе ответил Басманов, половину кружки отпил, вторую протянул вахмистру. — Чтоб я тебя так угостил в твой... Следующий.

— Ваши б слова да богу в уши, господин капитан. А сейчас как? Расстреляем все снаряды, бросим пушки и в Новороссийск через горы? Или станем насмерть? Я там позицию приметил, на повороте дороги. Не спеша да шрапнелью — сотни две выкосим...

И снаряды правильно расстреляли, ни одна карточка мимо не прошла, и почти всю батарею (а вдруг где-то снарядами удастся разжиться) Басманов с Пилипенко вывели к порту. В общей панике полсотни человек с оружием, до последнего верившие сво-

ему командиру, медленно, но упорно прошли через ревущую толпу, раздвинув её безразличным к буре чужих эмоций, оцетинившимся штыками строем. Морякам и дроздовцам, сцепившим руки перед трапом, капитан показал свой «парабеллум».

— Восемь выстрелов в вас, а дальше моя батарея — вон она, на том холмике, открывает шквальный огонь по палубе и мостикам. Согласны? Ненавижу тыловую сволочь! Нам так и так помирать, но и вам жить не получится...

— Проходите, господин капитан, — приказал разомкнуться заграждению поручик с исковерканным шрамом лицом, — я вас помню. Екатеринослав?

— Был и Екатеринослав, был Ставрополь, Армавир, Кавказская. Вас не помню, извините...

... Разоблачившаяся до предпоследнего предела агтрианка села на край постели, опершись на руки и вытянула ноги до середины коврика, чересчур, на взгляд полковника, вызывающе. Всякое он видел, но не стоит же — вот так.

— Зачем это, Сильвия? — спросил Басманов. — Ты же сказала — с Мариной...

— Затем, что я не уверена, что мы доживём до завтрашнего утра. И я хотела бы провести эту ночь с тобой. А с Верещагиной ты начнёшь с чистого листа...

— Зачем? — повторил Михаил. — И мне ничего не прибавит, тебе — тем более. — Он действительно с молодых лет не понимал, зачем девушкам и женщинам — *это*. Ну, женщинам — ладно. Так принято. А девушкам? Чего ради рисковать всем из-за полного пустяка? — Мало у тебя мужчин было?

— Наверняка больше ста, — быстро посчитала в уме Сильвия. С её мозгами могла бы назвать точнее,

но не захотела. — А у тебя женщин? — спросила она навстречу.

— Не знаю. Не считал. Были и были. Временами. А не любил и не хотел всерьёз ни одну. Ни лиц, ни имён не помню.

— Несчастный. — Сильвия встала, провела ладонью по его щеке. — Давай сегодня я стану для тебя первой, единственной, только, упаси бог, не последней...

— Крайней, — снова без всяких эмоций ответил Басманов.

— Да что же ты за человек такой? — Сильвия обняла его за плечи, прижалась грудью, начала горячо целовать в губы, расстегнула пряжку ремня. Пистолет тяжело упал на ковёр.

— Ты всех наших парней уже переимела? — спросил полковник, отстраняясь. Отошёл к окну и закурил бог знает какой уже раз.

— Тебя это так волнует? — Сильвия начала заводиться. — Так запомни, запиши — никого! С Берестиным как начала жить в двадцатом, так и живу. Никого! Они все до отвращения моногамны. А сейчас тебя хочу. Ты ведь до завтра совсем свободен. Завтра сумеешь полюбить Марину — ваше счастье. Свадебный подарок сделаю такой, что и вообразить не сможете. А сейчас, ну, почувствуй, Миша... Очень, очень плохое, непонятное нас ждёт. Что ты с «трёхлинейкой» можешь стрелять до конца — я верю и знаю. Так ведь пять патронов — и всё? Все наши блок-универсалы — аналог того же самого, если за нас возьмутся всерьёз...

Очень сейчас грустна и печальна была женщина, обладающая телом, способным привести в исступление и в изумление почти любого мужчину. Но вот

обычного капитана Гвардейской конной артиллерии — почему-то нет.

— Поверь, Миша, перед смертью очень меня на это тянет. Так если можешь и хочешь — помоги...

Она, стоя и пряча глаза, медленно стянула паутинно-кружевное нечто, просто обозначавшее границу того, что по правилам приличий следует прикрывать. Легла на кровать, заложив руки за голову.

— Иди ко мне, полковник, или к е... матери. На твой выбор. Чтобы тебе стало совсем понятно — по неизвестной причине мне достался интересный генетический или гормональный код. Мужского типа. Так же, как и вы, я, увидев понравившегося мне... партнёра, немедленно испытываю желание ему отдаться, или — им обладать, что вернее. Так же, как и вы, я умею скрывать и сдерживать своё желание, но до определённого предела, и совсем недолго. Ты понимаешь, о чём я?

Басманов щелчком с ногтя выбросил окурок далеко в форточку, но неизвестно куда. Возможно, на Никитский бульвар начала двадцатого века.

Ему потребовалось определённое усилие, чтобы отвлечься от того, что он знал о Сильвии. И её настоящий возраст, и инопланетную должность, и подчеркнуто вызывающее поведение «старшей сестры» на тех собраниях «Братства», где ему приходилось присутствовать. Если Ларису он считал просто стервой, но «своей» стервой, с которой возможны «простые дружеские отношения», то Сильвия была уж чересчур надменна. Даже великие княжны, дочери Николая Второго, вместе со своей державной мамашей не брезговали работать сёстрами милосердия в госпитале для рядовых солдат. Представить в этой роли леди Спенсер было невозможно.

Теперь она предложила себя почти безэмоцио-

нально. Сочтя нужным объясниться при этом. И Михаилу *это* неожиданно понравилось. Если бы она начала изображать неземную страсть или соблазнять подобием западноевропейского стриптиза, полковник наверняка бы выбрал второй из предложенных ею вариантов.

А так очень даже всё ясно и понятно. Они — два боевых товарища, старшие по команде в своём отряде. Война продолжается. Что случится завтра утром или через полчаса — никто не знает. И если одному из друзей захочется закурить — другой отсыплет табачку, если найдётся. Из заветной фляжки нальёт. Ну, «товарищу» захотелось другого. Пока и это в наших силах.

Басманов выключил последнюю лампочку, разделся и лёг рядом с женщиной. Она подвинулась ближе, натянула до плеч лёгкое одеяло. Из окна ощутимо задувало прохладным ветерком.

— Хочешь, поговорим о чём-нибудь совсем постороннем? — шепнула Сильвия.

Он молча качнул головой. О чём говорить?

— Ты очень-суровый мужчина. — Агтрианке говорить хотелось неудержимо, будто до этого она (как и Антон) провела несколько лет в одиночке. Она взяла его руку и положила себе на грудь. — Я думала, мой Алексей зажатый и молчаливый потому, что Ирину до сих пор любит, это я понять могу. А ты? Тридцать два года — сам сказал, что «ничем не озабочен», тебе вешается на шею одна из самых красивых женщин, которых ты в жизни видел...

Она специально это произнесла, ожидая реакции. Удивительно, что, даже заглянув за рубеж третьего века своей жизни, Сильвия не утратила влечения к комплиментам и более весомым знакам внимания. Наверное, правильна идея, Хайнлайном,

что ли, высказанная, что даже четырёхсотлетняя женщина, сохраняющая тридцатилетнее тело, поступает по воле тела и гормонов, а не разума.

Зачем вообще женщине разум — это отдельный вопрос, рассмотренный тем же Хайнлайном.

— Знаешь, Си, — спокойно сказал Басманов, хотя его ладонь уже соскользнула намного ниже груди, — налей-ка нам грамм по сто, или полтораста лучше, водки или коньяку...

— Сейчас, мой повелитель! — Сильвия отбросила одеяло, в темноте, видя, как кошка, нашла нужные бутылки, налила себе и полковнику, с двумя стаканами в руках присела на его край постели, подавала прямо в раскрытую ладонь.

— Выпьем, дорогой. Выпьем здесь и выпьем тут, на том свете не дадут... Так у вас и у меня теперь тоже, в нашей России, говорить принято?

Басманов, естественно, выпил, потом нашарил на тумбочке сигаретную пачку.

— Из моего портсигарчика закурить не хочешь? — плывущим русалочьим голосом спросила Сильвия. Глаза её, несмотря на полную темноту в комнате, отблёскивали сернистыми (по цвету, только по цвету) искрами.

— Был бы толк, — туманно ответил он, подразумевая в её словах очередной посторонний смысл. А его и не было, она всего лишь имела в виду, что сигареты у неё гораздо лучше, чем у Михаила.

Басманов не знал, какими способами и приёмами владеет Сильвия, но догадываться мог. Не бином Ньютона, как говорится. Но на этот раз Сильвия вела себя на удивление сдержанно. Ещё точнее — прилично. Почти как любящая жена, занимающая-

ся привычным делом без сумасшедшей страсти, но так, чтобы и ей, и мужу было хорошо.

Обнимала его, целовала, шептала неразборчивые слова, возможно, и не по-русски, прижималась всем телом, но без малейших намёков не только на агрессию, но и на инициативу.

Только подставляла ему для поцелуев то одну, то другую грудь. В нужный момент повернулась на спину.

— Спасибо. Молодец, — сказала она, успокоив дыхание, встала и подошла к окну, как недавно Басманов, даже в полумраке отсвечивая своим мраморным телом. Повернулась лицом, опершись руками о подоконник. — Теперь можно и о деле поговорить. А дело у нас не слишком весёлое. Одна есть у меня надежда... Пойдём...

Ничего на себя не накинув, во всей обнажённой прелести, повела Михаила в другие комнаты. Работала точно и правильно, как сыщик на обыске. Не прошло и пятнадцати минут, как она, перейдя из гостиной в кабинет, раскрыла боковую дверцу забитого книгами шкафа.

— Вот оно, кажется, — облегчённо выдохнула Сильвия.

Басманов знал, что в будущих временах такая штука, похожая на плоский чемоданчик для целевых пистолетов или транспортировки бриллиантов, называется «ноутбуком». Даже научился пользоваться в основном как энциклопедическим справочником или портативной пишущей машинкой. Да большего ему и не требовалось.

Этот, правда, выглядел не совсем обычно. Когда Сильвия откинула крышку, под ней оказались несколько десятков «лишних» клавиш, кнопок, светя-

щихся окошечек с совсем незнакомыми знаками и символами.

— Это я и искала, — сказала агтрианка, похожая сейчас на добрую ведьму из неизвестной сказки. — Когда Скуратов с Антоном отсюда убегали, академик не успел прихватить один из ноутбуков — времени и рук не хватило. А как раз на нём он фиксировал все свои разработки по психоматрице Замка, с точки зрения единственного, случайно оказавшегося в *нашем* мире, увенчанного Нобелевской премией специалиста по машинным логикам и этологии¹ негуманоидных цивилизаций. Я пока не знаю, что мы отсюда сможем почерпнуть полезного в нашем нынешнем положении, но Левашов мне говорил, как он сожалеет, что эта штука осталась здесь. Олег думал — навсегда. А мы вот с тобой её нашли.

Сильвия вновь обняла полковника за шею, легко коснулась губами его щеки. Сейчас они напоминали аллегорическую картину какого-нибудь гениального классициста XVIII века. «Пенелопа провожает Одиссея на Троянскую войну после получения повестки из афинского горвоенкомата». Только фиговые листики художник не успел изобразить.

— Пойдём слегка приоденемся, — сказал Басманов, — и ты всё объяснишь, чтобы я понял.

Офицер не мог чувствовать себя нормально хотя бы без бязевых подштанников. Если он, конечно, не в бане. Агтрианке было всё равно, но из уважения к его предрассудкам она нашла в ванной подходящие им по размеру махровые халаты.

¹ Этология — вообще наука о поведении любых живых существ. Скуратов значительно расширил её границы, добавив к инстинктивным и культурологические реакции.

Они устроились в спальне за журнальным столиком в очерченном лампой торшера круге света, и Сильвия, как могла, объяснила математически подкованному артиллеристу, в чём суть дела.

Левашов, безусловно, гениальный инженер-самоучка, вроде Эдисона, но слаб в теории. Особенно — в теории «несуществующего». Он, как затерявшийся в глубине времён предок, впервые сообразивший, что сочетание кремня и подходящей железки не только даёт человечеству неограниченные возможности добывания огня в любой обстановке, но через тысячи лет приведёт к созданию основанных на том же принципе пистолетов и ружей, никогда бы не сумел описать своё изобретение в патентной заявке. И так далее, и так далее, и так далее... Вплоть до СПВ и дубликатора, об истинных принципах функционирования которых Олег не догадывался, примерно так, как не представляли содержания многотомных книг по аэродинамике создатели первых самолётов. Да и строители средневековых соборов институтский курс сопромата не сдавали.

— А господин Скуратов, на наше счастье, оказался именно теоретиком. Высшего класса сам по себе, так ещё и проживший жизнь в мире, где люди захотели и научились летать к звёздам. Просто захотели, ты понимаешь, Миша?!

— Захотели, и что? — отстранился Басманов. — Мы вот захотели летать на самолётах — и тоже стали. На Луне, говорят, побывали, а чем звёзды отличаются? Немного дальше, всего лишь. «Вулюар се пувуар», как любит выражаться Андрей Дмитриевич. «Хотеть — значит мочь».

— Он прав, кто будет спорить, — согласилась Сильвия, откинувшись на спинку стула. — На той

планете, расе которой я раньше служила, и на множестве других с развитыми цивилизациями летать к звёздам через пространство, на космических кораблях, так и не научились. Разного рода межпространственные переходы — да, но не звездолёты. А это, знаешь, такая разница... — Лицо её вдруг стало мечтательным. — Как между путешествием из Европы в Южную Америку в запечатанном отсеке баллистической ракеты, или туда же — на парусной яхте. Но я не об этом, — она снова посерьёзнела. — У тех людей мозги как-то по-другому устроены, мотивации иные, сам способ мышления. Вот Скуратов и сумел вплотную подойти к решению вопроса, как снова превратить Замок в послушный механизм, без всякой «самоидентификации» и «свободы воли».

— И ты сумеешь в его формулах разобраться? — удивился Басманов. — Он сам не успел, а ты сделаешь?

— Постараюсь. Я, само собой, не математический гений, но память у меня абсолютная, да и блок-универсал поможет. Не мешай мне полчаса — вдруг да и получится... Основной алгоритм я представляю.

Полковник отправился бродить по квартире, изучая её содержимое. Вернулся в кабинет, походил вдоль книжных полок, почти машинально скользя по ним глазами. Среди множества золочёных корешков старых книг и переплетённых литературных журналов начала XX века вдруг обнаружил трёхтомник «История военного искусства» профессора Строкова, изданный в СССР в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Как книга здесь оказалась, гадать было бессмысленно, по рассказам Воронцова и Шульгина Михаил знал, что Замок с самого начала мог *подсунуть* гостю любой предмет, исходя из собственных соображений или руково-

дствуясь его тайными или явными желаниями. Но Басманов сейчас о военной истории точно не задумывался, так что книга, скорее всего, осталась здесь от кого-то из предыдущих посетителей.

Однако ему стало интересно, он пролистал оглавление третьего тома и раскрыл страницы с описанием Восточно-Прусской операции девятьсот сорока второго года. Захотелось вспомнить, а заодно и посмотреть, как знакомые события описал большевистский историк.

Тихо прошёл на кухню, сел за стол с недопитой бутылкой и пепельницей, закурил — и зачитался. Этот самый профессор, доктор военных наук и полковник А. А. Строков оказался вполне приличным человеком, демонстрировавшим знание предмета и полное сочувствие к старой российской армии.

Он оторвался от книги, только когда Сильвия его окликнула.

— Чем это ты так увлёкся? — Михаил поднял глаза. Пояс на халате она не завязала, скорее всего — без всякого умысла. Леди Спенсер, как древнеримская матрона, не считала нужным, за исключением общественных мест, скрывать свою наготу.

Басманов показал ей обложку книги:

— Молодость вспоминаю. И грустно, и светло...

— А я оказалась даже способнее, чем сама предполагала. — Она присела по другую сторону стола. — Мой успех стоит отметить. Займись...

Заниматься было особенно нечем, разве что сходив на кухню, заварить по чашке «Кофе молотого с цикорием» из круглой коричневой банки с обозначенной ценой — «87 коп.» и местом производства: «Чаеразвесочная фабрика, г. Рязань». Просто, без всяких буржуазных изысков.

Сильвия рассказала, как сумела разыскать около

десятка незаконченных, но достаточно полных блоков информации, в которых Скуратов с нескольких направлений подходил к проблеме функционирования подобных Арчибальду псевдомыслящих структур. Кое в чём эта проблема соприкасалась с давними разработками Виктора о возможности и необходимости внедрения элементов «свободы воли» в суперкомпьютеры, управляющие земными звездолётами. За что, в конце концов, тридцатилетний академик и получил свою Нобелевскую премию. Когда появились хроноквантовые двигатели, способные переносить корабли через сотни парсеков пространства, преобразуя его во время и наоборот, быстро выяснилось, что возможности человеческого мозга упёрлись в очередной «непреодолимый» барьер. Массив подлежащей переработке и осмыслению оперативной информации, необходимой для прокладки курсов и соотнесения пространственных и временных координат звездолётов, заведомо превосходил быстроедействие даже *крюгеритовых* вычислительных машин. Оставалась обычная для человечества альтернатива — отказаться от космических полётов неограниченного радиуса или придумать что-нибудь ранее небывалое!

В своё время с похожей проблемой столкнулись первые межконтинентальные мореплаватели. И даже на интеллектуальном уровне XVI века довольно быстро её решили, сообразив, что совместное использование точного (по тем временам) хронометра и секстана позволяет определять своё место с погрешностью до нескольких миль. Почти одновременно подоспел Меркатор с его картографической проекцией, и дело пошло.

Почти то же самое, но с поправкой на пять веков придумал Скуратов. Электронный мозг с разрабо-

танными Виктором программами и алгоритмами научился так же легко (можно сказать — подсознательно) ориентироваться в межзвёздном и даже межгалактическом пространстве, как обычный штурманский лейтенант в открытом море.

Сильвии помог блок-универсал, настроенный по совету Левашова на не совсем обычные для него режимы, и она привела к законченному виду несколько формул, получив нечто вроде тех кодов, которыми пользуются ленивые любители компьютерных «бегалок и стрелялок»: приходишь к финальной точке маршрута, не затрудняясь преодолением промежуточных этапов.

— Так почему же сам Скуратов с Антоном этим не воспользовались? Ведь еле-еле выбрались отсюда, самым рискованным и грубым образом? — удивился Михаил, для которого почти все «научные» слова леди Си оставались чем-то вроде нудной церковной службы, которую приходилось выстаивать в кадетские и юнкерские годы. Что-то батюшка бубнит, помахивая кадилом, вроде как правильное и полезное, но в итоге — отстоял, выскочил на свежий воздух и забыл.

— Так именно потому, что не успели, — терпеливо пояснила Сильвия. — К идее Скуратов подошёл, а сформулировать работающую формулу, может, часа не хватило... Бывает?

С этим полковник не мог не согласиться. Случалось, пяти минут не доставало, чтобы превратить поражение в победу.

— Зато мы с тобой сейчас можем этого монстра больше не опасаться. Мне бы до Шара добраться, тогда он у меня на задних лапах плясать будет, как медведь в цирке. А блоком я его только припугну как следует. И то дело...

До Шара, целых пяти шаров, принадлежавших девушкам, оставленных в сейфе их комнат на острове, в ближайшее время добраться было столь же проблематично, как до Луны пешком. Зато Сильвия могла ввести в действие шесть блок-универсалов, отсечь все связи Арчибальда с основной, «формообразующей» сутью Замка и, скорее всего, заставить выполнять прямые команды, как и любого робота низшего уровня. Это, конечно, пока только «эскизный проект» доступной им тактики, так ничего лучшего всё равно нет.

— Рад за тебя. За всех нас, — облегчённо выдохнув, сказал Басманов. Если леди ручается — в любом случае это вернее, чем полагаться на верный «ноль-восьмой Борхарт-Люгер». С ним тоже сколько-то поживёшь, но очень недолго.

— Теперь что — к себе возвращаемся?

— А до утра ты со мной задержаться не хочешь? — насмешливо спросила Сильвия, выпрямив спину, отчего груди вызывающе приподнялись.

— Если тебе хочется — пожалуйста. Я ведь в целях уяснения диспозиции спросил. Что там сейчас без нас происходит? Замок ведь ещё не знает о твоём открытии. Мы с тобой, как-никак, командиры. А это, знаешь ли, кое-какую ответственность налагает...

— Приятно сознавать, что ещё остались люди, для которых чувство долга выше собственных страстей. — Она произнесла это вроде бы искренне, но Басманов почувствовал, что Сильвия всё же сочла себя задетой. Женщины вообще непонятные существа, Михаил временами удивлялся — неужели они вправду принадлежат к одному биологическому виду? Взять хотя бы данный случай. Если бы он вдруг начал намекать замужней даме, что не прочь увлечь

её в постель, а она тактично отказала — где тут повод для обиды? В противоположной ситуации вполне можно нажать себе в лице нарвавшейся на отказ особы смертельного врага.

— Тогда я сейчас оденусь, и пойдём...

«Нет, кажется, сильно она не расстроилась», — с облегчением подумал полковник.

Удолин, уединившись в своих комнатах, попытался через мало кому известные уровни астрала связаться со своими коллегами-магами. Он представлял, как они сейчас обеспокоены его внезапным исчезновением и наверняка тоже стараются уловить его ментальные следы.

Увы, поставленный Замком или кем-то более могущественным блок оказался непреодолим. Как научная проблема это было даже интересно, стоило бы сосредоточиться и поискать *обходные пути*, но профессор здраво оценил положение. Не стоит раньше времени раскрывать карты, возможно, у противника против твоего каре чистый флеш-рояль. И вместо астрала со всеми его производными залетишь в такую задницу, что до исхода века не выберешься.

Ему пришла в голову другая мысль. Очень возможно, что Арчибальд сегодня ночью предпримет некие действия. Зачем ему тянуть? Всё, что он хотел сказать — сказано, его «друзья и партнёры» сейчас находятся в самом подходящем психологическом состоянии. Одновременно и деморализованы, и несколько успокоены, примерно как человек, уставший ждать ареста и наконец арестованный. Завтра они опять соберутся с силами и будут готовы противостоять новым обстоятельствам, и любой опытный инквизитор это великолепно понимает. Константин

Васильевич имел в этих делах обширный опыт и с той, и с другой стороны.

Второй вопрос — кого Замок считает в их команде «слабым звеном» или, иначе, кто ему представляется самым перспективным объектом воздействия?

За себя Удолин не опасался, если Арчибальд и решит заняться им, то в самую последнюю очередь. То же относится и к Сильвии. Офицеров и девушек вообще можно вынести за скобки, они для Замка — почти что роботы, обслуживающий персонал. Значит — Катранджи! Насколько маг чувствовал расклад, Замок именно его воспринял как ключевую фигуру новой партии. Так оно, в общем, и есть. Военный, политический и финансовый лидер большей части «третьего мира»¹ второй реальности. Вождь «Чёрного интернационала», способного сыграть решающую роль в затеянной Арчибальдом игре, в зависимости от того, на чью сторону он встанет. Вокруг турка закручивается нешуточная интрига, его зачем-то доставили из двадцать первого века одной реальности в самое начало двадцатого другой. Под мощной охраной. Шутка ли — команда магов-некромантов, сильнейшая на Земле аггрианка и пятеро её помощниц.

При этом Арчибальд не может не воспринимать аггрианок как «исторических врагов», весь смысл деятельности Антона (так или иначе, но хозяина,

¹ Терминология империалистической пропаганды времён «холодной войны». «Первый мир» — «свободные» страны Запада, «второй» — СССР и его «сателлиты», «третий» — т.н. развивающиеся страны, бывшие колонии и полуколонии «первого мира». В данном случае под «третьим миром» следует понимать все территории и государства, не входящие в ТАОС.

бывшего или по-прежнему настоящего) заключался именно в противостоянии этой расе.

Следовательно, предположил Удолин, в ближайшие часы, если не минуты, должна начаться психическая (пока — только психическая) атака именно против Ибрагима. Для того чтобы начать с ним деловой, «человеческий» разговор, Арчибальд обязательно постарается его предварительно деморализовать. Ну так и мы не лыком шиты, ядовито усмеялся профессор.

Без «стратегических резервов» он своего существования не мыслил, поэтому сунул в боковой карман пиджака одну из прихваченных в любимом баре бутылок и решительным шагом пересёк коридор.

Катранджи отозвался на стук в дверь не сразу. Душ он, видите ли, принимал. Отпер, в банном халате, с мокрыми волосами, держа в руках полотенце. Хорошо хоть без пистолета. Поверил, значит, в свою относительную, как всё в этом мире, безопасность.

— Что-то случилось, Константин? — спросил с лёгким удивлением. Всё ведь, кажется, было уже обговорено. По крайней мере то, что не терпело отлагательств. А об остальном можно и утром.

— Да не спится мне, Ваня. — Удолин особым образом подмигнул и похлопал по карману. — Может, пустишь?

— Заходи, — сделал широкий жест Ибрагим, он же Иван Романович. Сколько подобных внезапных посещений желающих «продолжения банкета» друзей он помнил с петроградских студенческих дней. И в полночь, и далеко за полночь. Но здесь ведь не Петроград двадцатилетней давности, здесь совсем другое!

Кофеварка в апартаментах Катранджи имелась,

и они усидели больше половины бутылки коньяка, неистово куря сигары и горячо споря на совершенно бессмысленные, с точки зрения Арчибальда (наверняка их сейчас слушающего и наблюдающего), темы. При чём здесь, к примеру, Кючук-Кайнарджийский, Ункиар-Искелесийский и другие дипломатические договоры никчёмного, а иногда и нездешнего прошлого? И совершенно незамеченной, на фоне рассуждений о Наваринском, Чесменском, Синопском сражениях и бое у мыса Сарыч, вдруг проскочила фраза Удолина о том, близко ли знаком Иван Романович с тантрическими¹ практиками.

Купец Катранов со своим философским образом кое-что об этом слышал, но абсолютно мельком, его куда больше интересовала теория «прибавочной стоимости» и кое-какие идеи из «исторического материализма», благодаря которым он и процвёл.

Удолин, зондируя и сканируя окружающее ментальное пространство, уловил, что их перестали *слушать*. Бог знает почему. Вдруг супермозг отвлёкся на прозрачные мысли девчонок, его тоже весьма интересовавшие. Или на brutальные настроения семи лётчиков, принявших на грудь положенную дозу и сейчас яростно спорящих, как жить дальше.

Одним словом, момент сказать то, что нужно, появился.

¹ **Тантризм** — философское течение в индуизме и частично буддизме, ставящее в основу представление о главенствующем в мире сексуальном начале (женском или мужском, по обстановке). Интересно, что в «Туманности Андромеды» и «Лезвии бритвы» И.А. Ефремов очень увлекался этой идеей. В первой из его завоевавших всемирную популярность книг земной звездолёт называется именно «Тантра». Наверняка эта повесть проскочила цензуру по причине общей некультурности стражей идеологии.

— Ничего не бойся. Они там хитрые, а мы хитрее, — демонстративно дрожащей рукой профессор расплескал по рюмкам никому уже не нужный коньяк. Требуемое состояние было достигнуто. — Сейчас я наложу на тебя охранное заклятие...

— Какое? — слегка испугался Ибрагим.

«Они, эти мусульмане, на десять веков опоздавшие со своим Магометом, — слегка пренебрежительно подумал Удолин, — до сих пор опасаются ифритов, джиннов и прочей нечистой силы домусульманских времён.

— Хорошее, — улыбнулся некромант. — Никакая сволочь его не пробьёт. Заклинание именно что чисто *тантрическое*. Любая, направленная против тебя и близких к тебе людей *чёрная сила* автоматически превратится в *светлую*. *Шакти*¹, если тебе это слово что-то говорит.

— Что-то помню, — небрежно ответил Катранджи. На самом деле он знал этот термин очень хорошо. Да что далеко ходить? В некотором смысле его «валькирии»-телохранительницы тоже воплощение шакти, дважды спасшие его от агрессии «тёмных» (по отношению к нему) сил, да вдобавок одним своим обликом способные пробуждать лучшие свойства его натуры. Он был склонен к самоанализу и понимал, что прежний вождь «Чёрного интернационала» и нынешний «купец Катранов» — во многом разные, моментами даже противоположные люди. И это не продиктованная прагматизмом смена модели поведения, а внутренняя трансформация. Совсем по Достоевскому.

— Давай-ка мы с тобой разойдёмся по домам,

¹ Шакти — в тантризме олицетворение женского, положительного и организующего сексуального начала. См. например, Ефремов И. «Час быка», «Лезвие бритвы».

Костя, — предложил Ибрагим/Иван. — Устал я очень и спать хочу. Твой последний коньяк был совершенно лишним.

— Так я хотел как лучше...

Удолин пошатнулся, удержавшись за спинку кожаного кресла, и сквозь зубы произнёс нужную формулу, дополнив её пассами правой руки.

— Ну, перебрали чуть-чуть. Так знаешь, на Руси говорят: «Кто пьян да умён, два угодя в нём!»

— Знаю, знаю, — сказал Катранджи, едва ли не подталкивая в спину якобы «в лоскуты» пьяного профессора, проводил его в коридор и убедился, что тот нашёл дверь своей комнаты. После чего вернулся, налил ещё чашку не успевшего остыть кофе и стал прислушиваться к себе. Профессору он верил безгранично. Бывает такое — поверил сразу, и всё!

Так где же его заклинание? Как оно должно подействовать и когда?

Ибрагим лёг в постель, потрогал пальцами лежащий под подушкой пистолет. «Ничего глупее придумать не мог? — подумал он. — Оружие, ожидая ночного вторжения, нужно в другое место прятать». Стремительно проваливаясь в сон, Катранджи увидел, до чрезвычайности ярко, солнечный луг, покрытый одуванчиками и ромашками, и идущую по нему навстречу Кристину, в одной только развевающейся вокруг длинных загорелых ног шёлковой юбке. Босую, с открытым торсом. Она широко улыбалась и отводила рукой падающие на глаза распущенные волосы.

Удолин постоял посередине коридора, глядя в его бесконечную, сзади и спереди теряющуюся в полумраке длину. Прислушался. Катранджи его *по-сыл* принял. Теперь, что бы ни захотел с ним сделать

Замок, ему придётся столкнуться с непреодолимой, потому что непонятной ему, а оттого и неподвластной силой. Константин Васильевич хорошо помнил слова ещё *прежнего* Арчибальда о том, что ему хочется постоянно наблюдать, как люди занимаются любовью, и понять, в чём смысл этого развлечения, или — непреодолимой потребности.

«Теперь, *юноша*, — подумал профессор (он Замок в *этом* воплощении воспринимал именно как юношу, случайно подсмотревшего, чем иногда занимаются *взрослые люди*), — ты *зависнешь* капитально. Сам себе ловушку устроил».

Услышал за ближайшим поворотом голоса Сильвии и Басманова и поспешил скрыться в своих комнатах. Эти двое сейчас тоже сработают на его план. Перестарался Арчибальд в стремлении «очеловечиться». Ему просто не хватит *объёма внимания* — уж слишком сильная энергия *шакти* распространялась сейчас ещё и агтрианкой. А они ведь с ней не стоваривались! Сама, выходит, до того же метода додумалась? А почему бы и нет, с её опытом и подготовкой? Используя исключительно женщин для работы на Земле, где вся культура, психология и практика заточены под мужское восприятие мира, её прежние хозяева проявили хорошее знание предмета. Мужчина почти бессилён в серьёзном поединке воли и характеров даже против обыкновенной умной женщины, а если она изучала специальные методики и неизвестные в данном социуме практики, шансы против неё могут быть только у специально подготовленного евнуха. Это, кстати, очень хорошо понимали древние правители и их советники вплоть до византийских базилиевсов. С наступлением в Европе «тёмных веков» немногочисленные церковники, как-то причастные к знаниям прошло-

го, пошли по самому простому в их положении пути — поголовному уничтожению так называемых ведьм.

А Арчибальду далеко даже до полуграмотных, незнакомых с философиями гораздо более древних и утончённых культур. В памяти Замка наверняка содержатся все необходимые знания, но обнаружить их так же сложно, как отыскать нужный текст в библиотеке, принцип классификации и порядок расстановки книг в которой неизвестен.

Константин Васильевич ощутил к Сильвии профессиональное уважение. Бить врага нужно там, где он наиболее слаб. Она это сообразила одновременно с Удолиным, если не раньше. Что ж, теперь посмотрим. Главное — его самого до утра уж точно никто не потревожит. А он за это время, пожалуй, сумеет подыскать соответствующие обстоятельства положения *Белого тезиса*, хотя бы в тех пределах, что ему доступны. Замок вполне можно рассматривать как некий *суперголем*, то есть псевдоразумную систему, не имеющую индивидуального самосознания, а только некую возникшую эволюционным образом, не отрефлектированную цель. Аналогично можно представить так называемый *награзум* пчелиного улья, муравейника или класса номенклатуры в тоталитарном государстве.

Именно здесь и пригодится Белый тезис, способный придать поведению голема видимость смысла для него самого. Проблема в том, чтобы «смысл» не противоречил «ощущению», проще говоря — воспринимался *субъектом* как очередной, прогрессивный этап текущего саморазвития, ни в коем случае не как угроза.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Кристина Волынская, несмотря на проведённые на Земле полтора года, до сих пор иногда ощущала себя всё той же «двести девяносто первой». Примерно как офицер, получивший чин, должность и даже орден, но только устным распоряжением. Окружающим всё равно, но тебе-то — нет!

Вернувшись в свои апартаменты, куда более роскошные, чем даже у Ларисы в её кисловодском дворце, они с девушками привычно поболтали в гостиной, старательно не касаясь смысла случившейся ситуации. Им, по большому счёту, и не полагалось о таком задумываться. Была Таорэра, где они превращались (да так и не превратились) из неизвестно чего в *нормальных* координаторов, была Земля с Кисловодском, потом пароход «Валгалла», служба в «печенеггах», Одесса, теперь вот это. Норма. Ни к чему другому их и не готовили. Каким образом и почему сегодня с ними случилось именно это, а не что-нибудь другое — вопрос не их компетенции. Кто-нибудь другой мог полететь на флигере с Лихаревым, и теперь не с ними, а с другими «номерами» происходили бы эти или совсем другие события.

С девчонками они говорили о всякой ерунде, хотя наверняка их ровесникам было бы интересно послушать. Такое иногда произносят молодые девушки в своём кругу...

Наконец, обсудив, в чём утром выходить к завтраку, в полевой форме или легкомысленных платьицах, коснувшись сравнительных достоинств каждого из лётчиков (уважая чувства некоторых присутствующих, о старших офицерах не упоминали), разошлись по комнатам. Слишком длинный и тяжёлый был сегодня день.

Кристина с облегчением заперлась в своей секции. Хотелось побыть одной. Что-то её беспокоило или томило. Минут десять она простояла под контрастным душем, переключая воду с почти кипятка до ледяной и обратно, внимательно наблюдая за своим отражением в сплошь зеркальной стене. Придумал ведь кто-то. Для неё или за неё?

Сама себе Кристина нравилась больше, чем любая из подруг, хотя у всех практически одинаковые фигуры и «вторичные половые признаки». Считала, что «шарма» у неё больше, но вслух, конечно, никогда бы этого не сказала. Кому нужно — сам догадается.

Вытерлась большим белым полотенцем, не переставая смотреть себе в глаза. Явно девушку по ту сторону покрытого водяными брызгами стекла что-то беспокоило в предстоящем дне. Или прямо сейчас. Вроде бы не она «мать-командирша», Анастасия в данном случае, исполняющая должность взводной, наверняка нежащаяся в объятиях Уварова (пусть Кристина к подполковнику не испытывала совершенно никакого влечения, но факт, что Вельяминова с ним «спит», её несколько раздражал. В основном тем, что волей-неволей она себе это *представляла*).

Да и повыше есть люди, которым положено «обстановкой владеть» и принимать решения, наилучшим образом ей соответствующие. Полковник Басманов да и Сильвия тоже! Величина, почти недостижимая (непостижимая?), не зря же её так своевременно на помощь вызвали.

Кристина вернулась в спальню (если бы у неё с будущим мужем такая была!), откинула покрывало, легла. Из тумбочки достала спрятанную от подруг фляжку. Как хорошо! Два глотка, длинная тонкая

сигарета, одного не хватает — чтобы раскрылась дверь и вошёл «он»!

Да кто же — «он»? В том и прелесть, что пока неизвестно.

Кто и когда из девчонок, даже таких, как она, никогда не знавших родных отца и матери, не любил тайн и сказок? И если в «учебном центре» им на ночь не читали книжек, а «доводили» очередной приказ или *вгоняли* нужную информацию, то всё равно... Девочки думали «о своём», именно потому, что «своего» у них и не было. И сказки себе сами придумывали.

Вся беда структур, подобных «агтрианской школе», в том и заключается, что полноценный специалист должен обладать массой *достоверной* информации о мире, где ему предстоит работать. А эта информация зачастую вступает в противоречие с *базовыми установками*. Не зря в сталинское время в любой анкете имелся пункт: «Был ли за границей, в плену, на оккупированной территории?» И не зря, между прочим. Сразу видно потенциального антисоветчика. Власть понимала — только особо упёртый догматик, побывав в парижках и нью-йорках, продолжит верить в марксистско-ленинские тезисы об «обнищании рабочего класса при капитализме», «неуклонном росте благосостояния советского народа» и стране, где «так вольно дышит человек».

То же самое и с «валькириями» случилось. Раз их заведомо не сделали бесполоыми и безэмоциональными, при встрече с нормальной жизнью свойственная каждой девушке тяга к романтике и любви чрезвычайно легко возобладала над идеологическими установками. Кристине и подругам повезло — их Лихарев и Сильвия официально освободили от «верности агтрианской миссии», подразумевавшей,

что агенты-координаторы никогда, ни при каких обстоятельствах не способны изменить своему долгу, как не могла овчарка начать сотрудничать с волками. Какие-либо «личные привязанности», не имеющие отношения к выполнению задания, исключались по определению.

Но стоило «отключить предохранители», и сразу фантазия вместе с гормональной системой заработала в полную силу.

Пусть и объект симпатии ещё не встретился, а воображение почти постоянно рисовало всевозможные варианты.

Подобное и раньше случалось, с Ириной, да и раньше наверняка тоже. И сама Сильвия казалась «бракованным» экземпляром. Совершенно точно известно. Возможно, права Наталья Воронцова, сказавшая как-то девушкам во время вечерних бесед на палубе: Земля как планета и окружающая её ноосфера обладают неожиданным для инопланетян свойством, действующим как радиация. Незаметно, но неумолимо она разрушает глубинные структуры «навязанной» личности, а когда это становится заметно, лечиться уже поздно.

Ирине на то, чтобы полностью подавить в себе всё агтрианское, потребовалось чуть меньше десяти лет. А «великолепной семёрке», как она назвала «валькирий» по ассоциации с недавно просмотренным и безоговорочно всем понравившимся фильмом, достаточно было всего лишь месяца. Конечно, у них особый случай, но тенденция абсолютно ясна. Ещё немного, и вся «школа Дайяны», и она сама тоже перейдут на сторону землян. Не обязательно полным составом вступят в «Братство», но тем не менее...

Кристина уже собиралась погасить свет, чтобы, засыпая, вообразить что-нибудь волнующее, но, потянувшись к выключателю, вдруг почему-то взяла с тумбочки свой блок-универсал, могущественный инструмент и знак её принадлежности к «высшим». Да, конечно, она теперь настоящая землянка, более того — принесший присягу офицер Императорской Гвардии, но всё равно «высшая» по отношению к скольким-то там миллиардам остального человечества. Пусть и не в «аттрианском» смысле.

Сначала просто решила выкурить ещё одну сигарету, для настроения, а потом начала рассматривать клавиатуру управления. Как любознательный подросток XXI века, получивший наконец долгожданный подарок — сотовый телефон новейшей модели, она при каждом удобном случае старалась возиться с ним, выискивая новые, ещё не освоенные функции. Сильвия, проводя инструктаж и демонстрируя возможности «волшебного портсигара», добилась того, что «валькирии» владели им на весьма высоком уровне. Как ковбой своим «кольтом», что Анастасия и продемонстрировала вчера, удивив саму наставницу.

И всё же девушки понимали — знают они ещё далеко не всё. Кнопок и сенсоров в блок-универсале много, и наверняка ведь имеется сколько-то операций, включаемых определёнными их сочетаниями, доступными посвящённым высших уровней. Как у китайцев с иероглифами, — выпускник, допустим, средней школы, знающий их две тысячи, может читать только *положенные ему книги*, а те, что изучают аспиранты, доценты и профессора, требуют знания десяти тысяч, то есть недоступны так же, как китайский букварь эскимосу. На эту тему как-то пошутил Воронцов, спросив у «валькирий»: «Что на свете

сложнее «китайской грамоты?» И сам же ответил, отвергнув предположения насчёт квантовой теории и тому подобного: «Обычная китайская азбука Морзе».

Говорят — «чёрт дёрнул», так не иначе как пресловутый «чёрт» заставил Кристину одновременно нажать левую верхнюю и левую нижнюю кнопки на панели. Вроде как на телефоне «снять блокировку».

Вначале ничего не произошло, и она собралась — ну, совершенно непонятно зачем, знала ведь про опасность подобных упражнений — ткнуть пальцем ещё одну, между ними.

Тут её и накрыло тяжёлой оглушающей волной, будто при попытке выбраться в шторм на берег. Волна мгновенно схлынула, оставив звон в ушах и странную вибрацию в груди и животе. Которые, впрочем, сразу и исчезли. Кристина вдобавок ощутила в теле приподнятость и лёгкость, словно сила земного тяготения внезапно уменьшилась. И тут же, не успев разобраться в физических ощущениях, увидела в нескольких шагах впереди своё «охраняемое лицо» — Ибрагима.

Он удалялся от неё по узкой аллее старинного кладбища. Что это было кладбище, она поняла сразу, причём не европейское. Вообще непонятно какое. Незнакомой архитектуры склепы, украшенные богатой, чрезмерно богатой каменной резьбой, побуревшие и выветренные временем. Покосившиеся под разными углами стелы, испещрённые причудливыми значками, то ли руническими письменами, то ли своеобразным орнаментом. Кое-где угадывались ивритские буквы, и как бы не древнеперсидские. Сквозь трещины в плитах густо пробивались неприятного вида растения. Различались только ближайшие сооружения, остальные терялись в бес-

порядочно разросшихся тёмно-зелёных хвойных кустарниках и деревьях.

Насколько Кристине позволяло образование, она догадалась, что такого места на Земле просто не может быть. Если это не декорация к псевдоисторическому фильму. Или — если оно на какой-то другой Земле.

Ещё она заметила, что сама одета совсем не так, как секунду назад. В одну только шёлковую, алую в синих спиралях юбку-солнце, и ничего больше. Такой юбки в гардеробе девушки не имелось. Совсем не её стиль. И на Катранджи наряд был непривычный — белые шаровары и белый замшевый жилет, расшитый золотыми узорами. А за красным поясом — длинный кривой кинжал. Словно у янычара XV века.

Ибрагим не оборачивался, не чувствовал за спиной её близкого присутствия. Кристину происходящее нисколько не удивило. Частью сознания она предположила, что это просто сон. Остальной понимала — самая настоящая явь, такая, как все события чересчур затянувшегося дня. И какую-то роль на верняка сыграли её опрометчивые упражнения с блоком. Кто знает — вдруг такое сочетание команд выводит в неизвестную псевдореальность или материализует собственные (а то и чужие) воображаемые миры.

Но возраст есть возраст — романтическая составляющая начавшегося приключения перевешивала здравомыслие. Правильнее всего было бы ещё раз нажать те же кнопки, обычно это позволяло отменить предыдущую команду, портсигар по-прежнему был зажат у неё в руке. Но она решила продолжать наблюдение и сунула блок-универсал в карман.

Навыки разведчика-рейнджера действовали ав-

томатически, Кристина сделала бесшумный шаг в сторону и укрылась за кустом самшита. Травинка не зашуршала, ветка не хрустнула.

Ибрагим (девушке показалось, что он здесь лет на десять моложе, чем совсем недавно) подошёл к самому древнему и большому из теснившихся вокруг склепу с тёмными, покрытыми пятнами лишайников и грязно-зелёной патиной двустворчатыми дверями. Извлёк из-за пояса приличных размеров ключ, с усилием повернул в скважине и шагнул через высокий порог, предварительно обернувшись. Настороженным, сосредоточенно-мрачным взглядом окинул окрестности. Почти упёрся глазами в её глаза — и безразлично скользнул дальше.

«Неужели он меня не заметил? Ко всему прочему добавилась и функция «невидимости», — подумала Кристина. — Или вообще случилось разделение души и тела? Одно так и осталось в комнате, а вторая призраком следит за подопечным?» Тогда почему она видит саму себя, и блок-универсал по-прежнему вполне материальный и ощутимо тяжёлый?

О подобном она не слышала, да и если б такое было возможно, большинство из известных ей событий в истории «Братства» потекли бы совсем иначе. Неужели же ей открылось какое-то новое знание, недоступное даже её учителям, Сильвии прежде всего? Почему так, зачем?

Она была приучена всегда всесторонне оценивать окружающую обстановку, вникать в суть происходящего и только потом действовать. Но сейчас не только в теле, но и в мыслях девушки присутствовала эйфорическая лёгкость, подсказывающая, что на самом деле от неё ничего не зависит, и достаточ-

но отдаться на волю обстоятельств. Всё идёт как нужно, ничуть независимо от её воли.

Тем более — рассуждать и размышлять было некогда, время утекало неумолимо и стремительно, как кровь из перебитой артерии. Выждав минуту или две, она вслед за Катранджи скользнула в склеп. Самой обычной невидимости ей пока достаточно, только нужно на всякий случай смотреть под ноги, чтобы чем-то не загреметь и не выдать себя. Пытаться проходить сквозь стены она не рискнула.

С Ибрагимом их разделяла половина лестничного марша. Слабый свет попадал сюда через несколько щелей под потолком, но его было достаточно и ей, и Ибрагиму. Турок выбрал на связке ещё один ключ, прямой и длинный, ткнул им, казалось, просто в стену, но там оказалась потайная скважина. Щелчок — и открылась дверь, ничем не выделяющаяся на фоне древней кладки.

Прежде чем она снова затворилась, Кристина как на пуантах проскользнула за спиной Ибрагима и в дальнем углу прижалась голой спиной к сырой и холодной кладке.

Они находились в обширном сводчатом помещении, посередине которого стоял мраморный многоугольный и многоярусный саркофаг, украшенный в стиле верхнего сооружения склепа. По стенам — полусгнившие, потерявшие цвет драпировки, ленты и вымпелы с едва различимыми узорами и письменами. «Валькирии» вдруг стало нехорошо. Угнетающая, такая же мрачная и давящая, как от случайного взгляда Катранджи, эманация исходила от этого *логова смерти*. Так она восприняла неизвестно чью усыпальницу, притянувшую Ибрагима, а за ним и её. Именно — *притянувшую*. Она сюда не собиралась, да и турок тоже, всего час назад выглядевший

совсем иначе. Как они вообще могли перенестись неизвестно куда из Замка? Судя по всему, изолировал их там Арчибальд надёжно. Или — это лишь проявление присущих странному сооружению свойств?

За саркофагом виднелся другой проём, на этот раз — без двери. Просто арка в полутораметровой стене.

И уже там — комната гораздо более ухоженная, если можно так выразиться. Почти пустая, но чистая, стены гладкие и светлые. Каменный стол у дальней стены, освещённый имитацией восточной масляной лампы. Именно имитацией — очень похоже, даже высокий язычок пламени подрагивает как бы от движения воздуха, а яркость вдесятеро больше нормальной, и главное — нет жирного запаха и копоти!

На столе — какой-то явно электронно-механический аппарат, большой и совсем не современного, вообще не слишком человеческого дизайна. Он отдалённо походил (да и то лишь потому, что человек подсознательно подбирает к неведомому хоть минимально близкую ассоциацию) на дореволюционные кассовые аппараты «Националь», только раз в десять больше. Весь был усеян рычажками и рычагами из белого и жёлтого металлов, а также разного диаметра отверстиями. Кристине мельком подумалось — такие штуки могли бы строить египетские жрецы, по мнению некоторых учёных, постигшие основы «кибернетики» примерно в эпоху Первого царства, лет за тысячу до начала возведения пирамид.

И какой же «чёрт» (тот, что заставил нажимать кнопки на блоке?) занёс их сюда? Волинская чувствовала, что не своей волей явился в это место Катранджи. А она, значит, что — продолжает исполнять возложенную на неё миссию?

Ибрагим подошёл к «устройству», что-то начал

включать торчащими из стены массивными коленчатыми рычагами, поворачивать бронзовые колёса по бокам «ящика». Машина явно отреагировала, защёлкала, загудела, что-то в ней провернулось, как шестерёнки в коробке передач автомобиля «ГАЗ-51». Кристина на таком ездила в школе, их ведь готовили к жизни в тех ещё, «сталинских» годах. И получалось неплохо, по сильно пересечённой местности доезжала из «пункта «А» в пункт «Б» не хуже, чем на легковушке с автоматической коробкой по гладкому асфальту.

Ей при включении «машины» стало просто не по себе, а Катранджи — совсем плохо. Особенно после того, как устройство загудело и залязгало во всю силу. Он прерывисто и шумно задышал, шея и не прикрытое жилетом тело покрылось видимыми на расстоянии каплями пота. Но он продолжал то ли всматриваться в происходящее, то ли прислушиваться к нему, пока не подогнулись колени и Ибрагим неаккуратно осел на пол, начал заваливаться на спину, из последних сил пытаясь удержать голову, не удариться с размаху затылком об камень. Перевалился на бок и, наконец, потерял сознание.

Кристина метнулась вперёд — начала действовать программа «защитницы». Кто бы он ни был, зачем бы сюда ни пришёл — если ей поручено, она его должна спасти, остальное потом.

Аппарат, прежде всего отключить аппарат! Разбираться было некогда и страшно. Один щелчок или поворот колеса не туда — случиться может такое, что и не вообразить! Она вскинула блок-универсал — один короткий импульс, и всё! Чем бы ни было странное устройство, оно превратилось в ком де-структурированной материи. Кристине послышалось, что в самой глубине стен что-то разочарованно квакнуло, хрюкнуло и даже простонало.

В ответ она разразилась не подлежащей воспроизведению тирадой, адресованной сразу всем, враждебным лично ей силам.

Вспомнила, как боевая подруга поручик Яланская (из настоящих, земных «печенегов») как-то долгим зимним вечером на учениях, в палатке, едва не срываёмой с креплений свирепой пургой, подняла вдруг неожиданную тему. Кажется, в ответ на слова одной из девушек, непристойно выразившейся по поводу погоды, не позволяющей «до ветру» выйти. Взводная командирша, дочь московского промышленника-миллионера и племянница правящего архиерея¹, неизвестно отчего выбравшая себе армейскую, с самого низа, стезю, вдруг посерьёзнела. Что бывало с ней достаточно редко.

— Я вам что, девушки, скажу...

Очень вдруг её тон всех насторожил, а то и напугал. «Валькирий», пожалуй, особенно. Словно бы именно к ним были обращены слова совсем взрослой, уже двадцатипятилетней женщины.

— Материться — вы все, дуры, научились. Кто в войсках, кто и раньше. Я не вмешивалась. Не гувернантка, не бонна и даже не ротный...

Тут все сдержанно захихикали. Ротный — отдельный разговор. Тот, не могущий быть обвинённым в отсутствии мужественности (при трёх настоящих офицерских орденах, полученных за боевые заслуги), вообще никогда не выражался. Что при равных чином офицерах, что при солдатах и тем более при дамах, невзирая на степень проступков.

Резким жестом она заставила десяток подпоручиц замолчать.

¹ Правящий архиерей — церковный сановник (от епископа и выше), занимающий должность главы епархии.

— Ротный как раз — понимающий человек. Дай бог, чтобы он нами ещё покомандовал. Вы, девки, никогда не слышали, как наш командир высказываться умеет, а мне один раз пришлось! Это нечто! Я вам и передать не могу.

Девушки наострили уши.

— Интересно бы послушать, — сказала тоже настоящая местная Полухина Валя.

— Не советую. Дядька мой, епископ Илиодор (князь церкви и генерал-майор, в пересчёте на воинские чины), давно мне говорил, что такие слова блудом являются, будучи употребляемы всуе, как и имя Господа! На самом деле это есть древние сакральные заклинания русского народа, коими ещё в дохристианские времена любую нечисть отогнать было возможно. И любого нормального человека в чувство привести, если он вдруг в уныние, тоску или сомнение впал. Уныние ведь и по христианству смертный грех! Убийство — нет, а уныние — да!

Вы только вдумайтесь... Куда при таком «посыле» любая нечисть денется? — И Яланская произнесла несколько «хорошо темперированных» фраз. Настолько изящно построенных и неожиданных, что девчонки просто обалдели. В буквальном смысле.

— Я ведь в первую очередь против тех — что мужиков, что баб, — кто «три слова» сызмальства заладил и так ими и орудует до седых волос. Слова и солёные быстро смысл теряют, а действовать ими на психику, особенно враждебную изначально, надо неожиданностью и новизной оборота. Тут зло и скожится, в изумление придя¹. Для этого следует в

¹ По-старорусски «прийти в изумление» в отличие от нынешней трактовки означало «потерять разум» в буквальном смысле.

себе эту способность развивать постоянной тренировкой, но вслух зря не произносить, а другим передавать только по крайней необходимости...

Поручик помолчала, наблюдая, как её слова усваиваются, удовлетворённо кивнула и добавила, закругляя тему:

— Вас научили, как финкой вражескому часовому глотку перехватить, чтоб и не хлопнуло? А в начальной школе этому же учить возьмётесь? Вот и я о том. Ладно, закрыли тему! Ещё от кого хоть слово «не по делу» в расположении услышу — не обижайтесь! Я вам не Полусаблин!

Вот и пригодился урок Кристине. И то, что Яланская говорила, она сейчас, неизвестно к кому адресуясь, детально повторила и от себя добавила. Со стороны (общечеловеческой или мистической), юная, до пояса обнажённая красавица, выдающая в пространство выражения, пристойные боцману с «Богатыря» (тысяча девятисотого года призыва), или комиссару «Парижской коммуны» (пусть и призванному в двенадцатом, но «настоящую службу заставшему»¹), выглядела гораздо убедительнее. Непривычности, а значит, и сакральности в ней было больше. Что какой-то царский боцман в сравнении с воплощением древнеславянской «волховицы», вдохновенно выдающей загибы-заклинания.

¹ См. Л. Соболев. Индивидуальный подход. Что интересно для нынешнего читателя, этот рассказ, живописующий традиции «крепких выражений» и в целом положительно отзывающийся о царском флоте, никогда с 1926 г. не встречал никаких цензурных препятствий к публикации. При этом за свои произведения подобной направленности однокурсник Соболева С. Колбасев был расстрелян (см. его книги, хотя бы сб. «Поворот все вдруг»).

От этого или нет, но Катранджи, выпав из зоны очередного ментального удара, начал подавать признаки жизни и возвращающегося сознания.

Кристине ничего не стоило, подхватив на руки его почти пятипудовое безвольное тело, выбежать наверх из этого жуткого места.

На всякий случай ногой затворила за собой входную дверь склепа, прошла ещё с десятков метров, пока не увидела освещённую солнцем полянку. Ни одного зловещего сооружения поблизости.

Опустила своего подопечного на мягкую светло-изумрудную, а не мрачно-тёмную траву.

Села рядом и только здесь впервые вздохнула. Оказывается, пока несла чуть ли не умирающего мужика, забыла дышать.

Ибрагим поворочался, что-то пробормотал на совсем незнакомом ей языке, сел и только потом открыл глаза. Абсолютно осмысленно и слегка удивлённо осмотрелся. Мотнул головой, сглотнул и спросил:

— Здесь есть кто-то? Я тебя чувствую... Не подходи, — и сжал рукой рукоятку кинжала.

Что ей теперь делать? Она по-прежнему невидима, но он её чувствует. Как быть? Постараться вернуться обратно или «проявиться» здесь? Волынская непонятным образом знала, что способна и на то, и на другое. Уйти «к себе» проще, а как с чувством долга? Она его оставит, а он — снова в склеп? Зачем — сейчас неважно. Девушка понимала — ничего хорошего там быть не может, только плохое и очень плохое, невзирая на то, что непонятная машина уже уничтожена.

Она сделала самое простое, что пришло в голову. Сказала: «Это я!» — и придвинулась к нему на полметра.

— Кристина? Как ты здесь оказалась? — Теперь

он её увидел, и его изумлению не было предела. И не только изумлению. Он пошатнулся и снова стал заваливаться на спину. Она успела подложить ладонь ему под затылок, а то он прилично стукнулся бы о торчащий из земли булыжник.

— Слабоват, однако. — Девушка не сдержала усмешки. Не говоря о «школе молодого бойца», «валькирия» держала перед внутренним взором всех русских офицеров, с кем ей приходилось *работать*. Хоть Уваров, хоть Полусаблин или Окладников — ни один, даже с пробитой пулей грудью или осколком в животе, не переложил бы на плечи девушки ответственность, пока сам мог хоть что-то. Хоть кольцо у последней гранаты выдернуть.

Вспомнив, чему когда-то учили, она хлётко, с двух сторон ударила *клиента* по щекам. Ибрагим снова очнулся и, похоже, резко пободрел.

— Кристина? — снова спросил он, но гораздо осмысленнее. И устоял на покачивающиеся перед самым носом груди. Кажется, именно они включили правильное восприятие действительности. И только потом он посмотрел ей в глаза. Тоже почти в упор.

Она не могла ни понять, ни объяснить, что случилось в следующие секунды. Буквально минуту назад этот мужчина, что в его турецком, что в российском обличье, был ей просто неинтересен. Пусть немислимо богат, пусть занимает какие угодно посты, вплоть до «владыки полумира». Ей-то что? Она его видела растерянным и испуганным в Одессе, цеплявшимся за руку и умолявшим его спасти. Далеко не каждая женщина после такого согласится считать мужчину мужчиной. Да и в Царьграде вчера героизмом не блеснул!

И вдруг он потянулся руками к её талии, а губами — к груди, а она не отстранилась хотя бы для ви-

да, как уважающая себя девушка. Ничего не соображая (рациональная составляющая личности напрочь отключилась), сама бросилась в его объятия. Под влиянием непреодолимой силы страсти. Если бы при этом прозвучал «гром небесный», Кристина не удивилась бы.

Слились телами, губами, чувствовали, как гулко колотятся сердца, будто пытаясь пробиться друг к другу. Сколько это длилось — вспомнить невозможно.

Каким-то третьим планом своей мыслящей составляющей она понимала, что вот так и случается, когда приходит «любовь», вполне до этого момента абстрактное понятие. Что сказать о нём — неизвестно, ей и самой сейчас было не совсем понятно, как такое могло случиться у совершенно разных по возрасту, происхождению и менталитету людей. Однако...

— Что ты здесь делал? — задыхаясь после поцелуя, но не разжимая объятий, спросила она, не зная, как к нему обратиться, по какому имени.

— Как ты сюда попала, Кристина?

Девушка ещё думала, что ответить, а слишком твёрдые и сильные ладони Ибрагима уже оказались гораздо выше её коленей. И двигались дальше, без всякой осторожной нежности, одновременно сдвигая юбку выше пояса и раздвигая бёдра.

Вот этого она позволять не собиралась, какие бы чувства её ни обуревали. Она слишком хорошо помнила, как вёл себя Левашов, когда Дайяна приказала лечь с ним, *сдавая зачёт*. Он не шептал ей признаний, но сумел показать, как должен вести себя *настоящий* мужчина с девушкой. И вдруг такой контраст с Ибрагимом, которого она только что «полюбила».

Кто и зачем создал эту ситуацию, отчего и для чего она представлена здесь такой доступной и вызы-

вающе раздетой, уже неважно. Если кому-то нужно, чтобы она его спасла — она спасёт. А вот изнасилование на травке — явно вне программы. Если бы он ещё хоть сколько-то ласкал её, говорил нежные слова, дождался, когда к ней придёт настоящее желание, тогда Кристина, скорее всего, сама позволила бы *сделать всё*. А так? Она вывернулась, толчком локтя опрокинула Ибрагима на землю. Любовь не любовь, но отдаваться или нет, как и когда — ей решать.

Нащупала на земле выпавший из руки портсигар, на чистом автопилоте нажала нужные кнопки.

Снова словно бы удар волны по затылку и в спину. И тот же Ибрагим лежит навзничь на ковре её комнаты в Замке. Абсолютно уже ошарашенный и опять «приведённый в изумление». А она — в порядке. И уже не в цыганской какой-то юбке, а в обычной ночной рубашке, той, в которой ложилась в постель. Счастливая от того, что «наваждение» прошло. Остальное — в пределах нормы. О его грубой попытке овладеть ею Кристина легко могла забыть. А вот момент собственной *вспышки* — никак.

— Слушай, я совсем ничего не понимаю, — сказал он удивлённым, но совершенно нормальным голосом никакого не турка из XV века, а вполне обрусевшего культурного человека. — Где мы были и были ли вообще? Как я к тебе забрёл?

— Брючки свои застегни, тогда и поговорим, — ответила Кристина. Он-то оставался в прежнем наряде, а его шаровары были устроены так, что открывали слишком многое, даже в сравнении с её нарядом.

— У тебя в комнате выпить что-нибудь есть? — спросил он, застёгиваясь и окончательно приходя в себя. С удивлением повертел в руках дамасский (скорее всего) кинжал, отложил его в сторону.

— Ты прости, — сказал он, глядя на нежную кожу её бедер, где могли бы остаться синяки от его пальцев. — Это был словно не я, а тот самый янычар...

Удивительно, как она не обратила внимания — в сне-наваждении у Катранджи была куда более «азиатская» внешность.

— Я сейчас, — в гостиной у них, как в высококлассном отеле, имелся мини-бар с достаточным количеством напитков. Кристина выглянула в коридор — никого, подруги давно спали. Тем более, она представления не имела, сколько в реальном времени длилось её приключение.

Взяла аккуратно, чтобы не звякнуть, несколько бутылок, не глядя на этикетки.

— Пожалуйста, — выставила на стол свою добычу. Понятно, что после столь жуткого стресса мужчине просто необходимо *встряхнуться*. Да и ей не вредно. Она всё время перебирала в голове возможные варианты случившегося. Нет, это что угодно, только не галлюцинация.

— Как мы туда попали? — В голосе Катранджи звучало искреннее удивление.

— Нет, как *ты* туда попал? — возразила Кристина. — Я возилась со своим прибором, набирала разные команды и вдруг, словно смена кадра в фильме, — вместо своей комнаты увидела это жуткое кладбище, тебя впереди, и просто пошла следом. После того что с нами вчера произошло, даже не удивилась вначале. И о чудесах этого Замка слышана, здесь, говорят, может случиться абсолютно всё. А мне приказано не оставлять тебя без прикрытия ни при каких обстоятельствах. Прости, служба есть служба, о другом не говорим... — это она вспомнила страстно-бессмысленные слова, что шептала

ему между поцелуями и за которые сейчас было немного стыдно. Разве можно так терять голову? Сейчас Ибрагим по-прежнему казался ей привлекательным мужчиной, но кидаться ему в объятия отнюдь не хотелось.

На всякий случай она встала, надела поверх «ночнушки» армейскую рубашку и застегнула на две верхние пуговицы. Хоть грудь прикрыть. Это отчего-то волновало её больше, чем на две трети обнажённые ноги. Присела на диванчик в трёх шагах от него, не торопясь, тщательно размяв сигарету, закурила.

— Говори!

Теперь она стала *очень* спокойна.

— Я начинаю догадываться. Перед тем как *это* случилось, у меня был Удолин. Мы много говорили, в основном, чтобы затуманить главное содержание, на случай, если нас подслушивали. Наконец Константин сказал, что Замок, или Арчибальд, чёрт их разберёт, наверняка в ближайшее время предпримет какие-то действия именно против меня. Я, мол, в их понимании — слабое звено...

Катранджи тоже глубоко затянулся сигаретой, взглядом указал Кристине на рюмку. Она отрицательно мотнула головой, и он выпил в одиночку.

— Знаешь, профессор прав, из вас всех я единственный объект, с которым Арчибальд мог рассчитывать сыграть по своим правилам. Но об этом позже. Удолин пообещал, что может наложить на меня особое заклятие, сделавшее меня неподвластным никаким «тёмным силам»...

Ибрагим/Иван старательно отводил взгляд от ног девушки, но он, поблуждав по стенам, будто сам собой возвращался, словно притягиваемый магнитом.

«Нет, точно, перед этими восточными парнями только в парандже ходить», — подумала Кристина, но решила, что начать сейчас одеваться — совсем смешно. Пусть тренирует волю.

— Так вот, «неподвластным никаким тёмным силам», и построено всё на основе тантрических учений, — продолжил Катранджи. — Если совсем примитивно объяснить — излучаемая специально обученными женщинами-ведуньями сексуальная энергия способна нейтрализовать любую другую, причём совсем необязательно понимать это буквально. Эротические фрески на стенах храма Каджурахо обладают огромной магической силой, особые танцы...

— Специфическая русская лексика и некоторые жесты, — добавила Кристина. — Я где-то читала, что индусы от русских произошли, и их санскрит — испорченный старославянский.

Катранджи осмыслил это сообщение и продолжил:

— Получается, Удолин оказался прав. Его магия сработала. Я никогда в такие штуки не верил, я рационалист, политик, коммерсант, воин... Сказки «Тысячи и одной ночи» перестал читать лет в двенадцать. Никогда не нуждался в гипотезе о сверхъестественном. Однако последнее время кое-какие взгляды приходится пересматривать...

— Зачем же пересматривать? — удивилась Кристина. — Просто — расширять кругозор. Не помню, кто писал: «Мы похожи на детей, играющих в песок на берегу, а вокруг простирается океан неведомого».

— Скорее всего, так оно и есть, — согласился Ибрагим. — Засыпая, я увидел тебя. Ты была одета точно так, как появилась на кладбище. Шла мне навстречу по цветущему луку и улыбалась. Я испытал восторг и восхищение...

— Тантрическая жрица? — усмехнулась девушка.

— Почему бы и нет? У индусов они маленькие, толстые, с гипертрофированными формами, у нас — такие... Так вот, я увидел тебя, но не успел ничего сказать. Ты исчезла, и луг, и небо. Я оказался в довольно мрачном помещении, а напротив стоял Арчибальд.

— Вот мы и встретились, Ибрагим-эфенди, — сказал он. — Надеюсь, больше никаких недоразумений у нас с вами не случится. Сделаем одно дело, после чего у меня не будет оснований задерживать кого-либо у себя в гостях. Против желания, само собой, а так живите здесь хоть сто лет...

— Встретились? — удивилась Кристина. — Ты с ним и раньше был знаком?

— Придётся рассказать всё с самого начала, хотя и очень не хочется. Именно тебе. Не та тема...

— Нет уж, говори. Именно мне. А дальше видно будет.

Катранджи вздохнул, потянулся к бутылке, укрепить силы. Кристина снова отказалась.

— Ну, слушай.

... Этот Арчибальд, представившийся сэром Арчибальдом Боулнойзом, одним из сопредседателей широко известного в узких кругах «Хантер-клуба», разыскал Катранджи около двух лет назад в Каире. Этот город, столица королевства обоих Египтов и Судана, считался за пределами Периметра местом довольно безопасным. По крайней мере, европеец с солидными рекомендациями и профессиональной охраной мог чувствовать себя в респектабельных центральных районах относительно спокойно. Ничуть не хуже, чем в Шанхае XIX века, в годы опиумных войн.

От имени клуба Арчибальд предложил Ибрагиму совместный проект, суливший куда большую прибыль, чем даже работорговля...

— Ты и работорговлей занимался? — поразилась Кристина.

— Лично я, разумеется, нет! У тебя несколько искажённые представления о действительности, хоть и в контрразведке служишь.

— Во внутренней гвардейской. Иностранными делами заниматься не приходилось, но понимать, что такое современная работорговля, большого ума не надо.

— Так имей в виду, что я контролирую больше полусотни транснациональных корпораций, не считая множества других организаций, от китайских «триад» до «борцов за возрождение империи ацтеков», и не считаю нужным вникать в их текущую деятельность до тех пор, пока она приносит прибыль. Прежде всего я — политик, занятый поддержанием существующего на Земле статус-кво.

Из слов Арчибальда следовало, что в настоящий момент именно Россия представляет реальную угрозу этому «статусу», и имеется план пресечь её разрушительную деятельность.

— В чём же разрушительную? — опять не выдержала Кристина. Сама она появилась на Земле значительно позже описываемого Ибрагимом времени, но за время службы в «печенегках» изучила массу документов и книг, касающихся роли России в ТАОС за последние полвека.

— Так было решено в самых авторитетных кругах, считающих, что они являются «кукловодами» так называемого цивилизованного мира. Меня их потуги руководить процессами, которые в принци-

пе неуправляемы, всегда забавляли. Но отчего же не поучаствовать в деле, в перспективе сулящем крах всего заповедника «золотых полутора миллиардов»?

Усмешка у Ибрагима получилась достаточно злобещей, и Кристине вдруг стало не по себе. Куда она лезет, в какие дела и какие сферы? Как она могла вообразить, будто готова полюбить вот этого человека? Нет, уж лучше кого-то из пилотов «Буревестника» или офицеров с крейсера «Изумруд»!

Ничего, ничего, пусть продолжает. Информация лишней не бывает. Да и потом, раз Чекменёв, Ляхов, Тарханов считают, что с ним можно и даже нужно иметь дело, всё не так просто, как кажется с первого взгляда.

— Так вот, «Чёрному интернационалу» в моём лице не имелось никаких оснований возражать. Временный партнёр сам лез в историческую ловушку. Они хотят дестабилизировать и обессилить Россию? Ради бога. Не хотят думать, что будет с ними со всеми, когда Россия не сможет или не захочет их защищать — не надо. Он их просвещать не собирался. Ему какая разница — сначала вместе с Англией и её сателлитами устроить серьёзные беспорядки в России или наоборот? Всё равно ведь цель — уничтожение ТАОС и всего нынешнего мироустройства — оставалась прежней и не подлежащей пересмотру. «Карфаген должен быть разрушен», и неважно, сколько времени это займёт. Предложения британца в тот момент показались предпочтительнее, поскольку, кроме власти над Кавказом, Польшей и Прибалтикой, «хантеры» пообещали не вмешиваться в дела «Интернационала» в Африке севернее Родезии и в Южных морях, исключая Австралию с Новой Зеландией. Туда интересы Катранджи пока не простирались, отчего он и согласился.

Вдобавок Арчибальд предложил *очень* хорошие деньги. И наличными, и в виде невысказанно выгодных контрактов для контролируемых Ибрагимом по всему миру фирм и корпораций.

— Насколько хорошие? — будто между прочим спросила Кристина. Теперь она полностью ощущала себя «печенегом»-разведчиком.

— Миллиарды, — небрежно махнул рукой Катранджи, — но это совсем не важно. В моём положении вагон денег или два — значения не имеет. Ты не в ту сторону думаешь. Мне нужна была только власть, а вот её в отличие от денег слишком много не бывает!

Кристине эта точка зрения показалась спорной. Но перебивать она не стала. Ибрагим — непонятно, с сожалением или облегчением — начал рассказывать, как почти сразу начали буксовать, а то и рушиться его планы, то есть к которым он непосредственно приложил руку. Очень быстро русские нанесли ему несколько очень чувствительных ударов там, где он совсем не ожидал. Оказалось, что служба Чекменёва контролирует практически всё в этом мире. Даже то, что контролировать якобы невозможно. Вплоть до его личных разговоров с абсолютно надёжным эмиссаром, с глазу на глаз.

— «Что знают двое — знает и свинья», — к слову вставила Кристина немецкую поговорку.

— Похоже на то, — кивнул Ибрагим. — Короче, мы проиграли везде, где ввязались, при этом позиции русских укрепились, и многократно. Начиная от воцарения Олега. А именно этого Арчибальд хотел не допустить в первую очередь.

— Само собой, — согласилась «валькирия», испытывая гордость за Державу и «контору», к которой принадлежит.

— Ничего хорошего не получилось с придуманным вашим профессором Маштаковым «Гневом Аллаха». Организованная с помощью подобных же устройств интервенция из соседней России в вашу, с использованием не существующих в нашем мире средств, была буквально раздавлена. Назад не вернулся никто, хотя использованных сил хватило бы на почти бескровный захват той же Англии. Вся предоставленная нам Арчибальдом аппаратура межпространственной связи дистанционно сожжена. Уничтожен специально созданный для ведения нейропсихической войны научный институт... Дальше рассказывать?

— Дальше я знаю, — улыбнулась Кристина. — Это уже мои «печенег» и офицеры составившего нам компанию полковника Басманова действовали. Кстати, и подполковник Уваров, и полковники Ляхов и Тарханов именно в этих делах отличились и заняли своё нынешнее положение.

— Это и мне известно. Короче — я оценил ситуацию и решил, пока не поздно, *сменить флаг*. Но и «хантеры» оказались не дураками. Результат — Одесса.

Прозвучало это со странной, на взгляд девушки, интонацией.

— Чем тебе не понравилась Одесса? — спросила Кристина. — В рамках твоего *менталитета* — самое то... Ты с ними договорился, заключил союз и в самый трудный момент решил перебежать на сторону противника. Ликвидировать тебя, да ещё таким образом, чтобы вся вина легла на российские власти, — святое дело. Только вот опять чего-то планировщики не учли. Может быть — нас с Уваровым? Но ты-то, стреляный волк, как не подстраховался? Случай нас вывез, только случай. Опустит тогда в

ресторане стрелок автомат на ладонь ниже — и тебе конец, и Чекменёву. И вашему очередному «великому замыслу»... Но продолжай. С предысторией всё ясно. Что сейчас случилось, где мы были и зачем?

Повздохав и отхлебнув ещё граммов сто, Ибрагим сказал, что Арчибальд непонятным образом осведомлён и о том, что он заключил с русскими вполне официальный союз, и в чём заключается смысл его здешней миссии.

— Ты понимаешь, Кристя, он говорил так убедительно! О том, что *нынешняя* Россия захвачена инопланетянами, что вместе со *«второй и третьей»* она собирается объединиться в одну Империю с целью уничтожения «свободного мира». Для Земли и одной России очень много, а три? Но я ещё могу «искупить свою вину», и совместными усилиями мы победим...

— Это твой мир — свободный? — тоном следователя МУРа, говорящего с «вором в законе», спросила подпоручик Волынская, пока оставляя в стороне его последние слова. — Голову там кому отрезать, в зиндан посадить, девушку в гарем продать. Свобода?

— Да, именно так, дорогая! — Ибрагим впал в странное, почти психопатическое состояние. Что-то не получалось с его избавлением от чуждого влияния. — Это и есть свобода! Моё желание — высший закон! Никакой русский царь не смеет мне приказывать...

— Да без всякого русского царя я за твои идеи тебя прямо сейчас... Чья свобода окажется главной? — Волынская встала, демонстрируя готовность к рукопашному или любому другому бою.

И снова Катранджи расслабленно откинулся на подушки. Его, очевидно, терзали противоположные

эмоции под несколькими сразу внешними воздействиями. Только что начинал говорить в унисон с «защитницей», и тут же его уносило в настолько «не туда», что он и сам пугался.

— Подожди, милая, подожди. — Ибрагиму казалось, что сердце у него колотится уже не в груди, а прямо под горлом. — Я не знаю... Я ответил Арчибальду, что своих планов менять не собираюсь, и он может катиться... далеко. Нет на Земле такого человека, что осмелится приказывать Ибрагим-бею, с кем дружить, а с кем воевать. Он сделал печальное лицо и удалился, на прощание сказав, что не хотел бы, чтобы я пожалел о сказанном.

Он вдруг побагровел и схватился рукой за левую сторону груди.

— Что-то со мной... Я сейчас умру, наверное. Позови, позови кого-нибудь... — он начал хватать ладонями воздух. И задышал почти по Чейн-Стоксу.

Кристина не испугалась того, что человек, которого она всего полчаса назад «полюбила», от обычного инфаркта или кардиоспазма сейчас, у неё на глазах уйдёт из жизни. Всего и дела — снять со своего запястья браслет гомеостата и надеть ему. Посмотрела на экранчик: ничего страшного. Господин Катранджи ужасно труслив. Без всякого гомеостата хватило бы ему таблетки бензедрина. И ещё два раза по щекам.

Если только у него не включилась программа самоуничтожения, настроенная на определённые ключевые слова.

Но гомеостат должен помочь и в этом случае.

Хоть программа, хоть банальный стресс, а действуют они всё равно на нервные и биохимические структуры. Спасительный прибор, работая быстрее и эффективнее, чем бригада реаниматоров, блоки-

ровал источники нарушающих «постоянство внутренней среды организма» импульсов, выровнял давление, привёл в норму концентрацию эндорфинов. Отдышись, утри сопли и хоть на штурмполосу.

Так она ему и сказала. Тут же спросив о следующем:

— В итоге ты испугался. Сообразил, что Арчибалда и компания, не убив тебя в первый раз (или просто припугнув), рано или поздно ликвидируют более надёжно, снова стал работать на него?

— Что ты, Кристя, что ты? Не начал, совсем не начал. Я правда испугался, увидев Арчибалда! Если он способен на такое, найти меня в совсем другом времени, под вашей *гарантированной* (вольно или невольно он это слово подчеркнул интонацией) защитой — выхода нет. Осталось просто подчиняться. Тем более — не смертью он мне угрожал, хуже. Он сказал, что как джинн был рабом лампы, я стану рабом Замка. Буду *процессором*, придающим системе *человеческое измерение*.

— Но внешне ты держался... прилично. Мне и в голову не пришло, что вы с ним вообще знакомы, тем более что он внушает тебе панический ужас.

— Спасибо, — криво усмехнулся Катранджи. — Мне это труда не составило, он мне словно наркотик какой-то ввёл. И наяву со мной не разговаривал. Только улыбнулся пару раз и подмигнул. Как смерть из старой сказки. Вот когда я начал засыпать... Я понял, что люблю тебя, и ты мне всегда поможешь. И тут же ты исчезла и возник Арчибалда. Сказал, что я должен сделать одно, последнее дело, и он меня отпустит. Мол, нужно пройти в тайное святилище моих дальних предков, которые в те времена, когда европейцы недалеко ушли от неандертальцев, уже владели миром.

— И зачем? — легко спросила Кристина.

— В этом святилище есть древняя машина, способная устранить абсолютно всё, случившееся неправильно. Вернуть Главную историческую последовательность к её исходному состоянию, проще говоря — к моменту, когда Антон был назначен работать на Землю. Замок сохранит память обо всём, что было дальше, и не позволит форзейлю сделать то, что он сделал. И не будет на Земле ни Советской России, ни Югории, ни твоей Империи. А мы с тобой уцелеем и, если захотим, — он мне определённо пообещал — станем владыками всего *правильного* мира. Навечно! Ни форзейли, ни агтры не будут над нами властны.

— Какая ерунда, — отмахнулась Кристина. — Что бы сотворила эта машина — я понятия не имею, но за каким хреном ты, а тем более я нужны Арчибальду в качестве «владык мира»? Царь Соломон и царица Савская в тысяча девятисотом году? Смешно. И не «машинами» из театрального реквизита такие дела решать.

— Я и сам теперь так думаю, — уныло кивнул Ибрагим. — Но в тот момент его слова показались мне невыносимо заманчивыми... Я не мог ни думать, ни возражать... Искренне поверил, что иного пути, чтобы... чтобы полностью и вечно обладать тобой, у меня нет.

Он сказал и уставился на неё буквально умоляющим, так не идущим ему взглядом.

— Как ты меня сумела оттащить от этой машины?

— Ты и вправду дурак, Иван Романович, — с откровенным чувством превосходства сказала девушка. — Главный вопрос совсем в другом — почему ему потребовался именно ты? Он что, сам не мог её включить? А как оттащила? Вот это уже магия. Доб-

рая магия. Никаким образом моё там появление в планы Арчибальда не входило. Просто за ненадобностью. Едва ли это он направил меня за тобой следом. И сама по себе не могла я в тебя влюбиться за несколько минут. Элегантного европейца не полюбила, а грубого янычара... Не такая я извращенка. Даже в виде дяди Изи ты приличнее смотрелся, — сказала она с отчётливой иронией. — И тот «нефритовый жезл», которым ты меня обесчестить хотел, на таких, как я, впечатления не производит. Отталкивающее, честно сказать, зрелище, особенно при свете дня.

Она специально это сказала, чтобы окончательно отрезать то, что было. А если случится ещё что-нибудь, так наверняка по-другому. Тогда и видно будет.

— Мне очевидно, что заклинание Удолина, или не только его, всё же сработало. И один у тебя, у нас с тобой (неожиданно для себя поправились она) шанс. Прямо сейчас пойти к Сильвии и профессору, всё рассказать и спросить, что делать дальше. Не наши игры пошли. Каким-то образом блок-универсал здесь замешан, значит, и Сильвия тоже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В отсутствие Фёста Людмила приняла на себя всю его власть, сообщив об этом Мятлеву без всяких деликатностей, как только он после душа и бритья вышел в кухню. Подпоручик Вяземская, очень рано проснувшаяся и до сих пор расстроенная прощальным разговором с Ляховым, пила кофе, смотрела на низкое облачное небо и вертела в руках бутылку с инструкцией.

— А где народ? — жизнерадостно спросил генерал, подходя к столу.

— Герта, наверное, спит. Сильвия и Вадим уехали. Срочно...

— Как уехали? А мы же собирались... Что же он меня хоть в известность не поставил? Я как раз хотел несколько соображений высказать, надеюсь — умных.

Мятлев не играл, действительно выглядел удивлённым и даже расстроенным. Если его что и встревожило, так именно экстренность исчезновения сразу двух ключевых игроков. Это могло означать внезапное и, скорее всего, неблагоприятное развитие событий. Для всех.

И очень плохо, если «события» способны повредить проекту. Генерал, как это часто бывает, преодолев какой-то рубеж, стал тем самым роялистом, «большим, чем сам король». Ему уже казалась жизненной катастрофой невозможность объединения с «прекрасным новым миром», обречённость продолжать прежнее, почти бессмысленное существование. Он ощущал себя наподобие заключенного, которому накануне освобождения вдруг добавили новую «десятку».

— Дела его крайне торопили, — ответила Людмила. — На долгие беседы времени не было, а извиниться, что не попрощался, он мне поручил. Как и всё остальное. Можете считать меня временно исполняющей обязанности полковника Ляхова, со всеми прерогативами и дисциплинарными правами. Возражения есть?

Генерал не ожидал, что совсем молодая девушка, пусть и подпоручик аналогичной организации, вдруг заговорит с ним вежливым, но не предполагающим возражений тоном. Она стала совсем не похожа на

смешливую блондинку с наивными глазами, любительницу танцевать до упаду в фешенебельных ночных клубах и пить коллекционные вина.

— Насколько мне известно, *ваши* дисциплинарные права на мою особу не распространяются. По очевидной причине.

— Дело в том, Леонид Ефимович, — сочла она нужным пояснить, уловив настроение и ход его мысли, — что теперь я отвечаю головой за вашу безопасность и «за наше общее дело». Вадим обещал вернуться завтра, в крайнем случае послезавтра. Надеюсь, с важными для всех известиями. До этого вам лучше бы оставаться у нас. Мы с Гертой постараемся сделать «каникулы» максимально приятными. Каких-нибудь значимых опасностей здесь просто не существует, если, конечно, очередной мятеж вдруг не вспыхнет. Но это почти совершенно исключается, — поспешила она успокоить гостя.

Подобный вариант Мятлева вполне устраивал, он с огромным удовольствием продолжил бы жизнь бонвивана, сопровождаемого двумя прелестными девушками, в этой Москве, приспособленной для красивой жизни куда больше, чем даже современный ему Париж. Ещё лучше, если бы на эти два-три дня удалось к минимуму свести общение и с Вяземской. Если отношения хоть как-то начали развиваться, подруга твоей подруги становится очевидно лишней.

Его беспокоил только финансовый вопрос. Нельзя же уважающему себя человеку, всерьёз увлечённому девушкой, потупив глаза, сидеть в ресторане, когда она за тебя расплачивается. Пока это делал Ляхов — сомнений у генерала не возникало. Кто вербует, тот и платит. Сейчас он жалел, что не попросил у Вадима какой-нибудь аванс, в счёт будуще-

го, именно «на карманные расходы». Но обратиться с тем же к Людмиле, пусть она и «исполняющая обязанности», было выше его сил. Даже в самые трудные времена Леонид не унижался до того, чтобы брать деньги у женщин.

— Ты хочешь сказать, что до возвращения Ляхова я интернирован? — пошутил он, продолжая сообщать, как с честью выйти из положения.

Если Людмила решила его не отпускать домой, она не отпустит, и никаких средств давления на неё нет. Проход открыть может только она или Герта, если даже вообразить такое безумие, как попытку силой отнять у них прибор (а на это именно сил у него не хватит, здраво мыслил Мятлев, несмотря на «вальтер ППК» в кармане), пользоваться им он не умеет. Да и сама по себе идея абсурдна, кто же затекает конфликт с партнёром в самом начале удачно развивающейся операции. С двумя партнёрами...

— При чём тут интернирование? — искренне удивилась девушка. — Исключительно — польза дела. Для его успеха ваша жизнь и безопасность крайне важны. Гарантированно обеспечить я их могу только здесь. К работе в вашей реальности я подготовлена очень плохо. Эффект будет тот же, как если использовать агентурного разведчика в качестве войскового.

— Ну, у себя-то уже вашу безопасность я обеспечу в лучшем виде, — самоуверенно ответил Мятлев.

— Далеко не факт. Повторяю, — сказала она без намека на легкомысленность, которую она при посторонних имитировала настолько органично, что не знающие Людмилу люди терялись, если она вдруг становилась серьёзной, — за вашу безопасность там я не поручусь вот настолько... — Девушка отмерила на указательном пальце едва треть первой

фаланги. — Будь вы хоть кто по должности. Царей и императоров убивали не поморщившись, если они кому-то поперёк дороги становились. А уж на вас, да и на нас с Гертой пуля, если вдруг что, всегда найдётся. Сейчас снайперы на два километра научились в цель попадать, а мы на таком расстоянии ничего не почувствуем. Да вот что вы скажете по такому поводу? — Она вкратце пересказала ему то, что Ляхову говорил консьерж, собственные впечатления от милицейской машины и её водителя.

— Это события только одного дня, когда мы собирались на встречу с вами. О других мы просто ничего не знаем. А вы?

Мятлев насупился. Без спросу, как уже обжившийся в доме гость, достал бутылку коньяка из массивного, как готический собор, резного буфета эпохи Александра Третьего. Людмила включила автоматическую кофеварку.

— Вам эспresso, капучино? Там в холодильнике сыр, паштет, что-то ещё...

— Просто чёрный и покрепче...

Он сел напротив, не дожидаясь, пока Людмила наполнит чашки, выпил большую рюмку, закурил натошак, чего обычно избегал.

— То, что ты сказала, — очень интересно. Угадать бы теперь — мы под одним колпаком или под разными?

— Мы думаем — под разными. Причём не факт, что их всего два. Это дело в нашей разработке не единственное. Что же касается вас, то безотносительно к нашим проблемам я сторонник крайней осторожности. Вы не хуже меня знаете о ситуации и в МГБ, и в *параллельных* структурах. «Утечка» о хотя бы только факте встречи Президента с неизвестными людьми неизбежна. А учитывая количество по-

свящённых: снайперы, водители, официанты, я думаю, и суть этих контактов уже не секрет. Вспомните «Семнадцать мгновений...», переговоры Вольфа с Даллесом. Я, кстати, совсем не уверена, что ваш господин Санников и его группа пребывают в добром здравии. Всё это мы скоро узнаем, вообще примем меры, но не сейчас. Одним словом, пока не вернулся Вадим, я вас домой не отпущу. А если руководство сочтёт, что я превысила свои полномочия — так лучше с пониманием принять дисциплинарное наказание, чем потратиться на венок «боевому товарищу».

— Ты меня растрогала, Люда, своим практицизмом, — сказал генерал. — Хорошие венки нынче дорого стоят, а выговор в приказе — ерунда, рано или поздно снимут. Беда только вот в чём — мне сегодня край надо встретиться с Журналистом, с Анатолием то есть. Мы сразу после моей встречи с Вадимом договорились. Он крайне заинтересован в результате...

— Край не край — я своих решений не меняю. Но есть предложение...

Ей ведь тоже Вадим во время своего отсутствия поручил встретиться с означенным лицом, правда, в присутствии Мятлева, и даже вручил некие «тезисы».

— Вы с Гертой отправляйтесь на экскурсию. В Троице-Сергиеву лавру, например, или прогуляйтесь по музеям, они здесь богаче и интереснее, чем у вас. И тематикой экспозиций, и количеством отражающих почти век «раздельного развития» экспонатов.

Предложение Леонида заинтересовало, в точности совпадая с его желанием на неопределённый срок остаться с Гертой наедине. Вчера ночью ему снова удалось провести с ней пару часов в одной из удалённых от обитаемых зон квартиры гостиных.

Они в основном говорили о разных особенностях её мира, которые его интересовали на случай, если всё же придётся принимать решение об «эмиграции». Она была мила, весела и общительна, но, несмотря на весь свой опыт, Мятлев так и не мог сообразить, как же она к нему на самом деле относится. Что в принципе хорошо — сомнений не возникало, вся проблема в том, что неизвестно — как это «хорошо» понимать.

Случившийся предыдущей ночью эксцесс, по счастью, последствий не имел. Из опыта Мятлев знал, что не совсем контролирующая себя девушка иногда может позволить слишком многое и вроде бы по взаимному согласию, но наутро испытать к себе и к партнеру неприязнь, вплоть до отвращения. У них такого, похоже, не случилось, но зато для общения тет-а-тет Герта выбрала гораздо более безопасное помещение, чем спальня.

Себя остерегается или только его?

Не слишком важно. Главное — вербовку ценного агента так не проводят. И высоконравственные девственницы в разведке не служат. Вчера его могли бы заснять в любых видах и позах, гораздо качественнее, чем «человека, похожего на генпрокурора», как угодно перемонтировать плёнку и наложить любой текст. Если земная техника это позволяет, так уж «потусторонняя» — тем более. Для шантажа и дискредитации хватит. И нет никакой необходимости на следующий день вести себя так, как Герта. Или уж буря страсти, чтобы окончательно покорить «клиента», или холодное предъявление «материалов». Рассчитывать *водить* опытного специалиста на крючке с наживкой из «новой чистой любви» — просто непрофессионально.

Мятлев, тем более что ему на самом деле очень

этого хотелось, выждав подходящий момент, всё-таки сделал очень деликатную попытку обнять, а если получится — и поцеловать девушку. Без агрессивной страсти, почти по-дружески. Она, не жеманничая, ему ответила. Генерал получил полчаса чистого наслаждения. Герта, достаточно возбуждись сама, но не теряя головы, позволила ему ровно столько, сколько допустимо в комнате, куда в любой момент могут войти посторонние.

— На экскурсию — это хорошо, — кивнул генерал. — Мне вообще у вас всё интересно, просто по улицам ходить, хоть в богемном кабачке, хоть в извозничьем трактире разговоры слушать.

Настоящих извозчиков в Москве лет пятьдесят как не было, если не считать некоторого количества конных экипажей, используемых для развлечения туристов и в ритуальных (свадьбы или, наоборот, похороны высшего разряда) целях. Но несколько заведений с характерной, зелёной с золотом, вывеской Мятлев, проезжая по улицам, видел. Об этом и спросил, попутно вспомнив Гиляровского.

— А, это такая традиция, — махнула рукой Людмила. — Как в Англии. У нас с незапамятных времен все водители такси и прочего наёмного транспорта входят в профсоюз извозопромышленников. А трактиры и некоторые кабаки¹, ими излюбленные, выполняют функцию своеобразных клубов.

¹ В этой России «кабак» — вполне официальное название питейных заведений, принадлежащих казне на основе Закона «О государственной винной монополии». Все остальные являются частными, покупают лицензии, платят налоги, акцизы и прочие сборы. Содержатели кабаков по-прежнему называются «целовальниками» в память о временах, когда, вступая в должность, следовало публично целовать крест, обещая торговать честно.

— Понятно. Приятно жить в стране с традициями. Выпьешь? — неожиданно спросил Мятлев. Людмила хотела отказаться, но потом решила, что поддержание уровня общения важнее. Незаметно передвинула верньер гомеостата на два деления. Теперь алкоголь распадется в организме до воды и углекислого газа, минуя промежуточные стадии всяческих альдегидов через пятнадцать минут, хоть бутылку из горлышка выпей.

— С кофе немного можно. Мы пока никуда не спешим.

Генерал, начав с утречка на вчерашнее, уже слегка плыл. Совсем чуть-чуть, но Вяземской было заметно.

Чтобы «уравнять шансы» и подтвердить репутацию отвязанной девчонки, да вдобавок строевого офицера, она не спеша, мелкими глотками выпила коньяк, закусила ломтиком острого сыра.

— Скажи мне, Люда, — вдруг вернулся к занимавшей его едва ли не пуще вопроса собственной безопасности теме, — только ну совершенно между нами. Как офицер обещать можешь?

— Если касается лично меня, а не службы — могу.

— Тебе Герта ничего не говорила? Наверняка ведь касались вы этой темы. Ну, как она ко мне... Честно скажи, без всяких уловок. Нужно мне это, понимаешь. Иначе я просто брошу это дело. Не смешно разве — сорокалетний мужик перед девчонкой стелется, карьерой и семьей рискуя, а она, возможно, только посмеивается, отойдя в сторонку. Нет, от наших совместных планов я не отказываюсь, не думай, что Леонид Мятлев ради «ля плю бель филь»¹ соглашается всю мировую систему то ли обрушить,

¹ «Самой красивой девушки» (фр.).

то ли перестроить. Не Парис я и не царь Менелай. Просто желаю своё в этой истории положение отчётливо понимать... И дураком не выглядеть.

Примерно то же самое он уже спрашивал у Ляхова, правда, в другое время и в другой обстановке, которая успела существенно поменяться, даже относительно его собственных чувств.

Людмила засмеялась. Очень дружески положила ладонь на руку генерала, а глазами указала, чтобы налил ещё.

Мятлев мельком удивился — это же у неё выйдет больше ста грамм с утра без закуски? Зверски пьют господа «печенег», не хуже старинных кавалергардов, пусть и девицы. Ну а его какое дело? Ну, пусть наберётся, завалится спать, а он с Гертой гулять отправится. Где-нибудь в «Национале» или у «Тесто-ва» позавтракают плотненько...

Что сам он может набраться быстрее Людмилы, ему в начавшие сладко туманиться мозги не приходило.

— Что я скажу? Шансы у вас есть, как у каждого, кто хочет понравиться девушке, тем более — свободной. Другое дело — как ими воспользоваться. До вчерашнего вечера вы ей были достаточно интересны как человек и как мужчина. Поменялось что-нибудь с тех пор — не знаю, утром с ней не виделась. Вы бы должны сами лучше меня её ауру чувствовать. Ещё более откровенно, раз уж мы по-офицерски говорим — отдаваться вам из любопытства или чтобы «сделать приятное» она не собирается. Не та натура. Даже если бы этого «интересы службы» требовали. На такой случай мы бы сотрудницу с другими принципами привлекли. Вот если сама решит, что вы — «её человек», тогда всё возможно.

Вяземская взяла сигарету, подождала, пока Мят-

лев поднесёт зажигалку. Мизансцена требовала такого внешне незначительного штриха. Дымящаяся в длинных пальцах сигарета и слегка нервная затяжка придавали словам Людмилы искренности и убедительности.

— Как вы воспользуетесь этой информацией — ваше дело. Я не сводня, и опыт мой в таких делах — стремящаяся к нулю величина. Давайте лучше о деле, а то скоро Герта проснётся, и вам будет не до него. — Девушка улыбнулась понимающе и даже сочувственно. — Я вот какое решение приняла, пользуясь своими правами: в ту Москву я схожу одна. Встречусь с вашим другом, передам ему то, что считаете крайне важным. Или лучше — напишите записку, сообщите, что хотите (я читать этого не буду), добавьте, что форс-мажорные обстоятельства не позволяют вам вернуться минимум двое суток. Заодно попросите связаться с человеком из вашей организации, которому безусловно доверяете, с тем же Санниковым, если он действительно надёжный человек, передайте поручение — выяснить, кто организовал слежку за нами и за вами. Предпринимать совсем ничего не нужно, только выяснить... А потом у нас найдутся способы прекратить это безобразие.

— По вашей радикальной методике? — спросил Мятлев, подразумевая акции, с помощью которых Фёст демонстрировал Президенту свои возможности.

— Имейте в виду, Леонид Ефимович, — мило, почти соблазнительно улыбаясь, сказала Вяземская, — подразделения «Печенег» были созданы ещё до занятия Престола Олегом Константиновичем, во времена «демократической республики», как лично ему преданное подразделение специального (в широком смысле) назначения. За пределами

Московского округа «печенег» фактически считались «вне закона», отношение к ним было немногим лучше, чем к «организованным преступным группировкам», оттого любые наши методики и акции по неволе были крайне радикальными. Вторых шансов «печенегам» ни действительные враги, ни правоприменительные формирования петроградской власти обычно не давали...

— Теперь уже я вынужден возражать, — генерал встал из за стола. — Как я могу согласиться на твой «одиночный рейд», если, по твоим же словам, обстановки ты как следует не знаешь, твои портреты (если враги Президента и наши собственные оборотни перешли к решительным действиям) наверняка растиражированы в тысячах экземпляров, и ты, и Герта, и Вадим, возможно, числитесь во всероссийском розыске, тайном или явном... Слишком вы ловко и даже вызывающе умыкнули меня из парка. Сейчас там, может быть, землю в буквальном смысле роют, ищут тайный ход ко «второму» или «третьему» метро.

— Как раз за меня можете не опасаться. Внешность я изменю до полной неузнаваемости, оперативная подготовка у меня лучше, чем у любого из ваших сотрудников или врагов. Это в технике «первая Земля» вторую опережает, а «человеческий материал»... Не приходилось слышать, как отряд Ляхова в Москве с наёмниками из вашего мира, подкреплёнными тяжёлыми танками, разделался?

О том, что двух Ляховых поддерживал ещё и взвод корниловцев поручика Ненадо, она говорить не стала.

— Да и вообще, я там у вас засвечиваться не собираюсь. Высажусь, позвоню вашему Анатолию, назначу встречу в удобном месте, переговорю и на-

зад. Намного безопаснее, чем разведпоиск по ближним тылам противника.

Тон и взгляд Вяземской отчётливо давали понять, что спорить с ней бессмысленно. Да и, при здоровом размышлении, что ей там могло угрожать? Короткое появление в десятиmillionном городе одной-единственной девушки, достаточно подготовленной к гораздо более сложным заданиям, не может быть зафиксировано даже теоретически, пусть введены в действие сразу все «Перехваты», «Неводы», «Фильтры»...

— Садитесь, пишите записку, а я пока переоденусь, — поставила точку Людмила.

Вернулась она из недр квартиры раньше, чем через полчаса, и генерал сначала поразился глубине её «трансформации». Даже будучи готов к тому, что она тщательно загримируется, Леонид, как ни старался, не мог сейчас найти в облике стоявшей перед ним женщины ни одной знакомой черты. Мятлев не понимал, как это у неё получилось. Ну, изменила причёску, расчесав волосы и повязав их довольно безвкусной банданой, нацепила не слишком идущие ей очки, платье сменила на затёртый джинсовый костюм, под расстёгнутой курткой довольно заношенная майка с надписью «ай лав Нью-Йорк». Переобулась в модные нынче кеды, которые молодёжь от тринадцати и до тридцати вдруг начала носить по делу и не по делу. Любой «наружник», ориентированный на прежний облик девушки, в двух шагах разминётся и внимания не обратит. Это технически и психологически понятно, и, в принципе, даже такого камуфляжа достаточно, она на улицах Москвы станет невидимкой вопреки тому, что ревнители нынешней моды мечтают именно выделяться среди стандартно одетой «серой массы», не

соображая, что именно в таковую они и превращаются, тем вернее, чем старательнее подчёркивают свою «неординарность».

Гораздо более удивительным и даже пугающим было то, как изменилось её лицо. Она будто постарела лет на десять, а то и больше. Оказалось, что красота и изумительная правильность её черт легко способны превратиться в свою противоположность — никакой индивидуальности вроде лёгкой асимметрии, присущей только ей формы носа или губ. Просто анатомически безупречный муляж, манекен, с которым можно делать что угодно. И мимика стала сглаженной, невыразительной, как у аутистки, кожа приобрела нездоровый, офисный оттенок. Губы, тронутые нездорового оттенка блёклой помадой, утратили чувственную полноту и естественную яркость, стали заметно тоньше, да вдобавок кривились словно навсегда приклеенной усмешкой неприятия и пренебрежения ко всему окружающему миру.

Вдобавок ко всему Людмила слегка ссутулилась, чуть изогнула спину в сторону висящего на левом плече розового рюкзака.

Генерал увидел её сначала глазами обычного прохожего, потом патрульно-постового милиционера. Удивительно тонкую грань нашла Вяземская. Ни у мужчин, ни у женщин, кроме таких же, как она профессиональных участниц всякого рода «акций протеста», эта терзаемая комплексами, рано постаревшая особа не вызовет ни малейшего интереса. Скорее — желание поскорее отвернуться и отстраниться, оказавшись слишком близко в вагоне метро.

А любой патрульный милиционер признает в ней коренную москвичку, не представляющую интереса ни с какой точки зрения. Регистрацию провёять бессмысленно, самых маленьких денег с неё

не слупишь ни под каким предлогом, а на скандал по любому поводу нарваться очень даже можно.

— Блеск, — сказал Мятлев, тщательно изучив маскировку. — А говорила — нашей обстановки не знаешь...

Людмила не стала объяснять, что схему камуфляжа ей подобрал Шар, избрав типаж, наиболее типичный и одновременно антипатичный для тех многотысячных масс женщин нужного возрастного интервала, заполняющих в этот момент улицы Москвы в пределах Садового кольца. Мимическую трансформацию она произвела с помощью гомеостата, был бы лишний час и желание — могла бы превратиться лицом в семидесятилетнюю подмосковную старуху.

— Так и не знаю. Это я с журналов и телепередач за последнюю неделю насобирала. А достоверно сыграть такую девушку при личном общении с ней подобными не возьмусь — манеры разговора, инстинктивных реакций, сегодняшнего жаргона не знаю. На этом специалисты не мне чета, бывало, проваливались. В случае чего буду психастеничку под кайфом изображать... В общем, я пошла, — прекратила обсуждение Людмила. Ей и самой было слегка не по себе — всё же первый самостоятельный выход в чужой мир на серьёзное дело, без подстраховки. Совсем не то, что в компании Фёста и Герты по паркам гулять. — Давайте записку, номера телефонов, самых «прямых», чтобы хозяин трубку брал, а не секретарша и не жена.

Мятлев протянул небольшой листок из записной книжки, исписанный бисерным, но вполне разборчивым почерком, свернул его пополам, текстом внутрь.

— Только вот... — он слегка замялся, — я прошу

Анатолия, чтобы он с тобой несколько дореволюционных золотых монет передал. Зайдёте в ювелирный, он знает где. Сам и расплатится. Ты только скажи — как у вас, допустим, «николаевская» десятка котируется, сколько их на неделю хотя бы нужно, чтобы свободно себя чувствовать здесь?

Людмила сначала не поняла, машинально перевела цену восьми грамм царского золота на нынешний бумажный курс. Потом спросила, зачем, собственно, это нужно? Любые золотые монеты, начиная с серий тысяча восемьсот девяносто седьмого года, и здесь можно купить прямо в банке, наверняка дешевле выйдет, и время тратить не придётся.

Мятлев, разговаривая с Вяземской не как с девушкой, а с «исполняющим обязанности старшего по команде», признался, что не может себя нормально ощущать в чужой стране без копейки в кармане, а иного способа переправить ликвидные средства из одной реальности в другую не нашёл.

Людмила рассмеялась:

— Какой вы странный человек. Сказали бы сразу...

Она провела генерала в «основной» кабинет, открыла перед ним секретер, все полки которого доверху заполняли пачки всевозможных дензнаков, имеющих хождение в России, на территории ТАОС и даже за Периметром. Сама она перед «выходом» в другом, разумеется, кабинете рассовала по карманам две пачки эрэфовских пятисоток и ещё одну — долларов и евро не очень крупными купюрами. Фёст говорил, что в некоторых случаях эти деньги в его Москве предпочтительнее.

— Возьмите, сколько считаете нужным, и всё. Это расходной фонд, неподотчётный.

Мятлев смотрел на предъявленные богатства со странным чувством. Словно бы оказался на Гоголев-

ском бульваре, где вся аллея вместо опавших листьев усыпана тысячерублёвками. И не сон ведь. Если это — расходной фонд, то финансовые возможности организации просто невозможно вообразить.

— Да берите, берите, что вы на них смотрите?

Пожав плечами, Леонид, подавляя непонятное внутреннее сопротивление, взял с полки пачку больших, почти как дореволюционные, и похожих на них цветовой гаммой и дизайном здешних сто-рублёвок в банковской упаковке, вертел в руке, словно не зная, что с ней делать. Машинально читал набранные стилизованными под старинный шрифт литерами гордые слова: — «Государственный банк разменивает кредитные и банковские билеты на золотую монету без ограничений суммы (1 рубль = 1/15 империала, содержит 17,424 долей¹ чистого золота)». Ниже — подписи: Управляющий — ... Касир — ... Факсимиле неразборчивы, но внушают уважение своей отработанной витиеватостью.

— Ещё пятёрки, а лучше тройки возьмите, — подсказала Вяземская. — Для текущих расходов удобнее. Сотню не в каждом месте разменяют, набегаешь...

Из глубины квартиры донесся голос Герты, проснувшейся наконец и выясняющей, есть ли поблизости кто-нибудь живой.

Людмиле это было наруку. Она подтолкнула Мятлева в нужном направлении, изобразила прощальный жест и направилась в противоположную сторону, к двери, выводящей из принадлежащей

¹ Доля — русская дOMETрическая мера массы, равная 1/96 золотника (44,43 мг). След. 1 бумажный рубль эквивалентен 0,774 гр. золота 96-й пробы.

якобы Сильвии смежной квартиры в требуемую реальность.

Консьерж Борис Иванович её не узнал. С суровым видом посмотрел на девицу, которой в приличном доме делать нечего. Вдобавок он не заметил, чтобы вчера кто-то из жильцов её к себе провёл, самой же ей сюда проникнуть было совершенно невозможно. Разве что через чердак, если имеет ключ или универсальную отмычку.

Он не открыл решётчатую дверь-турникет, намереваясь выяснить обстоятельства.

— Дядя Боря, это же я, Людмила, — сказала она своим обычным, хорошо знакомым отставному майору голосом.

— Н-да, маскировочка, — одобрительно, но с *оттенком* усмехнулся консьерж. — Уже до этого дошло?

— Кто его знает, что дошло и куда, — ответила она, облачаясь на стойку и, как давеча Ляхов, протягивая майору портсигар. — Но страховаться точно пора.

Борис Иванович взял сигарету, за секунду во всех деталях рассмотрел портсигар. Свой Вадим Петрович унёс с собой, безусловно. Это — такой точно, только монограмма из других камней, другого рисунка. Африка, говорите? Ну-ну. Сколько же «коллега» их оттуда привёз, «под заказ и по размеру кармана»? Десять, сто, тысячу? Как опознавательный знак комсостава или всех членов организации? Тогда, даст бог, и ему такой скоро носить. А пока, нужно понимать, «племянница» даёт ему знак — «кто есть кто».

— Слушаю вас...

— Вадим Петрович сказал, что на вас можно рассчитывать...

— В основном да. А конкретнее?

— Мне сейчас нужно ненадолго прогуляться в *город* (специально так сказано, чтобы подчеркнуть свою глубокую провинциальность), а я чего-то опасаюсь. Ну, вы понимаете. Не найдётся ли у вас двух надёжных ребят, чтобы просто сопровождали меня на приличном удалении и ни в коем случае ни во что не вмешивались. Что бы ни произошло.

— А смысл? — спросил майор.

— Мне нужны свидетели. Только свидетели. Нет, не для суда. Для дяди моего. Он моментами склонен считать, что у меня акцентуация в сторону паранойи, так если вдруг произойдёт нечто непонятное, чтобы независимые люди подтвердили. Это можно сделать?

— Сделать, милая Люся, можно абсолютно всё. Я позвоню, минут через пятнадцать подъедут люди, отвезут, куда нужно, высадут незаметно и понаблюдадут. Только в одном у нас расхождение получается. Вадим Петрович просил меня присматривать, чтобы с тобой ничего не случилось. А если на глазах у наших начнёт «случаться»? Не помогать и только смотреть, фотографировать, как сейчас у журналистов принято?

— Спасибо, дядя Боря, за добрые слова и намерения. Но всё должно быть так, как я прошу. Если «случится» — я за своих сопровождающих беспокоиться не должна, а то попадутся невзначай под горячую руку. Метров двадцать-тридцать — идеальная дистанция, ближе подходить не нужно.

Людмила подумала, что слишком напрягает собеседника, постаралась смягчить впечатление от своих слов.

— Да вы не беспокойтесь, я, может быть, просто так сказала. Скорее всего, ничего и не будет на самом деле. Поговорю с одним человеком полчаса и

вернусь. Или — не вернусь, но вы тоже не очень переживайте. Если мне придётся следы путать, я могу в квартире оказаться, минуя ваш пост... Так чтобы не удивлялись, если только завтра меня увидите из дома выходящей в летнем платице.

У консьержа голова потихоньку начинала идти кругом. Он думал — хозяин здесь серьёзный человек со странностями, а «племянница», получается, покруче выходит. Вот уж «метка» так «метка». Борис Иванович имел дело с разного рода «спецназами» и сообразил, что того же она поля ягода, неизвестно где и когда очень серьёзным вещам обученная.

Спрашивать насчёт способов, позволяющих, минуя контроль, проникать в квартиры, из-за которых с самим смотрящим района нешуточная разборка вышла, вчистую выигранная «интеллигентами», он не стал.

Просто порадовался за себя, что на верную карту поставил. Деньги деньгами, хотя очень приятно стало снова почувствовать себя «правильным мужиком» и приносить жене не поганые «чаевые», а «боевые» тысячи. Так он для себя оценил получаемое от Вадима Петровича, пусть «боёв» пока и не было. Но не зря ведь тремя часами раньше «шеф» спросил о потребности в оружии. Это уже не шутки.

Он позвонил надёжным боевым офицерам, тоже «с хлеба на квас» перебивающимся и готовым к «серьёзной работе», потом и Людмила с его сотового телефона набрала номер журналиста Анатолия, полученный от Мятлева.

Тот ответил сразу, после второго гудка. Милейшим из своих голосов она представилась хорошей знакомой Леонида Ефимовича и сказала, что у неё имеется от него письмо, которое хорошо бы пере-

дать Анатолию Васильевичу в течение ближайшего часа.

— Письмо? Странно. Не эпистолярный век. Телефон потерял?

— Я сказала то, что меня просили. Назовите место и время, — подпоручик Вяземская добавила в голос совсем чуть-чуть металла, что и собеседник на той стороне трубки оценил, и Борис Иванович кивнул одобрительно.

— Возле Маяковского вас устроит? Через полчаса?

Смысла кодированно предлагать что-нибудь другое не было. Если номер Журналиста прослушивается, то его *поведут* с того места, где он сейчас находится. Впрочем — не факт, это случится только при условии, что «филёры» *пасут* его постоянно, днём и ночью, дома и на улицах. Иначе просто не успеют отреагировать. Местонахождение мобильного с редко используемой сим-картой в момент не заперенгуешь. А ему достаточно нырнуть в метро или поймать первого попавшегося частника — и «с концами».

Правда, подумала Людмила, чувствуется какая-то странность. Он предложил — через полчаса. Однако не так это просто — в будний день добраться до назначенного места, если уже не находишься в «шаговой доступности». Впрочем, что она себе голову забивает? Проще всего — сам он неподалёку и просто не подумал, что посланница Мятлева может находиться слишком далеко. Простейшая ассоциация — если она от Леонида, так и находится в «конторе» или рядом. Пешком не спеша дойдёт, тем более — она ведь сразу согласилась на предложение.

«Ребята» Бориса Ивановича подъехали даже быстрее, чем он обещал. На вполне приличной, но ничем не бросающейся в глаза серой «Волге»-такси с

логотипом фирмы на оранжевом «гребешке». Двое мужчин около сорока лет, высоких и крепких, с грубоватыми, но по общему впечатлению приятными лицами. Вяземская оценила выбор майора (но, может, у него других под руками просто не было), уж эти внимания гипотетического неприятеля не привлекают. Больше всего они похожи на вахтовиков-нефтяников в отпуске, а не на работников «плаща и кинжала». Даже обычной для кадровых военных выправки в них не чувствовалось.

Познакомились. Один Эдуард, другой Григорий. Уважительно пожали новой партнёрше руку. Ни малейшего «мужского» отклика она в их глазах не увидела. Скорее — сочувствие: «ну, не дал бог внешности, другим возьмишь». Людмила мысленно поблагодарила Дайяну. Красавице превратиться в чучело — пара пустяков. Наоборот — намного сложнее.

— Вы, товарищи, к войсковой разведке отношение имели? — спросила Вяземская.

«Товарищи» посмотрели на консьержа.

— Имели, имели, — успокоил он Людмилу. — Эдуард — командир разведбата, Григорий — ЗНШ¹ десантно-штурмового полка по той же теме.

Бывшие они или действующие, Вяземская уточнять не стала.

— Тогда, друзья, ведите себя сообразно. Городские топтуны к нашему стилю не приучены, просто ничего не поймут...

Без лишних разговоров сели в машину, Людмила впереди, Григорий на заднее сиденье. Она ещё раз повторила им свою схему.

— Даже если на ваших глазах меня с моим связником будут убивать — не вмешиваться. За одним

¹ ЗНШ — заместитель начальника штаба.

исключением — если в поле досягаемости увидите снайпера, способного меня достать из укрытия. Тогда постарайтесь его хотя бы отвлечь на несколько секунд.

Командир разведбата едва заметно улыбнулся.

— Мы по-всякому умеем. Машина чужая, зацепок от неё на нас — никаких. Бросим её — не хуже, чем в тайге потеряемся.

— Оружие?

— «Стечкины» с глушителями и много всякой восточной экзотики.

— Это лучше. Чем в городе стрельбу затевать — вернее сюрикеном или отравленной иглой из духовой трубки.

— Вы — очень серьёзная женщина, — уважительно сказал Григорий из-за спины. — Мы с вами нигде не могли пересекаться?

— Едва ли. Я на совсем других ТВД свои способности реализовывала.

Ребята, отчаянно-нагло пробившись через пробки центра (пешком вышло бы быстрее и спокойнее), высадили Вяземскую на подъезде с Дегтярного переулка к Тверской. Место было такое, что никто и не заметил, как Людмила выскочила среди тшцетно ищущих парковки машин и тупо пытающихся протолкнуться на метр дальше, в ещё больший затор.

Выбралась на тротуар, осмотрелась. Да, совсем неинтересная здесь жизнь. Глупая. Что стоит местному градоначальнику просто запретить проезд через центр города, кроме как по нескольким радиусам, а за остановку на любой другой улице или в переулке брать штраф в размере суточного заработка (именно так, а не фиксированную сумму). В её Москве такая схема работала великолепно.

Журналиста она увидела издалека, он стоял прямо перед основанием памятника, с букетом крупных ромашек. Вполне нейтральный вариант — со стороны смотреть, мужчина явно женщину ждёт. Так ведь и на самом деле... То, что они не знакомы, не имеет значения, всё равно ведь не откажется, а в то же время и не розы, те уже к чему-то обязывают. Тем более — голос «посланницы» ему чрезвычайно понравился. Обертон — сплошное очарование и именины сердца.

Она окликнула его со спины, он обернулся, и лицо его выразило откровенное разочарование. Плохо умел человек мимикой владеть. Да ему по профессии и не требовалось.

Цветы он ей, однако, вручил со всей любезностью, представился, только от целования ручки воздержался.

— Куда бы нам отойти, присесть? — спросила Людмила. — Разговор будет не очень долгий, но не посередине же толпы?

— Да вон, в начале переулка какие-то зонтики стоят, уж наверняка хоть пиво, хоть мороженое найдётся.

По внешности Вяземской лучше бы пиво, оно ей стилистически подходило больше мороженого, как и «Кэмел» вместо каких-нибудь дамских сигарет. Кроме того, массивные стеклянные кружки с тяжёлым дном больше годились на роль ударного и метательного оружия, чем пластиковая вазочка с такой же ложечкой. До того, как придётся использовать более серьёзные средства защиты и нападения.

Людмила осмотрелась и своих сопровождающих не увидела. Значит, схема маскировки на улицах у них другая, отличающаяся от её привычной.

Анатолий бегом прочёл письмо Мятлева, что на-

зывается, «по диагонали», потом второй раз, уже вдумчиво.

Сама Вяземская записку генерала читать не стала, как в её кругах принято было, раз тот сам не предложил. Об этом она сейчас пожалела — работа ведь, а не подиум для демонстрации благородства и воспитанности. Неизвестно, как будет коррелироваться информация, полученная Журналистом от Контрразведчика с тем, что ей поручил сказать Фёст. Она уже привыкла называть Ляхова-первого Вадимом только наедине, а так и в общении с людьми своего круга, да и в мыслях, если не личные — Фёст и Фёст. Удобнее.

— Что ж, Людмила, мне всё понятно. Я провёл в вашем мире полчаса, Леонид третьи сутки «изучает обстановку» на местности. Счастливчик. Я его столько знаю, что прямо вижу — он пишет записку, подпрыгивая от нетерпения ринуться в изучение никем до него не изученного. Не Меллоун, не Рокстон, натуральный Челленджер¹! Правда, намного красивее. В юности после девятого класса и до окончания института Леонид всё соображал — под кого ему «косить» — от Гриценко в «Хождении по мукам» до Олега Даля в «Операции «Омега».

— Вам разнос слишком большим не кажется? — осторожно спросила Людмила. Тут она вступила на тонкий лёд. Как может девушка, всего год живущая в человеческом, причём совсем другом мире, поддерживать умную беседу о вещах, известных ей крайне поверхностно? Хорошо, благодаря Фёсту, Воронцову, Наталье Андреевне она посмотрела и почитала достаточно, чтобы понять, о чем вообще

¹ Персонажи цикла повестей Конан Дойля, начиная с «Затерянного мира». Если кто ещё не читал, автор рекомендует.

сейчас речь ведёт Журналист, и ответить как минимум «в тему».

Но Анатолия реакция антипатичной ему женщины волновала очень мало. Он «токовал» о своём.

— Леонид счастлив, а вы мне поверьте — этот человек, несмотря на профессию, умеет радоваться жизни во всех её проявлениях. С юных лет — всему. От уведённой со студенческого вечера «царицы бала» до купленной за трояк у алкоголика книжки, которая у знающего букиниста нормально стоит не одну сотню. Я даже название той книги помню, хоть было это, скорее всего, до вашего рождения.

Мы с Генрихом (это он так Писателя назвал, полным именем, немедленно это пояснив) с самого начала были на вашей стороне и, если б от нас зависело, идею самого тесного союза с той Россией, вплоть до конфедерации, приняли бы безоговорочно. По поводу Мятлева были самые серьёзные сомнения. Мы не успели обсудить проблему в «узком кругу», договориться о совместной позиции, но считали, что комплот Президента, Мятлева и других товарищей, владеющих «конкретными» профессиями, нам вдвоём не разрушить.

— А почему вы сказали — «конфедерация»? Отчего сразу не «Федерация»? Или просто — «двухединая монархия» вроде бывшей Австро-Венгрии. Нераздельно и неслиянно. Каждая из Россий будет считаться по отношению к другой «заморской территорией», с равными правами «суверенных правителей» и общим, объединяющим всех подданных «высшим законом».

Людмила слегка увлеклась. Подобных деклараций ей Фёст произносить не поручал. Но ей нравилось мыслить геополитически гораздо больше, чем любой из подруг. У Фёста, наверное, нахваталась, а

скорее — у Секонда. С виду (не сейчас) — типичная «блондинка», а в душе не то Екатерина Великая, не то Маргарет Тэтчер.

Она не сразу заметила, что Анатолий смотрит на неё как-то слишком пристально. Ни её словами не мог быть вызван такой взгляд умудрённого двадцатью годами репортёрской деятельности и жизнью в «серпентариях», именуемых «редакциями», человека, ни нынешней внешностью.

— Зачем форсировать события? — мягко спросил он. — Мы не дошли даже до нормального союзнического договора. Всему своё время. Будем делать всё от нас зависящее в рамках возможного. Но я сейчас хотел спросить о другом, если вы не сочтёте это нескромностью. Наш друг Леонид, когда писал записку, был слегка «подшофе»¹?

— Не знаю ваших градаций, но три больших рюмки коньяка за завтраком он выпил.

— Для него это и есть «подшофе». Не пьян, но в слегка приподнятом состоянии мыслей. Иначе он не написал бы следующей, непосредственно к делу не относящейся фразы, позвольте я процитирую: «Остерегайся чар Л., с которой ты сейчас общаешься. Она, как и её подруга, — настоящие Цирцеи². Это приятно, но отвлекает от работы».

Людмила засмеялась. Анатолий печально вздохнул.

— Мне бы хотелось увидеть вас в истинном обличье. Ваш грим безупречен, но нельзя на него полагаться, сидя полчаса на расстоянии вытянутой руки

¹ Подшофе — искажённое простонародное произношение французского *echaufe* (подгулявши, навеселе).

² Цирцея — в греческой мифологии волшебница, коварная обольстительница, умевшая превращать мужчин в свиней.

от такого прожжённого журналюги, как я. Моя профессия — видеть людей насквозь и при нужде выворачивать наизнанку. До самой души, если она есть. Ваша маскировка годится на улице, в метро, в обществе поглощённых только собственными интересами и заботами людей. Я не хвальнось, но я — проницательный человек. Что тут первично, профессия или генотип, рассуждать не будем. Вы сумели «держать маску» ровно семь минут...

Анатолий снова взглянул на часы. Это у него было вроде нервного тика или профессиональная привычка — контролировать текущее мимо него время с точностью плюс-минус пять минут. Мало ли зачем пригодится.

— Неужели? — Вяземская состроила одну из самых неприятных гримас, допускаемых обликом.

Теперь засмеялся Анатолий:

— Всё! Наваждение давно закончилось, и ваши попытки «продолжать роль» выглядят как прощальный монолог Офелии в исполнении доярки из колхозной самодеятельности. Даже если бы я не обладал собственной наблюдательностью, слов такого Казановы, как наш Лёня, да ещё сказанных в подписи, вполне достаточно. Невозможно представить камрада Мятлева, специально, подчёркиваю, *специально* предупреждающего своего друга, втянувшегося в авантюру с неясными последствиями, не об опасности от *настоящих* врагов, а о той, что исходит от чар *вполне неприятной* женщины.

Тут вы очень здорово в стиль моего восприятия попали. Я даже в метро стараюсь на таких, как вы сейчас, не смотреть в целях сохранения душевного равновесия. И сразу крепко задумался, искоса вглядываясь в сидящую передо мной мымру — что бы Лёнины слова могли значить? Шифровка, да?

Боже ж ты мой, думаю, фигура у этой барышни обалденная, никаким прикидом не скроешь, а жесты, голос, интонации, взгляд!

Просто поразительно, как едва ли не впервые попавшая в наш мир молодая девушка сумела сконцентрировать в своём облике почти весь *негатив* нынешней жизни. Разве что у вас нашёлся очень талантливый консультант. Одному он вас не научил — некрасивая, потрёпанная жизнью тридцатилетняя женщина не в состоянии говорить голосом, от которого хочется «достать чернил и плакать». В какой-то момент почти физически захотелось потянуться рукой и сорвать с вас эту нелепую маску...

— И увидеть прекрасное лицо принцессы из сказки, — продолжила Людмила. — Увы, ничего не выйдет. Что есть, то есть, остальное — плод вашего излишне художественного воображения. О Мятлеве ничего не могу сказать — он у нас действительно нашёл себе девушку по вкусу. Но даже она — не Цирцея. «Валькирия», при условии, что Леонида можно считать героем...

Разговор увял, обсуждать больше было нечего, раз собеседница решительно от этой темы уклонилась. Анатолию, в конце восьмидесятых годов отдавшему на чёрном рынке больше месячной зарплаты за двухтомник «Мифы народов мира» и досконально его изучившему, намёк на «валькирий» и прочее, с ними связанное, даже несколько испортил настроение.

— Суть в чём, — вернулась Вяземская к тезисам Фёста. — Буквально через два-три дня мы хотели бы устроить очередную встречу с вашим Президентом. В узком кругу, без Императора и его сатрапов. За это время вам следует настроить нужным образом остальных своих друзей. Финансисту скажите, что

вопросы его компетенции могут быть решены в один день.

— Это, простите, как? — не понял Журналист.

— Элементарно. Ваша РФ одномоментно выплачивает все внешние долги за счёт пресловутых «валютных резервов», состоящих из раскрашенной резаной бумаги, акций и прочих иностранных обязательств. Все и сразу, я подчёркиваю. Этим самым она навсегда избавляется от экономической и политической зависимости. Если на другой день рухнет мировой рынок, финансовый я имею в виду, обесценятся доллар и евро до уровня инфляции двадцатых годов прошлого века — так и хрен бы с ними. Не менее ёмкие рынки сбыта имеются на нашей стороне, и с куда более разумными основами. Наше и ваше государство вполне соответствуют словам Пушкина: они «простой продукт имеют». Начнём торговать только на золото и на рубли. Хочешь в России что-нибудь купить, от нефти до хлеба и оружия — продай нам чего-нибудь интересного за *наши* «раскрашенные бумажки». Или — предоставь «платные услуги». Всё как на обычном рынке и даже восточном базаре. Вот тогда рубли будут рвать из рук везде, от Гонконга до Патагонии. А вы — включать печатный станок по мере надобности или под настроение.

— Такая шутка закончится всемирным хаосом и, возможно, полномасштабной войной, — ошарашенно сказал Журналист.

— С чего бы? Разве *ваши* законы запрещают выплачивать долги? Я думала — все только и жаждут ободрать должника.

— Именно за счёт процентов, а то и обычного бандитского «счётчика». Никому не нужен полный расчёт. Он-то и поведёт к катастрофе.

— Плевать, — со вкусом сказала Людмила. —

Когда американцы отменили Бреттон-Вудскую систему¹ и фиксированный золотой паритет доллара, мир не рухнул. Не рухнет и сейчас, поскольку наша Россия в состоянии обеспечить финансовую сторону вопроса полностью. Золотые запасы Империи превышают здешние американские и китайские, вместе взятые.

Что касается войны — о чём вы говорите? Какая может быть война? Кого против кого? Что, американцы согласятся получить десяток мегатонн *ваших* и китайских ракет по своей территории ради интересов Федеральной резервной системы? Или призрачная надежда получить вооружённой силой «дешёвую нефть» перевесит риск превращения всей страны в радиоактивную пустыню? Да они от своих башен-близнецов до сих пор очухаться не могут.

— Но можно и без ядерного оружия, высокоточным, как в Белграде и Ираке... — пытался отстоять свои стереотипы Журналист. — Американцы нас здесь сильно обгоняют.

— Не смешите меня. «Высокоточное оружие» имеет только психологическое значение. Если противник не сдастся, с ним так или иначе придётся воевать традиционным образом. В этом случае на вашу защиту встанет четырёхмиллионная кадровая императорская российская армия. Кадровая, — подчеркнула она. — А мобилизационный потенциал у нас — до сорока миллионов. — Тут Вяземская гово-

¹ С 1944 г. согласно заключённому в Бреттон-Вудсе соглашению доллар становился резервной мировой валютой с фиксированным курсом 35 д. за 1 тройскую унцию золота. К 1973 г. золотой запас США перестал обеспечивать поддержание паритета, и они, как всегда, в одностороннем порядке отказались от данного соглашения. В настоящее время доллар девальвирован к 1973 г. более чем в 50 раз, плюс 13 триллионов государственного долга.

рила как специалист, эти вещи у них изучали почти на каждом занятии. — Да и ваша армия по-прежнему кое-чего стоит. Так что в своей реальности о войне забудьте, не четырнадцатый и не сорок первый год. Нужно быть полным Спилбергом, чтобы вообразить американские пехотные дивизии, по колено в снегу продвигающиеся от Чукотки до Уренгоя со штыками наперевес. А вот *наши* войска, идущие к Ла-Маншу и Гибралтару «с ответным визитом», я себе очень даже представляю.

Вот то, что вы можете обсудить со своими друзьями. А через два дня к вам вернётся Леонид, надеюсь, с новой, ещё более обнадёживающей информацией. На этом всё. Мне пора идти.

— Я вас провожу. Или подвезу. Куда?

— Не очень далеко. Если хотите — пойдёмте. Минут двадцать пешей прогулки.

— С удовольствием, — сказал Анатолий.

В это время вопреки всем договорённостям за соседний столик грузно присел сопровождающий Эдуард. Пластиковый стул опасно хрустнул под его стокилограммовым телом.

— Эй, девушка, — крикнул он официантке, — три пива получше, немецкого, и пачку кальмаров.

Понятым Людмиле жестом он трижды сжал и разжал кулак, будто разминая затекшие пальцы, дёрнул головой назад и вправо, потом уставился тоскующим, жаждущим опохмеления взглядом вперёд, на перекрёсток площади и Садово-Триумфальной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Понятно, хотя и не дюже приятно», — вспомнила Людмила слова какого-то персонажа одного из многих сотен виденных ею местных фильмов и по-

вторила их вслух. Разведчик Эдуард услышал, и Анатолий недоумённо посмотрел на неё, не вышло это с предыдущим разговором.

— Дело вот в чём, — заговорила она, прижав к губам недопитую пивную кружку (так и по губам не прочитаешь, и направленный микрофон едва ли выделяет её голос из общего уличного шума, а Журналисту слышно), — за нами сейчас следит едва ли меньше десятка человек, меньшими силами входы и выходы с площади просто не перекрыть...

Анатолий непроизвольно присвистнул.

— Привели их сюда вы, за мной хвосту неоткуда взяться, но интересую их, конечно, я. Вы — персонаж известный, а вот я — пока «тёмная лошадка». Сейчас мы встанем и пойдём, как и собирались. Очень может быть, что весь наш предыдущий разговор уже записан. Мне нужно в центр, на Петровку. Вы со мной. Одному вам оставаться нельзя — вас немедленно задержат, невзирая на статус, и выколотят всё, что их интересует. Они и так за вами следили, а сейчас ваша ценность как «языка» значительно возросла.

— Да кто «они»? — подражая Вяземской, Анатолий тоже прикрыл рот ладонью с сигаретой между пальцами, поискал глазами зажигалку на столе. Людмила ему подала, одновременно отставив опустошённую кружку.

— Те, для кого наш план смерти подобен...

Людмила с Анатолием пошли вдоль бульвара в сторону Тверской.

«Вот же хреновина, — думала Вяземская, — накаркала».

Чего остерегалась, то и вышло. Город-то чужой! Планировку своей Москвы она знала наизусть, про-

фессионально. А здесь? Только направление улиц и некоторое количество зданий, пригодных на роль «реперных точек», совпадает. Нужных проходных дворов наверняка нет, и уличное движение совершенно нечеловеческое. У себя бы она сейчас, не затрудившись, угнала любую подходящую машину и через десять минут хорошей гонки была бы на месте. Водителей её класса здесь днём с огнём не сыщешь, просто из-за скорости реакции. Но при этом, очень условно говоря, «уличном движении» и ста метров не проедешь, даже по «встречке».

Кроме того, Людмиле обязательно нужно засечь «хвосты». Просто посмотреть на филёров, оценить для начала.

Идя по улице в людском потоке, да ещё и держась под руку, она могла говорить на ухо Анатолию вполне свободно. Нет здесь такой техники, чтобы забиваемый массой уличных шумов тихий, но отчётливый для слушателя шёпот вычленить.

— Раз хвост привели вы, — говорила Людмила, — это не бандиты, на которых я грешила. Те пришли бы за мной. И не милиция, с ней у моих друзей прекрасные отношения. Вывод — сотрудники Леонида?

— Ни в коем случае, — возразил Журналист. — Его «надёжные люди» меня знают. О чём угодно могли бы поговорить по-человечески даже в его отсутствие. Безусловно, в дело включились враги Президента. Лично у меня врагов такого «организационного уровня» быть просто не может. «Протечка» образовалась сразу, с первой встречи на даче с Императором, а то и раньше. Понимаете, в чём штука, Люда, я сейчас могу верить только себе, Леониду и Генриху. Всё! Не потому, что считаю кого-то предателем, упаси бог, мы дружим по тридцать лет, но мне

неизвестны их контакты и именно *сегодняшние* расчёты, вот в чём беда.

Вяземская могла бы сказать, что не нужно никаких «личных контактов», правильно настроенный Шар выдаст любую информацию по любому человеку. Только здесь, по счастью, «шаров» ещё не существует. Всякие местные «глобальные информационные сети» в лучшем случае — волокуша первобытного земледельца в сравнении с гоночным болидом. Но с чего она взяла, что против них используют только «местные» средства?

— Очень надеюсь, скоро мы всё узнаем, — сейчас внешность Людмилы вполне соответствовала её словам и настрою. — Главное — я вас очень прошу — если за нами не просто слежка, если нас попытаются захватить, по первой моей команде бросайтесь на землю и лежите неподвижно: Вообще любую мою команду исполняйте мгновенно и не раздумывая. В армии служили?

— Два месяца на институтских сборах.

— Надеюсь, чему-то и там можно научиться. Короче, пока всё не кончится — абсолютное, беспрекословное подчинение. Думать и действовать буду я.

Анатолий ей поверил. Он ведь и на самом деле боец никакой, а лежащий человек в любой заварухе привлекает гораздо меньше внимания, чемдвигающийся.

Он испытывал странное чувство — не то чтобы обычный страх (не мальчик всё-таки) и не предбоевой выброс адреналина (по той же самой причине), а будто попал в волшебную сказку (точнее — модное ныне фэнтези) и никак не может определиться, там он или всё ж таки тут.

В этом настроении шанс получить прицельную или шальную пулю не казался такой уж большой

опасностью. Непонятно отчего, он испытывал к предполагаемой красавице, замаскированной под заблудившуюся между молодостью и старостью мымру, полное доверие. По простому принципу — раз уж сумела из другого мира сюда попасть, к другому контрразведчику в доверие войти — и ему поможет.

Людмила в это время, сжимая портсигар в широком кармане, тщательно «сканировала» и свою сторону улицы, и противоположную, используя навыки, полученные в «печенеггах», и интуицию, заложенную в школе Дайяны.

Пятерых «филёров» она засекала сразу. Четыре мужчины и одна женщина вели их в довольно плотной «коробочке», со стороны метров в двадцать. Задача этой группы ясна — держать объект под плотным перекрёстным зрительным контролем. На силовые методы, кажется, не ориентированы. Но где остальные? Вот та шумноватая компания парней, среди которых несколько явно кавказской наружности, и есть, скорее всего, группа захвата.

На широкой Триумфальной, заполненной людьми, и празднующими, и спешащими по делам, Вяземская чувствовала себя некомфортно. Слишком много глубоких подворотен вдоль тротуара слева, слишком много припаркованных автомобилей, в том числе и микроавтобусов разной вместимости у обочины справа. Если взять их попытаются именно здесь, придётся работать на поражение, не считаясь с потерями среди мирных обывателей. Этого ей не хотелось. Случится такое — она раздумывать не будет, но зачем ей этот камень на совести?

— Уходим, — сказала она Журналисту, с которым до этого вела довольно громкий, доступный прослушиванию разговор, со стороны звучащий вполне «светски» — о том, как они с Гертой и Мят-

левым развлекались в своей Москве. — Сейчас в ближайший подземный переход, ты — впереди на шаг.

Со всеми, с кем приходилось действовать в боевой обстановке, она автоматически переходила на «ты». Интересное свойство русского языка.

Не доходя до Каретного Ряда, они, миновав уже середину спуска под землю, из которого тянуло духом подтекающей канализации, резко метнулись вправо, почти бегом, то маневрируя, то просто расталкивая встречных, тянущих по ступенькам свои сумки на колёсиках, перебежали не слишком длинный тоннель. Не замедляя шага, пересекли тротуар, углубились в Каретный Ряд. Хорошо бы успеть до сада Эрмитаж, там — выгодный для маневренного боя оперативный простор.

На этой улице было не в пример безлюднее, и филёры за ними отнюдь не бежали, как в романах Катаева, матерясь, топая юфтевыми сапогами и свистя в костяные свистки. Подобный вариант наверняка учитывался, первая группа передала «объект» следующей, контролировавшей правую сторону Садово-Каретной. Но и оттуда пока никто подозрительный не появился. Немногочисленные прохожие, что встречные, что попутные, опасений не внушали.

Но это совершенно ничего не значит. «При нынешнем развитии техники», как то ли говорил, то ли нет Остап Бендер, оторваться от с размахом организованной слежки почти нереально. Оптимизм в Людмилу вселяло одно: Фёст, знаток этого мира, утверждал — только за счёт разницы в менталитете и теории боевой подготовки «валькирии» способны переиграть любую здешнюю спецслужбу. Если, конечно, не с голыми руками на БТР.

Вот об этом как раз Вяземская и подумала. Смот-

рела, в качестве учебного материала, многие видео-записи работы полиции, что российской, что зарубежной.

Имелся у неё для неприятеля очень неприятный сюрприз. Сквозь левый карман джинсов легко было выхватить пристёгнутый к бедру двумя ремешками на липучках пистолет. Только вместо привычных «беретты» или «глока» Людмила взяла с собой необычную конструкцию, найденную в квартире. Шульгин развлекался или ещё Лихарев. Удобнейшая вещь в городских условиях. Может быть, для борьбы с ежовским НКВД предназначалась.

Нечто вроде многозарядной ракетницы, похожей на старинный «манлихер», но с коротким стволом шестнадцатого ружейного калибра. Перед спусковой скобой в него вставлялась обойма из шести патронов в папковых, чуть короче стандартных, гильзах (будет развлечение для криминалистов). Две трети гильзы занимала светошумовая пуля, совмещённая с капсулой дихлорарсина под очень высоким давлением.

Одной капсулы хватало, чтобы в зоне десяти метров создать совершенно невыносимую для человека концентрацию раздражающего носоглотку, глаза и лёгкие газа, почти независимо от ветра. Газ тяжёлый, силой разрыва поднимается на двух-трёх-метровую высоту и, пока не осядет, успевает подействовать во всю силу. Две молекулы хлора на молекулу мышьяка, плюс всякие добавки, способствующие лучшей усвояемости «действующего вещества». Любым «Черемухам» и иным «спецсредствам» по беспощадной эффективности до него далеко. Правда, с гуманностью тоже плохо. Всё-таки боевое ОВ, пусть и проходит по классу «раздражающих». Хорошенько глотнувшему дихлорарсина придётся ле-

читься долго, и нет гарантии, что без отдалённых последствий.

Вяземская любила разнообразить свой арсенал предметами необычными и экзотическими, для врага неожиданными. В карманах у неё имелось ещё три запасные обоймы, хватило бы, чтобы создать абсолютно непреодолимую без противогазов зону в несколько десятков метров шириной. Когда начнётся расследование, главное внимание, конечно, будет уделено этим гильзам и их химическому анализу.

Но в самый последний момент она сообразила, что даже на малолюдной улице без невинных жертв не обойтись. Пусть немногочисленные, прохожие всё же есть. Во дворах, судя по голосам, играют дети, во многих окнах первых этажей открыты форточки. Газ непременно потянет и туда, и у противников появится отличный повод для разнузданной пропагандистской кампании про террористов, перешедших к химической войне на улицах. Десяток пострадавших легко превратить в сотни отравленных насмерть, проверять никто не станет. А Фёсту потом оправдывайся перед Президентом. Может и не получиться, слишком сейчас всё в неустойчивом равновесии.

Значит, всё-таки блок-универсал. Людмила остановилась, повернувшись лицом к преследователям, извлекла из кармана куртки портсигар, раскрыла, будто собираясь закурить. Успокаивающий и отвлекающий внимание жест.

— А вон и наши «рыбы-лоцманы» появились, — весело сказала она, указывая рукой. Действительно, вся пятёрка сумела преодолеть встречный поток подземного перехода и сейчас настигала, больше не стараясь маскироваться между прохожими и вооб-

ще. Да и зачем? Во время «отрыва» от слезки всем всё стало ясно.

Но и чересчур наглядно-агрессивная компания — не главная, автоматически анализировала Вяземская сюжет вражеской акции. Эти, пожалуй, только загонщики. А настоящая группа захвата ждёт за ближайшим перекрёстком. Она бы, перестраховываясь, догадываясь о реальных возможностях противника, спланировала бы операцию именно так. Спровоцировать на активные действия, заставить обозначить свою тактику и показать своё оружие, и уже тогда...

— Сейчас, Анатолий, твоя сольная партия. Когда я начну прикуривать, кидайся на меня, как сумеешь. Хоть по голове бей, хоть руки начинай выкручивать. Я тебя несильно, но убедительно толкну, с театральным замахом и подсечкой, ты упадёшь, желательно — впритык к стене. И — не шевелишься, пока я не скажу. Если не скажу... — она чуть слышно вздохнула, — тебя поднимут другие. И уж им ты будешь говорить чистую правду. Всё, как есть. Кроме... Стой до последнего, что сразу почуял во мне врага, что я это подтвердила только что, отчего ты и бросился, в надежде на близкую, в нескольких шагах, помощь «своих». Баба, мол, и баба, а ты мужик со спортивной и прочей подготовкой. Думаю, как-нибудь с помощью Президента отмажешься. Начнут руки заламывать, в машину сажать — вырывайся, кричи, что хочешь, хоть «караул!»

— Люда, да ты что? — попытался возмутиться Журналист.

— Всё! Время. Бросок на меня сбоку, правой бей по шее, левой пытайся схватить портсигар. Пошёл!

Со стороны понимающему наблюдателю, хоть тренеру, хоть режиссеру, выпад Анатолия показал-

ся бы смешным. А и вправду — любому «штатскому» человеку изобразить мгновенную, неспровоцированную уличную драку очень тяжело.

Кое-как Журналист всё же замахнулся на девушку, что-то закричал, толкнул её в бок, попробовал вывернуть правую, свободную руку. В левой у неё был блок-универсал, и она её держала полусогнутой, ближе к груди. Если бы она первая его ударила, Анатолию было бы легче сыграть.

Но со стороны всё равно ничего не поняли. Какая-то сумятица между «объектами» возникла — и ладно! Главное — выиграть время. Девушка отлетела в сторону, потом согнулась, спутник, кажется, бил её сцепленными руками по затылку, через секунду уже она нанесла ему несколько почти невидимых со стороны, но хлестких ударов. Крепкий мужчина отлетел в сторону, с размаху приложился спиной да и головой, кажется, к цоколю дома и ватной куклой, явно без сознания, сполз на асфальт.

Преследователи прекратили играть в сыщиков и перешли на стремительный, спринтерский бег — двадцать метров всего до «объекта». Выдёргивали из кобур «скрытого ношения» и карманов пистолеты, заорали на пять голосов: «Стой! Руки вверх! Стреляем без предупреждения!» И прочую ерунду. «Печенег» такой театральщиной никогда не позорились. Надо убить — стреляешь. Надо взять живым — берешь. Тоже, бывает, стреляешь, но на устрашение и подавление. К чему кричать на полгорода? Любой нормальный зверь, от волка до гепарда, добычу молча берёт.

Ну вот сейчас, напоследок, и поймёте, что почём! Вяземская никогда не была злым человеком, оттого, наверное, в ней Дайяна старательно культивировала фенотип этаким принцессы из сказки, которой

любой взрослый человек и ребёнок охотно во всем поверят, и даже самый отпетый бандит не сразу решится по лицу ударить. А если вдруг решится — поздно будет.

Сейчас Вяземская не так выглядела, больше походила на «городскую партизанку» из банды Ульрики Майнгоф¹. Она стояла, широко расставив ноги, посередине дороги, и машущие пистолетами «сотрудники» начали тормозить. А вдруг это — шахидка какая-нибудь, и под курткой у неё пять кило тротила? Да самой Красной площади ошмётки тел лететь будут.

— Стой, подними руки, брось оружие. Лишнее движение — стреляем. И по ногам и по рукам, — прокричал левый в группе парень, похожий на опера из телесериала.

— Я вас не трогала. И оружия у меня нет, — отозвалась Людмила. — Сами же видите? Может, вы мимо, и я по своим делам? У кого есть постановление на арест — подходи.

С этими словами она положила палец на спусковую кнопку блок-универсала. Нужную команду успела ввести раньше.

«Опер» с направленным в грудь Людмилы «ПМ» сделал три шага. Остальные тоже целились не в воздух.

¹ Так называемая банда Баадера-Майнгоф, в 60—70-е годы называвшая себя «Германской Красной Армией», анархо-коммунистическая группа, занималась террором, захватом самолётов, сочувствовала палестинцам, вьетнамцам и прочим «несистемным» борцам за свободу. В середине семидесятых большинство членов группы, находясь под судом ФРГ, покончили с собой. Вполне могли бы войти в «Чёрный интернационал» Катранджи. Высокообразованные, статусные европейцы, готовые на смерть ради уничтожения европейской цивилизации.

С максимально противным лицом кадровой правозащитницы Вяземская ещё раз спросила, есть ли у них постановление суда или прокурора.

— А зачем, девушка? — голосом мента, который так рад своей удаче, что может позволить себе говорить вежливо, в пределах УПК, — вы только что принесли в присутствии пяти свидетелей (любому суду достаточно) телесные повреждения как минимум «средней тяжести» этому вот гражданину. — Он указал стволом на неподвижного Журналиста.

— А он меня изнасиловать собрался, — ответила Людмила.

— Ну вот поедём сейчас в отделение, там и разбираться будем. Или вам «тройак», или ему «черво-нец». В любом случае на три часа мы вас обоих задержать имеем право...

Людмила оглянулась. За спиной почти чисто, не считая нескольких припаркованных автомобилей и торопливо рассасывающихся по подворотням и магазинам прохожих. Народ здесь юридически грамотный — при виде обнажённого стрелкового оружия предпочитает уйти с линии возможного огня.

Вяземская прикинула угол раствора луча на данном расстоянии. Слегка не хватает, но подстраивать некогда. Пусть подойдут чуть ближе.

— Ладно, уговорили, — прежним агрессивно-вызывающим голосом сказала Людмила. — Сдаюсь. Но немедленно вызову своего адвоката, и вся ваша гнусная провокация пойдёт в Интернет. Президенту это не понравится, тем более вон тот охламон — его личный советник. Как вам, звёздочки плечи не тянут?

Кто есть Анатолий, знал как минимум старший группы. «Втёмную» на таком уровне не работают. Другое дело, облегчает этот факт участь Людмилы и

Журналиста или отягчает до предела — пока непонятно.

Вяземская вспомнила присказку Секонда, долго прослужившего в Израиле и даже имеющего тамошние награды: «Исход евреев не всегда летальный».

Пятеро чуть расслабились, видя, что женщина стоит посередине мостовой всего лишь с портсигаром в руке, из которого только что взяла и закурила сигарету, и никакого оружия на ней не просматривается. Куртка короткая, пояса не прикрывает, расстёгнута, подмышечных кобур не видно, да и при тонкости её фигуры и майке в обтяжку, заправленной под обычный, типа офицерского, ремень, «пояс шахида» спрятать негде. Разве что грудь настоящая у неё «нулевого» размера, а всё, что выступает — хорошо оформленный пластит.

Чего-то подобного старший группы всё же опасался, хотя знал, что в нескольких шагах ждёт своего момента мощная поддержка, и оттуда тоже наблюдают за происходящим. Но если рванёт как следует — что ему с той поддержки?

— Подойди к стене, обопрись расставленными руками, ноги на ширину рук.

— Может, мне ещё и штаны для тебя снять? — нагло ответила Людмила, убедилась, что вся группа подтянулась в нужный сектор, и включила блок-универсал. Она его крайне подло (но по-своему гуманно) настроила на шокоевое воздействие по нервным узлам, в том числе и тем, что управляют сфинктерами выделительных систем организма, перистальтикой кишечника и прочей физиологией. Попавший под удар человек на полчаса и больше превращался в подобие глубокого идиота. Эффект был мгновенный и крайне неэстетичный. В любом слу-

чае, смотреть на пятерых человек, из них одну девушку, которые в подобии эпилептических судорог дёргались на асфальте, весьма неприятно. Особенно если из них неудержимо и очень активно выделяются все отходы жизнедеятельности. И звуки, и амбре, как в холерном бараке, усугубляли картину.

— Анатолий, бегом! — крикнула Людмила, и тут из-за угла задним ходом выдвинулся «Мерседес», раскрашенный в характерные цвета и набитый омоновцами в бронежилетах и касках-сферах. Действительно, навели они на кого-то страху! До полной потери здравомыслия. Это уже настоящая войсковая операция, без всяких шуток, буквальное исполнение команды «Любой ценой». Только снайперов на крышах не хватало, вот тогда Людмиле с Анатолием действительно конец!

Повторять с этими бойцами тот же фокус не имело смысла. Неизвестно экранирующее действие титановых доспехов. Продержится хоть один лишнюю секунду, нажмёт спуск автомата — и достаточно.

Зато очень удачно у автобуса была на всю ширину открыта сдвижная дверь и почти все окна. Похожие на регбистов стражи правопорядка собрались стремительно десантироваться. «С неба — в бой!» Будто очередной «Марш несогласных» тут планировался.

Вяземская выдернула из кармана свой пистолет и положила все шесть пуль внутрь автобуса. Не разбирая, в людей она попадает, в стенки или крышу.

Всё. Через секунду после оглушительных хлопков и ослепительных вспышек, которые и без всякого газа могли вывести из строя весь отряд, автобус заполнился беловато-жёлтым дымом.

Несколько человек выпало наружу, задыхаясь от рвущего лёгкие кашля, с дикой резью в глазах —

словно серной кислоты плеснули, начали кататься по асфальту, уже не представляя опасности. Тем, кто остался внутри, было ещё хуже. И бежать некуда, и концентрация газа выше.

«Ничего, — злорадно подумала Людмила, — вы бы нас тоже не пожалели». Она видела по здешнему аналогу дальнови́зора, что умеют делать ребята в такой форме с уличной толпой.

То, что они умеют не только бить палками и ботинками безоружных, но и воевать, когда нужно, по-настоящему, «не щадя живота своего», Вяземскую сейчас не интересовало. Враг — это тот, кто здесь и сейчас против тебя.

— Анатолий, сматываемся, — снова крикнула она совершенно потерявшему ориентацию Журналисту. Раньше репортёры покрепче были, мельком подумала Людмила, вспоминая фронтовых военных корреспондентов. — Язык нам нужен, — и побежала к старшему первой группы, что угрожал ей пистолетом.

Находиться возле него было тяжело чисто физически, не говоря о более высоких чувствах. Несмотря на то что блок-универсал был сразу отключён, руки и ноги только что вполне активного, пребывавшего в боевом азарте человека всё ещё беспорядочно подергивались, брюки были полны, вокруг растеклась обильная лужа. Пистолет валялся в трёх шагах.

Вяземская подумала, что если штатный — пригодится для идентификации, подобрала и сунула в карман.

Журналисту тоже стало совсем нехорошо. От зрелища и от запахов. Да ещё и со стороны автобуса газом начало накидывать.

— Какой язык? Как ты такого потащишь и куда, главное?

До Анатолия начало доходить, что попал он в крайне неприятную историю, как бы не тщательно спланированную провокацию, и у него остался единственный выход — бросить эту дурную девку, уже заработавшую себе лет десять тюрьмы, и переулками, переулками — в резиденцию Президента. Как во времена Ивана Грозного: «Кинуться в ножки, каяться и вымаливать прощение», всё рассказывать и уповать на лучший исход.

«Так ведь не будет лучшего, — внезапно подумал Анатолий. — Раз начались такие игры, друг-Президент или «выдаст меня с головой» тем, кто сейчас считает себя сильнее, или придётся, упаси бог, как Сальвадору Альенде¹, отстреливаться вместе с ним с балкона. Так что всё — ловить нечего. Последний достойный шанс — с Людмилой и её друзьями — до конца! Леонид после такого тоже никуда не денется».

— И как ты себе это представляешь? — неожиданно деловито спросил он Вяземскую, брезгливо кривясь. — Тащить вот это к милиционерскому автобусу и на нём прорываться? Или такси возьмём?

— Видали мы таких белоручек, — возмутилась Людмила. — Да прикажу — на руках его понесешь...

Мужчина в это время корчился уже впустую, радикально опорожнился.

Вяземская, стремительно перемещаясь от тела к телу, собрала разбросанные по мостовой пистолеты. Она представляла, что её видят сейчас сотни людей. Через окна квартир, магазинов, из-за углов и из подворотен. Очень может быть — фотографируют,

¹ Сальвадор Альенде, законно избранный президент Чили, прогрессист и социал-демократ. В 1973 г. свергнут военной хунтой Пиночета, погиб с автоматом (подаренным Фиделем Кастро) в руках, обороняясь в президентском дворце Ла-Монеда.

хотя бы телефонами. Очень это здесь сейчас модно. Но ей было всё равно. Лишь бы раньше времени не вывернулись с обеих концов улицы вражеские машины. Тогда снова стрелять...

Но обошлось.

На девушку-оперативника ей было смотреть особенно неприятно. Тем более, для «работы» она приделалась поизящнее, и теперь всё это бывшее великолепие изгажено с ног до головы.

«Кто же тебя, милая, отмывать-то будет? И как после этого?» — то ли сочувственно, то ли просто с профессиональным любопытством подумала Вяземская. В конце концов это — лучше, чем снарядный осколок в живот.

Обернулась. Ещё раз прошлась взглядом и по автобусу, из которого сумели выползти на улицу почти все омовцы (тренировка, однако), полностью потерявшие боеспособность. Стонали, кашляли надрывно, плевались, ничего не видя из-за потоков слёз. Отползший дальше других старший лейтенант возился со шприц-тюбиком, стараясь через штаны воткнуть в бедро иглу.

Людмила схватила Журналиста за руку. Намеченный язык оказался между ними. В самый раз вроде.

Включила блок-универсал на режим перехода, практически не могущего особенно сильно поколебать «эфир». Пространственно — меньше километра, по времени можно и ноль в ноль. Другого выхода она просто не видела. Прогнать через центр Москвы дико воняющий ядовитым газом омовский автобус, сбивая в случае необходимости встречные и поперечные машины, — сумела бы, но зачем? Не американское кино всё-таки. Да и что — прямо к

подъезду парковаться, и грязное тело, с которого льётся, на третий этаж тащить? А потом?

Совсем чётко, прямо в ванную, у неё перенос не получился. Материализовались посередине коридора, метрах в десяти от нужной двери.

По-офицерски матерясь, не обращая внимания на изумлённый взгляд Анатолия, на которого её фразеология произвела больше впечатления, чем мгновенное перемещение с улицы в обширную, пустую и тихую квартиру, Людмила осмотрелась. Хорошо, Герты с Мятлевым здесь не было, гулять отправились. А чего не гулять мужчине с красивой девушкой, если кирпич денег, почитай, с неба свалился? Вся Москва его, пусть и чужая.

— Давай, берись, тащим, — приказала она.

Языка свалили в ванну, и Вяземская включила воду на полный напор. Пусть откиснет вместе с костюмом, да заодно и в себя придёт. Потом грязные и мокрые шмотки в мусоропровод сбросим, обсушим, во что-нибудь переоденем, тогда и поговорим.

Всю грязную работу она решила поручить Журналисту. Ничего с ним не сделается, тем более, пока Мятлев не подтвердил его полномочий, он вроде как тоже военнопленный.

— Слушай, — спохватилась она, — пока он не совсем вымок, всё из карманов — сюда. И сиди с ним, чтобы не захлебнулся и вода через край не перелилась. Прополощется — поможешь раздеться, шампунем облей погуще. Станет чист и благоухающ, как невеста перед свадьбой, тогда приодень, обувать не надо. Вещи я сейчас принесу. В разум придёт, тогда и поговорим. И ещё — возьми вон тряпку, паркет, где он следы оставил, выдрай, как палубу крейсера к высочайшему смотру. Воняет... — Людмила впервые позволила себе скривить-

ся от отвращения. — Дезодоранты — вон, на полке. Ванна наполняется минут десять, успеешь...

— Послушайте, Людмила, вы себя ведёте... Я к вам в лакеи на подрыжался... — попробовал «взвиться» Анатолий.

— Всё, Анатолий Васильевич, всё, — почти грубо сказала Вяземская Журналисту, человеку вдвое себя старше. Впрочем, в данном облике она могла сойти и за ровесницу. — Все ваши понты и «комильфопривычки» остались за бортом. Считайте себя рядовым, призванным в часть с оч-чень вредным взводным командиром. Но отделенные — ещё хуже. У нас, в отличие от вашей «демократической армии», дисциплинарные права ротного, к примеру, командира, выше, чем у вашего Генерального прокурора. Десять лет арестантских рот, бессрочная каторга или расстрел перед строем из личного оружия считаются вполне обычным делом. Наказанные редко возражают.

— Боже, куда я попал? — пробормотал Журналист, приверженец «прав человека» и безусловного примата личности над государством, с трудом попадая огоньком зажигалки в кончик сигареты.

— Из вселенского бардака в относительный порядок. Выбор у вас невелик. Или слушаетесь подпоручика Вяземскую, или возвращаетесь на известный нам перекрёсток. Там с вами, может быть, поначалу будут говорить вежливо, но только поначалу. Уж лучше сейчас в коридорчике пол протереть. В тюрьме коридоры стометровые и сортиры на двадцать очков.

Анатолий с выражением лица Васисуалия Лоханкина, произносившего бессмертные слова: «А, может быть, в конце концов, именно так и надо? Может, в этом и есть великая сермяжная правда?

Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва... И я выйду из этого испытания...» — решил больше не спорить. Приключения-то начались нешуточные, грандиозные, можно сказать, до капризов ли тут?

«Ему, наверное, сейчас овсянки без молока и сахара бы неплохо», — прикидывал Журналист, глядя на пришедшего в себя, но слабого, как больной младенец, бледного в прозелень оперативника. Когда-то, давным-давно, ему довелось подцепить в предгорьях Памира натуральную, классическую холеру штамма «Эль Тор», почти не смертельную, но жутко мучительную, и он очень хорошо понимал своего «пациента».

За время его отсутствия Людмила воспользовалась ванной и косметическим кабинетом Сильвии, обеспеченным абсолютно всем, что может потребоваться женщине в «войне полов», как однажды выразился Ремарк устами своего героя¹. Гомеостат избавил её от морщин, угрей, грубой серой кожи лица, кругов под глазами. С остальным она справилась сама.

В любимом кабинете «старших братьев», куда ей попадать удавалось не слишком часто, она, приведя себя в порядок и переодевшись по вкусу, расположилась по-хозяйски. Сейчас-то никто не попросит «освободить помещение», а для других полезно будет увидеть её здесь и так.

Вяземская просторно раскинулась в глубоком кожаном кресле перед письменным столом (чтобы её хорошо и сразу было видно от дверей), снимая стресс кофе с коньяком и настоящей, крепкой сига-

¹ См. роман Э. М. Ремарка «Черный обелиск».

ретой, а не так называемой дамской, без вкуса и запаха.

На тумбочке напротив стоял полутораметровый экран дальновизора (телевизора, по-здешнему, но какого качества! Плазменный, говорят). Красавица-дикторша, не совсем славянской наружности, как раз рассказывала, натянуто улыбаясь, о стычке городского ОМОНа с какими-то хулиганствующими или бандитствующими элементами.

«Потеря у сил правопорядка нет, — говорила дикторша, не имея возможности показать картину с места происшествия, телевизионщики не успели подъехать, хоть там совсем недалеко, — но в центре города наверняка действует очень дерзкая и хорошо вооружённая банда. Призываем всех граждан, живущих в этом районе, из квартир не выходить. Преступники не останавливаются перед применением оружия. Не переключайтесь...»

Глупость дикторша сказала или те, кто ей текст подсунил. Нет бы хоть что-то ближе к правде придумать...

В кабинет вошёл немного начавший понимать дисциплину Журналист. Увидев Людмилу в новом облике, он слегка обалдел. Телевизор его не заинтересовал. Он просто не видел дикторшу и не слышал её сообщения, он смотрел на «чудное», но очень суровое «видение».

Как-то сразу ему стали понятны слова из записки Контрразведчика.

Перед ним сидела не просто красавица — девушка, каких он в своей жизни просто не видел. Фото-модели не в счёт — у тех просто до предела отшлифованные «фотошопом» лица. На прочее возможностей техники не хватает. Не зря же в случае прямой видеотрансляции «самых-самых» оператор

ры стараются удерживать их на задних планах, даже если они и в «боевой раскраске». Редко у кого из нынешних звёзд лицо гармонично сочетается с телом, а главное, манерой поведения.

Он не усомнился, что перед ним Людмила, а не кто-то другой — на это мужского чутья хватило. Но то, что он перед собой видел...

Вяземская не собиралась его соблазнять, просто так, в компенсацию пережитых ею часов в личине противной, грубой и грязной бабы, захотела показать, кто и что она есть на самом деле. Тщательно вымытые волосы плавными платиновыми волнами падали на плечи и ниже. Яркие, прямо ласкающие глаза, чуть припухшие, готовые улыбаться губы. Неужели именно они совсем недавно произносили квалифицированную, знакомую Анатолию только по журналистским делам фразеологию? И тело, одетое в васьиковое кружевное платье (типа «маленького чёрного» Коко Шанель), но совсем, совсем другое.

Что и кто здесь виноваты? Интригующая записка Мятлева, заставившая его долго искать соответствие слов друга внешности «связницы». Чёрт с ней, с одеждой, у неё ведь было лицо потасканной бабы, что легко изобразить с театральной сцены, в расчёте на полсотни метров расстояния и зрительское изображение, но не с полуметра же. Он-то понял, что она «не такая», но *какая* — вообразить не мог.

Людмила встала ему навстречу. Журналисту стало ещё хуже. Под кружевами почти беспрепятственно просматривалось идеальных форм и пропорций тело. Ноги... Ноги тоже да! Такое под джинсами прячут только феминистки с отягощённой наследственностью.

Анатолий сейчас даже не соотносил девушку с квартирой, где они оказались. А следовало бы.

Он был покорён сразу и намертво. Не влюблён — это звучит примитивно. Журналист готов был припасть к её коленям (лобызать их), вот именно, без всякой надежды на взаимность. Она была ему просто не нужна в ином, чем объект поклонения, качестве. Словно Дон Кихоту — Дульцинея Тобосская.

Пожалуй, Вяземская слегка перестаралась, используя один из комплектов чар серийного набора. Теперь придётся отыгрывать назад. Зачем ей лижущий ноги щенок, если предстоят серьёзные дела. Преданный волкодав — нормально, но не такое вот...

Надо срочно приводить компас в меридиан.

— Анатолий! — будто снова командуя ротным разводом, не громко, но с обертоном, заставляющим вибрировать нужные фибры души новобранца, приказала Людмила: — Первое — прекратите пялиться на детали, к службе отношения не имеющие. У вас что, жены или любовницы нет? Разденьте, поставьте «смирно» и любуйтесь от отбоя до подъёма! Разрешается использование портновского метра, циркуля и иных измерительных инструментов, а также анатомических и прочих справочников.

Подпоручик своей цели добилась: наваждение ушло, и Журналист вновь был готов к несению службы. По-прежнему с радостью. Но — другой.

— Тот, кто в ванне мокнет, — жив? Как себя чувствует? Вы ведь это хотели доложить?

— Ему бы что-нибудь укрепляюще-возбуждающее вколоть, совсем слаб... Но в сознание пришёл.

Вяземская снова села, сочтя долг вежливости исполненным:

— Вытрите, оденьте, потом заставьте выпить таблетку бензедрина¹. Лучше — две. В аптечке слева от зеркала. У вас он запрещён, но мне плевать, мы уже не в вашей дурацкой стране, где людям и пистолеты носить запрещают. Чтобы убедиться — выгляньте в окно.

Анатолий выглянул и увидел совсем не тот город, к которому привык с детства. Но и этого его не взволновало, скорее обрадовало. Уж сюда за ними омовцы и чекисты не вломятся. Ему уже пришлось с Президентом побывать «за гранью», но теперь вместо нескольких жалких минут, испорченных одновременно недоверием и внутренней дрожью — удастся вернуться обратно или нет? — в его распоряжении сколько угодно времени. Он так и подумал — «сколько угодно», ещё не понимая, почему это пришло вдруг в голову. Не самый, кажется, подходящий момент.

Он снова скользнул глазами от щиколоток Людмилы до обреза юбки, потом выше и до самого лица.

— Знаете, Анатолий, я начинаю в вас разочаровываться, — сказала Вяземская до предела холодно. — Я могу для вас раздеться. Совсем. Хотите? — Она сделала жест, намекающий, что сейчас стянет через голову свой намёк на платье. — Неужели вас что-то удивит, в ваши годы? В другой обстановке,

¹ В 40—50-е годы коммерческое название препарата группы фенаниминов. Официально выдавался лётчикам, десантникам и т.п. как стимулирующее средство, повышающее внимание, работоспособность, эмоциональный тонус, отдаляющее потребность в сне, пище и отдыхе. У выживших военнослужащих Второй мировой войны вредных последствий применения препарата не отмечено, тем не менее в 1970—1980-е годы фенанимины признаны тяжёлыми наркотиками и запрещены к употреблению.

чтобы изменить акцентуацию ваших мыслей, я с удовольствием отправила бы вас с полной выкладкой на штурмполосу... А потом в душевую, у нас они на полигоне общие, и после марш-броска ни у кого никаких побочных мыслей не возникает. Я доходчиво объяснила?

— Люда, поймите меня правильно, — проникновенно, едва не с надрывом в голосе сказал Журналист, — я ничего такого и не думал. Я просто не могу смотреть в ваши глаза. Они.. Они...

— Так и не смотрите, — резко сказала Вяземская. — У меня есть любимый муж (тут она слегка преувеличила), а я из тех женщин, на которых чужие комплименты не действуют. Моими глазами разрешаю любоваться в свободное от службы время. Даже фотокарточку могу подарить. А пока — ведите нашего языка.

Анатолий вышел из кабинета слегка подавленный, но одновременно и восхищённый. Случай примерно как в романах Вальтера Скотта. У него появилась «дама сердца». Никаких надежд на физическое сближение (да оно его совершенно не интересовало), но зато есть возможность выходить на рыцарские (или какие-нибудь ещё) турниры, повязав себе на рукав платок её цветов. А интересно — какие Людмила придумает себе цвета специально для него? Или они у неё уже есть?

Вяземская разложила на столе простенький телефон, слегка подмокшие служебное удостоверение капитана МГБ Рейнгольда Юрия Юрьевича, его бумажник с визитками, дисконтными картами в разные магазины, прочей мелочью, что её весьма удивило — затрепанный, часто употребляемый библиотечный читательский билет (надо же, какой эс-

тет, Интернета ему не хватает!), пистолет, немного, в пределах полутысячи, бумажных денег и мелочи. Да, не олигарх и не гаишник, идущий с дежурства. Такой же фактически, как она, служака. Ну, послали дураки-начальники, он и нарвался...

Но сентиментальности она поддаваться не собиралась. Какой-нибудь моджахед из легионов Катранджи тоже мог ходить в библиотеку, питаться сухой лепешкой и улыбаться детям, собираясь на очередное задание. Прикажете и по этому поводу умиляться?

Вяземская твёрдо помнила истину — главное, какие погоны ты носишь, а ангел в душе или демон, никого не касается, пока «судия, не доступный звону злата» не спросит.

Капитан выглядел более чем хреново. У бедного Юрия сейчас слизистая с половины кишечника облезла. Вяземская его не слишком поразила. Не до баб ему было, тяжело пострадавшему и провалившему операцию. Точнее — порученную ему часть. Просто легкий огонёк любопытства появился в глазах при сравнении объектов: за кем он гнался и кто его сейчас допрашивает.

Ничего, подумала Людмила, минут через пять бензедрин достанет как следует, тем более — две таблетки сразу. В бой парня посылать можно будет, в штыковой. Часа через три зайдёт от нервного и физического истощения, а до того, если раньше не убьют, — как огурчик будет.

— Садитесь, капитан, — сказала она, вертя в руках его удостоверение. — Мы — коллеги. Я тоже офицер, поставленный охранять интересы государства. Зовут Людмила, фамилия Вяземская, чин — подпоручик...

Рейнгольд слегка дёрнулся.

— Анатолий, — крикнула она в проем двери, — принесите капитану крепкого, очень сладкого и не горячего чаю.

Себе она налила ещё чашечку кофе и рюмку коньяка.

— Вам спиртного никак нельзя. Поверх бензедрина — крышу сорвёт даже соломенную. Потерпите немного, поговорим, потом станем вас лечить. Или — не станем...

— Закурить дайте, — попросил «чекист».

— Курить не возбраняется. — Она жестом императрицы подвинула к нему папиросную коробку. В своём мире капитан последние десять лет если и видел этот сорт табачных изделий, так только в виде плохого «Беломора».

— Вы так жестоки? Не оказать помощи раненому и пленному? — спросил Рейнгольд, прикуривая и с изумлением рассматривая картинку на крышке «Корниловских». Не потребовалось даже держать паузу, чтобы отдалить момент «настоящего» разговора, и непременно должную возникнуть тему, что же случилось с их организмами.

— Какие вы странные термины употребляете, — удивилась Вяземская. — Ещё раз посмотрите на коробку. Причём тут жестокость? Давайте просто поменяемся местами. Захватив меня во время разведпоиска в нынешнем виде, — она вытянула ногу и внимательно её осмотрела, давая возможность полюбоваться и Рейнгольду, — долго бы вы сохраняли джентльменские привычки, если они у вас когда-нибудь и были? У вас какая стояла задача? Взять меня живьём и доставить во внутреннюю тюрьму. В течение часа получить признательные показания. Об УПК речи не было, правильно?

— Вас? — удивился Рейнгольд. — Я вас в первый раз вижу, а охотились мы за опасной террористкой, нисколько на вас не похожей. Что и подтверждается — она применила ядовитый газ поразительной поражающей силы.

Капитана аж передёрнуло.

— Кто вы такая вообще? Что за «подпоручик»? «Корниловские» папиросы. Мы что, на Гражданскую попали?

— Как любят говорить в ваших «органах», — Вяземская снова улыбнулась, — кстати, какая изумительная самохарактеристика: «я — член органа!» Наверное, и девушке так представляется? Так вот, это ведь у вас говорят: «Вопросы здесь задаю я!»?

Рейнгольд поморщился. Умеет красotka неопровергаемые пакости говорить.

— Главное — мы с вами сейчас будем беседовать не спеша и последовательно, — перешла Вяземская на строгий тон. — Если будете нагло врать — буду наказывать. Способы у меня есть, — Людмила опять улыбнулась, ещё более очаровательно, чем недавно Журналисту. Даже на чекиста исходящие от неё флюиды подействовали. Бензедрин начал действовать, а он не только общие функции организма стимулирует, он все виды эмоций обостряет.

Несмотря на физическое и нервное потрясение, капитан не мог поверить в пугающие слова столь красивой да вдобавок и внушающей безотчётную симпатию девушки.

Мир плыл... То, что было в «конторе» несколько часов назад, перекрывалось совсем недавними, категорически иного плана впечатлениями: брусчатка переулка, врезающаяся грязными гранями в щёку, жуткие спазмы в кишечнике, боль вдоль всех нервных стволов, лишаящая воли и разума!

Да какой там разум? За последние полчаса память восстановилась, а что касается разума, в широком смысле...

— Так, давай коротко и быстро, — сказала «подпоручик», словно не думая о своём, совсем не подходящем для допросов наряде. — Конкретно, по минутам, с самого начала. Кто вызвал, какой приказ отдал, как нас нашли... Речь ведь не о поимке кавказских террористов шла? Моего спутника вы не могли не знать. Или — его тоже в расход, чтобы все концы в воду?

Анатолий сидел на диване за спиной пленника, по профессиональной привычке держал в руке включённый диктофон. Лицо у него было бледное, под глазом дёргалась жилка.

— Я не могу! Вы что, не понимаете? Вам это тоже лучше не знать! — Рейнгольд подался вперёд, взглядом будто старался загипнотизировать своего «следователя». — На том уровне, где мне отдают приказы... Сами же видели — никому нет дела, кто вы и кто ваш поделщик... Вас найдут — через час или чуть позже. Никуда не спрячетесь, и не надейтесь. Лучше сдайтесь сразу, это зачтётся. И вам, и мне... — последние слова он произнёс с какой-то сумасшедшей надеждой. Вдруг, действительно, его слова дойдут до этой странной девушки и того, кто шумно дышит за спиной. Они поймут, тогда по крайней мере у самого капитана появится шанс оправдаться...

— Парень, я тебя не поняла, — от всей души удивилась Вяземская. — Прежде всего — для своих начальников ты уже покойник. Кто ж тебя в живых оставит, допущенного к *таким* тайнам?! Забыл, что с *отработанным материалом* в сталинские времена делали, да и позже тоже. Твое счастье — ты теперь не там, ты в чужом, куда более гуманном мире. Не

веришь — подойди к окну, разрешаю. Выбрасываться, как Савинков, не стоит, стёкла пуленепробиваемые. Как только заметишь на улице что-нибудь знакомое — махни мне рукой. Я тоже поинтересуюсь.

Пока Рейнгольд смотрел, обеими руками оперевшись о подоконник, Людмила налила себе и Журналисту ещё рюмочку (Анатолию это действительно требовалось, а сама она просто *создавала образ*), налила кофе и опять закурила. Этакая женщина-вамп. Отчего-то они мужчин пугают сильнее всего. Видимо, своей непредсказуемостью и несоотнесенностью с нормальным дамским, а равно и девичьим поведением.

— Там какая-то не та Москва, — тоскливо сказал капитан, возвращаясь к столу, и принялся за свой сладкий чай. — Только здания похожи, и то не все...

— А я тебе что сказала? Конечно, не та. И я не лейтенант, а подпоручик. Вернуться назад отсюда возможно, это не «тот свет», а просто слегка другая реальность. Как только разговор закончим и он меня удовлетворит, могу перекинуть тебя в любое место хоть Москвы, хоть России. Даже пистолет и документы верну. Правда, едва ли кого-то сумеешь убедить, что тебя срочно в спецгоспиталь надо. А вдруг и отвезут, так всё равно вскоре помрешь от отсутствия внятного диагноза.

Тут Людмила слегка блефовала. Выздоровел бы он и без всякого лечения — покой, диета, ничего больше. Но он-то этого не знает, а симптомы выглядели весьма пугающе.

— У тебя выбора ну совершенно никакого нет, — сочувственно сказала Вяземская. — Ты сам сказал: «объяснения во внимание не принимаются». Да и что принимать? Задание провалено не то чтобы с треском — с шумом и вонью. Да на глазах сотни сви-

детелей. Если старший группы ты — и виноват ты. Тем более, в плен к «террористам» попал, и вдруг вернёшься, чистенький и благоухающий, в то время как твои товарищи...

Меня только одно радует — твоим начальникам сейчас намного хуже. Они ведь наверняка без согласования с Президентом операцию по захвату и ликвидации его лучшего друга готовили. А друг пропался, ушёл неизвестно куда и сейчас, возможно, как раз Президенту и докладывает. Как думаешь — хватит у Президента власти с этой «фрондой» справиться, или его сейчас, как Павла Первого?

Она вдруг вскочила. А ведь действительно!

Контрразведчика там нет, Анатолия нет. Войдут сейчас «серьёзные товарищи», объявят через полчаса по всем российским радиостанциям, что нас постигла «невосполнимая утрата», и так далее.

— Анатолий, быстро к телефону. Вот к этому, прямой связи. Звони Президенту. Всё расскажи, как есть, что сам видел и понял. Предупреди, чтобы в ближайшие час-другой обеспечил собственную безопасность. Насколько это в его силах. А потом мы всё обеспечим, как надо. А я пока в деталях разберусь. Ну ты, быстро! — Она снова повернулась к Рейнгольду. В руке у Вяземской появился неизвестно откуда, наверное, на столе между бумагами лежал, тонкий стальной стек, сплетённый «в колосок» из упругой полумиллиметровой проволоки.

— Жизнь главы государства под угрозой. Или ты честный офицер и всё расскажешь сам, или... Я, повторяю, не из вашего мира, на меня никакие законы и конвенции не распространяются... А допрашивать я умею. На гуманные методы у меня времени нет, так что начинай, отчётливо и в деталях...

Вид девушки-красавицы, продолжающей улы-

баться, только теперь многозначительно-зловеще, произвёл на капитана поразительное впечатление. Если бы перед ним сейчас была прежняя «уличная террористка», он, возможно и посопровтивлялся бы какое-то время, из чувства самоуважения. А эта фея с сияющими глазами и стальным стеклом в руке...

Так ведь она правильно сказала — он офицер, свидетель, а то и участник заговора против главы государства, иначе зачем же всё затевалось? Долг, так сказать, заодно и последний шанс — во всём признаться, тем более его личной вины практически никакой. Получил приказ, сопровождал объект до места встречи, когда показалось, что сложились условия для задержания, — сделал такую попытку. И больше — ни единого действия, подпадающего под категорию «заговора» или хотя бы «превышения должностных полномочий». Даже ОМОН не ему подчинялся.

— Хорошо, слушайте. Скажу всё, что знаю. Сегодня утром меня вызвал к себе заместитель начальника управления. Без особых предисловий сообщил, что оперативным путём установлено присутствие в Москве опасной банды или диверсионной группы, в отличие от всех подобных ориентированной на террор в отношении первых лиц государства. За фигурантами ведётся постоянное наблюдение. Какие-то акции возможны в ближайшие часы. Приказал принять команду над спецгруппой из людей нашего отдела и некоторых соседних. Быть в полной боевой готовности и ждать дальнейших указаний. Примерно через час начальник отдела приказал выезжать. Указал место, предъявил фотографии лиц, подлежащих задержанию. Особо указано — брать непременно живыми, в случае необходимости не считаясь с собственными потерями. Общая коорди-

нация была возложена на сотрудника, мне лично неизвестного. Мы прибыли на Тверскую, вышли из машин на подходах к площади. По рации получили целеуказание, почти сразу же увидели «объекты». Дальше вы сами знаете...

— Хорошая сказочка, — задумчиво сказала Людмила, машинально похлопывая себя стеком по ладони. — Я бы с ходу лучше не придумала. Не понимаю одного — зачем ты по-прежнему стремишься из меня дуру сделать? Я так похожа? Может быть, тебе ещё в окно посмотреть нужно? Посмотри. Ты бы сам тому, что мне наплёл, поверил? Вот то-то. Давай попробуем ещё раз...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Когда вернулись Мятлев с Гертой, на столе стоял монитор видеоманитофона с полной записью допроса Рейнгольда. Пленник спал в небольшой гостевой комнате, восстанавливая силы с помощью го-меостата, на всякий случай пристёгнутый браслетом наручников к трубе отопления. К ночи он будет совершенно здоров, и что после этого с ним делать?

Людмила чувствовала себя психологически не очень хорошо. Воевать в открытом поле — это пожалуйста, но ломать людей, угрожая им пытками и, главное, чувствуя в себе ту степень готовности подтвердить слова делом, что противник поверил и мгновенно сломался — это не по ней.

Но, с другой стороны, она к нему пальцем не прикоснулась, всё, что ему померещилось, — только плод его же извращённого воображения. Сам, наверное, готов был в подходящей ситуации применить к ней весь набор «физических мер», оттого и испугался.

Журналист ей оптимизма не добавил, как всякий либеральный интеллигент, он теперь посматривал на девушку-жандарма с опаской. Куда и делось его недавнее обожание.

Зато он был по-настоящему встревожен. Тех имён, что назвал Рейнгольд, было достаточно, чтобы Вяземская настроила Шар и проследила всю цепочку участников вплоть до того звена, где она вдруг обрывалась. То, что ей удалось узнать, не слишком совпадало с представлением о классических заговорах с целью захвата власти. Проще говоря — отсутствовала фигура, явно претендующая на президентский или какой-нибудь соответствующий пост. Не существовало также программы каких-то реформ, изменения общественного строя, не определялось даже то, что в теории исторического материализма называется «движущими силами революции». Зато всё остальное было в наличии.

Анатолий, судя по всему, был удивлён не меньше Людмилы. Да нет — гораздо больше: он-то был «политическим человеком» этого мира, знал теорию и практику всех революций и мятежей последних трёх веков.

Первый разговор у него с Президентом вышел несколько странный. Фактической стороне случившегося с другом и девушкой *оттуда* он, пожалуй, поверил. А вот дальнейшему — не очень, чем напомнил Журналисту Сталина, до последнего цеплявшегося за надежду избежать войны.

— Что ты предлагаешь делать? — спросил Президент. — Мне что, созвать Совет Безопасности и обвинить того-то и того-то в антигосударственных действиях? А неопровержимые доказательства я смогу предъявить? То, что произошло с тобой, — уровень даже не министра, а того, кто вашего «капи-

тана» посылал. «Профилактическое мероприятие» — вот и весь ответ. У нас вся пресса круглосуточно долбит, что «органы» разучились «мышей ловить». А как только они попытались заняться своим делом, на них тут же вешают всех собак. Разыщи Леонида, с ним и разберитесь. Меня проинформируйте, если действительно что-то нароете...

— Ты сейчас где? — только и сумел спросить Журналист, понимая, что любые попытки переубедить собеседника вызовут только обратный эффект. Потому-то их друг и стал Президентом, что умел считать своё мнение истиной в последней инстанции. Как бы он ни старался вести себя «демократично» и «интеллигентно», допуская «плюрализм мнений», это некоторое время назад стало просто частью имиджа. На самом же деле никакой государственный деятель не может состояться и успешно править, если доверяет чужому мнению, хоть индивидуальному, хоть коллективному, больше, чем собственному.

— Ты сейчас где? — только спросил Анатолий.

— На ближней даче.

— Это хорошо. Можешь считать меня параноиком, но прикажи до выяснения обстоятельств ни с кем тебя не соединять по связи и никого не пускать даже к предзоннику ворот. За поведением охраны тоже наблюдай, лучше всего — запишись в «малом кабинете». Двери никому не открывай. Очень занят, и всё. Пистолет у тебя в кабинете есть?

— Сам знаешь, что не только пистолет, — с нервным смешком ответил Президент. Искренняя тревога друга до него всё-таки начала доходить. Прямо по телефонным проводам. — Считай, я делаю тебе одолжение. Час или два сумею избежать всяческих

контактов. А потом тебе придётся как-то за свою папку ответить...

— Отвечу. А ты пока «поработай с документами», восстанови в памяти, как там со Сталиным, с Хрущёвым, с Чаушеску получилось. Да и «арабская весна» буквально только что случилась... И выбери из своей «особой папки» досье на этих вот товарищей, — Журналист продиктовал с десятков фамилий. Память у Президента абсолютная, ему записывать не надо.

Под «особой папкой» Анатолий имел в виду пакет компьютерных файлов, содержащих информацию на всех действующих лиц правительства и президентской администрации, а также тех, кто по той или иной причине был отстранён от важных постов или не прошёл «окончательное согласование» на должности. Не только анкетные данные и прочие пункты «листка по учёту кадров» там имелись, но и насколько возможно полные психологические характеристики. К созданию этих досье были непосредственно причастны и Мятлев, и сам Журналист, считая, что Президенту полезно, принимая кадровые решения, знать о претендентах не только то, что может (или захочет) предложить спецотдел канцелярии. Мятлев любил при случае повторять очевидную, но не всем доступную истину: «Предают всегда свои».

Анатолий положил трубку с тяжёлым чувством. Он-то, оказавшись неожиданно для себя в эпицентре готового вот-вот разразиться «землетрясения», сомнений не испытывал, но сделать больше того, что уже сделал, не мог. Всё дальнейшее будет происходить независимо от его воли и желания.

Да, очень вероятно, что им остались те самые

час-другой условно спокойного времени, как перед первым выстрелом неотвратимо подступившей войны.

Хорошо, что очень скоро, быстрее, чем даже ожидала Людмила, хлопнула дверь прихожей и в квартире раздались голоса Леонида и второй девушки, напарницы Вяземской. Журналист почти бегом кинулся им навстречу.

— Что тут у вас приключилось? — не успев ещё перестроиться после весьма приятной прогулки с Гертой, приподнятым голосом спросил Контрразведчик, которому Герта без подробностей сообщила, что Людмила просит их немедленно, со всей возможной быстротой вернуться домой. Тут же сама остановила такси, и кабриолет за двадцать минут домчал их с Воробьёвых гор до места.

— И ты уже здесь? — без удивления спросил Мятлев у Анатолия. — Следующим кто, САМ будет? Наши дела явно идут в гору...

Вяземская, одновременно пересказывая обоим, что сегодня случилось, сунула в руки генерала распечатки, сделанные по материалам, выданным Шаром.

Опытным взглядом охватив содержание «меморандума¹», Мятлев нахмурился.

— Принципиально ничего нового. Оппозиция не оппозиция, но большинство здесь упоминаемых так или иначе связаны с сырьевым бизнесом или корпорациями, по тем или иным причинам не заинтересованными в каких угодно переменах, хоть экономических, хоть политических. Система отлажена, каждый имеет свою долю, и малейшая попытка что-то изменить, да хоть вывозные пошлины на лишней

¹ Меморандум — документ (обычно — дипломатический), излагающий фактическую, документальную или юридическую сторону какого-либо вопроса.

процент повысить — уже повод! Кеннеди, кстати, застрелили за проект отмены налоговых льгот «на истощение недр» для «нефтяных королей». К сожалению, у нас слишком мало сотрудников выше полковника, абсолютно независимых от всякого рода лоббистов, групп давления, служащих только потому, что считают это своим долгом. Они необходимы, когда всё же требуются профессионализм и «честность», которая всеми остальными считается дефектом психики или разновидностью снобизма, но ходу им не дают и смотрят как за потенциальными врагами. Такая вот весёлая жизнь...

Он нервно скомкал листки в кулаке, потом опомнился, начал их расправлять. Затем прошёл в кабинет, остальные потянулись за ним.

— Сделать со всей этой компанией в нынешних условиях ничего невозможно, — продолжил генерал, садясь в кресло рядом со столом и телефоном. — Ваши люди правы, — обратился он непосредственно к Людмиле с Гертой, — вариант мог бы быть только один — аналог тридцать седьмого года, с полной чисткой аппарата, но на это во всех ветвях власти ни у кого нет ни сил, ни желания. Всех всё устраивает. Я почти уверен, что сегодня никакого антипрезидентского выступления не произойдёт. Кому нужно — сделают вид, что ничего не случилось. Их цель и так достигнута — сигнал послан. И если Президент промолчит, они убедятся, что этот сигнал принят правильно. И станут делать то, что и делали, но с большим размахом, вообще не заботясь о «приличиях». Дума у нас такая, что закон о пожизненном наследуемом депутатстве со свистом пройдёт в трёх чтениях сразу. За один рабочий день. — Мятлев снова тоскливо и неостроумно выругался, в несколько затяжек дотянул до фильтра сигарету. —

Меня, если случайно не попаду под машину на перекрёстке, просто отправят в отставку. И очень многих других...

— Это всё понятно, — ответил Журналист. — Не хуже тебя разбираюсь. Меня поражает оперативность и наглость, а ещё больше — какое-то непостижимое бесстрашие наших «оппонентов». Если они так хорошо осведомлены обо всех наших делах, так могли бы предположить, что ответный удар получат не от Президента... Должны ведь знать хоть что-то о контактах с *той стороной*.

— Это как раз понятно. В таком кураже просто не хочется верить в неприятное. Сталин же знал, что весь вермахт уже у наших границ, но принимал объяснение Гитлера, что они просто на отдых сюда отведены. А кое-кто, я уверен, рассчитывает после «победы» и этот ресурс себе в актив записать. Чего тут такого сложного...

Пока они говорили, Людмила указала Герте на дверь, и они вышли в соседнюю комнату.

— Будем вызывать Фёста с Секондом. От нас с тобой толку мало, от этих, — она пренебрежительно мотнула головой в сторону двери, — тем более. Говорильня, говорильня...

— Вызывай, — согласилась Герта. — Чёрт с ними, с запретами, — по прямому лучу и аллюр три креста. Нам с тобой поручили всего-то обеспечить безопасность гостей, и то такого натворили...

— Так обеспечили же, — возразила Вяземская. — И показали, что шутки шутить не намерены. Пусть твой генерал что угодно думает, а пока все, кого это касается, не выяснят, как именно я их *сгелала*, следующих пакостей можно не опасаться. А для большой политики мы с тобой точно не созрели. И слава богу...

Понимая, что до возвращения Фёста сделать всё равно ничего невозможно, не кидаться же на выручку Президента вдвоём с одним на двоих пистолетом (да хоть бы и автоматы им девушки сейчас выдали), полная бессмыслица, друзья занялись успокоением нервов и дальнейшими теоретическими рассуждениями.

Рюмка хорошего коньяка вполне заменила «наркомовскую порцию», а в коробке на столе обнаружались и классные сигары. Очень быстро оба поверили, что выход из положения обязательно найдётся.

— Ты видишь, — говорил Мятлев, как бы дирижируя собственными умозаключениями дымящейся сигарой, — работать всерьёз у нас уже нельзя. Как нельзя плавать в разошедшейся бочке. «Протечки» везде капитальные, да и неудивительно, болтают все, кому не лень, что ни попадя на каждом углу. И про наши контакты с той Россией уже небось половина Москвы знает.

Насчёт половины Москвы он фигурально выразился, в том же смысле, как «на премьере такого-то» была «вся Москва». То есть человек сто достаточно известных людей.

— Ты куда газеты дел, что отсюда прихватил? — спросил генерал.

— Да по-разному. Что-то дома лежит, часть Генрих взял...

— И на работу носил?

— Может, и носил, но специально никому не показывал, это точно...

— А специально и не нужно. Мельком кто-то случайно просмотрел, и если голова на месте, тут же и задумался.

— Над чем? — удивился Анатолий. — Кто в такое поверит?

— Один не поверит и бросит, второй не поверит,

но станет соображать, кому и для чего такая фальшивка потребовалась. А совсем третий отнесёт в экспертно-криминалистический отдел и через час узнает, что такая бумага ни в России, ни в Финляндии, скажем, не выпускается, типографская краска тоже не современной рецептуры, фотоиллюстрации изготовлены на несуществующем в природе оборудовании... Мало вы с Генрихом книжек читали, ин-тел-ли-генты?

— И что?

— А то, что имеем. Людмила тебе позвонила, и уже через полчаса вы имели плотный хвост и взвод ОМОНа в полной готовности. Тебя могли и шлёпнуть «шальной» пулей для накала драматизма, а с ней бы занимались долго и тщательно. Не хуже, чем она с этим Рейнгольдом.

— Нет, — тряхнула пышной причёской Вяземская, которая как раз в этот момент вошла в кабинет. — Я бы им полквартала выжгла, но ушла...

— Если б с крыши из снайперки усыпляющей пулей не приложили, — спокойно ответил Мятлев. — Так что там слышно, когда на прибытие Вадима можно рассчитывать? Вы бы, пока он появится, переоделись, для рыбалки или похода за грибами. В ближайшее время кофе-парти нам определённо не светит. Телефон городской, чтобы *туда* позвонить, — какой?

Он внезапно испытал прилив если не энергии, то двигательной активности. Сидеть на месте и просто ждать, перекидываясь необязательными фразами, показалось просто невыносимым. Чёрт возьми, он ведь не собирается сдаваться. Есть и у него возможности активно вмешаться в чужие игры. Другое дело, что помимо «аппаратных правил» — по-партизански. Так это и здорово. «Волки знают — нельзя за флажки!», а волк-нонконформист об этом забыл.

Наполеон тоже отчего-то был искренне уверен, что как только он войдёт в Москву, сидящий в семистах верстах в Петербурге Александр возьмёт и капитулирует. И Гитлер через сто двадцать лет поддался уже доказавшей свою несостоятельность иллюзии.

Журналист указал на аппарат, по которому недавно говорил с Президентом, и добавил:

— Вот же техника, никак до чувств не доходит. Чтoб по обычному проводу — в другую реальность.

Людмила не стала пояснять, что телефон самый обычный, просто провод от него протянут в ту половину, что входит «на другую сторону», но и «коммутатор» специальный, под себя всю проводную сеть преобразующий.

— Ничуть не удивительнее, чем трансатлантический кабель позапрошлого века, — махнул рукой Мятлев. Ему было не до парадоксов пространства-времени. Он начал поднимать по тревоге стопроцентно верных ему людей, немногочисленных, но кое на что ещё способных. Жаль, что никто из них не обладал уровнем, чтобы сразу, без согласований и постановлений, начать аресты упомянутых Рейнгольдом лиц. И никто в стране, минуя суд, таким правом не обладал, кроме тех, кто законы мирного времени считал для себя недействительными.

Покуда девушки меняли платья на камуфляжи и высокие ботинки, собирали в рюкзаки нужное снаряжение: своё и кое-какое из имевшегося в квартире (Фёст ещё в первый день продемонстрировал припасённый Шульгиным и Новиковым в далёком двадцатом году арсенал), в прихожей возникли Фёст с Секондом. Мятлев встретил Ляхова-первого как родного, да и со вторым и он, и Журналист были уже знакомы.

Генерал изложил свои планы. Ему с опытными полковниками тоже было проще, чем с девушками.

— Сейчас машина подойдёт, и двинем к Президенту на дачу, — сказал он, как о деле решённом.

Леонид уже так адаптировался к обстановке, что возможность просто пройти ко второму выходу из квартиры и очутиться в иной реальности воспринималась им как вполне естественная. — У вас как с оружием?

— Неограниченно, — усмехнулся Фёст. — Автоматы, гранаты, пистолеты и кое-что ещё. Ядерную войну в Москве устраивать не станем, но на несколько танков и прочие мелочи хватит. А ты уверен, что машина подойдёт именно твоя и отвезёт, куда надо нам, а не кому-то ещё? Наверное, мне лучше свою взять, понеприметнее будет.

— Да ты уж слишком. Не могут же вообще все секретные телефоны моих людей прослушиваться?

— Теоретически — да, но есть основания подозревать, что игра сейчас пошла не на вашем уровне и не по вашим правилам. Когда снаряды начинают рваться в расположении и бомбы сыплются — выяснять такие вещи становится поздно, — без улыбки ответил Секонд.

— Моих сотрудников будет сопровождать ещё одна машина, с людьми, о которых в Министерстве вообще никто ничего не знает, — сказал Мятлев.

— Опасное заблуждение, — сказал Фёст. — Я всё время вспоминаю «Снег и туман»¹. Операция прошла крайне успешно, как мы посчитали, но и там не удалось выяснить, кто же был подлинными руководителями акции, не говоря о заказчике. Концы были зачищены безупречно, до блеска. Здесь, думаю, та же история. Главный паук сидит просто на другой паутине, наблюдает со стороны и посмеивается. Иногда я его себе даже представляю — этаким

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

умильный старичок, с незапамятных времен работающий, скажем, гардеробщиком или буфетчиком, хоть в Кремле, хоть в Охотном Ряду. Всё знает и всем ворочает, а министры и вице-премьеры ни сном ни духом не ведают, чьи они команды выполняют. И при Хрущёве он там работал, и при Брежнев-ве, при всех прочих тоже. *Этих* тоже переживёт...

— Фантастика, — быстро ответил генерал, но именно, что слишком быстро ответил.

— Не ручаюсь, что так оно и есть на самом деле, — согласился Секонд, — только уж никак не фантастика. Чем мы сейчас все занимаемся, с точки зрения здравого смысла? А Сильвия чем занималась полтора-два года? Это очень для нас удачный был бы вариант, если ещё кто-то из агтрианских «потерявшихся агентов», вроде Лихарева, из какой-нибудь межвременной щели вылез и снова принялся «поезда взрывать». Это просто подарок судьбы нам бы был, в сравнении с иными воображаемыми вариантами. Но не стоит обольщаться...

— Давай опять Воронцову доложим, эсхатология¹ — компетенция Совета «Братства», нам не по чину, — предложил Фёст. — Я всё равно с ним связаться хотел, просто сообщить, чтобы в случае чего знал, где нас искать. Ну а раз так...

— Давай. Ты, Леонид, перезвони своим, пусть машина группы поддержки нас где-нибудь за МКА-Дом на Ленинградке ждёт, а мы туда тишком до-

¹ Эсхатология — учение о конечных судьбах мира и человека. Различается индивидуальная Э. — учение о загробных судьбах единичной человеческой души, и всемирная Э. — о цели космоса и истории. В данном случае Фёст имеет в виду, что Воронцов как член Комитета защиты реальности должен знать, не приведёт ли их вмешательство в текущие события к общей катастрофе.

берёмся. Или — новое задание поставим. Да, кстати, Люда, ты вашего пленника усыпи примерно на сутки, вернёмся — придумаем, что с ним дальше делать.

Единственная в доступных мирах константа — пароход «Валгалла» — оказалась, как всегда, в зоне уверенного контакта (а если бы вдруг — нет? Страшно представить). И Воронцов в роли бессменного диспетчера и всеобщего начальника тылового, идеологического и всякого прочего обеспечения.

— Чем порадуете, молодые люди? — спросил Дмитрий Сергеевич Секонда, спустившись по приглашению вахтенного в пост связи и увидев Фёста с Секондом в знакомом интерьере. — Заходите. Я тут последнее время несколько заскучал. Может, что-нибудь интересное расскажете?

На отдельном дисплее пульта управления установкой он видел, что «братья» работают из квартиры, со стационарной СПВ, там же обозначалось локальное время как той Москвы, так и всех сопряжённых реальностей.

— Что там у вас на Большой земле делается? Уже решили все проблемы со своей «культурной революцией»¹?

¹ «Культурная революция» — так называлась проведённая в Китае в первой половине 60-х годов Мао Цзэдуном большая чистка партбюрократии, коррупционеров, вообще противников режима. Главной ударной силой «большого террора» выступили не органы внутренних дел, как в СССР, а «хунвейбины» — штурмовые отряды промаоистской молодёжи. Расправы производились по типу «суда Линча», и только выживших из числа «подвергнутых уничтожающей критике» направляли «на перевоспитание» в отдалённые сельские районы. В числе репрессированных был и «отец» нынешних китайских реформ Дэн Сяопин.

— Он останется и объяснит, — указал Фёст на аналога, — а у меня здесь дел много.

— Ну, заходи, — сделал Воронцов шаг в сторону, как бы освобождая проход через рамку.

Секонд «переступил черту», и они остались вдвоём (не считая робота — инженера связи). В бронированном отсеке где-то в недрах парохода, заполненного многочисленной, в большинстве незнакомой аппаратурой, в тысячах километров от Москвы и на восемьдесят с лишним лет раньше.

Всех смыслов иронии, содержащейся в предыдущем вопросе Воронцова, Секонд не уловил, но суть понял. Доложил обо всём, что сделано по «Мальтийскому кресту», и о внезапно возникших сегодня затруднениях. Не стал скрывать и предположения, что вся нынешняя деятельность их противников направляется из того же центра, что и прошлогодние акции против Олега Константиновича.

— В общем, прежние события в зеркальном отражении тогда с большой стрельбы начинались, сейчас ею может закончиться, — подвёл итог Секонд.

— А куда денешься — симметрия — она, наверное, в любой галактике необходимый элемент естества... Если та, эта Россия, хоть какая — в природе существует, непременно найдутся те, кому она невыносимо жить мешает. Вся хитрость наша должна заключаться в том, чтобы на любую симметрию асимметричные ответы наготове иметь, — успокоил его командир «Валгаллы». — Я до сих пор удивляюсь, почему вы еще живы с такой-то активностью. Число приключений на душу населения и единицу времени явно превышает среднестатистическое.

— А где вы видели, чтобы героев четырёхактной пьесы убивали в первом? — не остался в долгу Ляхов.

— Можно подумать, ты уже текст видел, знаешь, сколько там актов и картин. В общем, вижу, бодро-

сти ты не утратил, и это весьма хорошо. Для чего-то же ты нам на пути попался, значит, имеется у тебя (у вас) своё предназначение, и в перспективе какая-никакая польза от всех ваших эскапад непременно будет. А сейчас за чем пришёл, чем лично могу поспособствовать утверждению на моей исторической родине конституционного порядка?

— До тех пор пока с Императором все практические вопросы решим, для прикрытия президентской дачи человек бы десять ваших роботов. С полным знанием реалий фёстовского мира и той самой рейнджерской подготовкой.

— Не вопрос. — Воронцов просьбе Секонда нисколько не удивился, похоже, предвидел её гораздо раньше сегодняшнего дня. Да это для любого нормального аналитика лежало на поверхности: давно было очевидно, что своими силами Фёсту с Секондом взваленный на плечи груз не донести. Весь расчёт был на помощь Императора, а раз помощь запаздывала — что ещё оставалось?

— Через двадцать минут будет сделано. У нас программа сохранилась, с того раза, когда Шульгину с Новиковым поддержка морской пехоты против бандитов потребовалась. Мы её активизируем, чуть поднастроим, будто ребята прямо сегодня из Славянки¹ прилетели. Только сначала расскажи, что именно вы затеваете. Вместе помозгуем, как дело повернуть наиболее эффектно и с минимальными потерями...

Этим и был хорош Дмитрий Сергеевич: он умел стать на точку зрения собеседника, даже не будучи с ней согласен, и, если считал нужным, мог не споря, а как бы и соглашаясь, достичь результата, который в итоге оказывался прямо противоположным, но единственно правильным.

¹ База МП ТОФ под Владивостоком.

Ляхов изложил свой замысел, и Воронцов, то и дело кивая одобрительно, ненавязчиво внёс несколько коррективов, с которыми Вадим немедленно согласился, в душе удивляясь, как он сам не додумался именно до этого.

— Правда, обсуждение заняло гораздо больше двадцати минут, но как раз время, проведённое на «Валгалле», могло считаться расходным материалом, который нет нужды экономить.

— Таким образом, десяти человек тебе с запасом хватит, на любой расклад, что мы с тобой способны вообразить, а противник реализовать, — резюмировал Воронцов. — Если хочешь, давай назовём эту нашу операцию «Форос два»...

— Почему? — машинально спросил Ляхов.

— Был бы здесь Фёст, он бы понял. Скажешь ему и посмотришь, что он тебе ответит. А я сейчас курс криптоистории XX века читать не настроен. Ближе к теме — даю тебе десять человек, все прапорщики с «боевым опытом», и Афганистана, и Чечни, и других славных дел, которые до сих пор под грифом «Совсекретно» хранятся. Командир группы — старший лейтенант, он тебе, надеюсь, понравится. Подчинены бойцы будут Фёсту, он лучше местные условия знает, ну и тебе, разумеется, как его заместителю или комиссару¹. Пойдут в лесном камуфляже,

¹ В данном случае Воронцов имеет в виду должность военного комиссара, существовавшую в Красной армии (с перерывами) с 1918 по 1942 год. В.к. — представитель коммунистической партии, осуществлявший контроль и политическое руководство деятельностью командиров, беспартийных и даже привлечённых на службу выходцев из враждебных классов (военспецы). В.к. несли равную ответственность за выполнение боевых и иных задач войск, в случае необходимости могли добиваться отмены тех или иных решений командиров, но брать на себя их функции обычно права не имели.

без знаков различия. Впрочем, форменные береты можно оставить, страшнее будет для тех, кого пугать придётся. Ты пока посиди на палубе, а я займусь. Пива хочешь?

— С удовольствием, Дмитрий Сергеевич, пиво у вас несравненное, я такого ни в Мюнхене, ни в Израиле не пил.

— Ещё бы! Рецептуры XIX века, вода, солод — всё дотехнологической эры. Я иногда подумываю — перебраться куда-нибудь в тысяча восемьсот восьмидесятые годы и зажить спокойно. До ближайших войн и революций — четверть века, культурно-психологический уровень жизни вполне приемлемый... Красота!

Вадим только приступил к второй кружке, любясь облачным небом и беспокойными волнами. Он понятия не имел, где идёт сейчас пароход двадцатизловым примерно ходом, но догадывался, что, скорее всего, в южных морях, тепло было даже в открытом море. Облака, похожие на бесконечный ряд небрежно скрученных рулонов грязной ваты, проседали до самой воды, физически чувствовалось, что вот-вот они непременно прольются дождём. Четырёхбалльное волнение даже на верхней палубе ощущалось едва-едва, слишком велика была масса «Валгаллы», сохранявшей приличную остойчивость и в настоящий шторм. Ляхову захотелось остаться здесь надолго, на несколько дней, а то и больше. Жаль, что пока это невозможно. То есть возможно, конечно, возвращаясь из прошлого в будущее, гораздо легче попасть в нужное место с точностью до минуты. Друзья не успеют договорить до конца начатые фразы, как он появится с подкреплением, но ему-то придётся все эти дни не отдыхать безмятежно, а всё равно переживать уже случившееся и продолжать планировать свои и чужие действия. Это

ничем не лучше, чем со дня на день откладывать предстоящую хирургическую операцию, зная, что она всё равно неизбежна, но не имея сил решиться и покончить всё разом. Или — или! Пожалуй, это даже хуже, чем приходится собаке, которой рубят хвост по частям.

Вот когда всё закончится, с «Мальтийским крестом» для начала, тогда и можно будет позволить себе полноценный заслуженный отпуск с Майей, со всей остальной компанией. Может быть, на самом деле в XIX веке.

— Вот, прошу любить и жаловать, — раздался за спиной голос Воронцова. Ляхов сначала обернулся, потом встал.

Да, команда выглядит внушительно. Бойцы как на подбор, вооружены сверхштатно, как для серьёзного рейда в тыл врага. На девять человек три пулемёта «ПКМ», три тяжёлые снайперские винтовки с лазерными прицелами, вдобавок у всех «АК»-«сотки» и «АПС» в кобурах «ковбойского» типа. Судя по размеру и на расстоянии чувствующемуся весу рюкзаков боеприпасов каждый прихватил с собой в расчёте на полевой бой с вражеским батальоном.

— Командир взвода — старший лейтенант Леонов Виктор Николаевич¹, — представил Воронцов

¹ Леонов В. Н. (1916—2003) — флотский разведчик, диверсант, командир разведотрядов морской пехоты Северного и Тихоокеанского флотов. Единственный дважды Герой Советского Союза (1944, 1945 г.), остававшийся до конца войны старшим лейтенантом. Многократно высаживался в тылы врага (немцев, японцев). Руководимые им подразделения за две войны практически не имели потерь. Звание капитана второго ранга получил только в 1952 г. Уволен в запас в 1956 г. (в 40 лет), после чего прожил ещё сорок шесть. Чем занимался большую часть жизни, автору неизвестно. Здесь наверняка кроется какая-то очередная тайна тех непростых времён.

командира. В ответ на недоуменно-вопросительный взгляд Вадима пояснил: — Чтобы легче запомнить было. Кроме того, определённые черты личности прототипа я при программировании использовал. Непревзойдённый, в своём роде, психотип.

«Леонов», слегка улыбнувшись неизвестно чему (программа полностью стала на место, и андроид начал *вести себя*), доложил о готовности группы к выполнению задания. Как ни всматривался в него Ляхов, отличить его от обычного человека не получалось. Непонятно было, почему при наличии столь совершенных механизмов «Братство» вообще в своих делах рисковало жизнями людей, в том числе и своими собственными.

Воронцов понял отразившийся на лице Ляхова вопрос.

— Видишь ли, использование биороботов на планетах с разумной жизнью прямо запрещено межгалактическими конвенциями. Так что вместе с Антоном мы заведомые преступники, и как бы нам ещё не пришлось где-то когда-то за это ответить. А самое существенное — они на самом деле не так человекоподобны, как кажется. Что, в принципе, исключает возможность их полноценного использования. Антон, когда готовил их по моей просьбе, сначала только в качестве экипажа «Валгаллы», построил в управляющие цепи два предохранителя. Один, который не позволял роботам отдаляться от корабля, мы благополучно отключили, что тоже не весьма законно, вроде переделки газового пистолета под боевой патрон. Одно нас извиняет, Антон не догадался взять с нас слово: не вмешиваться в исходные характеристики конструкции. А вот со вторым ограничением поделаться ничего нельзя. Настроенный на какую-то функцию робот — то же высокоспециализирован-

ное насекомое. Никакой свободы воли, способности переключиться на иной тип деятельности, осознавать происходящее мозгом, а не нервными ганглиями, под пробку забитыми инстинктами. Хорошо хоть сами программы можно менять, ты это видел. Сегодня он штурман «Валгаллы», завтра — дворецкий английской аристократки, вот сейчас — талантливый и инициативный (в пределах роли) командир морского спецназа. И он им будет, пока действует приказ. Когда непосредственная задача будет выполнена, немедленно потребуется следующая, иначе он перейдёт в «ждущий режим». И теперь самое важное — тебе придётся за этим следить. Не получив новой команды в течение... ну, я поставлю, скажем, три часа (о самом худшем думать не будем, но бывает всякое), «Леонов» с помощью встроенного «тревожного блока» пошлёт сигнал на свой центральный процессор и либо получит следующую команду уже через него от меня, как ты понимаешь, либо по открывшемуся на этот случай каналу СПВ автоматически вернется к месту постоянной дислокации. Таким образом исключается всякая возможность того, что данное устройство попадёт в чужие руки. Общая для любой профессиональной программы функция самозащиты заставит робота делать всё, чтобы в целости и сохранности вернуться домой. Как именно это будет выглядеть — заранее сказать невозможно, это тоже зависит от конкретных обстоятельств. В одном случае робот может затеять с тем, кого он считает противником, переговоры, чтобы потянуть и выиграть время, в другом — убежать и скрыться в подходящем месте или же, как и положено фронтовику-морпеху, сражаться до конца...

При этих словах лицо Воронцова сделалось непривычно серьёзным, даже суровым.

— Советую до этого не доводить, может приключиться такая мясорубка, учитывая, что работа вывести из строя крайне сложно. Разве что близким разрывом тяжёлого снаряда. Попадание из РПГ для них не смертельно, проверено.

Ляхов впервые слышал столь подробное изложение сути и технических возможностей андроидов, с которыми он неоднократно встречался, но всегда занятый другими делами не интересовался, что они собой представляют на самом деле.

— Я дам вам пульта с набором тех программ, что могут пригодиться для намеченного дела. Они же — переговорные устройства. Роботы будут на постоянной связи. Всегда сможете их контролировать и корректировать.

Больше всего отчего-то Вадима поразила способность роботов скрыться с места действия в другое пространство-время.

— Это получается, как с джинном из лампы Аладдина? Выполнив приказ, он исчезает.

— Наверное, та сказка имеет под собой фактические основания. Не мы одни такие умные. Но это уже лирика. Сейчас ты покажешь мне на карте место, куда переправить ребят, они прибудут, замаскируются и станут ждать вас, сколько скажешь, — завершил инструктаж Воронцов. — Не станешь же ты водить их в таком виде по Москве строем...

— Хорошо, меня это устраивает. Выведи на планшет карту окрестностей президентской дачи, и мы вместе с Виктором Николаевичем определимся.

«Леонов», слушавший весь предыдущий разговор с отсутствующим видом, так как он его не касался, получив соответствующий импульс, немедленно превратился в боевого офицера, получающего от старшего начальника приказ и уже начавшего со

своей точки зрения осмысливать, как будет действовать в предлагаемых обстоятельствах. Когда Воронцов распечатал на принтере несколько разномасштабных карт предполагаемой зоны действий и всего ближнего Подмоскovie, он извлёк из полевой сумки набор карандашей «Тактика» и, «как учили», принялся «поднимать»¹ карту-двухсотметровку и делать на ней нужные пометки.

Усвоив все тонкости обращения с пультом, запомнив на всякий случай имена и позывные каждого робота, уточнив список программ, которые он может вводить и извлекать из роботов самостоятельно, Ляхов вдруг решился на своего рода провокацию.

— А скажите-ка мне, старший лейтенант, — спросил он, — когда вдруг ситуация сложится таким образом, что у вас не будет иного выхода, кроме геройской смерти, перейдете ли вы на сторону врага? Естественно, с надеждой впоследствии бежать или продолжать сопротивление под иной личиной...

Воронцов от неожиданности издал некий звук, похоже — удивлённо-одобрительный.

«Леонов» не растерялся, видимо, в его программе содержалась информация, что сейчас не сорок третий год, вообще «не те времена», и говорить можно свободно, что думаешь.

— Если другого выхода не будет, товарищ полковник, так отчего и нет? Если есть какие-то шансы продолжить борьбу с врагом, не вижу оснований от них отказываться. Просто нужно иметь в виду, что в таких играх легко заиграться... Вы понимаете, о чём я?

¹ «Подъём карты» — один из этапов работы командира, заключающийся в выделении цветом на чистой, *бланковой карте* рельефа и прочих имеющих значение деталей местности, а также нанесение иной информации, необходимой для успешного выполнения боевой задачи.

— Благодарю, старший лейтенант. Я удовлетворён вашим ответом...

За спиной разведчика Воронцов улыбнулся и показал Ляхову поднятый вверх большой палец.

...Консьерж Борис Иванович был до чрезвычайности удивлён, увидев Вяземскую и Фёста, а с ними Герту, Секонда и Мятлева с Журналистом. Людмила с Анатолием утром мимо него проходила, а откуда взялись остальные? Вадима Петровича с его братом он два дня назад видел, остальных — вообще впервые.

— Я же вас предупреждала, что у нас и другой путь есть, — мило улыбнулась Людмила. — Один вход и один выход — это так неудобно.

Отставной майор молча кивнул, а для себя решил при первой возможности выяснить, какие пути ведут через чердак, неизвестные ему служебные помещения, а то и через квартиры, выходящие в другие подъезды. Что ни говори, а налицо серьёзная дырка в системе охраны и обороны вверенного ему объекта. Если, конечно, и этого тоже нельзя исключать, жильцы не воспользовались гипнозом, или, как это называется, когда человека можно заставить ничего вокруг себя не видеть, или — забыть то, что увидел.

Фёст традиционно протянул ему свой портсигар. Закурили. Остальные, кроме Людмилы, прошли в тамбур, там тоже закурили, глядя на улицу сквозь застеклённое анизотропным¹ витражом парадное.

— Ну что, ваши ребята благополучно выбра-

¹ В данном случае имеется в виду стекло с односторонней (изнутри наружу) оптической проницаемостью.

лись? — спросила Вяземская. — Не попали под горячую руку?

— Нет, они дальше Садовой не пошли, и так всё хорошо было видно и слышно. — Следующие слова — «страшное дело» прозвучали некоторым диссонансом с «хорошо». — Из чего вы их?

— Что-то вроде многозарядной ракетницы с запрещённым к применению ОВ. Но, надеюсь, из мирных жителей никто не пострадал.

— Вроде того, что в «Норд-осте» использовали? — проявил эрудицию майор.

— Да нет, полегче. Все ж живы остались?

— Этого я не знаю. Когда туда ментовских машин и «Скорых» понаехало, ребята решили сматываться. Газом здорово воняло, за сто с лишним метров чувствовалось. А вы куда убежали, в проходной двор?

— Да, есть там подходящая калитка, — явно не желая продолжать тему, свернула разговор Вяземская. — Всё обошлось, и ладно. Следующий раз поостерегутся.

— Или станут стрелять на поражение с предельной дистанции.

— Едва ли. Мы им только живыми нужны, — заметил Фёст.

— Вам виднее. Так что нам теперь делать? — спросил консьерж. — Если такое в центре города начинается?

— В центре — не так страшно, — ответил Фёст. — Хуже — когда непосредственно в коридорах власти. Вам — пока ничего. Если, допустим, сегодня за нами кто-то явится — с расспросами, а то и с ордерами какими-то, — держитесь соответственно должностно. За что не платят, то вас не касается. Проживающие в такой-то квартире, вчетвером, ушли перед обедом, точно вы время не засекали. Никаких рас-

поряжений не оставили, о том, что ждут гостей, ничего не говорили. Вдруг захотят дверь вскрывать, обыск производить — личных эмоций не проявляйте, предложите участкового вызвать, пусть он документы проверяет и за соблюдением законности наблюдает. И ещё вот — в понятия позовут — отказывайтесь. Вы, мол, лица заинтересованные, по договору жалованье от хозяев получаете. А то мало ли что они там найдут... — при этих словах Фёст сделал многозначительное лицо.

— Понятно, — ответил майор. — А вообще ваши рекомендации?

— До прояснения обстановки сидеть и не высываться. И всем, кто вас готов слушать, это же подскажите. Оружие, конечно, лучше иметь наготове. Ничего такого я пока не жду, но если вдруг начнутся уличные беспорядки, нечто похожее на август девяносто первого или октябрь девяносто третьего — сохранять спокойствие и выдержку. Если, конечно, кого-то это лично не коснётся. Пусть даже подобие погромов начнётся, именно подобие, для настоящих почвы нет, — не высываться, зря на рожон не лезть, ваше время ещё придёт. На митинги выходить — ни боже мой! Да, мы, надеюсь, успеем ещё переговорить. А не доведётся — просто рекомендация: если что серьёзное начнётся, предпочтительнее оставаться на стороне Президента. В любом другом случае можете сильно пролететь.

— А как же эта... «Чёрная метка», вы говорили... — не совсем врубился в хитросплетения текущей политики Борис Иванович.

— Потому и говорил. Та игра, что затевается, — не наша. «Чёрная метка» — за сильную Россию, вплоть до монархии, против измены и коррупции. С либерал-демократами, олигархами и иностранны-

ми агентами нам не по пути... С законной властью проще дело иметь, чем неизвестно с кем.

— Ну да, да, я понял!

— Вот возьми ещё, когда теперь встретимся, — Фёст протянул майору очередную пачечку долларов, теперь потолще, чем в прошлый раз. — Переговори с действительно надёжными людьми, готовыми в случае необходимости принять участие в уличных спецоперациях, вроде давешней. На тебя выйдет или кто-то из нас, или незнакомый предьявитель такого же портсигара. Не спутаешь?

— Как можно? Монограмма имеет значение? — Майор указал на фигуру из камней на крышке.

— Для вас — нет. Главное — форма портсигара, размеры, сам факт наличия инкрустации в подобном стиле и из драгоценных камней. В любом случае — если настоящая война в городе не начнётся, от тебя инициативы не потребуется. Будет что сообщить или помощь потребуется — звони по тем номерам, что я дал. Звони, не стесняйся. Мы сейчас через парадное выходить не будем, ты нам чёрный ход открой...

Ничуть не удивившись, Борис Иванович достал из стола ключи, прошёл через вестибюль и отпер дверь.

К его удивлению, Фёст за ним не пошёл, а помаанил его рукой. Консьерж, недоумевая, вернулся к стойке.

— Спасибо, брат, — сказал Ляхов. — Теперь мы выйдем, а ты минут через пять снова запри.

Выглядело это предложение до крайности странно, если только не предположить, что во дворе их кто-то ждёт, и они не хотят, чтобы майор это увидел. Ну, даже если... Борис Иванович понимающе кивнул:

— Так и сделаю...

В этом доме имелась ещё одна хитрость, совсем незначительная в сравнении со всем остальным. Из подъезда, кроме парадного на улицу и внутреннего, во двор, имелся и третий выход, никем не используемый с незапамятных времён и большинству нынешних жильцов вообще неизвестный. Те послевоенные мальчишки, что знали все проходные дворы, чердаки и подвалы в округе, или уже ушли из жизни, или разъехались из тогдашних огромных коммуналок во все концы Москвы и бывшего Советского Союза. А у нынешних детей были совсем другие интересы и образ жизни.

По узкой крутой лестнице можно было спуститься в длинный сводчатый подвал, поделённый на индивидуальные чуланы, где прежние жильцы держали дрова, уголь, мешки с картошкой и прочие припасы, а нынешние — старую мебель и другие никчёмные вещи. В дальнем конце коридора имелась ещё одна дверь, выглядевшая заколоченной много лет назад. Шляпки больших, вручную кованых гвоздей покрылись коркой бурой ржавчины, что само по себе было достаточным основанием не задумываться, зачем она здесь и куда ведёт. А выводила она внутрь бывшего каретного сарая, ещё в пятидесятые годы поделённого редкими автовладельцами на гаражные боксы для своих «Побед» и даже одного трофейного «Хорьха». Тогда это ничего не стоило, кроме чисто символических подношений (или просто телефонного звонка «откуда надо») начальнику тогдашнего ЖЭКа, а по нынешним временам превратилось в немыслимую ценность — собственный просторный гараж прямо во дворе, в самом центре Москвы. Неизвестно, приложил ли к этому руку сам Лихарев или кто-то из его преемников, но

принадлежащий к квартире бокс был угловым, и дверь открывалась прямо в него. Шульгин с Новиковым узнали о столь удачном стечении обстоятельств, изучая оставленные Валентином материалы по использованию столешниковской базы.

Казалось бы, при наличии технических средств, того же блок-универсала, позволявших непосредственные межпространственные перемещения, такая архаика, как тайные подземные ходы, утратила смысл, но оказалось, что нет, если существует опасность, что твоя аппаратура под контролем аналогичных средств.

Это примерно то же самое, как древнее оружие, вроде арбалета, моментами оказывается удобнее и эффективнее самого современного огнестрела.

Прикрыв за собой первую дверь тамбура, чтобы консьерж не видел, Фёст вывел свою группу внутрь запертого снаружи гаража.

Здесь как раз ждали хозяина приобретённые Шульгиным «на подходящий случай» светло-шоколадный «Лексус», толком ещё и не обкатанный, и «Фольксваген Пассат», на котором Фёст тоже ездил не слишком часто, чтобы зря не засвечиваться.

Эти предосторожности могли бы показаться излишними и даже вообще ненужными, однако Фёст знал, что квалификация разведчика подтверждается именно умением учитывать малозначащие мелочи. Пусть консьерж видит, что его жильцы ушли дворами — и что из этого? Они могли уйти пешком, через многочисленные проходы между внутридворовыми флигелями и беспорядочной, но плотной застройкой обширного параллелограмма площадью больше двадцати гектаров, квартала, простирающегося между Столешниковым, Большой Дмитровкой, Петровкой и Петровским переулком, имеющего

около сотни выходов во всех направлениях, через подворотни и прямо сквозь подъезды домов. Какой из них они сочли для себя наиболее подходящим — не угадаешь.

О том, что Ляхов располагает гаражом, а значит, и машинами — тоже известно, но и не более того. Ворота гаража из подъезда не видны, и, к своему стыду, отставной майор не знал, какой у Вадима Петровича автомобиль. Ни цвета, ни марки, ни тем более номера. Не пришлось ни разу увидеть. Так что и здесь, если вдруг допустить, что Борис Иванович решился на двойную игру (или ведёт её изначально), свой след они обрубили радикально.

— Красота! — восхитилась Герта. Ей машины этой реальности нравились гораздо больше «своих» — дизайном и вызывающей, какой-то космической роскошью. Как и, наоборот, — большинство здешних «понимающих» людей те автомобили радовали старомодностью и ностальгическим отсылком к сороковым годам XX века.

— Распределяемся, — сказал Фёст, подкидывая на ладони ключи. — Ты давай сюда за руль, — указал он Мятлеву на «Лексус». — Тебе как раз по чину. Доверенности ни к чему, своей ксивой отмажешься. С тобой Секонд, Анатолий, Герта. Езжайте и желательно не напрямик, сначала по Минскому шоссе и со стороны области хоть грунтовками подъедете. Есть там по лесам вполне проходимые дорожки. Километров за пять от дачи с морпехами встретиться, — это уже Секонду, — осмотришься, расставь засады, по телефону с «шефом» созвонитесь. Мы — за вами. Можем на час-другой задержаться, так вы не переживайте. Люда с Гертой по своим блокам на связи будут. Двоих морпехов с собой на дачу возь-

мёте. Остальные нас подождут. Приедете — начинайте Президента в курс дела вводить. Мягко, но максимально доходчиво. Вот вроде и всё. По машинам!

Посмотрел на Вяземскую.

— Так. Стоп! — задержал он её за руку — Сумку с автоматом и прочим Герте отдай. При себе оставь только американский паспорт, деньги, блок-универсал. Камуфляж бы лучше снять. У тебя в багаже что-нибудь попроще есть?

Ему только что пришла в голову яркая идея.

— Шорты, босоножки, купальник. Так, на всякий случай, — ответила Людмила, не понимая, что Вадим вдруг придумал. — Майку эту можно оставить.

— Годится. Возьми.

Людмила порылась в своём рюкзаке и, кроме одежды, не удержавшись, прихватила ещё и пистолет.

— Не бойся, — предупредила она возражение Фёста. — У меня на него американское разрешение есть. Глядишь, и здесь сойдёт. Это как бы травматик, а что бой, как у «ТТ», никто не догадается.

— Смотри сама, — не стал спорить Вадим. — В общем, счастливого пути, — махнул он пассажирам «Лексуса», открывая самые простые двустворчатые железные ворота. Джип мягко выкатился из гаража, оставив лёгкий запах дизельного выхлопа.

Людмила начала переодеваться, а сам он, выйдя на порог, как бы скупающе осматривал заросший кустами сирени и жасмина дворик, каких, наверное, совсем немного осталось в центре. Там, куда никакими силами не воткнёшь «точечную застройку», или владельцы участка в состоянии послать куда подальше самого Лужкова с его благоверной. Здесь жили именно такие люди, и сила их была не только в деньгах. И на всесильного мэра имелась своя управа.

Людмила переоблачилась, стала рядом, положила руку Ляхову на плечо.

— Так что ты задумал?

Фёст со вздохом на неё посмотрел. Опять двадцать пять. Всякие «звёзды» берут за фотосессии сотни тысяч долларов, в остальное время окружают себя и свои виллы бодигардами и электронной защитой от папарацци. А тут такое чудо демонстрирует свои прелести всем подряд, и совершенно бесплатно. Но ничего, сегодня ему как раз это и нужно. «Мисс Вселенная» в нерабочей остановке. И если даже сейчас её утренние фотографии, наверняка отснятые с десятка точек, уже растиражированы, розданы на руки всем ППСникам и иным «заинтересованным лицам», развешаны на стендах, к этой девушке они не имеют никакого отношения.

— Ничего особенно. Сейчас мы навестим одного человека, возможно, возьмём его с собой. Он может здорово пригодиться. Ты продолжаешь играть в русскую американку. Никаких игривых взглядов, казарменных шуточек и прочего. Наоборот, демонстрируй хорошо скрываемую настороженность. Это у тебя в подкорке сидит — здешним русским доверять опасно, они или перекрасившиеся коммунисты, или просто хамы и грубияны. Тяжкое психологическое наследие времён «холодной войны» плюс воспитание дедушки — непримиримого белогвардейца. Сумеешь?

Людмила фыркнула и немедленно сделала такое лицо и даже глаза, что самому Фёсту стало неприятно. Вся красота вроде и при ней, но флиртовать с подобной девицей — увольте.

Нынешняя езда за рулём по Москве раздражала Фёста до крайности. Отчего он её по возможности избегал. На самом деле не то что на метро, а даже

пешком по центру перемещаться выходило быстрее и спокойнее, чем на машине. Чтобы слишком не раздражаться, переползая в тесном потоке от светофора до светофора, начал рассказывать Людмиле, что после «воссоединения» специально потребует на какое-то время должность «смотрящего» над московским мэром и за месяц наведёт порядок с уличным движением. Как в Сингапуре или императорской Москве. Возьмёт и вообще запретит использование личных автомобилей внутри Бульварного кольца и по многим улицам в пределах Садового. Пусть москвичи, как все цивилизованные люди, на такси и общественном транспорте ездят. В том числе и ВИП-персоны. Ничего с ними не сделается, вон король Швеции на велосипеде катается, не умаляя собственного величия.

— Народных волнений не боишься?

— Их боится только слабая власть, сильная умеет доходчиво объяснять, что такое хорошо и что такое плохо... А пока бог не дал свинье рог, я, пожалуй, слегка выбьюсь из общего трафика.

И начал вести себя как персонаж шпионского боевика, уходящий от погони. Москву он знал, сворачивал в неизвестные большинству переулки, проезжал по внутриквартальным дорожкам, выискивал такие щели, что моментами казалось, будто они захвали в глухой тупик и обратной дороги нет. Однако проскальзывали на очередную магистраль, как-то её форсировали и снова исчезали во всевозможных Кисельных, Ащеуловых, Уланских, Кривоколенных и Харитоньевских переулках. Был среди них даже носивший название Огородная слобода, наверное, века с XV, если не раньше. Не зря Вадим не один год подряд ежедневно рассматривал и запоминал по

квадратам трёхмерную компьютерную схему Москвы в аксонометрической проекции.

Неподалёку от Красных Ворот Фёста в известном месте должен был ждать Миша Волович, звезда московской жёлто-либеральной журналистики, очень грамотно избравший себе эту нишу. За счёт желтизны и демонстративно-ёрнического, под Салтыкова-Щедрина, тона его статей власти Воловича всерьёз не воспринимали, и никаким «цензурным» гонениям он не подвергался, о чём моментами сожалел. От «кровавого режима» хотелось пострадать, но не сильно, в диапазоне между произнесённым на всю страну начальственным «ужо тебе!» и максимум десятью сутками отсидки. Лимоновские два года или, упаси бог, семь, как Синявскому и Даниэлю¹, его категорически не устраивали. Зато либералы европейской и проамериканской ориентации, с советских времён обучившиеся читать любые публикации исключительно между строк (даже вообще не напечатанных), принимали творения Миши с явно преувеличенным восторгом.

Фёст с ним приятельствовал с давних лет, к роду его занятий относился терпимо, хотя и с нескрывае-

¹ Синявский и Даниэль — советские писатели, критики (псевдонимы Абрам Терц и Николай Аржак). В 1965 г. стали жертвами первого, уже брежневского «закручивания гаек». За сам факт несанкционированной публикации за рубежом своих произведений (даже не имеющих антисоветского содержания) на громком, резонансном процессе получили 7 и 5 лет строгого режима. Этот процесс считается официальным началом «сам» и «тамиздата» в СССР, вообще организованного диссидентского движения. Писатель М. Шолохов прославился исторической, произнесённой публично фразой в адрес подсудимых: «Мало дали! В наше время не такой с ними был бы разговор». Это весьма ярко отражает человеческую сущность нобелевского лауреата.

мой иронией, переходящей временами в сарказм. Отношений это не портило, наоборот, Волович, чувствуя за Вадимом какую-то непонятную, но серьёзную силу, сносил все издёвки стоически, что даже прибавляло ему азарта за клавиатурой компьютера. Он словно бы непрерывно полемизировал именно с Ляховым, стараясь оттачивать формулировки и выдавать парадоксы, рано или поздно обещавшие доказать именно его правоту.

Некоторое время назад Вадим предупредил Воловича о намеченной им самим (но под маркой «Чёрной метки») акции против предателя-чекиста и его подельников из сферы бизнеса, а также и преступного мира. Предупредил с той целью, чтобы посмотреть, действительно ли репортёр имеет выходы на те и другие сферы. По каким там уж каналам — неизвестно, но информация через Михаила дошла до адресатов и весьма способствовала успеху акции. Свои деньги от Ляхова Волович получил, но сам ничего заслуживающего внимания не сотворил, хотя материала хватало и на противоправительственную громовую статью, и на текст прямо противоположный, пригодный для публикации в «Завтра» или «Голосе русича».

Пока ехали, Людмила связалась с Гертой, узнать, нет ли каких помех и задержек в пути, вообще новостей. Из-за отсутствия спецсигналов их машина, хоть и сидели в ней два весьма высокопоставленных лица, до сих пор не выбралась из города на оперативный простор, стояла в пробке на пересечении с МКАД. Секонда, по словам Герты, так и подмывало применить какой-нибудь нестандартный приём, чтобы оказаться, наконец, на свободной трассе. Например, телепортировать или себя, куда надо, или все

чужие машины, сколько их есть в поле зрения, лет на тридцать назад. Вот был бы хроноклазм!

Шутки шутками, но вот слова включившегося в разговор Мятлева Фёста слегка озадачили. Леонид, чтобы не терять зря времени, из машины сделал несколько звонков по зарегистрированной на совершенно постороннего человека сим-карте. И на президентской даче, и в кабинетах МГБ внешне было тихо. Насколько об этом могли судить его личные информаторы. Это было странно. Даже если предположить, что верхушка министерства действительно ни при чём, через полдня после столь громкого эксцесса в самом центре Москвы и сигналы должны были поступить, со многих направлений сразу, и реакция на них обозначиться. Уж как минимум на этаже, занимаемом третьим спецуправлением. Нет, тишь да гладь. И может это означать только одно — Центр всей паутины там и находится. Прав и возможностей у начальника спецуправления, генерала Сулимы, и его замов достаточно, чтобы обрубить все ниточки в самом начале, на уровне непосредственных исполнителей и милицейской префектуры Центрального округа. Представить и оформить всё как банальную хулиганскую разборку, без трупов и тяжких телесных повреждений. Кто-то кинул на улице дымовую шашку, кто-то не слишком адекватно среагировал, вот и всё. Меры приняты на соответствующем уровне.

— Я так понимаю, что в данный момент должны быть надёжно изолированы все участники и свидетели? — спросил Фёст.

— Само собой.

— Так сколько же ещё людей в эту историю втягивается?

— Как круги по воде, — согласился Мятлев, —

это и даёт все основания предположить, что «большая игра» начнётся непременно сегодня. Завтра отвечать на множество вопросов кое-кому будет очень трудно. Анатолий-то ушёл, и в любой момент может объявиться в кабинете «первого лица».

Кстати, факт моего внезапного и бесследного исчезновения наверняка дал «ряду товарищей» повод для отдельных и не слишком весёлых размышлений.

— Значит, и ты, и он в общем раскладе уже не имеете никакого значения. Так смотрите не то что в оба, «третий глаз» включайте, Герта вам поможет...

— Да ничего, — понял, о чём речь, Мятлев. — Я говорил минут пять от силы, несколько километров назад, а здесь тысячи движущихся машин, туда и обратно. Если б спутник связи прямо надо мной висел, специально на мой голос и прочие характеристики настроенный...

— Ну, дай бог, дай бог. В общем, поскорее оттуда выбирайтесь, на даче вам будет спокойнее...

— Подожди, ещё не всё. Я сделал то, что ты как-то предлагал. С явным превышением полномочий, сославшись непосредственно на Президента, попросил одного человека, которому пока доверяю (а если зря — так сразу и выяснится), немедленно, в течение ближайшего получаса, запретить выезд двух десятков владельцев заграничных паспортов всех категорий, от общегражданских до дипломатических. На такие-то и такие-то фамилии. И передать списки по электронным сетям во все международные аэропорты Москвы и окрестностей, в радиусе пятисот километров. При обнаружении владельцев деликатно задерживать «до выяснения» в ВИП-залах, но с соблюдением всех мер предосторожности.

— Это ты лихо, не ожидал!

— Мой приятель тоже спросил, не охренел ли я?

Я ему ответил, что риска, считай, никакого. Если указанные товарищи имеют соответственно оформленные зарубежные командировки или находятся в законных отпусках с заранее приобретёнными билетами «туда-обратно», я обещаю лично принести извинение каждому. Но вдруг товарищу Н. полагается быть на рабочем месте, а он вместо этого отирается у стойки вылета в Таиланд или Лондон, то не грех и поинтересоваться, чего он там забыл. В любом случае к полуночи обстановка прояснится, и если что случится — не о такой ерунде придётся думать.

Закончив разговор, Фёст, сожалея, что не сделал этого раньше, начал названивать достаточно высокопоставленным членам «Чёрной метки», вводя их в курс, кратко обрисовывая ситуацию и объявляя «готовность номер один». Все они, в случае начала «Фороса», должны были получить какие-то команды от своего непосредственного начальства. Того или иного характера. Самостоятельных действий Фёст им предпринимать не велел, но в случае попыток применения каких угодно «недружественных мер» к членам организации или при получении «противоречащих законам и присяге приказов» поступать адекватно обстановке.

Заместителю министра по чрезвычайным ситуациям, располагавшему огромными связями в самых неожиданных сферах, тоже изложил предысторию и передал разговор Мятлева с чиновником, попросил по своим каналам немедленно продублировать распоряжение о запрете пересечения границы вышеперечисленными лицами. И заблокировать всякую возможность отмены санкции, как минимум до утра. Не на политическом, на чисто техническом уровне. Чтобы и темы для дискуссий не возникало.

Фёст сейчас не вникал, прав или нет в своих подозрениях генерал. Если считает, что именно эти люди вздумают первыми бежать с корабля и не следует им этого позволить, — ему виднее.

Людмила всё дорогу молчала, понимая, что сейчас задавать вопросы неуместно. Только вертела в руках свой портсигар, проигрывая в уме варианты его использования. Решила, что лучшее в их положении — максимальное замедление времени, то есть — десятиминутное «растянутое настоящее». Включать его следует при любом намёке на опасность, даже без согласования с Фёстом. Этого хватит и на отход, и на бой. При условии, конечно, если «противник» не использует упреждающий и превосходящий по силам удар на поражение. Она сможет остановить в полёте противотанковую ракету, но бессильна против подрыва фугаса или выстрела из пушки. Снаряд прилетит быстрее, чем она услышит звук.

Волович ждал их у входа в кафе «Нарцисс», вывеска которого вызвала синхронные усмешки и у Ляхова, и у Людмилы. Зато рядом имелась платная стоянка, и Миша чуть не силой заставил Фёста захватить на неё. Никаких возражений не принимал: «Успеем, везде успеем, но хоть пять минут посидеть просто необходимо, я натошак даже у Президента интервью брать откажусь...».

Теперь Вадим с подругой уже откровенно рассмеялись (уж больно в точку попал Миша, сам того не подозревая), повергнув репортёра в недоумение. Он решил, что это у Ляхова просто очень хорошее настроение, вызванное присутствием рядом красивой девушки. И, значит, скорее всего, неприятного разговора сегодня удастся избежать. Спутницу «па-

рапсихолога» он разглядел, только когда она вышла из машины и сняла большие противосолнечные очки.

Воловича немедленно прострелило чувство острой зависти. Мало, что этот Ляхов занимается, чем хочет, никому ничего не должен и денег у него немерено, так и девицу себе оторвал такую, что подобной в Москве не сыскать. Волович, при своей раблезианской внешности, вкус имел весьма тонкий, связи в любых заслуживающих внимания тусовках обширнейшие и в искренних поклонницах недостатка не испытывал. Но эта барышня, причём, похоже, наскоро одевшаяся во что придётся, совсем без макияжа... Миша мог поручиться, что нигде, ни разу она «в обществе» не появлялась, и даже если ему самому не повезло с ней *пересечься*, то и разговоров было бы достаточно, и фотографии, если не сразу бы в гламурных журналах появились, то по рукам ходили точно и в Интернете наверняка.

— Михаил, — представился он с милейшей из своих улыбок, которая всё равно выглядела усмешкой сатира¹, и изобразил намерение «приложиться к ручке».

— Мила, — ответила она с едва уловимым акцентом, пряча руку за спину. Харасмент² не харасмент, а на людной улице, по понятиям её «прототипа», подобный жест выглядел бы достаточно вызывающе. Мало ли, что здесь не Штаты, а Москва, где вообще представления о допустимом с женщинами обращении совершенно извращённые.

¹ Сатиры — в греческой мифологии лесные божества, демоны плодородия в свите Диониса. Сатиры похотливы, падки на вино, вместе с нимфами устраивают в лесах всяческие празднества и развлечения.

² Харасмент — сексуальное домогательство. В США и ряде других цивилизованных стран влечёт уголовную ответственность.

— Вообще-то она Людмила, Люда, но на той стороне шарика люди в детстве к логопеду не обращались, с произношением у них плохо, простое имя выговорить не могут, — уточнил Фёст, под локоток подталкивая Вяземскую в направлении двери, тем самым давая Воловичу понять, что его приглашение принято.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Заведение на углу Каланчёвской улицы и одного из впадающих в неё переулков поначалу слегка разочаровало Фёста. На входе всё выглядело вполне культурно и оформлено «в тему». Раз «Нарцисс», так всюду зеркала от потолка до пола, причём некоторые — кривые, столь хитро подобранные, что смотрящийся человек сначала испытывал шок, не понимая, что случилось с ним самим и окружающей действительностью. И лишь потом (да и то не все) догадывались, в чём фокус. И вдруг неожиданно охранник, слишком молодой и несолидный для занимаемого места, перекрыв турникет, отказался впустить Людмилу. На него её шарм не подействовал по причине крайней упрощённости не только мыслительного, а и эмоционального аппарата. Наверное, женщин он распознавал, как муравей, по феромонам, и больше никакими индивидуальными различиями не интересовался. Человекообразная копия демона Максвелла¹, тупо выполняя инструкцию,

¹ Демон Максвелла — физическая абстракция, якобы способная пропускать через некий барьер одни молекулы и задерживать другие (например, исходя из температуры). Теоретически это позволяет вообразить биполярный стержень, один конец которого раскалён, а второй имеет сколь угодно низкую (в пределах шкалы Кельвина) температуру.

заявила, что время уже может считаться вечерним, когда кафе работает как ресторан, а в шортах с майкой в рестораны не ходят. При этом он указывал на объявление, где со ссылкой на какую-то статью какого-то закона сообщалось, что «это заведение частное, и вам может быть отказано во входе без объяснения причин».

Охранника слегка смутило то, что никто не пытался «качать права» или предлагать деньги. Ляхов просто посмотрел на него молча, но очень недружелюбно, а Миша, сверкая очами, извлёк из кармана сотовый телефон и начал звонить не то менеджеру зала, не то сразу хозяину, приговаривая: «Ты у меня, придурок, здесь последний час дорабатываешь, выгоним, на хер, без выходного пособия и характеристику напишем, что не во всякую тюрьму возьмут, только в дурдом без очереди...» Парень сообразил, что «напоролся», отомкнул турникет и начал бесвязно извиняться, ссылаясь только что не на трудное детство и медные гроши...

Волович оттолкнул его животом и с трудным полупоклоном пропустил вперёд Вяземскую, на которую он только и смотрел, теперь — «с задней полусферы», как лётчики говорят, справедливо полагая, что Вадим Ляхов и так никуда не денется.

«Зачем он её привёл?» — свободной от грешных мыслей частью сознания пытался просчитать Михаил, потому что мозги всю жизнь использовал по прямому назначению, и обозвать его можно было почти любым полупочтенным словом русского языка, только не «дураком», в том смысле, что он всегда поступал «адекватно складывающейся обстановке», но при условии, если это было выгодно лично ему. В «узком» или «широком» смысле этого слова — неважно.

Вот и сейчас Волович сообразил, что вызывающе «неупакованная» девица сопровождает «паранормального Ляхова» не случайно. Другой человек, из тех, кто заседает на верхних этажах банков и концернов, сверкающих черным и медным стеклом неподаёку отсюда, значащийся в списках Форбса хотя бы и в рубрике «и др.», которому потребовались бы услуги Воловича, для повышения статуса (или чтобы внимание *рассеять*), притащил бы на встречу некое подобие башенного крана. Завернутое в дорожное и эксклюзивное да ещё и на пятнадцатисантиметровых каблуках, не далее как вчера показанное по телевизору в компании Собчак, Канделаки, Прохорова, а то и самой Пугачёвой.

Вадим же явно не из тех, и девица (тем более — «с другой стороны шарика», американка то есть) ему нужна с какой-то весьма утилитарной целью. Да и об эпатаже, если на то пошло, у Ляхова должно быть своё, тоже нестандартное представление.

Волович отдавал Фёсту должное, без особых комплексов признавая его превосходство в очень многих вопросах.

Они прошли мимо бара, в котором тянули пиво несколько «офисных мальчиков» из ближайших контор, оставили справа гостеприимно распахнутую дверь в двухсветный¹ общий зал, углубились в узкий извилистый коридор с полом, затянутым шинельным сукном. Приученный к современной архитектуре Фёст, оказываясь в старинных зданиях, никак не мог понять идей и принципов тогдашней планировки. Вадим отметил, что и бармен, и двое

¹ Двухсветный (двусветный) — зал или иное помещение, имеющее два ряда окон, один над другим. Обычно верхние меньше размером и другой формы.

стоявших у входа в зал официантов поприветствовали Воловича жестами, изобразив на лицах крайнее радушие, но не подошли и ничего не спросили.

Сильнее запахло кухней. Причём — хорошей.

За очередным поворотом Волович толкнул одну из неприметных дверей, и они вошли в небольшой, всего на два четырёхместных столика, кабинет, или «банкетный зал». Один столик уже сервирован, как для светского приёма, «на шесть хрусталей»¹. Да и в остальном зальчик оформлен весьма недурно, как бы с намёком, что и советские времена кончились, и «лихие девяностые». Пора понемногу к «нормальной жизни» привыкать.

— Молодец, Миша, — сказал Ляхов, не выразив никакого удивления. В телефонном разговоре речь шла насчёт посидеть в пивной или журналистском баре на первом этаже офиса. А тут вдруг такое. Неужто репортёр приличный гонорар получил? Ну-ну. Он уселся в полукресло лицом к двери и предоставил Воловичу поухаживать за дамой. — Угадал моё настроение. Или ровно настолько себя передо мной в долгу чувствуешь?

Волович успел предложить Людмиле место напротив себя, чтобы постоянно видеть её лицо, а также отражение фигуры в сплошном, от потолка до пола, зеркале.

Скрытые за драпировками динамики воспроизводили щемящие и волнующие мелодии шестидесятых годов в исполнении Фаусто Папетти.

— Умели тогда музыку делать, — сказала Вязем-

¹ «Шесть хрусталей» — вид сервировки стола, когда к прибору выставляется шесть бокалов, фужеров и рюмок (однотипных) для разных напитков.

ская. — У нас немного не такая, но тоже для души, не то что сейчас.

Волович на это «у нас» не обратил внимания, отвлечённый вопросом Фёста:

— С прослушкой тут нормально?

— Чисто, — прижал пухлые руки к груди Михаил. — Здесь такие гости бывают, что за подобные шуточки можно огрести по полной. Да и техника теперь у всех, сканеры, глушилки...

— Вот и хорошо. Теперь выключи свой диктофон и положи на стол. А то у Люды с собой такая «техника», что от аппарата оплавленный корпус тебе на память останется и ожоги, требующие стационарного лечения.

Волович торопливо вынул из нагрудного кармана диктофон.

— Всё, что нужно и можно записать, я тебе продиктую, а два часа бессвязного разговора всё равно правильно не расшифруешь. Сапёр сколько раз в жизни ошибается? — вдруг спросил Фёст.

— Один, — удивился Михаил.

— Неправильно. Два. Первый раз — когда решает идти в сапёры. Журналист — то же самое.

— Ты меня даме представлять будешь? — ушёл от темы Волович.

— Непременно, хотя в данный момент это не столько дама, как мой куратор, а то и «ревизор с чрезвычайными полномочиями из самого Петербурга», то есть, конечно, из Сан-Франциско...

Людмила сделала протестующий жест.

— Чудно, чудно! Не из Сан-Франциско. Из Моршанска... Впрочем, пожарной охраны, которую я в настоящий момент представляю, это не касается.

Волович вежливо хихикнул, а Людмила не поняла, книгу почти столетней давности, да ещё и из чужой реальности, ей прочесть пока не пришлось, но

всё равно решила, что раз это говорит Вадим, значит, особый смысл в его словах есть.

Ляхов тем временем продолжил представлять Вяземскую, может быть, даже чересчур подробно. Словно собирался её Михаилу в секретарши рекомендовать.

«А чёрт его знает, вдруг да именно так? — подумал тот. — С него станется надсмотрщика ко мне приставить. Вот только зачем?»

— Так вы и в Парагвае жили?! И именем вашего прадеда улица названа! Изумительно. Теперь в Россию вернулись, чего ваши предки раньше и предположить не могли. Через Америку! Можно сказать — мистическим путём и с мистическими целями, раз в одной организации с Вадимом работаете. Да об том роман написать можно, я ведь не только журналист, я литератор по преимуществу... Займёмся? Гонорар пополам, а я гонорары выбивать умею. Сразу на русском, английском...

— И *парагвайском* издадите. Отставить, Миша, — чуть-чуть сыграл голосом Ляхов. — Все вопросы практического характера — только ко мне. Люда пока просто изучает русскую жизнь. И ещё не усвоила, что у нас в некоторых местах снимать «изолирующий противогаз» смертельно опасно.

— Это ты о чём? — насторожился Волович.

— Что у нас атмосфера психологически ядовитая, как ты сам неоднократно писал в своих эссе. Вроде как в Чернобыле. И юная девушка, патриархально воспитанная, пока воспринимает страну предков как некую антитезу возлюбленной тобою Америки. Мой долг — не дать ей разочароваться. Я понятно выразился?

— А то она сама не увидит, что здесь на самом деле творится, — скривил губы журналист.

Они говорили так, словно Людмилы рядом вообще не было, хотя Волович то и дело посматривал на её отражение в зеркале и никак не мог сообразить, зачем она пришла на встречу в коротких, обтрёпанных по низу шортах и то и дело приоткрывающей голое тело майке. Впрочем, о посещении ресторана разговора ведь не было, это Михаил в последний момент решил.

— Если человека целенаправленно не прессовать, то он увидит именно то, что настроен увидеть, а не то, что ему будут навязывать. Но мы отвлеклись. Надеюсь, помнишь наш предыдущий разговор?

Ещё бы Воловичу не помнить. И заработал он тогда сразу с нескольких сторон весьма прилично, в рублях и валюте, но и страхом проникся. Тем самым, о котором ему Ляхов намекал. В чужих играх участвовать можно, если бодр и крепок духом, как герои Джека Лондона, Киплинга и Конан Дойля. Если с духом слабовато... Несколько раз ему снился навеянный словами Вадима кошмар: кто-то (неважно кто, скинхеды, махновцы, восставшие пролетарии) тащит его волоком по праздничной, всей во флагах и лозунгах Тверской. Бьют безжалостно и кричат в лицо матерно: «Слушайте музыку революции!» Всей же музыки — несколько здоровенных черных автомобилей, у которых от бухающих звуков какого-нибудь «Рамштайна» ритмично поднимаются крыши. Потом вдруг возникал из ниоткуда сам Александр Блок и в дополнение к предыдущим словам назидательно поднимал худой палец: «Но вы ведь заметили, любезнейший Михаил Львович, в белом-то венчике из роз всё равно Иисус Христос (Хри-

ста он отчего-то называл по-старообрядчески)? Гораздо легче умирать, если он лично расстрелом командует, согласны?»

После этих слов Волович всегда просыпался весь в поту, с невероятной тахикардией, жадно, расплёскивая, пил с вечера приготовленную водку, не пьянел, но успокаивался и кое-как засыпал. А с утра шёл заниматься привычной работой. Деньги ведь нужны сегодня, а о Блоке можно и историко-литературное произведение слудить, страниц так на девятьсот. На основе личных, можно сказать, впечатлений.

От денег, щедро «пожертвованных» Ляховым, оставалось ещё довольно много, хотя Михаил вообще не понимал, за что он их получил. Кое-что (но именно кое-что) он использовал в своих публикациях, и здешних, и написанных для зарубежных изданий, и тоже заработал. А ведь обычно фрилансеры сами платят за ценную информацию. Информация, полученная от «парапсихолога», была ценной до чрезвычайности, причём моментами — именно выходящей за пределы возможного. Временами Михаилу вдруг хотелось бросить всё и попроситься на работу к Ляхову.

Чего лучше — гороскопы составлять, футурологией заниматься и не думать о мирских делах.

Но отказаться от привычных полусотни тысяч долларов в месяц, складывавшихся из грантов и всяческих гонораров, а главное — от возможности ощущать себя «властителем дум» и почти ежедневно мелькать по телевизору в самых разных программах — было выше его сил.

— Вам что налить? — спросил Волович у Людми-

лы, пробегая глазами по бутылкам очень неплохих водок, коньяков и вин на столе.

Она сказала — что.

Шерсть на заливке у Михаила приподнялась. О таких винах он слышал, но заказывать? Это Абрамович, кажется, под стоевровую закуску употребил в Ницце с приятелями коллекционных вин на семьдесят тысяч. Так ему что — исчезающе малая доля от процентов с процентов.

Тут не та сумма, но всё же...

— Закажи, закажи, если есть, — успокоил его Вадим. — Я ведь всё равно плачу, тебе право меня угощать ещё заработать надо. Если у них нет — пусть в ближайший магазин пошлют. Только без туфты. У Люды в Штатах за такие дела срока больше, чем у нас за убийство. А нам коньячку давай, по сто сразу. Разговор тяжёлым будет.

Что тяжёлым — Волович сразу догадался. Ему даже неинтересно стало смотреть на Вяземскую, если б даже она решила станцевать что-то восточное, типа «танца живота». Хотя какой там у неё живот?

— Ты помнишь, Миша, говорил мне недавно, что за миллион долларов способен устроить в Москве «цветную революцию» почище украинской или грузинской?

— Я? — искренне удивился Волович. Ему смутно помнилось, что разговор завёл как раз Ляхов или даже его американский брат, вроде имевший отношение к Госдепартаменту, а то и ЦРУ. Впрочем, они тогда были сильно выпивши. Вот о миллионе долларов, которых хватило бы, чтобы вывести на улицы десяток тысяч бунтарей, речь шла. Но тоже вполне теоретически.

— Не я же, — жёстко ответил Ляхов. — Давай больше не станем валять дурака, по принципу: я

знаю, что ты знаешь, что я знаю... Людмила — где-то мой куратор, а где-то и ученик. Кстати, весьма интересуется силами, что всегда переворачивают бутерброды икрой вниз...

— Маслом, — тупо поправил Волович.

— Я уже забыл, когда бутерброды с маслом ел. В далёком детстве, пожалуй. Так вот, сеньорита Вяземская может тебе сейчас представить списки всех людей, с кем ты беседовал после встречи со мной, и распечатки всех разговоров. Заранее предупреждаю — моральная оценка твоих действий меня не интересует. Зато я знаю, кого они, то есть действия, заинтересуют. Одни люди мыслят в рамках кодексов с определёнными статьями, а другие, и ты знаешь, кто именно, решают вопросы «по понятиям». А там «стук» в редких случаях «опусканием» ограничивается.

— Зачем ты мне это говоришь? — из последних сил держа себя в руках, спросил журналист. — Любой подобный разговор, даже если на воровской «стрелке» происходит, должен на какой-нибудь позитив выходить.

— А чтобы ты, если ещё долго и красиво пожить хочешь, продолжил делать то, что тебе так нравится, а меня моментами развлекает.

— Я разве против? Но хотелось бы конкретнее.

Пока Людмиле принесли её вино, они с Фёстом выпили уже по третьей.

— Я тебя видным деятелем антигосударственного подполья не считаю, хотя по твоим статейкам это очень легко вообразить. Не та ипостась, для понимающего человека. Просто болтун, оседлавший хлебную тему...

— Ну, ты уж слишком. Я и обидеться могу.

— Ты? На меня? Да ни за что. Зато я совершенно достоверно знаю, что ты имеешь выходы на массу

дураков, и не только дураков, которые твою болтовню воспринимают всерьёз. Просто у них воображения не хватает сообразить, что можно так самозабвенно агитировать, не веря ни в бога, ни в чёрта. Тем более — факты-то у тебя обычно достоверные. Интерпретация — другое дело. Тебя, например, не совсем правильно восприняли те воры, которых ты, словно бы в шутку, под автоматы спецназовцев подвёл. Я должен заметить, они не только тонких интеллектуальных игр не понимают, с чувством юмора у них тоже плохо. Какой, на хрен, юмор, если ты кое-кому сказал, будто в кабаке от одного мужика слышал, что вроде бы на генеральской даче «стрелка» намечается, и хозяин, вопреки договоренности, собирает туда много вооружённых людей... Действительно смешно без проверки это за чистую монету «схавать». Но так и получилось. Но это мне смешно. А «по понятиям», сейчас все те трупы — на тебе. Твоё, Миша, счастье, что ни один из тех, с кем ты говорил лично, не выжил. Но я знаю тех, кто по-прежнему этой историей интересуется. Продолжать?

Волович понял одно — непосредственная опасность именно сейчас ему не угрожает, но на крючке у Ляхова он сидит прочно. Хорошо, крючок этот не воровской и не чекистский. А с других, бывает, отпускают, и даже с хорошими деньгами, если не заигрываются.

— Знаешь, я решил тебе ещё одну шуточку подкинуть. По моим данным, «прямо сегодня, вечером или ночью», как выразился В.И. Ленин двадцать четвертого октября достопамятного года, должен начаться антиправительственный переворот. Не революция, цветная или ещё какая-нибудь, а простенький верхушечный переворот. Пронунсиаменто. Достоверности в моём *ясновидении* столько же, сколько в истории с дачей...

Волович напряжённно слушал, пытаясь заранее сообразить, куда гнёт Ляхов и к чему вообще весь этот разговор.

— Я знаю, что ты нынешнюю власть ненавидишь со всей мощью чужого кошелька. Лично тебе на неё наплевать, как и на всякую другую, пока тебе «бабло рубить» не мешают. Причём ты подсознательно знаешь, что при любой другой власти тебе будет гораздо хуже. Даже если представить себе самую раз демократическую, как в Швейцарии, во главе с честнейшим интеллигентом, вроде Каспарова. Тебе не подойдёт — если она в первые недели не развалится, ей всё равно придётся убедить или заставить людей работать, в полную силу и за «зарплату, не превышающую зарплату среднего рабочего»! Иначе никаких заявленных целей «демократическая» власть не выполнит, и её сменит диктатура, при которой вообще не забалуешь...

Людмила сдержанно хихикнула. Она помнила этот тезис из «Государства и революции» Ленина и мысленно приложила его к сидящему напротив неё роскошному мужчине. Бледно по сравнению с ним смотрелся даже пресловутый «красный граф» с картины Кончаловского «Алексей Толстой за обедом». И пересадить его сейчас в общую рабочую столовую, к алюминиевой тарелке с приготовленными по единому для всей России ГОСТу щами. Едва тёплыми.

— Если бы я был не прав, — продолжал витийствовать Фёст, — что бы тебе следовало делать, получив от меня эту информацию? Прыгать от радости, что кроваво-застойный режим (вообще-то оксюморон получается, ты не заметил?) буквально завтра рухнет, и всё случится, как ты проповедовал в одной из последних статей. «Пусть даже на место нынешнего болота придёт истинно великое зло! Только в борьбе с настоящим злом из нынешней серой обы-

вательщины смогут выковаться настоящие пассионарные бойцы за достойное будущее!» Что-то в этом роде. Тот же пролетарский пафос — «Пусть сильнее грянет буря». Правда, советский агитпроп сумел ловко организовать подмену. Алексей-то Максимович Горький-Пешков не певцом пролетариата был, а как раз босяков и люмпенов, и их философию на щит поднял, ибо во время смуты и бури мародёрам самый сенокос...

— И к чему эта речь Цицерона против Катилины? — блеснул эрудицией Волович. — Давай поконкретнее. Переворот, говоришь? Какой, в чью пользу? Какие там, с точки зрения истмата, движущие силы? Я, убей меня, не представляю, кто бы сейчас мог, да и согласился прийти к власти таким вот образом. Не Тунис у нас, не Пакистан, не Украина даже...

— Насчёт «убей» ты бы словами не бросался. Убить очень даже могут. И в профилактических целях, и просто случайно. Я, скажем, достаточно точно знаю, что примерно час назад прошла команда по аэропортам — воспретить пересечение границы ряду лиц согласно проскрипционным спискам. Есть в них лично ты или нет — мне сие неведомо. Но если сегодня решили задержать лишь кое-кого, завтра границы могут закрыть наглухо. Все и для всех. В банках — как весной девяносто первого года — с книжки снять можно только пятьсот рублей, раз в месяц¹. И тогда тебе вместе с десятками тысяч «со-

¹ Именно так и было. Фёст и Волович могут помнить это только по детским впечатлениям или более поздним рассказам родителей, а у автора сохранилась сберкнижка того года с красными штампами, подтверждающими каждую выдачу. Не чаще, чем по истечении тридцати календарных дней! Работала эта схема «стабилизации денежного обращения» со дня «павловской» денежной реформы (январь 1990 г.) и до конца ГКЧП (август 1991 г.).

стоятельных людей» только как Остапу — с заветным пудом золота через ближайшую границу. Безопаснее всего в районе Таганрога, там постов мало, по балочкам, по балочкам — и уже в незалежной... Если прямо на погранполосе не разденут до нитки. А если и разденут! Свобода, как известно, приходит нагая...

Волович заметным образом помрачнел. Вся беда в том, что для него, знающего историю и текущую обстановку, слова Ляхова выглядели отвратительно правдоподобно. Хлопнул ещё рюмку, не в очередь, как бы машинально, и тут же налил ещё.

— И с этим ясно, но на главный вопрос ты пока не ответил. Кто и зачем?

— А как в шестьдесят четвёртом с Хрущёвым или в девяносто первом с Михаилом Сергеевичем. «Здоровые силы партии». Больше скажу — нынешний путч может и вообще без замены «первого лица» проскочить. С ныне существующим «работу проведут», и будет он совсем другую программу реализовывать до очередных выборов или дольше. Криптократия — тебе такой термин понятен?

— Ещё бы. Но всё равно — чего ты лично от меня хочешь? Именно сейчас. Тебе что, больше обратиться не к кому?

— Да с этим конкретным вопросом вроде и не к кому. Снова к теме «цветной революции» возвращаемся. Ты говорил вполне определённо, что знаешь людей, которые за приличные деньги готовы вывести на улицы десятки тысяч людей. Как на Манежную, если взять ближайший отечественный пример. Вот на этих карточках, — Фёст полез в карман, достал и показал четыре «платиновых» «Визы», — как раз пресловутый миллион долларов и евро. Отдам и расписки не спрошу. Нам с Людой про-

сто интересно — хватит ли у тебя связей, чтобы за такие деньги вывести на улицы Москвы несколько десятков тысяч человек? Всё равно кого — лимоновцев, скинхедов, футбольных фанатов, пенсионеров, недовольных своими пенсиями. Лучше — всех сразу. Каспаровцы, касьяновцы, «Молодая гвардия», коммунисты — тоже подойдут. На Тверскую, площадь Революции, Красную... Лозунги — любой стилистики, но в том смысле, что в поддержку нынешнего Президента, против хунты и вообще «за свободу». До завтрашнего утра всю работу проведёшь, а я к тому времени надеюсь и списки верхушки мятежников подготовить, и их программу выяснить. Не декларативную, а настоящую...

Мне всё равно, что и кому ты врать будешь, главное, чтобы сам понял — при новой власти лучше не будет. Не Брежнев и не Янаев к власти рвётся. Пиночет — это в самом лучшем для вас случае. Если первые дни упустить — потом ничего не сделаешь. Попервоначально «мировое общественное мнение» вас ещё поддержать может, а если новая власть консолидируется, с кем нужно договорится, и всем мечтам о «светлом будущем» — крышка. Я, может быть, тоже наивность проявляю, но хочется верить: люди, массы людей, одни за деньги, другие от души, пока способны на историю повлиять. Вспомни, ты же должен помнить август девяносто первого!

Людмила тонко улыбалась, маленькими глотками смаковала вино, поощрительно поглядывала на Воловича.

— Есть надежда, что организаторы заговора могут растеряться, потерять темп, если на улицы выйдет «очень много людей», мирно и без оружия. Чем Россия хуже, чем Тунис, Египет, Греция, да и та же супердемократическая и законопослушная Англия?

Главное — чтобы демонстранты удержались от немотивированного насилия и погромов. Вот за это и будут деньги уплачены. Сколько ты из них себе возьмёшь — меня не касается. Хоть половину. Главное — чтобы работа была исполнена. Хочешь — для должной солидности с тобой Людмила пойдёт? По всем адресам. Никаких телефонов, только лично. И платить будет она. Кэшем¹. Кому сколько скажешь.

Волович сначала подумал — какая же при её внешности солидность? Только минутой позже сообразил, что в предлагаемых обстоятельствах — та самая. Красавица, одетая без оглядки на московский стиль, как привыкла ходить по улицам Сан-Франциско, говорящая на понятном, но ломаном русском, с наплечной сумкой, доверху набитой валютой — самое то. На провокацию МГБ, да ещё в его присутствии — никак не потянет.

— Да ты, Миша, не мандражи, — неожиданно сказала Людмила. — Тебе вообще бояться нечего. Я — американка из «паранормального общества», вполне законно зарегистрированного в России. Въехала сюда по визе, подробно изложив цели своего здесь пребывания. Ответственность за меня, в том числе и финансовую, взял на себя Вадим Петрович, и частично — американское посольство. Я буду проводить «полевые эксперименты» — возможно ли только парапсихологическими методами устроить «флэш-моб» с привлечением людей, не только к подобным забавам не склонным, но придерживающимся совершенно противоположных политических взглядов. Твоя, Миша, вина, в самом худшем варианте, будет заключаться в том, что ты познако-

¹ К э ш — наличные (амер.).

мил с сумасшедшей американкой еще несколько психов «местного разлива». А деньги? Дурак будет тот, кто в их получении признается.

У Воловича было тяжело на сердце. Слова Ляхова и его подруги не успокаивали, скорее наоборот. От такого не отмажешься ссылками на дурацкие исследования. В случае чего и на «вышку» потянет. И безотчётный миллион долларов смелости не прибавлял. Чёрта с два им успеешь попользоваться.

Надо отыгрывать назад, даже рискуя «потерять лицо». Что с того лица, не в Китае живём, а цивилизованные американцы говорят: «задница дороже».

— Но это ведь только при условии, что нас не возьмут с поличным? — задал он *подготовительный* вопрос.

— А как ты себе это представляешь? На практике? — удивился Фёст. — Скажем, через полчаса ты встречаешься с человеком, который «смотрит» за всеми футбольными фанатами. Тебя, журналиста, интересуют перспективы сезона, договорные игры, заказные драки... Убедившись, что вокруг чисто, ты делаешь «то самое предложение». Насчёт повода пусть думает товарищ, взявший у тебя деньги. После фанатов — беседа на бульваре хоть даже с самим Лимоновым. Так вот — для Лимонова персонально — сколько у него «активных штыков» есть, пусть все к компьютерам садятся и начинают народ собирать. Если он не врёт и только в Москве у него под сто тысяч сторонников — пусть выведет в пределы Садового хотя бы половину. Лозунг один: «Имперской России русского императора. Президент, мы с тобой!» За один лозунг, написанный любой краской на любом транспаранте, при условии его нахождения в городе до полудня — по сто баксов. Желающие получают рублями. Говорят же, что по Се-

ти можно миллионные толпы на площадях собрать, хоть под пули. У нас пуль не будет, только «флеш-моб». И у ментов с омоновцами тоже «флеш-моб». Опять же как в августе девяносто первого. Если ваши не начнут первыми, их никто не тронет.

— Вадим, — по-прежнему игнорируя Людмилу, видимо надеясь, что с ней успеет пообщаться позже, сказал Волович. — Я успел понять почти всё. Выпьешь ещё?

— Запросто, — согласился Вадим, — вот тебе бы не помешало чуть тормознуть. Пьянка форс-мажором не считается.

— Пустяк. При моём организме... Я за обедом под хорошую закуску пол-литра потребляю и за руль сажусь.

— Дело хозяйское, то-то в Москве ближе ста километров и места на приличном кладбище не найти, а совсем недавно всех желающих на Новодевичьем хоронили...

— Ты всегда как скажешь, — покривился Волович. Опрокинул стопку, принялся разделявать лобстера, каковое искусство Фёст так и не постиг.

— Ну скажи ты мне, наконец, правду. Я же не поп Гапон, меня «втёмную играть не надо». В чём тут фишка? Ты же не «цветную революцию», в натуре, затеваешь? Не выйдет в России. Сутки-двое мордобоя в столице, за это время серьёзные люди, не отвлекаясь, решат свои дела, а потом, как всегда, приедут мрачные ребята на грязных БТРах из Вологды или даже Ростова. Их не сагитируешь, хоть вся демократическая тусовка цепью под колёса станет. Почему я эту страну так ненавижу — ничего в ней невозможно! В Тунисе можно, в Египте, в Пакистане...

Волович выругался. Вадим с Людмилой переглянулись.

— Не нравится он мне, — сказала Вяземская, тоже как бы игнорируя смотрящего ей в глаза Воловича. — Давай ему билет в Исламабад купим, и пусть он там свободу слова среди трудящихся Востока насаждаёт... Вот уж где никакого застоя и предсказуемых выборов!

— Нет, ну вы, ребята, прямо шуток не понимаете. Вот я — понимаю. Поэтому считаем, что все вволю пошутили и тему пора закрывать. Ни на что подобное я никогда не подпишусь. Вы бы себя со стороны послушали — ну, чистый бред. Даже с позиций элементарной логики, если политику в стороне оставить. Если у вас действительно лишний миллион имеется — потратьте его с большим толком. Можете мне грант выписать, я вашу контору во всех СМИ пропагандировать буду, на высоком художественном уровне...

Видно, что он явно доволен. Нашёл в себе силы сказать всё, что хотел, и даже с юмором, не показав себя банальным трусом. Не сошлись во мнениях насчёт методов политической борьбы — всего лишь!

— Я, собственно, ничего другого и не ждал, — совершенно спокойно сказал Вяземской Фёст. — Это только в статейках легко и приятно писать о неизбежности беспощадной борьбы с прогнившей антинародной властью. Одним словом — очередная нечаевщина, словно даже в средней школе историю не учил. А ещё вернее расчёт, что на его пассионарные призывы никто не откликнется, и можно будет продолжать прежнее уютное существование.

В это время Людмила отошла к окну, позвонить Герте.

— У наших пока всё нормально, доехали, — сообщила она, вернувшись. — «Помощников» по пути подобрали. Нас поторапливают. Мы были правы,

что-то готовится. Президент сказал, что телефоны у него звонили раз десять, всякие, и с первой АТС, и со второй. И сотовые разрываются. Хорошо, на этот раз ему характера хватило, ни разу не взял и помощников не принимает.

Фёст представил, каково Президенту было кругами ходить по своим апартаментам и ждать, поглядывая на коллекционные ружья и винтовки в полированных шкафах. Ждать, надеяться, что помощь придёт вовремя и всё разъяснится. Никак он не мог не думать о судьбах Альенде, Хафизуллы Амина, Горбачёва, Наджибуллы, тоже преданных ближайшим окружением, а Михаил Сергеевич — даже и телохранителями.

Но раз сумел до сих пор продержаться, значит, через полчаса и с остальным проблем не будет. Предугадать бы теперь следующий шаг заговорщиков. Приезд на дачу Контрразведчика и Журналиста их едва ли напугает, скорее обрадует. Все птички сами собрались в одной клетке. А Герту вполне могут принять за Вяземскую, вряд ли вообразят, что Журналист, вырвавшись из кольца чекистов с помощью одной женщины, кинется на президентскую дачу уже с другой.

— Значит, и нам пора, — сказал Фёст, вставая. — Ну, стремленную... — налил всем «по крайней» рюмке, недопитую бутылку коньяка сунул в карман. — Ты с нами поедешь, Миша, — без вопроса, вполне утвердительно сообщил он Воловичу.

— Куда это? И зачем?

— Не захотел лично в деле поучаствовать, со стороны посмотришь, как теперь делается история, — усмехнулся Ляхов. — Она, между нами говоря, делается непрерывно и ежечасно, но иногда — чрезвычайно наглядно. Гарантирую, что материал у тебя

будет настолько эксклюзивный... До конца дней хватит пенки снимать. Начнёшь с очерка, закончишь романом-эпопеей. С Президентом лично познакомишься, а тех, кто оказывается в одном окопе, не забывают. Зря, что ли, все, кто воевал рядом со Сталиным под Царицыном, дожили до глубокой старости и умерли в своей постели... Фотоаппарат есть?

— В редакции есть...

— Заедем — возьмёшь. Чтобы не сбежал, Людмила при тебе будет.

Захваченный водоворотом событий и подавленный напором воли Вадима, Волович не пытался возражать. Да и интересно вдруг стало, способен ли он действительно на что-нибудь, кроме давно приевшейся болтовни в компаниях, где готовы были слушать его, как гуру. И уж тем более надоело выслушивать инструктажи, как и что писать, от грантодателей, обеспечивавших его финансовую независимость и «творческую свободу».

— Да и поехали, — залихватски взмахнул рукой репортёр, — сам посмотрю, о чём ты так вдохновенно врал битый час.

Отходя от стола, рассовал по карманам нераспечатанные бутылки виски и водки. Мало ли что ждёт впереди.

Фёст сидел за рулём, что-то тараторящий от прорывающегося возбуждения, Волович — рядом, Людмила села сзади и возилась с предусмотрительно прихваченным с собой Шаром. Даже Вадим не заметил, как она его с собой взяла, и теперь у неё был инструмент, не всемогущий и не настроенный на работу в этой реальности, но всё равно полезный. Чтобы проявить все свои качества аналитически-

прогностического комплекса, «Селесты» и «КРИ»¹, Шар должен быть специально отлажен, сориентирован на работу внутри данной ноосферы, со всеми присущими ей волновыми характеристиками, сильно отличающимися в любых параллельных реальностях, даже таких близких, как эти. Иначе это будет похоже на попытки использовать телевизор системы «Секам» в сфере действия любой другой.

И всё же кое на что он пригодиться может, например на извлечение оперативной информации, содержащейся на стабильных носителях, и для отслеживания действий и намерений людей, на которых есть должный массив «установочных данных».

— Вадим, — сказала Людмила, отрываясь от манипуляций с прибором, — мы не ошиблись. Акция «Форос-2» уже началась и входит в острую фазу. Сейчас мы кое-что увидим...

— О чём речь? Какой «Форос»? — отреагировал на её слова Волович.

— Сказано же — увидим. Ты лучше свой яркий пиджачок сними, а то больно в глаза бросается. Целиться в такой объект — милое дело, — бросил сквозь зубы Фёст, сосредотачиваясь.

Михаил без сопротивления снял фирменный твидовый пиджак в красную и жёлтую клетку, под ним была нормальная светло-бежевая рубашка. Он отцепил бейджик с надписью «Пресса» и начал пристраивать его на нагрудный карман.

— Не стоит, пожалуй, — заметил Фёст. — В таких делах журналистов первых отстреливают, реклама этим ребятам не нужна...

¹ «Селеста» — селектор стабильной информации, «КРИ» — коллектор рассеянной. См. по этой теме труды А. и С. Абрамовых, А. и Б. Стругацких.

— Хрен знает, в какие дела вы меня втянули!

— Ничего, — успокоил его Ляхов. — Хемингуэй с Симоновым и не в таких переделках бывали, отчего и прославились. Настоящему журналюге без войны нельзя. Такой же нонсенс, как бандерша-девственница. Я тебя в случае чего собственной грудью от пули прикрою, не впервой. Ты лучше скажи — неужели действительно ваша братия ничего не слышала о сегодняшнем инциденте на Каретном? Десять слов дикторша по «НТВ» сказать успела, и как отрезало. А остальные где? Хотя бы «Эхо Москвы», они и в два прошлых путча¹ бесстрашно себя вели...

— То сообщение и я слышал, — будто впервые начиная задумываться о некоторых странностях этого дела, ответил Волович. — Ребята было засуетились, а потом, буквально через пятнадцать минут, бригада и выехать не успела, лично главный вышел и сказал, что ничего не было, какой-то хулиган дымовую шашку на улице бросил, и «нагнетать» по этому поводу «не рекомендовано».

— Ух, как лихо! — восхитился Фёст. — За пятнадцать минут тема с повестки снята. Так вы же вроде — непримиримая оппозиция, вам-то кто мог приказать? Вы же, по вашим собственным декларациям, ни бога, ни чёрта не боитесь, вам и Президента, и всю Российскую державу обгадить — раз плюнуть. Уж как по поводу «войны восемь-восемь» изгалялись! А тут кто-то два десятка гэбэшников и омовцев посреди Москвы шутанул как следует, а вы — ни гу-гу.

Волович издал губами пренебрежительный, на грани пристойности, звук. В том смысле, как у Салтыкова-Щедрина написано: «Мы люди русские, мы

¹ В августе 1991-го и в октябре 1993 г.

такие вещи сразу должны понимать». А если Ляхов желает придуриваться — вольному воля.

— Вопросов больше не имею, — с готовностью согласился Фёст. — А вот девушка, что позади тебя сидит, как раз в этом деле главную роль сыграла, и попадись она «им» в руки — не знаю, что бы сейчас было...

Михаил непроизвольно обернулся. Вяземская мило улыбнулась и кивнула. При этом взгляд у неё был такой, что Волович поверил сразу и на сто процентов. Ему по-прежнему было страшно, но одновременно в душе начала подниматься волна вёсёлого возбуждения пополам с любопытством. Любопытством не к тому, что может вскоре случиться, а к тайнам собственной натуры. Сумеет ли он в действительно серьёзной ситуации держаться с достоинством и даже бравадой. Ведь трусом он никогда не был, и драться в молодости приходилось, и по горам без страховки карабкаться, вспоминая песни Высоцкого из «Вертикали».

— Вот оно, — ровным голосом сказал Фёст, начиная подтормаживать вместе с потоком машин. Они как раз подъехали к развилке Ленинградского, Машкинского и Новосходненского шоссе. Здесь собралось несколько милицейских машин, перегоревших две правые полосы, суетилось много людей в форме и в штатском, а за кюветом догорал большой мини-вэн, почти вывернутый наизнанку.

— РПГ, — бесстрастно оценил Ляхов. — Пожалуй, термобарическая граната...

Волович опустил стекло, его казённый «Никон» с мощным трансфокатором залязгал длинной серией, в темпе самозарядного карабина.

Сразу два сотрудника в камуфляжах, но без погон, увидев совершенно здесь неуместного фото-

графа, кинулись к машине, размахивая руками и что-то крича. Один, кажется, на ходу расстёгивал пистолетную кобуру. Репортёр втянул голову в плечи, но продолжал снимать, теперь уже бегущих прямо в объектив людей. Снимочки выйдут — закачаешься! Хоть сразу на «Интерпресс-фото». Включился профессиональный азарт пополам с надеждой, что Ляхов его защитит. Как это может выглядеть, он не задумывался. Просто ему так казалось.

— Люда, давай «растянутое»... — крикнул Фёст. Вяземская давно была готова.

Потом Волович никак не мог последовательно восстановить случившееся.

Сначала вроде как удар подушкой по голове. Так они дрались с пацанами ещё в пионерских лагерях, куда родители до самого конца советской власти отправляли Мишу каждый год, бывало, что и на две смены. Не больно, но ориентацию на какой-то миг теряешь. Потом зрение вернулось, но показывало странное. Мир вокруг застыл, словно киноплёнка в проекторе остановилась. Бегущие люди замерли в нелепых позах, автомобили встречного потока, только что мелькавшие довольно быстро, стали все разом.

И ещё — в ушах нарастал не то свист, не то скрипучий шорох, такое с Воловичем было, когда случился гипертонический криз. Одновременно ощущалось нечто вроде невесомости при стремительном падении скоростного лифта.

Фёст спокойно вывел свой «Фольксваген» на двойную сплошную и по пустому коридору между потоками машин придавил как следует. Стрелка сдвинулась за сто сорок.

— Вадим, осторожнее, — сказала Людмила. —

Если на дороге что-то подвернётся, резерва у нас больше нет. Заднего хода тоже.

— Да уже и хватит. Подожди, я дырку найду, куда втереться, и выключай.

Через несколько километров, когда скорость по спидометру упала до полусотни, Фёст увидел довольно длинный интервал между чёрным джипом и междугородним автобусом, резко принял вправо, включив, как положено, поворотник. И всё равно, хоть он его и не подрезал, водитель автобуса возмущённо загудел, видимо, с перепугу. Со стороны их появление выглядело так, будто гоночный болид на трёхсоткилометровой скорости вылетел ниоткуда и мгновенно вклинился в поток, превратившись в неторопливый старенький «Пассат».

Впрочем, такое со всеми случается — отвлекся на секунду и прозевал появившуюся из «мёртвой зоны» зеркала машину.

— Что это было? — переводя дух, спросил Волович, вытащил очень к случаю припасённую бутылку, свернул пробку, несколько раз шумно глотнул.

— Что, на реактивных истребителях летать не приходилось? — сочувственно и, как принято в определённых кругах, вопросом на вопрос ответил Фёст.

— Не держи меня за дурака. **Что — это — было?!**

— Наш способ отрываться от неприятеля. Ты ведь сам почувствовал, что те ребята бежали *именно к тебе* с самыми недобрыми намерениями? Потерей фотоаппарата ты едва бы отделался, если здесь только что нескольких сотрудников их же конторы в головешки спалили. Это тебе не Людины упражнения с дымовыми шашками. А она у нас ещё и в телепортации практикуется. Перспективное направление оборонной магии. Сейчас, на наше счастье, у неё хорошо получилось. Не совсем чисто, но прием-

лемо. На восемь километров, — он бросил взгляд на одометр, — перепрыгнули. Здесь не догонят. А дальше побережёмся. Посмотри на снимки, номер сгоревшей машины где-то в кадр попал?

Волович, продолжая ничего не понимать, подчиняясь совершенно механически, посмотрел.

— Вот здесь, только не весь, — он присмотрелся, прибавил на дисплей увеличение, — «Гэ — четыре — пять...» и всё. Остальное не читается.

— Достаточно. Люда, звони Герте, сообщи. Скажи, мы скоро влево сворачивать будем, пусть укажут, где нас встретят...

Когда Герта передала всем то, что услышала от Вяземской, и назвала часть автомобильного номера, Мятлев посерел лицом, длинно и тоскливо выругался. До сих пор серьёзность положения до него так настоящему и не доходила. До генеральских звёзд дожил, а со смертью от выстрела в спину до сих пор не сталкивался, с предательствами соседей по кабинету и, условно говоря, по окопу. Вся кровь и грязь борьбы за власть и лёгкое, с пылу с жару богатство прошли как бы мимо него. Леониду Ефимовичу будто сами собой доставались обычная, по специальности, работа да банальные подковёрные интриги.

А сейчас он почувствовал себя как генерал Павлов¹, лично увидевший заходящие на цель немецкие бомбардировщики.

— Хорошие парни были. Надёжные, а я их, получается, на смерть послал. А вы ведь меня предупре-

¹ Павлов Д.С. — генерал армии, Герой Советского Союза, командующий Западным особым военным округом. В июле 1941 г. арестован и расстрелян вместе с большой группой генералов округа «за потерю управления войсками и неприятие мер по отражению фашистской агрессии».

ждали, — сказал он Секонду, сдерживая дрожь в голосе. — До конца не верил, мудака старый, контрразведчик долбанный, что *они* и со своими так могут! Но я, бля, узнаю, кто приказал и кто исполнял! Посчитаемся!

— Чего там узнавать, Людка с Вадимом приедут, тут всё и узнаем. И имена, и адреса с фотографиями иметь будем. А уж час мы продержимся.

Мятлев, продолжая сквозь зубы материться, пошёл по ковровой лестнице на второй этаж, докладывать Президенту. Журналист остался.

— Если машину расстреляли только что, зная, что группа ожидает Мятлева, не подозревая, что мы поехали другой дорогой, логичнее всего предположить, что теперь киллеры выдвинутся ещё ближе к городу, чтобы до места засады перехватить, — начал он свои рассуждения, основываясь на логике «здравого смысла» и прочитанных книжках соответствующей тематики. — Значит, в засаде потеряют полчаса-час, пока не сообразят...

— Не факт, — перебил его Секонд. — С чего ты взял, что работает всего одна группа? Эти спалили охрану и ждут генерала там же. Через милицейские посты он по-любому не проедет, если в багажнике не спрячется, так они рассуждать должны. Значит, и багажники смотреть будут. Цель в любом случае достигнута — Мятлев и десяток бойцов на дачу уже не попали... Они ведь ещё не убедились, а не был ли и ты сам в машине. По первому варианту ребята тебя должны были в центре подобрать!

Поэтому группа захвата или ликвидации «Первого» может работать спокойно. Если даже в охране дачи нет ни одного предателя, что та охрана может? Я бы взял на такой случай две роты омонцев или собровцев поглупее, чтобы и не догадались, куда приехали и что вокруг происходит. Внешнее кольцо

оцепления создать. А десяток снайперов с хорошими винтовками наших охранников в момент перещёлкают. В то время, как основные исполнители в открытую к воротам подъедут, при поддержке «Альфы» и спецназа ГРУ, не знаю, кто сейчас на их стороне...

— Очень возможно, — согласился Анатолий. — В Форосе так и было, генерал — начальник управления лично приехал с *переговорщиками* и всю охрану с постов снял. И связь отрубил... — Он очень хорошо помнил тот август по личным впечатлениям, а потом, пока тема была актуальной и к ней сохранялся интерес, прочитал массу статей и книг о «путче ГКЧП». — Можно думать, что *нынешние* те уроки усвоили, ошибок не повторяют, манную кашу по столу размазывать не станут.

— Те уроки, может, и усвоили, — усмехнулся Секонд, — только самая распространённая ошибка — готовиться к прошлой войне. Им бы опыт покушения на Олега Константиновича использовать... — В ответ на непонимающий взгляд Журналиста пояснил: — У нас царскую дачу двумя батальонами чеченцев атаковали, при поддержке танков и авиации, предварительно заняв все ключевые точки в городе. Как им показалось...

— И что?

— И ничего. Императора ты на днях видел живого и здорового, я тоже перед тобой стою отнюдь не в виде призрака, а трофейную технику из твоего мира наши оружейники изучают. И мы отобьёмся.

— Так что же мы теперь должны делать по-твоему? — несколько растерянно спросил Президент, выслушав Мятлева. Он ещё больше, чем генерал, был не готов безоговорочно воспринять грубые реа-

лии жизни. Для него тоже подобные вещи или казались «делами давно минувших дней», или имели право происходить на далёкой периферии — в Ираке, Ливии, Кот-д'Ивуаре, Судане... Никто же не штурмует резиденции президентов и премьер-министров США, Великобритании, даже Италии, не ставит их к стенке. С Чаушеску¹ подобное случилось, так очень давно, почти не в этой жизни. В Латинской Америке и то последние двадцать лет бросили эту привычку.

— Защищаться! Как только (и если — сделал он на всякий случай успокаивающую оговорку), начнётся, мы будем отстреливаться, а ты обратишься к народу и армии. Назовёшь всё своими именами и, как Верховный Главнокомандующий, прикажешь армии, внутренним войскам, всем добровольцам из гражданских занять Москву, блокировать, как учил великий вождь, вокзалы, мосты, почту и телеграф, центры управления мятежников... — Мятлев вдруг почувствовал себя Бонапартом, приводящим к покорности термидорианский Париж.

— И как же я обращаюсь? — уцепился Президент за частность, уж очень не хотелось целиком и полностью принимать новую реальность, перечёркивающую всю прожитую жизнь и особенно послед-

¹ Чаушеску Николае, президент Румынии, генеральный секретарь Румынской компартии, председатель Госсовета в одном лице. В 1989 г. свергнут в ходе т.н. народной революции, подозрительно быстро расстрелян без суда агентами спецслужбы «Сегуритат» (бывшая пресловутая Сигуранца). Есть мнение, что устранен западными спецслужбами «под шумок» советской «перестройки» за то, что выплатил всем кредиторам все внешние долги Румынии, чем превратился в фигуру, лишённую «нормальных» рычагов влияния и способов давления.

ние годы, не всегда безмятежные, но так или иначе понятные, — по телефону, что ли?

— Ты забыл, что с нами человек *оттуда*? Как он в твоём телевизоре появился, так и ты сможешь.

— А чем защищаться? Пистолетами и коллекционными ружьями втроём против спецназа? Дворец Амина чуть не гвардейский батальон охранял, а наши его за час взяли...

Воспоминание о мутной истории с устранением куда более легитимного лидера революционного Афганистана, чем Бабрак Кармаль, оптимизма Президенту не прибавило.

— Во-первых, ты что, только меня и Анатолия считаешь? Нас уже не трое, а семеро, «великолепная семёрка», если ещё помнишь. Двое друзей полковника Ляхова — высокочеловеческие профессионалы и прекрасно вооружены. Спустимся — познакомимся. Ну ещё и девушка, тоже не с пустыми руками, подготовленная лучше любого нашего «альфовца». Офицер личной гвардии Императора Олега.

При упоминании этого имени Президент досадливо поморщился.

— Если авиация нас вакуумными бомбами не приласкает, — подвёл итог Мятлев, — до подхода серьёзной помощи продержимся. Гарантирую!

На столе вновь зазвонил телефон прямой кремлёвской связи.

Мятлев взял трубку раньше, чем до неё дотянулся Президент.

— Слушаю! — ответил он, одновременно включая громкоговоритель.

— Это не вы? — назвал имя-отчество Президента незнакомый, резкий и уверенный голос.

— Нет, не он, это генерал Мятлев, начальник

временной Ставки главковерха, — на ходу придумал себе должность генерал. Краем сознания подумал, что вот так *настоящие* дела и делаются. Назвал себя Первым консулом¹, пока другие бессмысленно суетились, как слепые котят, — так им и будешь! И он после победы на меньшую по статусу должность не согласится, как бы она ни называлась «в гражданском варианте». Хватит псевдодемократий, наигрались!

— Ух, как страшно, — донесла мембрана жирноватый, очень неприятный смешок. — А что командовать тебе, «начальник», больше нечем — в курсе?

Мятлев зажал микрофон рукой, свистящим шёпотом приказал Президенту:

— Высунься на площадку, крикни Гертю! Быстро, быстро, некогда раздумывать...

Снова включился в телефонный разговор:

— В курсе. За это кое-кому гарантированная «вышка», мы с «гуманизмом» с сего момента завязали! — Ему надо было тянуть время, вывести собеседника из себя, а то и запугать, сколь бы слабо ни выглядели со стороны его шансы.

Человек на той стороне снова рассмеялся. Ситуация его явно веселила. И он тоже не прочь был поддержать игру генерала, по другим, естественно, причинам.

— Ну-ну! Грозилась синица море поджечь...

Мятлев прокручивал в голове все голоса, которые когда-либо слышал, словно капитан-смершевец из «Августа сорок четвёртого» приметыв немецкого

¹ В ноябре 1799 г. бригадный генерал Наполеон Бонапарт совершил гос. переворот (18 брюмера) и стал Первым консулом, сосредоточив в своих руках всю полноту власти.

диверсанта, и не мог никого подходящего вспомнить.

— Так что, позовешь «хозяина», или он и дальше голову в песок прятать намерен?

— У него сейчас дела поважнее есть, чем с таким дерьмом разговаривать. Ультиматум предъявлять собрался? Давай! Я уполномочен выслушать и принять решение. Твои условия?

В кабинет влетела Герта, остановилась в двух шагах с горящими от азарта глазами. На плече у неё стволом вниз висел автомат, не здешний «АК», а свой, штатный для спецгрупп «печенегов» «ППСШ», на основе обычного «ППС».

С этими конструкциями получилась крайне интересная история особенно для специалистов по развитию параллельных цивилизаций (если бы такие были). В своё время Шульгин, просто из интереса, глубоко модернизировал отечественный «ППС-43» для использования в реальности Югории-20, исходя из того, что патронов «маузер/ТТ» в том мире было сколько угодно в отличие от промежуточных патронов 7,62х39. И вдруг после контакта с Россией Секонда оказалось, что у них тот же Судаев (поскольку родился в 1912 г.) создал свой автомат, один в один по устройству и внешнему виду, только не в сорок третьем, а в пятидесятом году, в ответ на немецкий «МП-49». Правда, как и у нас, в крупную серию он не пошёл, армию вполне устраивали «ППД-45» и «ШКДШ¹ — 49», отдалённо похожий на немецкий же «шмайсер-47» и исполненный под единый патрон ТАОС «ПАР-48 лонг». Однако танкисты,

¹ «ППСШ» — пистолет-пулемёт Судаева — Шульгина, «ШКДШ» — штурмовой карабин Дегтярёва — Шпагина, в последующих модификациях переименованный в «АДШ» — автомат Дегтярёва — Шпагина.

десантники, артиллеристы, внутренние войска и другие спецподразделения с удовольствием использовали «ППС». Оттого, когда Секонд предъявил Чекменёву и Тарханову шульгинскую самоделку, её охотно приняли на вооружение императорской гвардии и прежде всего «печенегов». Запустить этот вариант в мелкую серию на ТОЗе, имея «ноу хау», не составило труда. Экспертами «ППСШ» был признан лучшим пистолетом-пулемётом в мире, идеальным для боя на коротких дистанциях и в закрытых помещениях.

— Я слушаю, Леонид Ефимович! — звонко доложила девушка.

Мятлев пальцем указал на её карман с блок-универсалом, на телефонную трубку, сделал движение, будто прикладывает портсигар к уху. Блок-универсал без наводки Шара не мог определить и показать собеседника с другого конца провода, но сам разговор записать, определить номер телефона и место его установки с точностью до расположения распределительного щита — свободно. Для начала этого достаточно, а выяснив это, тут же можно передать данные Вяземской в машину, она сделает остальное.

Герта понимающе кивнула.

— Кто ещё там у тебя? — подозрительно спросил голос.

— Твоё ли дело? Допустим — секретарша. Или любовница.

— Не из тех, что сегодня утром на Триумфальной гастролировала?

— А если и так?

— Имей в виду, второй раз эти штучки не пройдут. Если не договоримся — будем давить всей огне-

вой мощью. Нам терять нечего, сам понимаешь. Кто начинает задумываться, всегда проигрывает.

Теперь изобразил смешок в трубку Мятлев:

— Я отчего-то привык считать, что не думающие проигрывают куда чаще. Короче — хватит болтать. Говори, чего хотел. Кстати, представиться не желаешь? Кто ты есть — главарь хунты или шестёрка-ретранслятор.

— Придёт время — узнаешь.

— Значит, до сих пор боишься, — удовлетворённо сказал Мятлев, — что ни хера у вас не выйдет и придётся ответ держать. Военно-полевой суд и расстрел с полной конфискацией имущества, вплоть до самых отдалённых родственников. Альтернатива — немедленная и безоговорочная капитуляция. Тогда — всего лишь лишение всех прав состояния и высылка за пределы РФ. Но непосредственные исполнители в любом случае ответят, не по закону, так по справедливости...

— Уж больно ты раздухарился, — ответил голос, и генералу показалось, что уверенности в нём прибавилось. — Помощи ждёте? Не будет вам помощи, никакой и ниоткуда.

Мятлев, наконец, сел в кресло, показал рукой, что Президенту и Герте тоже незачем стоять. Закурил.

— Действительно, заболтались, — сказал он, изо всех сил стараясь не выдать голосом, что он уже знает о судьбе своих людей. На это и намекал «собеседник». — Диктуй свой ультиматум. Решать-то всё равно не мне, я фигура техническая.

Ультиматум ни остроумием, ни оригинальностью не блистал. Президенту примерно через полчаса, от силы через час предлагалось встретиться «парламентёров» и с ними согласовать все пункты

распределения власти между членами «кабинета народного доверия». Номинально власть сохраняется за Президентом до следующих выборов, все перестановки будут иметь вполне законную форму, не вызывающую ненужных вопросов у «электората». Приблизительно, как это случилось в девяносто восьмом году с назначением вместо Кириенко, «киндер-сюрприза», правительства Примакова — Маслюкова. Тогда многим даже понравилось.

Все подробности будут обсуждены «в рабочем порядке». Проблем с Думой тоже не стоит опасаться. В стране ведь фактически ничего не произойдёт, вот и народные избранники продолжают работу в привычном режиме.

Ничто не ново под луной. Если бы здесь сейчас оказались Новиков, Шульгин, Ростокин, они бы только посмеялись, насколько чётко «предки» решили воспроизвести схему организации власти, реализованную «потомками» в «четвёртой реальности», 2056 года, реальности генерала Суздалёва и Виктора Скуратова. Впрочем, похожая система ещё полувеком раньше описана Лемом в романе «Эдем». Возможно, нынешние заговорщики были более прилежными читателями фантастики, чем Президент.

— Понятно. Мне в вашем *раскладе* места не приходится?

— Не мандраж, что-нибудь найдём. Мы же не изверги какие, с нами по-хорошему, и мы добром ответим. Вон в Штатах так же получилось. Пробовал Обама подёргаться, самостоятельного политика поизображать, «Кеннеди» долбанный, ему быстренько всё объяснили, и теперь шёлковый ходит. «И никто не ушёл обиженный».

Точно, начитанный собеседник попался. А гово-

рят ностальгирующие «шестидесятники»: «среди читателей Стругацких плохих людей быть не может». Ещё как может! Мятлев не считал себя настолько амбивалентным¹, чтобы признать противников хорошими людьми, просто мыслящими не в унисон с ним.

— Как я понимаю, в случае несогласия... Давай, до конца договаривай, чтобы недомолвок между нами не оставалось, — предложил Мятлев, глядя на Президента. Тот согласно кивнул, стараясь выглядеть мужественно-бесстрастным.

— Тебе что, для протокола мои слова нужны? — спросил собеседник, наверняка сейчас нервно поглядывающий на часы. Могла уже дойти до него информация о прорыве неизвестной машины через посты на месте ликвидации опергруппы Мятлева. И, соответственно, осложнился вопрос с прибытием делегации. Чёрт его знает, кто прорвался, как и зачем. Потянуло запашком с Каретного Ряда, что ничуть не лучше запаха серы для средневекового монаха.

— Для истории, — с насмешкой ответил Мятлев. — Была, мол, в две тысячи таком-то году попытка реакционных сил... И тому подобное. Вот и фактаж...

— Ничего я больше не скажу, — неожиданно резко, почти грубо ответил технический руководитель, если не глава заговора. — Сам всё понимаешь. Сто раз такое случалось, и никаких особых эмоций в народе не вызывало...

¹ Амбивалентность — двойственность переживания (лат.), способность (или готовность в рамках *толерантности*) по поводу одного и того же явления, события испытывать одновременно противоположные чувства, считая каждое равноценным, равноправным.

— Кто бы спорил. Знаешь известный стишок: «Мятеж не может кончиться удачей...»

Генерал прервал цитату, прислушался. Воздух за стенами дачи был неподвижным, плотным и душным, как часто бывает перед грозой. Сильно пахло сосновым лесом и одновременно какими-то полевыми травами. С востока надвигалась, заслонив большую часть небосклона, сизо-чёрная туча.

«Скорей бы», — вдруг подумалось Мятлеву, будто гроза, ливень, град смогут отменить то, что надвигалось на них не с неба, а по земле.

То, что ему слышалось, не было первым отдалённым раскатом грома.

— Гранатомёт, седьмой эрпэгэ, — тоном стороннего комментатора сказала Герта, — наш. Километрах в трёх отсюда. Как раз на отсечном рубеже.

— Вот и всё, — сказал Мятлев в трубку. — «Алэа якта эст!¹». Пьянка пошла, последний огурец на столе! Счёт уже два-один в нашу пользу. Как говорится — «оставайтесь с нами»...

Генерал не мог знать, что творится на первом рубеже обороны, но просто верил, что если те, кому это поручено, стреляли из гранатомёта, то наверняка попали. Предупредительные выстрелы делают из другого оружия.

Он резко бросил трубку на рычаг. С этим — всё! А в остальном — ему было достаточно смотреть на Герту, чтобы чувствовать уверенность — всё закончится наилучшим образом. Она не играла, она дей-

¹ «Жребий брошен» (лат.) — слова, приписываемые Цезарю при переходе пограничной (между собственно Италией и Цизальпинской Галлией) реки Рубикон в 49 г. до н.э., с чего началась гражданская война. В переносном смысле — принятие бесповоротного решения.

ствительно была собрана, но совершенно спокойна. Так, а он чем хуже?

— Извините, Леонид Ефимович, — сказала девушка. — Наши подъезжают, их уже, наверное, в окно видно. Можно, я ещё кое-что этому человеку добавлю?

— Этот номер сразу отключили и стёрли, — ответил Мятлев. — Известные штучки. Никому ты не дозвонишься...

Его слова запрещающими не были, просто выражали сомнение в её способностях. Ничего, переживём.

Герта не стала подходить к стационарному аппарату, просто поднесла к губам раскрытый портсигар.

Сделала пальцами беглое движение над кнопками.

— Алло, это Владислав Борисович? — Голос её стал соблазнительно-эротичным, каким-то даже мурлыкающим. — Прошу прощения, мой командир немного не договорил, разозлился очень. Я уточнить рекомендацию хочу.

— Кто это говорит?

— Герта. Меня зовут Герта Витгефт. Надеюсь на скорую встречу. Поэтому лучше оставайтесь там, где сейчас, на Мясницкой, сорок три, строение три, второй этаж, вторая дверь слева по коридору. Зачем зря бегать? Аэропорты для вас уже закрыты, как и вокзалы, посты ДПС наготове. В подполье уходить... От души не советую. В подполье можно встретить только крыс...

Она закрыла блок-универсал, развела руками разочарованно:

— Кажется, он свой мобильник об стену разбил. Или — об пол...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Тела у андроидов, возможно, были другими, ранее не воевавшими, Воронцов взял для программирования первых попавшихся из резерва. Но «личности», то есть память, навыки, «психология», «жизненный опыт», — из общей «копилки». Эти биомеханические парни, по сути, были теми же сержантами, что тренировали первых «белых рейнджеров» на пути из Константинополя в Севастополь, воевали вместе с Басмановым против монстров в Южной Африке, а теперь ко всему предыдущему добавили и «воспоминания» о разведпоисках в Заполярье в сорок третьем и сорок четвёртом годах, десантах на Курильские острова и японские базы в Корее в сорок пятом. Вдобавок они узнали вполне достаточно о времени, в которое их направили сейчас — всё, что нужно знать в пределах компетенции и квалификации тридцатилетних прапорщиков морской пехоты, воевавших везде, куда посылали, начиная со второго года срочной службы.

Имена у них тоже были придуманные ещё капитаном Белли во время подготовки к действиям на англо-бурской войне по названиям кораблей российского флота, походивших на роль «рабочих псевдонимов», положенных в каждом спецподразделении. Для антуража, и чтобы с людьми не путать — там роботы действовали в составе целой офицерской роты.

Начали, как водится, с литеры «А». Оказалось, что даже её достаточно, чтобы обозначить целый взвод, причём не используя названия городов, имена и звания коронованных особ, флотоводцев и полководцев.

Согласно диспозиции отряд «Леорова» был вы-

сажен в трёх километрах от «объекта», на поляне в густом еловом лесу, вне дорог и троп труднопроходимом. Отсюда легко было прикрыть парными дозорами не только ведущий от трассы к даче узкий, всего лишь двухрядный «асфальт» с несколькими мостиками через заболоченные поймы незначительных речек, но и рубежи за пределами охраняемого периметра, откуда могли выдвинуться мобильные группы неприятеля.

Сам «старший лейтенант» с радистом и третьим снайпером со «Взломщиком» заняли господствующую высотку в полукилометре от очень удобного, в полных девяносто градусов, поворота дороги. С возвышающейся над холмом отдельно стоящей и потому ветвистой, а не голой, как телеграфный столб, сосны получался круговой обзор на десяток километров. Правда, сама дача и даже её КПП и сверху были не видны, надёжно укрытые лесом. В овражке у подножия высоты разместился пункт боепитания — тяжёлый бронированный вездеход «Тигр», загруженный ящиками патронов, гранатомётами «Шмель» и «Гром» с приличным боезапасом. В Отечественную войну Леонов и его отряд о такой огневой мощи не могли даже мечтать, обходились «ППШ», ножами, гранатами и трофейным оружием. Правда, был случай, захватили даже артиллерийскую батарею на позиции и тогда постреляли вволю. Когда кончились снаряды — отошли, и опять без потерь.

Так тогда сам старший лейтенант и его бойцы были просто людьми. В новых телах — совсем другое дело. Пуля и осколок биомеханическую плоть не брали, а физические возможности андроидов, подтверждённые в боях на африканском фронте, позволяли им в течение максимум десяти минут сосредотачиваться в любой точке обороняемого района,

перемещаясь по лесу практически бесшумно со скоростью кроссовых мотоциклов. Устройство глаз и костно-мышечной системы позволяло гарантированно попадать в любую цель на пределе технических возможностей оружия.

По расчётам Секонда, выходило, что шансов у противника, решившегося штурмовать дачу силами в одну-две роты, практически не было, если только не будет массированно использована штурмовая авиация и дальнобойная артиллерия. Но и в этом случае хватит времени вместе с Президентом отступить в леса и продолжить руководство сопротивлением с других позиций и на других условиях.

На повороте с трассы на дорогу к даче «Лексус» остановили перед шлагбаумом два сотрудника, одетые в милицейскую форму, с автоматами «АКСУ» на изготовку. Третий страховал из бетонной будки, и даже Мятлев не знал, чем он вооружён, очень может быть, что несколькими хорошо замаскированными и дистанционно управляемыми пулемётами. Эти явно в заговоре не участвовали, потому что удостоверения генерала оказалось достаточно, «сержанты» отдали честь и подняли балку шлагбаума, на вид довольно хлипкую, но способную выдержать удар грузовика.

— Я давно уже хотел вас спросить, — сказал Журналист, обращаясь сразу к Секонду и Герте, — зачем, или лучше спросить почему, мы занимаемся такими импровизациями? Даже тех из доступных вам возможностей, что я видел сегодня, достаточно, чтобы пресечь всю авантюру в корне, вообще не доводя до фазы «активных» действий. А та система, что позволила принудительно общаться с Президентом! Однако вы...

— Мы, — мягко поправил его Секонд, — разделиться на страты и фракции уже поздно...

— Да, да, конечно. Возможностей и сил у нас достаточно, чтобы покончить дело миром, в худшем случае — так, как сегодня на Каретном. Однако...

— Я всё понял. — Секонд посмотрел на часы, сверился с какими-то цифрами на дисплее пульта управления роботами. — Пять минут. Я успею вам объяснить, чтобы больше к этому не возвращаться. Чтобы было окончательно ясно: мы все — я, Фёст, девушки — даже не «ученики чародеев». Мы так пока, на подхвате. Техника, что доверена во временное пользование, настолько же непонятна нам, как и вам. Просто мы уже умеем нажимать кое-какие кнопки, вы — ещё нет. Как индейцы Фенимора Купера и кремнёвые ружья бледнолицых. Одни умеют стрелять, другие нет, но для всех это изделие — вне бытовой логики и мировоззрения в целом. Но ружье — это только ружьё, а портсигар в кармане Герты — штука, сравнимая с атомной бомбой. Подходить к ней с кувалдой и зубилом крайне нежелательно по многим причинам.

Нам разрешено этими приборами пользоваться, но с соблюдением массы ограничений и, желательно, только в исключительных случаях. Во всех остальных безопаснее обходиться проверенными, «человеческими» инструментами и методами.

— Звучит страшновато, а если поконкретнее — в чём опасность? Люда распугала чекистов, все живы, и ничего не случилось. Несколько раз переходили из мира в мир — тоже ничего...

— В том и беда, — вздохнул Секонд, — что о последствиях мы ничего не знаем. Известно, что действие равно противодействию, и любое сотрясение *мирового эфира*, вызванное включением приборов,

может завершиться чем угодно — природными катаклизмами, политическими, хроносдвигами, наконец... Может быть, то, чем мы занимаемся сейчас, спровоцировано вашей с Президентом прогулкой в Москву, или уик-эндом товарища генерала. Поэтому...

Невысокие, по пояс, кусты, росшие вдоль обочин и вроде бы просматривающиеся насквозь, вдруг шевельнулись, и там, где только что не было ничего, встали два морских пехотинца в странно переливчатых камуфляжах. От неуловимых, на пределе восприятия изменений рисунка и цветов быстро начало рябить в глазах, и взгляд сам собой смещался на что-нибудь стабильное.

Генерал непроизвольно дёрнулся, явление было слишком неожиданным. «Двое из ларца, одинаковы с лица». У этих, правда, лица были разные, но в пределах общего типажа.

— Спокойно, это свои, — сказал Секонд, открывая дверцу.

У андроидов на нагрудных нашивках значилось: «Артём» и «Аскольд». Погоны с двумя продольными звёздочками помещались у них по-человечески, на плечах, а не на животе, как, явно не от большого ума, придумал нынешний министр обороны. Наверняка ни ему, ни его консультантам и советникам не приходилось видеть, как выглядит военный человек, проползший хотя бы полсотни метров по-пластунски в дождь и грязь. Своего взводного солдаты хоть по голосу узнают, а прочим командирам придётся долго трудиться, чтобы предъявить окружающим знаки различия.

Вооружены прапорщики были серьёзно, обычный боец, если он не аналог Ивана Поддубного, столько бы на себе не унёс. У каждого, кроме штатных автоматов и пистолетов, имелось по снайпер-

скому «Взломщику» калибра 12,7 и пулемёту «ПКМ», в разгрузках и рюкзаках по четыре коробки с лентами и сотне винтовочных патронов. Да по десятку старинных, но по-прежнему надёжных гранат «Ф-1» и «РГД-5». Андроид мог бросить такую гранату на сотню метров, дальше не позволяли пресловутые четыре секунды замедления запала.

Доложили, как положено, что поступают в распоряжение «товарища полковника», уже им лично знакомого.

— Куда же мы вас посадим? — засомневался Мятлев, глядя на массивных парней, сверх всякой меры увешанных оружием.

— Вы только винтовки и пулемёты в багажник возьмите, а мы сами добежим, от вас не отстанем, — сказал «Артём». При равном звании по алфавиту он шёл раньше, вот и числился старшим.

— Главное — не обгоняйте, — предупредил Секонд, — охрана у ворот может не понять...

...Увидев, что в ворота дачи въезжает «Пассат» с остальной частью их команды, Герте и Секонду не то чтобы особенно полегчало, но стало спокойнее оттого, что они снова все вместе, и не нужно беспокоиться ещё и о товарищах, с которыми именно сейчас может происходить неизвестно что.

— Пойдёмте, — сказала Герта. Она не собиралась узурпировать права своих непосредственных начальников и кого-либо из присутствующих, но порученная ей Фёстом работа предполагала полную самостоятельность в рамках задания. Если согласовывать каждый шаг с командирами или охраняемыми лицами, терялся весь смысл.

Вчетвером спустились в холл, впереди Герта с автоматом на изготовку, за ней Президент, Журна-

лист и Мятлев. Здесь, в кресле сбоку от входной двери, они увидели только одного офицера дежурной смены, вооружённого пистолет-пулемётом «Клин-2» и обычным «ПММ». Тот вскочил, услышав шаги и голоса главы государства с сопровождающими лицами. С Витгефт они обменялись мгновенными взглядами специалистов. На её взгляд, выглядел он вроде бы нормально, то есть — по ситуации. Собранный, но не растерянный, и глаза не бегают. Если он, или кто-нибудь ещё из тех, кого «валькирия» видела в здании и во дворе, связан с заговорщиками, сейчас определить это невозможно. Вот когда появится Вяземская, её Шар можно будет использовать и как «детектор лжи». Нехорошо подозревать в измене не давших к этому никаких оснований людей, но — время такое.

...Получасом раньше, как только они въехали на территорию и к машине подбежал начальник охраны майор Нежданов, генерал без всяких предисловий объявил, что ввиду особых обстоятельств полковник Ляхов временно назначается комендантом объекта с неограниченными полномочиями. И представил ему Секонда, не объясняя, какой именно службы он полковник, но наличие при нём прапорщиков в форме говорило само за себя.

Вадим тут же начал распоряжаться, дело знакомое, повоевать ему пришлось столько, что этому лощёному майору в штатском со всей его командой и не снилось. И о регулярном полевом бое он имел самые общие представления.

По всему чувствовалось, что Нежданов уязвлён, но спорить в его положении не приходилось. Уже больно решительно выглядел полковник и внушительно — его сопровождающие, пусть было их всего

лишь двое. Управление охраны МГБ и морская пехота — организации разных весовых категорий. Если каша заваривается крутая, майору с его парнями, вооружёнными почти карманными трещотками под пистолетный патрон, претендовать на роль серьёзной боевой силы не стоит. А что предстоят не детские забавы, стало ясно, когда майор увидел, что сам Мятлев, ещё один друг Президента, Журналист, полковник и даже необыкновенно красивая девушка с недобрыми глазами — все вооружены армейскими автоматами, «чёрными» «АК» «сотой серии» калибром 7,62, а морпехи принялись выгружать из багажника джипа пулемёты и весьма внушительные винтовки, которые никто из службы охраны не то что в руках не держал, а и в глаза не видел.

Майор подумал, как теперь быть со звонком непосредственного начальника, предупредившего, что после обеда может нагрянуть группа из инспекторского отдела? Как раз для проверки несения службы. Такие наезды случались примерно раз в месяц и ничего особенного собой не представляли, но сегодня может получиться интересно. Не сказать ли об этом Мятлеву? Пожалуй, не стоит. Звонок был неофициальный, предупреждать проверяемых категорически не полагалось, а если приедут — пусть сами и разбираются. Генерал с Президентом за спиной — по-любому главное даже и министра госбезопасности.

Мятлев с сопровождением пошёл в дом, а Ляхов предложил майору заняться делом.

— Тебя, кстати, как зовут? Мы вроде ровесники? Меня — Вадим.

— Георгий, — назвался чекист.

— Вот, Жора, значит, повоюем, если не пронесёт...

— Скажешь, может быть, в чём дело, если ты не из инспекторского?

— Чего нет, того нет, к вашей конторе, слава богу, отношения не имею...

Секонд достаточно давно общался с Фёстом, «старшими братьями», югоросскими офицерами и не чувствовал затруднений, изображая человека этого мира, не отличался ни лексикой, ни манерами. Хотя, как он уже отмечал неоднократно, ему здесь было некомфортно. Чужая реальность давила на психику, иногда — очень сильно.

Тут как раз, просигналив у полуоткрытых ворот, на территорию въехал «Пассат» Фёста. Увидев его и Вяземскую, Ляхов приободрился. Все живы, все целы, а значит, и дальше не пропадут. Вслед за Людмилой из машины выбрался ещё один человек, похожий на молодого Александра Дюма-отца. Без оружия, но с фотоаппаратом, которым тут же сделал несколько снимков.

— Эй, стойте, запрещено, — запоздало крикнул майор.

— Ничего, пусть снимает, — сказал приехавший, удивительно похожий на полковника Ляхова. И девушка... Черты лица другие, но в чём-то — копия той, что ушла в дом с Мятлевым и Президентом. Нежданов был профессиональным физиономистом, умел улавливать то, чего не замечали обычные люди. Девушки тоже из конторы, знать бы, какой именно. Спецназ ВМФ, как в сериале по телевизору показывают?

— Пусть снимает, — повторил Фёст, — для истории. Что захотим, потом сотрём. Пётр, — протянул он майору руку, представляясь. — Тоже Ляхов. И тоже полковник. Бывают такие совпадения... Это Людмила, это Михаил. Прошу, как говорится...

На крыльцо вышли Президент и свита. Герта ста-

ла несколькими шагами левее, чтобы видеть весь двор и всех, в нём находящихся.

Фёст представился Президенту, остальные в этом не нуждались.

— Давайте отойдём в сторонку, хотя бы вон туда в беседку, — предложил он. — Есть у меня важное сообщение, оно же предложение. Исходя из того, что мы на трассе видели, и ещё кое-какой информации. Я доложу, а потом и примем решение...

Изложение Фёстом своих «мыслей по поводу» заняло минут десять.

А потом вдали хлопнул выстрел гранатомёта.

Все напряглись и обернулись, как будто можно было что-то разглядеть на таком расстоянии и за стеной леса.

— Так, — сказал Фёст, — сомнения прочь, уходит в бой отдельный, десятый наш ударный батальон... Поднимитесь к себе, возьмите то, что считаете нужным и оставлять нельзя ни в коем случае. Остальное сожгите в камине.

— Я секретных документов на даче не держу, — с каким-то даже вызовом ответил Президент.

— Значит, сожгите и несекретные. В текущих обстоятельствах любая бумажка, фотография, компьютерный файл могут быть использованы против вас. Формула Миранды. Леонид, ты специалист, сам и смотри. Мне ведь, по большому счёту... Я пока здесь займусь, — повернулся он к Секонду, охране, морпехам и девочкам. — Теперь, ребята, делаем всё в темпе, — взял Фёст на себя общее командование. Начальник охраны, вообще потеряв ориентировку, кто здесь кто и кем кому приходится, решил подчиняться не задумываясь. Если начали стрелять из гранатомётов...

— Объясняю ситуацию, майор, — понял его за-

труднения Фёст. — По агентурным данным, ожидается массированное нападение на охраняемый объект. Силы противника пока неизвестны. Но если наш арьергард или, наоборот, головная походная застава, смотря с какой стороны считать, начала сразу с гранатомётов — явно не маленькие. Не иначе как с бронетехникой...

Секонд и Фёст, сориентировавшись на местности, расставили наличные силы: десять офицеров службы охраны, двух роботов, Людмилу с Гертой, ну и себя, разумеется, неожиданным для тех, кто попытается штурмовать объект, образом.

Охранники остаются внутри ограниченного бетонным забором пространства, остальные займут позиции извне. Никакой жёсткой обороны, в том числе и центрального здания, они не планировали, а на это и будет расчёт врага. Если Президент не встретит «делегацию» открытыми воротами — нанесут удар всеми силами по фронту, маневрированием, охватом флангов и прочей тягомотиной едва ли себя затруднят. И, конечно, полное огневое подавление всех очагов сопротивления...

Десяток легко вооружённых людей (а об ином составе защитников заговорщики не догадываются) или сразу сдадутся, или чуть позже, когда начнут бессмысленно гибнуть. При составлении диспозиции Ляховы принимали за очевидность, что мятежники будут исходить из самого примитивного расчёта — Президент сидит на своей даче и ждёт, чем вся заварушка кончится, заведомо смирившись с участью, какой бы она ни была. Кисмет, одним словом!

Обычно ведь именно так и случалось почти весь двадцатый век — свергаемый правитель оставался в

заведомо известном, пространственно фиксированном месте: в салон-вагоне на станции Дно, во дворце Ла-Монеда, на даче в Форосе, не проявляя особой активности, ждал, пока ему преподнесут текст акта об отречении или разбомбят с воздуха и застрелят во время штурма. Пускаться в бега, поднимать верные войска на активное подавление заговорщиков или начинать гражданскую войну как-то не было принято в последнее время. Даже Гитлер не захотел улетать из осаждённого Берлина в Альпийский редут и далее на подводной лодке в Аргентину. Отчего же нынешнему повести себя как-то иначе?

На самом же деле Фёст и Секонд, ставя боевую задачу охранникам — вести мобильную оборону внутри периметра в случае прорыва «первой и второй оборонительных полос», только имитировали свою непреклонную решимость «стоять насмерть». На случай, допустим, наличия среди охранников предателя, имеющего связь с «хозяевами», даже не по радио или мобильному телефону, а совершенно экзотическим, не поддающимся перехвату образом. Например, некими условными знаками, различимыми в стереотрубу, а то и со спутников. Чего вы хотите — двадцать первый век на дворе.

На самом же деле, в полном соответствии с практикой своих учителей и «старших братьев», они готовились измотать и уничтожить врага на дальних подступах с нулевыми потерями со своей стороны. Многолетняя история «Братства», вся прошедшая в огне войн и революций, свидетельствовала, что это вполне возможно. Даже колонна вражеской бронетехники едва ли прорвётся через обороняемые морской пехотой «Леонова» рубежи. Трудно представить себе солдат армии или внутренних войск, готовых ни с того ни с сего вести смертельный бой

неизвестно с кем среди подмосковных красот природы, будто на улицах гитлеровского Берлина. Не жалея жизней, чтобы «добить фашистского зверя в его берлоге». Ну а если, паче чаяния, один-два БТРа, ведомые зомбированными или оглушёнными наркотиками до полной потери инстинкта самосохранения, сумеют прорваться мимо первого заслона («кукловоды» с ними явно не пойдут), то встретят на ближних подступах вторую линию обороны. Резервных андроидов, «Артёма» и «Аскольда», профессионально, без суеты, занявших позиции по обе стороны дороги. Её последний, шестисотметровый отрезок перед КПП был совершенно прямым, и винтовка калибра 12,7 мм на этом расстоянии легко пробивала любую бронетехнику, кроме танка. Тех минут, на которые роботы задержат противника, хватит остальным, чтобы совершить марш-маневр в тыл врага и довершить разгром. Людям останется только наблюдать за развитием событий, как Пьеру Безухову при Бородино, и стараться не поймать шальную пулю или осколок.

И, наконец, самое главное — штурмовать заговорщикам придётся пустышку. Президент к тому времени окажется совсем в другом месте.

Издалека донеслись ещё гранатомётный выстрел и частая, на расстоянии совсем неубедительная, дробь нескольких пулемётов.

— Поезжайте, — сказал Фёст Мятлеву.

Без споров, поскольку всё уже было обговорено и разъяснено, Президент, генерал, Журналист и Волочих разместились в джипе. За руль села Герта. В пяти километрах, в пределах «зоны безопасности» дачи, но отделённый от основного строения речушкой и небольшим озерцом, располагался так назы-

ваемый охотничий домик со всем необходимым снаряжением на случай, если Президенту с гостями вздумается порыбачить или поискать грибов, не слишком удаляясь от резиденции. За ним присматривали два егеря, живущие в соседней деревне, всегда бывшие на связи с начальником охраны. К домику вел узкий, на вид заброшенный грейдер.

На самый крайний случай, если вдруг окажется, что игра идёт действительно «по крупной» и против них действуют абсолютно подавляющие силы, вплоть до воинства дуггурских монстров, — Фёст мог оттуда перебросить всё своё войско на «Валгаллу». Эфир будет взбудоражен основательно, как то «синее море» в «Сказке о рыбаке и рыбке», потому и рассматривался этот вариант как исключительный.

— А знаешь, — сказал Секонду Фёст, — сразу к Воронцову, пожалуй, лучше всего бы было. И здесь без лишней крови, и «Мальтийский крест» сам бы собой успешно завершился. Торжественным въездом Президента с Ярославского вокзала во главе дивизии Императорской Гвардии и «показательной поркой» всех инсургентов на Красной площади. И непременно с барабанным боем...

— Мечом по гордиеву узлу, — кивнул Секонд. — И у Президента не остаётся никаких больше либеральных вариантов и псевдодемократических заморочек. Он в роли Керенского, а ты при нём, несомненно, — генерала Корнилова. Одна беда — получится тогда из РФ обычный протекторат, в лучшем случае — доминион. Не совсем то. Даже я считаю — слишком сильный удар по национальной гордости великороссов. Основной вариант логичнее выглядит. Особенно если Президент сбежит, а в стране никаких серьёзных беспорядков не случится. Мо-

жет, люди к нему едут просто кое-какие чисто шкурные дела перетереть. Да и...

— Люда, — обратился он к Вяземской, — ты хоть примерно можешь посчитать, какой риск от очередной активной деформации континуума? Я помню, Шульгин ещё во время нашей московской заварушки очень сильно опасался маневрировать силами и средствами через СПВ. Предпочитал, чтобы мы на своих двоих по городу перемещались, не считаясь с потерями. Сам потом мне говорил, что по самому краешку мы тогда проскочили. «Снежный мост над пропастью» — вот его точные слова. И до сих пор неизвестно, проскочили на самом деле или живём уже в химере, внутри «ловушки», и дугтуры через прорванные нами в «завесе» дырки пролезли, и сами они сейчас неизвестно где застряли... Не зря же и *ваши* (он подразумевал аггров), и форзейли своими руками почти ничего не делали и даже для предотвращения мировых войн и революций свою технику не использовали.

— Честно сказать — не могу, Вадим Петрович! У Левашова это как-то получалось, но и у него — «плюс-минус лапоть». А я даже пытаться не стану. Чтобы и вас и себя в заблуждение не вводить. Давайте уж по старинке — как получится.

— Ну, смотрите, — Фёст махнул рукой. — Как будто мне больше других надо. Я, между прочим, самый из вас «посторонний». Камю читали?

Он включил пульт связи с «Леоновым».

— Первый, почему не докладываете, что у вас там?

У роботов всё обстояло «штатно». Три патруля из двух андроидов каждый заняли позиции по обе стороны дороги со стометровыми интервалами. Гранатомётчиков прикрывали пулемётчик или снайпер,

имеющие возможность простреливать подходы к позициям товарищей. Наблюдатель вовремя заметил сворачивающую с трассы колонну из трёх БТР-80, тентованного «Урала» и нескольких джипов, армейских и пошкарнее.

У шлагбаума они задержались совсем ненадолго, очевидно, документы у них были в порядке или нашлись более веские доводы. Проезд открылся, с «Урала» спрыгнули четверо бойцов, экипированных по-фронтовому. На них были и бронежилеты, и каски-сферы, и масса всякого снаряжения, неизвестно — полезного в реальном деле или призванного просто создавать антураж. Мол, чем мы хуже американцев, болтающихся в таком виде по Ираку и Афганистану, без видимой, впрочем, пользы. Советские солдаты из «ограниченного контингента» налегке воевали намного лучше натовцев. По крайней мере, до самого вывода наших войск жизнь на контролируемых кабульским правительством территориях гораздо больше походила на «настоящую», чем после десяти лет американско-натовской оккупации.

Эти «суперсолдаты» взяли КПП под свой контроль, а колонна двинулась дальше, оставив у поста два зелёных «УАЗа Патриот», из которых наружу никто не появился. Впереди шёл бронетранспортёр, десант не сидел на броне, как это принято в армии, а прятался под нею. Тоже по-американски. За «восьмидесятым» — два чёрных «Навигатора», наверняка бронированных, с номерами неприметных цифр и серий. Позади — «Урал» и два БТРа.

Едва ли это главные силы противника, прикинул «Леонов», логичнее предположить, что имеет место не более чем демонстрация. Сработает — хорошо, нет — не на них главный расчёт. По лесу наверняка должны бы двигаться несколько групп настоящих

исполнителей, профессиональных «чистильщиков». Скрытно подойти, снять внешние посты, расположение которых должно быть известно, кому положено, и сделать то, что намечено. Убить — значит убить, или — обеспечить условия для «делового разговора».

Один из «морпехов» встал из-за укрытия, вышел с автоматом за плечом, как бы просто исполняя формальную обязанность, почти на середину дороги, в полусотне метров от первого БТРа, махнул свободной рукой, приказывая остановиться.

Несмотря на вялость в движениях и скужающее выражение лица, было видно, что отступить с пути броневой машины он не намерен.

Водитель явно растерялся (хладнокровно давить людей, тем более — в своей военной форме его наверняка не учили). Он, засигналив громким и хриплым гудком, начал притормаживать.

Тут же вправо-вперёд из-за его кормы рванулся «Навигатор». Этот явно не шутил, собирался своим «кенгурятником» снести дерзкого с асфальта. Прапорщик сделал шаг назад, потянул с плеча автомат. Тут же в ответ на его движение опустилось наглухо затонированное боковое стекло джипа, высунулась рука человека, одетого в штатское, сжимающая массивный иностранный пистолет, вроде «дезерт игла». В предгрозовой давящей тишине театрально-громко хлопнуло подряд несколько выстрелов. С двадцати шагов стрелок не промахнулся ни разу, только впечатления на андроида с нашивкой «Азарт» это не произвело. Наверное, тот, кто нажимал на спуск, успел удивиться — бронежилета на его «жертве» точно не было, только тонкий камуфляж поверх тельняшки, и видно было, как крупнокалиберные пули дырявили ткань.

В следующую секунду морпех метнулся через дорогу и залёг в кювете, а с другой стороны, из посадки молодых сосенок, полыхнуло реактивное пламя гранатомёта и обрушился тяжкий грохот выстрела. Сразу за ним, почти без паузы, внутри джипа взбух клубок красно-чёрного огня, в стороны полетели куски лакированного металла, обломки кресел и, похоже, фрагменты нескольких человеческих тел.

И снова тишина.

Второй джип с невероятной прыткостью, с верещанием покрышек рванул с места задним ходом, унёсся в хвост колонны, под прикрытие БТРов.

Прошло несколько секунд, пока с башни головного бронетранспортёра заработал «КПВТ», снося своими могучими пулями кусты и ломая стволы молодых деревьев. Из бортовых амбразур затарахтели автоматы. Разумеется — в пустой след. Гранатомётчика на позиции уже не было.

Из кювета, пользуясь тем, что весь огонь вёлся в правую сторону, появился «Азард», швырнул две большие дымовые шашки и снова исчез. Толстые струи бурого дыма ветер из-под надвигающейся грозовой тучи сразу потянул вдоль дороги, накрыл головную машину, а за ней и другие. Пулемёт по инерции проревел ещё двумя очередями и смолк, не видя цели.

На какое-то время воцарилась тишина, потом сквозь дым в колонне услышали голос, без всякого мегафона достающий до каждой машины, — голосовые связки андроидов сотню децибел выдавали свободно.

— Внимание, всем в колонне! Во избежание ненужного кровопролития предлагаю отодвинуться назад до шлагбаума на въезде, после чего выслать парламентёра с белым флагом. На размышление —

пятнадцать минут, после чего будет открыт огонь на уничтожение. Особо обращаюсь к рядовым военнослужащим. Вы участвуете в антиправительственном мятеже. У вас есть возможность, сохраняя верность присяге, арестовать командиров, отдавших вам преступный приказ, или хотя бы отказаться от его выполнения. Время пошло!

Наверняка под броней БТРов и в кузове «Урала» эти слова какое-то впечатление произвели. Ведь действительно не меньше половины привлечённых к операции составляли пусть не срочники, а контрактники, но всё равно — рядовые, и им не слишком весело было смотреть на обломки «Навигатора», представляя, что следующие выстрелы из леса превратят в то же самое только с виду грозные бронемашины, ну и людей внутри них, само собой.

Ехавшие в первом джипе были типичными ландскнехтами, «псами войны», которых во все времена хватало во всех армиях мира. Только в дореволюционной русской да Советской армиях эта «страта» по ряду причин не сложилась, не нашлось для неё подходящей почвы и психологической среды. Зато после девяносто первого года и в новой РФ такие вояки появились в изобилии. Будто просто сидели в людях споры опасной болезни, дожидаясь благоприятного сочетания условий внешней и внутренней среды. Те офицеры одной из частей «постоянной готовности», что должны были обеспечить захват президентской резиденции, а потом выполнять последующие задачи заговора, отнюдь не обещавшего быть бескровным, относились уже ко второму поколению «профессионалов». Первое было совсем другим, в людях сохранялись мысли и идеи, выходящие за пределы голого шкурничества. А эти если и

слышали о романтических временах добровольцев, бесплатно сражавшихся за сербов, приднестровцев, абхазов, карабахских армян, то искренне не понимали ни психологии, ни мотивов. Для них события начала девяностых — «преданья старины глубокой», легенды для дураков. Сейчас всё проще, конкретней, понятней и циничней. И читали эти «профессионалы» не книги о Че Геваре, интербригадах в Испании и своих отцах и старших братьях, служивших во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Африке или в Афгане, а капитальную монографию-инструкцию «Третий мир. Армии, войны, перевороты». Оттуда они черпали «идеологическое обеспечение» и практические рекомендации.

В нынешней операции каждый офицер-наёмник имел свои, чётко разграниченные функции, но родило всех одно и то же. Вздвинченные нервы, неадекватность восприятия окружающей действительности плюс выработанная многолетней безнаказанностью наглость. Опасная в серьёзных делах привычка — чуть что «не по ндраву» — демонстративно «срываться с нарезки», бить первым не задумываясь, поскольку возможность адекватного ответа заведомо исключалась. Стереотип (уже почти перешедший в инстинкт), из той же оперы, что и манера «учить» наглецов из «лохов» (отнюдь не себе подобных), посмеявших просто обогнать их машину на трассе. Остановить, перегородив дорогу, выволочь на асфальт и как следует отделать ногами или бейсбольными битами. Не Америка у нас, в данном случае — к сожалению, не имеют возможности обычные граждане носить с собой «магнумы», «писмейкеры» и прочие «уравнители шансов», ну и пользоваться ими при необходимости.

Даже форма морской пехоты пятерых сидевших

в «Навигаторе» капитанов и майоров не остановила, или впопыхах они приняли её за одежду какого-то ЧОПовца, егеря охотхозяйства, с «Сайгой» вместо боевого оружия. Откуда внутри запретной зоны ЧОП — умения вовремя задуматься покойникам не хватило, слишком всё внутри кипело в предвкушении куда более увлекательного приключения. Приняли простейшее решение — убрать с дороги неожиданную помеху, тут же и получили «асимметричный ответ».

Во втором джипе сидели люди чинами гораздо выше, обладающие зачатками стратегического мышления. Оттого «на автопилоте» стремительно ретировались в самый хвост колонны, что, впрочем, не давало им никакого тактического выигрыша: для работы по замыкающим был выделен гранатомётчик с именной нашивкой «Аякс», и он уже держал «Навигатор» на прицеле. БТР с солдатами интересовал его гораздо меньше.

— Что скажете, товарищ генерал-лейтенант? — с оттенком ядовитости спросил у сидевшего рядом с водителем человека с грубым, не дающим малейших оснований для симпатии лицом седеющий мужчина с заднего сиденья. Его тон и тембр выдавали привычку с почти любым собеседником говорить «сверху вниз», только с кем-то — покровительственно, а с большинством — уничижительно. Даже то, что на его глазах только что сгорели пятеро не посторонних людей, не слишком выбило его из колеи. — «Сопrotивляться там некому! Десять человек, которые сразу выполняют приказ сложить оружие, и перепуганный Президент, готовый подписать любую бумажку»? Ваша оценка обстановки? Или чья?

— На въездном КПП так и получилось, — нехотя ответил названный генерал-лейтенантом. — И на

самой даче никто бы сопротивляться не стал. Вот это, — он неопределённо махнул рукой вперёд, — пятый туз в колоде.

Ещё один из пассажиров «Навигатора» торопливо набирал номер на своём мобильнике.

— «Директор» не отвечает, — покусывая губу, сообщил он, выслушав целых десять длинных гудков.

— Звони по другим номерам, учить тебя, что ли? — цыкнул «седеющий». — По всем звони! — И снова обратился к генералу: — Так что, за пятого туза обвинение в нечестной игре кому предъявить? Президенту? — Не удержал стиль, сорвался на матерную лексику ведущего разбор «персонального дела» секретаря обкома КПСС «из народа», сквернословящего, чтобы окружающие не забывали о его «пролетарском происхождении». — Какого хрена твои раз...долбаи начали стрелять по морпехоте? Кто их инструктировал? Не могли выйти, пропуск предъявить? Откуда вообще здесь эти «чёрные»? В президентском полку их точно нет! Тебе за что вообще деньги платят? Разведку наладить — и то ни хера не умеешь! Генерал, твою мать! Ты хоть взводом в своей жизни командовал или с детства шестёркой по паркетам скользил?

Генерал густо багровел, но даже огрызнуться толком остерегался. Хотя чего уж теперь — под пулями-то?

— С ТОФа или с Балтики, — пробурчал он строго по сути вопроса. — А может, и из Севастополя. В других местах не базируется. И вообще это вы бы мне сообщить должны были, что там в «его» окружении творится. Кто помимо вас вопросы решать может? Вот такие в частности. Кто догадался и ус-

пел сюда *вот этих* перебросить? А у меня своя сфера ответственности.

— Вот и отвечай, в том числе и за мудаков, что стреляют куда придётся. И решай, готов ты операцию продолжать или предпочтёшь смотаться? И куда?

— Для этого сначала в живых остаться надо, — пришёл к пониманию своего нынешнего положения генерал. — А думать тут особенно нечего. Надо парламентаря высылать и время тянуть. Я зря, что ли, кроме этих, — он презрительно указал подбородком в сторону машин, — *настоящих* спецов приготовил. Полчаса им хватит, чтобы весь район в кольцо взять и этак вот, — он свирепо сжал большой волосатый кулак, — всех, включая нашего «гаранта», раком поставить! Всё сделаем, и совсем другой разговор пойдёт.

«Седеющий» уловил в голосе генерала совсем не понравившиеся ему нотки. «Вот ведь «сапог армейский», и не пьяный ещё, а держать себя не умеет, чёрт знает с кем приходится дело иметь», — подумал он, возвращаясь к обычному для себя спокойно-равнодушию.

— А если тут этих морпехов рота, что твои «отморозки» делать станут? И вообще, не люблю, когда на всякую сволочь *закладываться* приходится. Отчего у тебя в активе только мерзавцы да психи?

— Извините, Фёдор Давыдович, идейных «панфиловцев» взять негде. Чем богаты, тем и рады. Надо было ещё десять лет назад что-то вроде своих «эсэс» создавать. Вот те бы за идею работали!

— Хотелось бы представить, что за «идеи» у таких, как ты, водиться могут... Стоп, стоп, ты смотри! Это что же получается? — В словах «седеющего» слышалось не только удивлённое раздражение, но и намёк на страх. Хотя вроде бы он должен был

быть смелым человеком, раз лично отправился «на дело», не остался руководить из московского кабинета. Но, с другой стороны, и риска он ведь поначалу не видел. Дел-то всего — приехать под прикрытием бронетехники на дачу к смертельному (но не подзревающему об этом) врагу и, наслаждаясь его унижением, диктовать свои условия. «Кондиции»¹, как это в романе Пикуля «Слово и дело» называлось. Правда, теперь уже едва ли не пришла пора заодно вспомнить, чем та затея закончилась и сколь страшная участь постигла «верховников».

Из кузова «Урала» один за другим спрыгнули на дорогу около десятка солдат. С оружием. Видно было, что они продолжают оживлённый разговор с теми, кто оставался в машине, но слов слышно не было.

— Крысы бегут, — сквозь зубы процедил генерал.

— Агитация защитников Президента оказалась убедительнее твоих приказов, — глухо ответил Фёдор Давыдович. — И что дальше?

Нижняя дверца стоящего впереди джипа БТРа откинулась, и оттуда тоже кто-то полез, но после короткого сопротивления его втянули обратно. Здесь «бунта на корабле» не получилось.

— Что, так и уйдут? — свистяще выдавил «сedeющий».

— По ним тоже стрелять? Ну, прикажите...

— Пусть уходят, — вдруг легко согласился, непонятно чему улыбнувшись, Ф.Д. — Нам, по сути, без разницы. Не в них...

Договорить он не успел. Кто-то в бронетранс-

¹ «Ко н д и ц и и» — условия вступления на престол императрицы Анны Иоанновны. Выдвинуты в 1730 г. Верховным тайным советом с целью ограничения монархии в пользу аристократической олигархии. Вскоре к. были отвергнуты («разодраны») императрицей, ВТС физически ликвидирован.

портёре опять не выдержал. Башенный пулемёт дал предупредительную очередь поверх голов двинувшихся прочь от колонны солдат. И это бы ничего, несколько бойцов непроизвольно присели от свистнувших над головами пуль, другие остались стоять, соображая, как быть дальше. Но вместе с пулемётом из бортовой амбразуры длинно, на полрожка, прострекотал автомат. Двое солдат упали, убитые или раненые, остальные дружно кинулись к близким кустам. А оттуда снова выбросил тонкий жгут дыма с ракетой на конце гранатомёт. Внутренним взрывом оторвало и отбросило крышку десантного отделения БТРа, перекосило на направляющих пулемётную башню. Глухо начали рваться боеприпасы.

— Трандец! — как-то очень равнодушно сказал тот, что пытался связаться по телефону с главарём всей операции. — Сейчас нам залепят...

Услышав доклад «Леонова», Фёст запрыгнул в «Пассат», на ходу крикнув стоящим рядом Секонду с Людмилой:

— Я сейчас! Вы здесь — рассредоточиться. Вон туда, — указал он на подобие рощицы впереди и левее ворот. — И туда — это «Аскольду» — на правый фланг... — Там тоже неглубокая лощинка давала подобие укрытия для одиночного стрелка. — Ждите! Или я раньше вернусь, или к вам гости пожалуют...

Тут же рванул с места, не ожидая возражений. Вообще ответа. Сами сообразят. И тут же «старшему лейтенанту» в переговорник: — Колонну не выпускать. По джипу не стрелять. Обездвижить. Сейчас буду лично... Всех свободных бойцов — бегом к даче. Редкой цепью. По всем неизвестным — огонь на поражение!

Действовал Фёст чисто интуитивно. Ничего не

просчитывая, сразу увидел единственно верное решение. Рисковое, но выбирать было не из чего.

Словно устав держать в себе тонны воды, тучи наконец лопнули понизу, хлынул долго собиравшийся дождь. Как будто его спровоцировали выстрелы и взрывы. Серая шуршащая пелена сразу сократила видимость до сотни метров. Прямой отрезок дороги пролетел в несколько секунд. Наверное — хватит. Начал аккуратно тормозить перед поворотом на залитом водой асфальте, тут же и увидел впереди жирный дым горящей бронетехники.

«Леонов» со своего НП успел приказать «Азарду» встретить и, при необходимости, прикрыть полковника, «Аяксу» оставаться на месте, пресекая любое шевеление в колонне, остальным передислоцироваться к даче и поступить в распоряжение «полковника Секонда». И сам тоже поспешил к дороге.

Ляхов с первых же шагов по высокой траве за обочиной промок и снизу и сверху, даже не заметив этого. Главное — успел!

«Азард» одним броском преодолел шоссе и оказался прямо перед Фёстом, в пяти шагах. Жестом велел ему присесть. Тот подчинился, вытер рукавом стекающую с волос и лба воду, только сейчас сообразил снять с предохранителя автомат.

— Тут недалеко солдаты из колонны в лес ломались, — сообщил робот, — как бы кто сдуру в нашу сторону не выстрелил.

— Да в нас-то вряд ли, вот чтобы они нашим под огонь не вылезли, — переводя дыхание, ответил Вадим.

— Что прикажете, товарищ полковник?

— Пошли вперёд, за деревьями... Посмотрим, как оно там...

Через минуту встретились с «Леоновым». Тот яв-

но был доволен складывающейся обстановкой. Всё как намечалось — потерь нет, противник частично уничтожен, уцелевшие деморализованы. Осталось поставить точку. Какую — на то и старший начальник здесь, ему решать. На автономном задании во вражеском тылу «старший лейтенант» взял бы одного «языка», со всеми прочими — как в разведке принято.

Внутри «Навигатора» настроение царило предпохоронное. Любой из сидящих там, поменяйся он местами с до сих пор невидимыми в лесу солдатами засады, не колеблясь отдал бы приказ на уничтожение остатков колонны. Единственное, что сдерживало командира морпехов, как понимали и генерал, и седоголовый Фёдор Давыдович, — желание взять кого-нибудь из них живыми. Им, соответственно, этого хотелось меньше всего. За исключением геройской смерти на поле боя. Совсем припрёт — лучше уж сдаться, у живого всегда остаются варианты, мёртвым недоступные.

При этом генерал продолжал надеяться, что пока они здесь стоят, продвигающиеся через лес пешком группы захвата успеют выйти к ограде дачи, и тогда всё волшебным образом переменится. Президент будет стоять с поднятыми руками, морская пехота, под угрозой его расстрела, тоже сложит оружие, и операция завершится, как планировалось.

Фёдор Давыдович тоже на это надеялся, но мыслил, как всегда, на три хода дальше и вдвое быстрее, чем генерал.

Он взял из рук своего помощника телефон, набрал ещё один номер, даже ближайшему окружению неизвестный. Тот ответил сразу.

Называть друг друга и ему, и собеседнику не было необходимости.

— Внимание, — сказал седеющий, — один-четыре-два. Так точно. Сейчас доложу подробнее...

Не отключая связи, бросил генералу и трем своим помощникам и телохранителям: — У меня секретный разговор. Я сейчас...

Никто не успел ничего понять, а Фёдор Давыдович совершенно спокойно, будто машина стояла на обычной пустой дороге, а не между чадящими и источающими очень неприятный запах изувеченными бронекорпусами, под прицелом неизвестного числа стволов открыл дверцу и шагнул наружу.

Поднёс трубку к уху, как бы собираясь продолжить разговор, сделал шаг в сторону заднего колеса, словно собираясь укрыться за ним. И тут же метнулся вбок, плюхнулся в кювет и стремительно, как краб, понёсся вдоль него, то на четвереньках, то на двух ногах, полуприсев и помогая себе руками. Физическая подготовка у него оказалась на уровне. Наверное, в молодости серьёзно занимался спортом да и сейчас регулярно посещал тренажёрный зал.

Всё он рассчитал верно — в густой пелене дождя машины ещё различались с позиций стрелков, а обочина и кустарник за ней — почти нет. Кроме того, занимавшего позицию слева от колонны «Азарда» уже не было на месте, а для «Аякса» сектор левее и позади машины находился в «мёртвой зоне».

Оставшиеся в джипе маневр начальника повторить не рискнули. Во-первых, команды не было, а во-вторых — самое время снайперу, прозевавшему первую цель, положить на месте следующую, стоит ей высунуться.

Генерал, сообразив, что произошло, только и выдохнул:

— Вот сука!

Начал кричать в простенькую полевую рацию,

достающую максимум на десять километров, но переговоры по которой, не зная точной настройки, теоретически невозможно перехватить:

— Зубр, ты где, Зубр? Почему не докладываешь? Назови своё место!

В динамике сильно трещало, близкая гроза, озарявшая сполохами нижнюю кромку туч на востоке, создавала мощные помехи. Голос Зубра пробился еле-еле:

— До цели около километра. Если вокруг колючки мин нет, минут через двадцать выйдем на исходные. Вокруг всё тихо, всё тихо.

— Добро. Работайте. Минам там неоткуда взяться. По дороге *гасить* всех. Выйдете к ограде — по дому не стрелять. Ход исполнения докладывать каждые десять минут. Въезды-выезды на всех дорогах перекрыть. Зря не стрелять, но не пропускать никого...

Передал зелёный брусок рации водителю:

— Сиди и слушай. А я, наверное, пойду. Поговорим о том о сём, — вздохнул шумно. — А белый флаг из чего?

— Перед вами в бардачке полотенце есть. В цветочках, но, в общем, белое.

Генерал вытащил, развернул, посмотрел.

— Сойдёт. А вы тут тихо сидите. Дёрнетесь — меня первого шлёпнут. И по машинам то же самое передайте.

Машин к этому моменту, кроме джипа, оставалось только три — «Урал» с наполовину опустевшим кузовом и «восьмидесятые», в каждом по десять человек, считая водителя и командира, заодно исполнявшего обязанности пулемётчика. Во что превращается бронетранспортёр от разрыва гранаты в боевом отделении, все видели хорошо. На тех, кому не пришлось побывать под таким огнём раньше,

зрелище произвело особенно яркое впечатление. И дискуссия о том, стоит ли здесь сидеть дальше или лучше смыться, пока не поздно, велась в открытую:

— Чего нам тут ловить? Сматываться надо...

— Смотаешься! Только тронься с места — и нам залепят.

— Белый флаг в люк, крикнуть, что мы уходим — и давай задним ходом...

Пресечь разговоры решительным окриком командир машин опасались: как-никак — за спиной у каждого восемь человек с автоматами, и не угадаешь — любой может выстрелить, зарабатывая индульгенцию или просто в ответ на грубое слово.

Офицеры, хоть и сами чувствовали себя не лучшим образом, пытались объяснить «по-доброму»: если начнёшь суетиться и дёргаться — лучше не будет, при любом исходе дела. А если продержаться ещё немного, дело может выгореть, и тогда, как обещано, по миллиону наличкой сразу да и по службе не обидят.

Сумма вознаграждения, конечно, впечатляла, при нынешних-тридцати тысячах в месяц, но их могут и заплатить, а могут и ...

В этом смысле кто-то и высказался, вызвав новую вспышку доводов «за» и «против».

Вот ещё одна, почти вечная проблема «безыдейных мятежей»: привлечённые к заговору войска надёжны только до тех пор, пока считают это рентабельным. Убивать за деньги соглашаются многие, но вот умирать за деньги желающих почти не бывает.

— Смотрите, — указал на джип «Леонов», первым заметив полотенце, которым несколько раз махнули из полуоткрытой дверцы. — Мне сходить?

— Пусть сам сюда идёт, мы вдвоём встретим.

«Азард» прокричал команду:

— Парламентёру пройти двадцать шагов, остановиться, ждать!

Когда генерал, морщась от дождя, чуть приутихшего, постепенно переходящего из проливного в обложной, прошагал указанное расстояние, навстречу вышли Фёст с андроидом, успевшие промокнуть насквозь.

— Погодка не благоприятствует вашему мероприятию, — вместо приветствия сказал Фёст с насмешкой, поигрывая ремешком подвешенной по-немецки, слева, кобуры. — Назовите себя и цель вашего «визита».

— Дурака валять решили, господа «парламентёры»? — раздражённо ответил генерал. Его бесило сейчас абсолютно всё — погода, неудача, этот не выражающий никаких эмоций старший лейтенант и не по делу весёлый штатский, а особенно — мысль о том, что его «напарник» и «полномочный представитель» сейчас уже добрался до машины на КПП и, включив печку, мчит в сторону Москвы. Или — в противоположную. Так или иначе — ему сейчас гораздо комфортнее. Но не может же быть, чтобы такой человек просто сбежал! Он вложил в «проект» все свои таланты и возможности, ему есть что терять и нечего делать ни в подполье, ни в эмиграции. Так что рано отчаиваться...

— Я без дипломатии скажу, — чуть снизил генерал тональность, — напрасно вы вмешиваетесь не в своё дело. Тут вопросы государственные. Не по вашей компетенции да и не по моей тоже. Я, думаете, что-то решал? Мне, генерал-лейтенанту, высшее командование тоже приказало — доставить конкретного человека в известное место. Обеспечить необходимые условия. Нам, исполнителям, что делить?

А вы... господин неизвестный, — обратился он к Фёсту, признав в нём старшего, — стрелять начали...

— Полковник, кстати, — походя заметил Фёст. — Интересное дело, — опять усмехнулся он, — у меня этот эпизод качественно записался, камера хорошая, профессиональная, почти «Три Д». Там отчётливо видно, кто первый, откуда и из чего стрелял. Вместо человеческого разговора. Так что «ваша не катит». Дальше — вы человек, судя по вашим словам, военный, тогда и караульный устав обязаны знать. Часовой есть лицо неприкосновенное, сам же оружие при нападении на охраняемый объект применять обязан, не вникая в обстоятельства. Подчиняется только разводящему и начкару. С нашей стороны всё законно, за начкара — сам Верховный Главнокомандующий! Так что все покойники — на вашей совести. Советую не усугублять. Предлагаю всем выйти из машин без оружия, построиться. Я доложу и будем ждать, как Верховный распорядится. Он ведь в любом случае главнее вашего *командира*. Или уже нет? — Фёст помолчал немного, изображая сомнение и раздумье. — Если он вас ждал, а нас предупредить забыл — ему претензии выскажете. Других условий у меня для вас нет, а огневой мощи, чтобы остатки вашей «гвардии» добить — достаточно. По три гранатомётчика на каждую машину плюс взвод полного состава с тяжёлым вооружением и, добавлю, — приличным боевым опытом. В нашей решимости применить силу вы убедились. Соображайте. Время пошло! — Фёст посмотрел на часы и решил слегка сблефовать: — Десять минут. То есть мы вас успеем ликвидировать раньше, чем подойдёт помощь, на которую вы рассчитываете. Дальнейшее развитие событий станет вам абсолютно безразлич-

но. Как там у Василя Быкова книга называлась? «Мёртвым не больно»?

Сознавая полную безвыходность своего положения, генерал кипел бессильной злобой, на себя в первую очередь: нет, действительно, за двадцать лет аппаратных игр он совершенно разучился реально на жизнь смотреть. Забыл, можно сказать, что далеко не всё в ней случается, как тебе возжелать благоутодно будет.

Генерал скрипнул зубами так, что Фёст услышал. «Ведь был же девяносто четвёртый год, и Грозный, и гибель Майкопской бригады как раз под гранатомётами из засад», — думал он. Сам, тогда ещё капитан, знал, что говорилось о той войне и писалось, с участниками боёв лично общался, но вот дальнейшая «служба» как смысла всё, что было в нём офицерского, осталось только чиновничье. Вот на этом поприще успехов он достиг выдающихся...

На себя-то генерал злился и на организаторов всей акции, но стоящего перед ним полковника пристрелил бы в первую очередь. Это ведь он осмелился стать ему поперёк дороги. И стоит — не сдвинешь!

— Я должен связаться с руководством. Уточнить обстановку, получить инструкции...

— Ох, я прямо с вас смеюсь, — начал откровенно валять дурака Фёст. — Хотите сказать, что всё это время сидели в машине и задумчиво смотрели на минутную стрелку, ждали, когда истечёт срок ультиматума?

— Рация была в той машине, что вы сожгли...

— Ага. А сотовые телефоны у всей вашей команды отобрали родители за плохое поведение... Даже не остроумно. Принимайте решение, — повторил Фёст. — Генерал вы или в натуре шестёрка с лампами? На вас мне, честно говоря, наплевать и расте-

реть, а ещё три десятка солдат по вашей милости в упор расстреливать — поперёк горла...

Его слова прервали донёсшиеся из-за леса автоматные очереди, сначала одна, потом ещё несколько. И — взрывы ручных гранат. Похоже — примерно в том направлении, куда Герта повезла Президента с его друзьями.

Генерал начал открывать рот, но сказать ничего не успел.

По едва заметному кивку Фёста «Леонов» сгрёб генерала в охапку, закинул на плечо, как волжский грузчик — шестипудовый куль муки, и со скоростью спринтера рванул в кусты.

Достаточно было взмаха руки, чтобы «Аякс» за полминуты из «вампира» сжёг оба БТРа и «Навигатор», а из «Шмеля»¹ ударил по «Уралу». Четыре передвижных полевых крематория — и больше никаких проблем, хотя бы здесь. Только Фёста с юных лет учили спасать людей, а не убивать, даже когда второе — предпочтительнее.

Под курткой у него висели на ремне, прицепленные прямо рычагами, четыре «РГД-5». Их он и швырнул из кювета одну за другой под колёса ближайшего БТРа раньше, чем экипаж опомнился и начал стрелять.

Получилось, как надо. Все свои живы, даже он, если успеет добежать до укрытия, а бронетранспортёр уже никуда не поедет.

¹ «Шмель» — реактивный пехотный огнемет (РПО), принцип действия аналогичен РПГ, но вместо кумулятивной гранаты выстрел содержит следующие заряды: А — термобарический, Д — дымообразующий, З — зажигательный. Прицельная дальность — 200 метров, дальность полёта снаряда — 400 м. Поражающее действие не зависит от дистанции стрельбы. Среди мусульманских боевиков от Афганистана до Кавказа «Шмель» называют — «шайтан-труба».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Англичане — великая морская нация. С этим спорить нелепо, достаточно пролистать историю последних веков. По крайней мере, с тысяча пятьсот восемьдесят восьмого года, со дня гибели испанской «Непобедимой армады», первенство Британии на морях никто не оспаривал. Попытались немцы, начав строить свой «Хохзеефлотте»¹, но не успели, Мировая война началась раньше, чем флот был готов. После Ютландского сражения, которое не стало второй Цусимой, а закончилось вничью, что для немцев означало полное поражение, целых тридцать лет никто не пытался бросить новый вызов «владычице морей». Пока наконец гордые британцы не усмотрели для себя смертельную угрозу в двадцатилетней кораблестроительной программе России — своего надёжного союзника по ТАОС.

Следует отметить, что некая паранойя всегда была отличительной чертой английского истеблишмента. Все эти короли, лорды, премьер-министры, генералы и адмиралы жили в постоянном, изматывающем, лишаящем здравомыслия страхе перед тем, что кто-то, наконец, стукнет по столу кулаком и спросит: «А вы вообще кто такие? С какой радости над вашей империей не должно заходить солнце? Не хватит ли с вас прекрасных, неприступных с X века островов, где можно пасти овец и валять шерсть?» Четыреста лет существования в такой утомительной психической атмосфере и выковали знаменитый «британский характер». «Возьми всё, до чего можешь дотянуться, и никому не отдавай! Убей раньше, чем убьют тебя! Предай рань-

¹ Флот открытого моря, детище адмирала Тирпица, океанский дредноутный флот, построенный в 1906—1914 гг. Предназначался для разгрома английского «Гранд флита» и завоевания господства на морях.

ше, чем «другу» это придёт в голову! И вообще не нужно нам никаких друзей, куда проще жить, считая всех врагами, только и мечтающими, чтобы вырвать у тебя из пасти очередной кусок ростбифа!»

Эта философия получила отличный стимулирующий толчок в середине пятидесятых годов XX века. Англия дождалась того самого «Вызова» — ключевой идеи капитальнейшего двенадцатитомника Тойнби¹.

Российские адмиралы и наиболее дальновидные политики, мыслящие историческими периодами, а не избирательными сроками, сумели мобилизовать общественное мнение и, наконец, пробили через Думу грандиозную программу морских вооружений, масштабами превосходящую давние амбиции Тирпица². Только кайзеровской Германии, по большому счёту, флот особенно был ни к чему, что и подтвердила суровая практика — критерий истины. Ни в океаны он не вышел из своего Вильгельмсгафена, за исключением нескольких рейдеров, ради которых не стоило огород городить, ни даже на Балтике не сумел запереть в Маркизовой луже³ совсем небольшой, но активный русский флот.

¹ Тойнби, Арнольд (1889—1975) — англ. историк и социолог, движущей силой истории считал «цивилизационные вызовы» и «ответы» на них «творческой элиты», увлекающей за собой «инертное большинство». Главный труд — «Исследование (в русском переводе — «постижение») истории» (т.т. 1—12, 1934—1961).

² Тирпиц, Альфред фон (1849—1930), гросс-адмирал, с 1897 по 1916 г. морской статс-секретарь (министр) Германии. Идеолог и руководитель создания ВМФ, сторонник неограниченной подводной войны против Великобритании.

³ Маркизова лужа — ироническое наименование части Финского залива между Петербургом и Кронштадтом (по имени маркиза де Траверсе, командовавшего Балтфлотом в середине XVIII века и не выводившего военные корабли за пределы этой акватории).

А вот России, с её четырнадцатью морями и тремя океанами, настоящий большой флот был очень нужен. Все морские пути, от Петербурга, Одессы и Севастополя до Владивостока и Порт-Артура, должны быть надёжно обеспечены, все самые отдалённые «задворки Великой империи» — защищены. И вокруг Африки проводить конвои, если вдруг закроется Суэцкий канал, и Персидский залив защищать от вторжения иноземцев¹. В своё время Аляску с Калифорнией потеряли только потому, что не на чем было туда плавать, обеспечить регулярное круглогодичное сообщение хотя бы с Владивостоком. На Амуре, Уссури и Сунгари нужна военная флотилия в сотню вымпелов, чтобы контролировать две тысячи вёрст беспокойной китайской границы, пресекать налёты хунхузов на прибрежные города, Транссиб и КВЖД...

Поднапряглись, за двадцать лет построили то, что и имели в виду адмиралы и геополитики, — флот необходимый и достаточный, хорошо сбалансированный, отвечающий требованиям задач на каждом из возможных ТВД.

Тут англичане второй раз за столетие занервничали, «сорвались с нарезов», как это иногда случается с артиллерийским снарядом, и вся их политика (подобно тому же снаряду) бессмысленно закувыркалась, теряя направление и смысл. Первый раз это случилось в десятых годах XX века, когда они решили в пикну каждому построенному немцами линкору

¹ Согласно русско-персидскому Тебризскому договору 1925 г. Россия имела право держать свои войска на территории Персии (в т.ч. создать ВМБ в Бендер-Аббасе) для обеспечения взаимной безопасности. Будущий шах (с 1924 по 1961 г.) Реза Пехлеви, основатель династии Пехлеви, в Мировую войну воевал на германском фронте в составе русских войск, имел чин полковника.

строить два своих! И строили, надрываясь, и обогнали всех, врагов и союзников, только две трети дредноутов и сверхдредноутов так никогда и не пригодились, бессмысленно стоя в базах, а экономика трещала от непосильных расходов на их содержание. Одновременно, совершенно необъяснимым образом, за сорок послевоенных лет число адмиралов и приравненных к ним гражданских чинов возросло в шесть с половиной раз в сравнении с временами, когда «Юнион Джек» реял на всех морях и английские стационары¹ дымили трубами во всех более-менее примечательных портах и на рейдах мира...

И на этот раз Британия, почуяв угрозу, решила потряхнуть стариной — как штангист-пенсионер, вдруг полезший на помост в неожиданном помутнении разума. Лорды Адмиралтейства и послушный Парламент постановили — о раритетах эпохи Доггер-банки и Ютланда, своих и трофейных немецких, что ржавеют на консервации, — забыть. Снова строить, на каждый новый русский крейсер (время линкоров прошло, но штук сорок англичане в разделку не пустили, на всякий случай) немедленно отвечать однотипным, но хоть в чём-то его превосходящим. Ста лет оказалось мало, чтобы адмиралы сообразили — Русско-японская война не повторится никогда. Не будут больше выстраиваться в кильватерные колонны придуманные и построенные именно и только для эскадренного боя броненосцы и броненосные крейсера, сходясь в единственном

¹ Стационар — в XIX — начале XX века военный корабль одной из великих держав, представляющий и защищающий её интересы, наблюдающий за соблюдением международных договоров и соглашений, обеспечивающий поддержание порядка в портах зависимых государств, колоний, подмандатных территорий.

решающем судьбы империй сражении. Но будущих британских флотоводцев воспитывали в том самом духе: придёт момент, и враг окажется именно там, где нам нужно, и именно в том составе, чтобы наша броня была толще, пушки крупнокалибернее и дальнобойнее, скорость выше. И воевать русские адмиралы будут по кальке с тактики З.П. Рождественского — делать только то, что давным-давно прописано в книгах никогда не воевавших теоретиков, не задумываясь, что неприятель учился по тем же самым книжкам, только прочёл их внимательнее. То, что «заклятый друг» может предпочесть действовать по примеру адмирала Шпее в сражении у Коронеля, во внимание не принималось, об этом неприятном эпизоде предпочли просто забыть.

Ещё один постулат оставался неизменным и в начале ХХI века — Англия сама решает, когда ей начинать войну. Никаких объяснений по этому поводу она никогда и никому не давала, или, если возникал вдруг подобный каприз — причиной и поводом объявлялось всё, что угодно. Так, не имевший никакого отношения к интересам Великобритании спор между Николаем Первым и турецким султаном о статусе Святых мест Иерусалима вполне сгодился для организации нападения на Россию наскоро сколоченной европейской коалиции. С неприкрытыми планами отторжения от неё Крыма, Кавказа, Бессарабии, Финляндии, Польши, всей Прибалтики, Камчатки, устья Амура и прилегающих территорий¹.

Вот и на этот раз Англия втягивалась в первую за столетие войну между европейскими державами с азартом и нетерпением, мечтая на этот раз добиться всего, что не удалось за предыдущие три века.

¹ См. Е. Тарле. Крымская война». Т.1.

Никто из охваченных «фебрилис милитарис»¹ государственных и военных деятелей не только Британии, но и остального «цивилизованного мира» не замечал, что вопреки собственным традициям — до последнего уклоняться от перспективы большой войны, старательно и часто во вред себе стремясь к компромиссам, — на этот раз Российская империя с распростёртыми объятиями шла навстречу пожеланиям партнёра.

...Команда — «поддаваться на провокации» флоту очень понравилась. Начиная от главкома и до командира «корабля четвёртого ранга», к коим относились малые миноносцы, сторожевики, прибрежные подводные лодки и прочий расходный материал войны. Ничего нет хуже, если «исторический противник» наглеет день ото дня, а ты связан всякими там дипломатическими условностями. Россия с Англией не воевали в открытую уже полтора века, а после Русско-японской войны, где обе стороны были ярыми противниками, пусть и не «стреляющими» (так зато японцы вволю постреляли по русским с английских кораблей и из английских пушек), странным образом оказались союзниками, сначала в Мировой войне, а потом и в ТАОС. Причём, как говорят в Одессе, — «теми ещё» союзниками.

Весь минувший век среди русской аристократии и просто богатых людей процветала англomanия, как бы в виде реакции на прошлые конфликты. Всякое, мол, бывало, зато теперь — тишь, гладь да божья благодать. Покупать квартиры, виллы, замки в Лондоне и окрестностях стало более модно, чем в Париже и на Лазурном Берегу. Но на Российском

¹ «Военной лихорадкой» (лат.).

Императорском флоте к англичанам отношение более тёплым не стало. Эта неприязнь подчёркивалась во всем, начиная от передающихся из поколения в поколение в кают-компаниях историй о британском жлобстве, когда даже во время «дружеских визитов» за счёт короля (или королевы) гостям подносилась одна (!) рюмка виски или три — портвейна. А дальше, если есть желание, — пей своё или за свои. На такую сволочную манеру русские офицеры придумали асимметричный ответ. Если английские офицеры оказывались на русском корабле (или вообще в подходящих обстоятельствах), их усилиями всей команды, от командира до вестового, упайвали до бессознательного состояния, после чего бесчувственные тела либо выкладывали на пирсе (если дело происходило в порту у стенки), либо на катере, со всеми церемониями и сигналом горна, подвозили к парадному трапу. А там пусть хоть на руках уносят, хоть гордениями поднимают. Традиция стала вековой, и обе стороны в неё играли охотно. Наши потешались собственным остроумием (напоить человека, знающего, что его собираются напоить, нужно уметь), а англичане радовались, сколько изысканных напитков удалось употребить «на халяву». Отсюда, наверное, и пошло в Великобритании популярное выражение: «Халява, сэръ!»

В более серьёзных вопросах взаимоотношений как флотов, так и личного состава, от рядовых до адмиралов, взаимная неприязнь тоже присутствовала постоянно. Вечное соперничество во всём — от скорости постановки на якорь в чужом порту до результатов учебных стрельб в открытом море, специально затевавшихся на виду друг у друга и не всегда с соблюдением положенных правил. Море-то открытое, не лезь, если видишь, что место занято. Однако

лезли, чуть не прямо в зону падения снарядов, и опять в основном англичане. А потом, воткнись даже «практический» (т.е. учебный, без начинки) снаряд в борт английского крейсера — год минимум дипломатических разборок обеспечен.

Больше пятидесяти лет прошло с интересного события на Спитхедском рейде, а всё не забывается, хотя много с тех пор случилось всякого, с куда большими жертвами и последствиями. В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году пришёл в Англию крейсер «Князь Дмитрий Пожарский», доставил на какое-то мероприятие правительственную делегацию. Стоял крейсер на внешнем рейде, где указано, и ночью вахтенный мичман услышал какое-то шевеление под кормой. Взял и бросил, согласно уставу, в подозрительное место обычную ручную гранату. К всеобщему удивлению, через короткое время изпод кормового подзора всплыл труп в легководолазном снаряжении.

Поднятый на борт, труп оказался коммодором «ХМН»¹ Крэббом, широко известным в узких кругах водолазом-диверсантом, награждённым за разные похожие дела Крестом Виктории. Скандал разгорелся неслабый, англичане отмазывались единственно тем, что капитан за неделю до того взял отпуск и в нерабочее время, для общего развития, решил посмотреть, какие у нового русского крейсера винты. Винтов за двадцать лет службы не видел, так заинтересовался, что на свои деньги частную подводную лодку нанял, поскольку надводных судов в окрестностях крейсера вахта не обнаружила.

Наши утверждали, что англичане банально ми-

¹ «Хиз мэджестик Нэви» — Флот его Величества, ВМФ Великобритании.

нировали крейсер, но разрешения на подводно-спусковые работы для проверки, не осталось ли чего интересного на дне, естественно, не получили. Спорили долго, но кое-как спустили дело на тормозах¹. Российским морякам, естественно, правительство вручило ордена, включая наиболее непричастных, британцам своё — смолёные фитили до самой диафрагмы.

Осадочек, как в известном анекдоте, остался. Симпатии у флотской братии друг к другу не прибавилось, но и столь наглых выходов с тех пор не повторялось. Русские — они же ненормальные, как с ними дело иметь? Кому ещё в голову придёт после отбоя за борт ручные гранаты бросать, которых на флотах вообще на вооружении не имеется?

В силу всего вышесказанного, события, начавшиеся тремя неделями позже дня принятия «окончательного решения», особого удивления вызвать не должны. Слишком долго висело на стене пресловутое «чеховское ружьё».

Как раз посередине треугольника, двумя углами которого являлись Азорские острова и острова Мадейра, а третий находился чуть юго-западнее буквы «А», третьей в надписи на карте — «Атлантический океан», случилась столь желанная всеми «провокация».

¹ Подобный случай (но без гранат — обошлись внезапным проворачиванием винтов) действительно имел место в 1956 г. нашей реальности в Портсмуте, во время визита в Англию Н. Хрущёва и Н. Булганина на крейсере «Орджоникидзе». Премьер-министр А. Иден принёс публичные извинения в палате общин. Последовал ряд отставок в руководстве британских спецслужб. Документация о данном инциденте засекречена британским правительством до 2057 года. Фамилия командора подлинная, звали Лайонелл, кличка Бастер.

С веста, от берегов Америки, из Норфолка шёл двенадцатый оперативный отряд, непостоянная боевая единица, экстренно составленный из четырёх российских лёгких океанских разведчиков (они же — «истребители торговли») типа «Аскольд»¹. Их сопровождали четыре «Новика»² и небольшой эскортный катамаран-гидроавианосец «Гайдамак», несущий до десятка двухместных штурмовиков-разведчиков «КОР-5»³, летающих лодок катапультного запуска.

Штурмовиками, впрочем, их обозвал сторяча кто-то из давнишних адмиралов, которому требовалось срочно отчитаться о неуклонном росте морской мощи государства. Что там от штурмовика, кроме возможности летать и стрелять по цели сверху вниз? Бронирования ноль, носовая двадцатимиллиметровая пушка, спаренный пулемёт «ДШК» в кормовой турели и пятьсот килограммов противолодочных бомб или акустических буев на подкрыльевой подвеске. Разве что вражеские пароходы-про-

¹ «Ас к о л ь д» — лёгкий крейсер, по назначению близкий к первым «скаутам» парового флота: «Аскольд», «Варяг», «Богатырь» (1899—1902 г.), но имеющий водоизмещение 18 тыс. тонн, скорость 38 узлов, автономность 12 тыс. миль экономическим ходом по топливу и 30 суток по продовольствию.

Вооружение 12—13-мм башенных орудий главного калибра, многочисленную зенитную и универсальную артиллерию от 100 до 23-мм. По мощи зенитной артиллерии могли считаться крейсерами ПВО. За счёт рационального и многослойного бронирования уязвимых мест признавались самыми мощными в мире кораблями этого типа и водоизмещения.

² «Но в и к» — тип э/м, постройки 1980—2000 гг., водоизмещение проектное 3800 тонн, полное — 4200 т, скорость — на форсаже до 44 узлов, вооружение — 6 универсальных 130-мм орудий, три 5-трубных торпедных аппарата, зенитное и противолодочное вооружение.

³ «Корабельный разведчик, модель 5», конструкция 1955 г.

рыватели блокады пугать. И скорость смешная — четыреста пятьдесят километров в час. Ни от кого не убежать и никого не догнать, кроме старых поршневых транспортников и морских вертолётчиков. Но зато, если доведётся вражескую лодку в надводном положении засечь, — верный ей конец! А как разведчик вполне хорош — может забираться на высоту в двенадцать километров и болтаться там до полусуток, неуязвимый для зениток и истребителей противника и видящий всё вокруг на сотни миль.

Отряд под командой контр-адмирала Дукельского возвращался согласно приказу о готовности номер один из Джексонвилла в Хайфу для укрепления боевой устойчивости Средиземноморской эскадры, которая в случае возникновения «конфликта» должна была вести боевые действия от Гибралтара до Суэца, предполагая нейтралитет со стороны французов и итальянцев.

В течение двух с лишним часов отсутствовала связь на средних и коротких волнах, и это тревожило адмирала. Корабли внутри ордера легко могли переговариваться на УКВ, но не бралась ни Хайфа, ни даже гражданские радиостанции Европы. Такое впечатление, что от полярного круга до экватора протянулся сплошной грозовой фронт. Америка ловилась свободно, но для того, чтобы выходить на военно-морского агента¹ в Вашингтоне, адмирал пока оснований не видел.

Корабельные радиолокаторы тоже «ослепли», что было ещё более странно, и Дукельский нервничал. В случае внезапного налёта бомбардировщиков с чужого авианосца отряд мог полагаться только на

¹ Военно-морской агент — тогдашнее наименование военно-морского атташе при посольстве.

зоркость сигнальщиков и выучку расчётов зенитной артиллерии.

Поэтому адмирал постоянно держал в воздухе по три «КОРа», способных контролировать море в радиусе двухсот миль, и сменял дозоры каждые четыре часа, чтобы не переутомлять экипажи. Авиационного бензина американцы по дружбе залили полные танки, до Хайфы должно было хватить.

Начальник штаба капитан второго ранга Азарьев ему, кстати, заметил по этому поводу:

— Уж больно янкесы перед выходом любезны были. Выпили с нашими от пуза, горючки дали, в мастерских и на складах, как родных, ублажали, без всяких ведомостей...

— Да такой уж они народ. Я с ними и раньше общался. Примут за своего, даром всё готовы отдать, совершенно по нашему принципу: «Ты меня уважаешь?»

— Не совсем так, Геннадий Аполлонович, — сказал Азарьев, — я в Штатах тоже не первый раз. Год в Филадельфии просидел, когда «Боярин» ремонтировали. Вчера они держались так, будто на войну нас провожали, только не имели права об этом сказать. Как ты знаешь, я людей на рюмку-другую раскручивать умею. Мне один их командер, в порыве дружеской откровенности сообщил, что от серьёзного парня из госдепа на днях такую сентенцию слышал: «Наверное, скоро война. Мы будем помогать России, если станет выигрывать Англия, и поддержим Англию, если станет побеждать Россия. И пусть они убивают как можно больше!»

Говоря это, Азарьев выглядел взволнованным и даже расстроенным. Американцы, видно, ему своими человеческими качествами импонировали, и такая степень цинизма его вывела из себя.

Дукельский давно был чужд всяких иллюзий и

эмоций, касающихся любой политики, хоть внутренней, хоть внешней. Человек, дослужившийся хотя бы до одного «чёрного орла»¹, смотрит на жизнь иначе, чем обер- и штаб-офицеры.

— Вас это так расстроило, дорогой Коленька?

Он назвал капитана его училищным прозвищем, по срокам выпуска их разделяло всего четыре года, старший гардемарин Дукельский был в роте у кадета Азарьева вице-фельдфебелем, но с чинами по-разному вышло.

— Все они одинаковые сволочи. Немцы — чуть меньше, чем другие, и то потому, что тайных эмоций при себе долго держать не могут, отчего выглядят несколько более порядочными... Стой, стой, — прервал он интересный разговор, раньше сигнальщика увидев «КОР», на полном форсаже (отчего за выхлопными трубами тянулись жгуты синеватого дыма) появившийся из дымки на правом крамболе флагмана. Не отказал себе в удовольствии сообщить вахтенному начальнику, что он думает о его родственниках и родственницах применительно к исполнению лейтенантом своих должностных обязанностей и вообще к организации службы на крейсере.

— Что-то торопится летун, — вернулся адмирал к первопричине своей импровизации. — Не иначе «донос на гетмана-злодея царю Петру от Кочубея». — Дукельский с юных лет любил выражаться витиевато, языком аллюзий и ассоциаций.

Через несколько минут «КОР» виражом зашёл с кормы, строго вдоль диаметральной плоскости крейсера.

¹ «Чёрные двуглавые орлы» — знаки различия на погонах адмиралов. Один — контр-, два — вице-, три — полный.

Летнаб¹ был опытный, сбросил алюминиевый пенал, приторможенный длинным парашютом-стабилизатором точно на шканцы, едва не попав прямо на ходовой мостик. Значит, и на самолёте рация не работает. Убедившись, что донесение достигло цели, самолёт развернулся в сторону «Гайдамака», догнал катамаран и аккуратно притёрся к палубе, затормозил с пробегом на треть короче штатного. При хорошей подготовке пилота амфибийное шасси позволяло «летающей лодке» такие вещи, хотя посадка на воду в нормальной обстановке считалась предпочтительнее. В бинокль было видно, как пилот что-то докладывает руководителю полётов, потом обменялся несколькими словами с экипажем готовой к взлёту машины. Совершенно как в известном анекдоте про рыбаков и командира подводной лодки указал рукой направление, и второй разведчик, с бортовым номером «Г-217», выброшенный катапультной, ушёл на норд-ост, быстро набирая высоту.

За это время подобранный пенал матрос передал его вахтенному мичману, тот избежал навстречу по шести трапам, вручил футляр с донесением вахтенному начальнику, и, наконец, через флаг-капитана тот попал в адмиральские руки.

— Лётчика и летнаба ко мне, — бросил вахтенному лейтенанту Дукельский, разобрав коряво (на коленке) написанное карандашом на листе непромокаемой бумаги. Тот, всё ещё осмысливая полученное ранее внушение, стремительно кинулся распорядиться насчёт катера.

¹ Лётчик-наблюдатель — на самолётах такого типа одновременно штурман, наблюдатель, хвостовой стрелок и бомбардир.

В ожидании прибытия пилотов адмирал принялся отдавать приказы по отряду.

Крейсера — флагманский «Аскольд» на левом фланге, вправо от него «Фельдмаршал Кутузов», «Адмирал Сенявин», «Князь Дмитрий Донской» — начали развёртывание из кильватера в строй фронта, одновременно прибавляя ход до полного. «Новики» попарно выдвигались на фланги, обозначая охват предполагаемого района боевых действий. «Фидониси» и «Гаджибей» слева, «Калиакрия» и «Корфу» справа. Все четыре — эсминцы последней, «Ушаковской серии», поименованной в честь побед адмирала Ушакова, самые новые и на этот момент — сильнейшие в мире в своём классе. Они, относясь скорее к классу артиллерийских «дестройеров», чем классических торпедных кораблей, несли тем не менее кроме семи (одна лишняя, поставленная вместо кормовой 100-мм спарки) 130-мм пушек ещё и по три новейших пятитрубных торпедных аппарата калибра 610 мм вместо обычных на русском флоте 533-х. Их электроторпеды шестидесятиузловой скорости имели дальность хода 20 миль, при массовой залповой стрельбе могли поразить противника на пределе действительного артиллерийского огня, а ночью, когда комендоры не могут корректировать огонь по всплескам, — гораздо дальше и вернее пушек.

Эсминцы, форсируя ход до максимально допустимых оборотов турбин, похоже, выскочили за проектные сорок четыре узла. Вспоротая форштевнями густо-аквамариновая вода поднялась и словно застыла лишёнными пенных гребней бурунами выше ходовых мостиков. Непривычному человеку стало бы страшно от вида готовых обрушиться на хрупкий корабль двух хрустальных стен. Ощущение — слов-

но на гавайской плавательной доске скользишь вдоль гребня несущей волны.

Тут следует сделать некоторые тактические пояснения и совершить ещё один экскурс в историю последних двух третей XX века. Когда в тысяча девятьсот двадцать шестом году принимался Вашингтонский договор по морским вооружениям, Россия отказалась в нём участвовать. Договор, наряду со списанием большей части построенных или заложенных до 1920 года линкоров, требовал также ограничения водоизмещения крейсеров десятью тысячами тонн, а калибров артиллерии — шестью дюймами. Да ещё предлагалось юридически закрепить «обычай» — Британский флот обязательно должен быть мощнее флотов двух следующих за ним держав (хотя бы и за счёт сокращения количества уже имеющихся у них кораблей).

Спорить особенно было некому. САСШ в то время вообще не имели приличного флота, немецкий после капитуляции был захвачен и поделен между Англией и Францией (в соотношении пять к трём, не говоря о реальной боевой ценности назначенных к разделу кораблей). Япония только-только начинала конструировать и строить собственные линкоры и линейные крейсера, всерьёз её пока никто не воспринимал. У России после Мировой и Гражданской войн вообще мало что осталось плавающего — 6 заведомо устаревших и изношенных за войну балтийских и черноморских дредноутов, меньше двух десятков цусимских времён крейсеров и броненосцев, на которых, как выразился Л. Соболев: «Труб было больше, чем пушек». Ещё на всех морях держалось на воде около двадцати тех ещё, первых «Новиков», старшим из которых было уже по десять

лет, и это всё. Только-только хватало прибрежные воды охранять да личный состав тренировать.

То ли дело флот британский! К дню начала Вашингтонской конференции он насчитывал 33 дредноута и сверхдредноута, 11 линейных крейсеров, 29 додредноутов, полторы сотни крейсеров всех классов, не говоря об огромном числе эсминцев и подводных лодок, уже находящихся в строю, и более тысячи судов всех классов, заказанных по кораблестроительным программам военного времени.

Именно поэтому тогдашний морской министр адмирал Кедров резонно предложил в подобных дурацких конференциях, профанирующих саму идею нормализации международных отношений и реально-го сокращения вооружений, не участвовать. И оказался прав. Пока европейцы с американцами и японцами тупо обманывали друг друга, пытаясь загнать в десять тысяч тонн по двенадцать нового образца шестидюймовок (а немцы рискнули вооружить свои «крейсера», оказавшиеся в итоге «карманными линкорами», сразу одиннадцатидюймовками!), Россия не спеша восстановила и модернизировала то, что ещё могло воевать (вроде «Гангутов», «Императриц» и «Николая Первого»), достроила с учётом требований момента свои застрявшие на верфях линейные «Измаилы», легкие «Светланы» и «Лазаревы», два десятка «Новиков» серии «Изяслав». И только тогда приступила к неторопливой (время терпело) проработке идей и конструированию нового, небывалого в истории океанского флота. Именно сразу флота, как единого организма, в котором каждая часть выполняет свою функцию и наилучшим образом сочетается с остальными, а не отдельных, пусть очень хороших, кораблей. Вот тут и при-

годилась дальновидно оставленная за собой «свобода рук».

Мало, что ставка была сделана на тоннаж и вооружение, русские конструкторы и адмиралы, учитывая исходное пятикратное превосходство возможного противника в численности, озаботились, вспоминая японскую и Мировую войны, триадой «скорость-броня-огонь». Сформировали работоспособные команды инженеров-двигателистов и корпусников, создали несколько специальных конструкторских бюро прямо при старших курсах. В итоге уже к началу сороковых годов русские крейсера и эсминцы превосходили западных «одноклассников» по скорости на 5—7 узлов, имели более мощную и дальнобойную артиллерию, могли догнать любой иностранный корабль и уйти с большим отрывом от сильнее вооружённого. А главное, адмиралы получили возможность свободно выстраивать конфигурацию любого ожидаемого боя по собственному усмотрению.

Следующие полвека «гонка по расходящимся направлениям» так и продолжалась. ТАОС существовал, и никто из его участников воевать друг с другом как бы не собирался даже теоретически. Но у геополитики и инженерной мысли свои законы. Россия проектировала и строила сбалансированные, ориентированные на достижение конкретной цели эскадры океанских рейдеров со средствами усиления и поддержки. Британия продолжала, как мусульманин в Коран, верить в постулат, утверждающий, что на любом театре, входящем в «сферу её жизненных интересов», она должна в любое время иметь возможность создать двукратное превосходство над каким угодно, даже (и в основном) *гипотетическим* противником. Обновлённая Адмирал-

тейством в семидесятые годы военно-морская доктрина вдобавок потребовала иметь минимум 75 крейсеров «свободного резерва» (45 — для охраны коммуникаций, 15 — для Флота Метрополии и столько же для Дальневосточного театра).

Остальные державы (кроме Японии и САСШ) давно плюнули на эти игры и, исходя из теории «минимальной защиты», строили свои флоты, руководствуясь в основном эстетическими предпочтениями, примерно как Италия, Аргентина, Бразилия и Чили. Корабли у них получались донельзя оригинальными, даже экзотическими, но в региональных конфликтах идею «Fleet in being»¹ вполне оправдывали.

Доставленные на мостик «Аскольда» пилот и летнаб доложили в дополнение к своей записке, что на расстоянии около шестидесяти миль к зюйд-зюйд-осту обнаружен идущий полным ходом российский сухогруз тысяч примерно на двадцать тонн, преследуемый двумя большими мореходными катерами неустановленной принадлежности, по всей видимости пиратскими. Эфир был сплошь забит помехами, радиосвязь установить не удалось. Сухогруз передал лётчикам флажный сигнал: «Военной команды и вооружения на борту не имею, прошу помощи». При облёте на бреющем удалось прочитать название — «Капитан Вилькицкий». Пароход отчаянно маневрировал, всё время стараясь сбивать катера с курса своей кильватерной струёй, и сдаваться явно

¹ «Fleet in being» — постулат из теории американского адмирала Мэхена, гласящий, что военно-морской флот оказывает влияние на геополитику самим фактом своего наличия.

не собирался. При виде разведчика команда, вооружённая противопожарными брандспойтами, баграми, лопатами, ломami и прочим подручным инвентарём, радостно приветствовала самолёт, причём капитан или штурман с мостика указывали руками и выпущенной красной ракетой на нора.

— Вот... — адмирал весьма красочно выразился в адрес собственного руководства и судовладельцев. — Мало им «Анапы», так и не могут о военном конвоировании договориться...

— Так они ж из Южной Америки, похоже, идут, а там наших войск пока нет, — возразил командир крейсера каперанг Залесский.

— Нет, есть, будете мне рассказывать, — не желал успокаиваться адмирал. — Взвод частных охранников самолётом перебросить всё одно дешевле, чем сейчас разбираться или за миллионы из плена выкупать! И хватит на этом, докладывай дальше, — повернулся он к летнабу, флотскому лейтенанту.

— Дальше мы сделали два захода по катерам, вели предупредительный огонь из пушки и пулемётов. Для большего эффекта сбросили по курсу одну глубинную бомбу с установкой на три метра, чтобы плеснуло повыше. Катера ответного огня не открывали, сбросили скорость, но остались в районе...

— Надо было топить к чёртовой матери, а уцелевшие нам бы что хочешь потом рассказали... — адмирал Дукельский славился на флоте склонностью к мгновенным и предельно резким решениям, чего они бы ни касались. У офицеров по рукам много лет ходили тетрадошки с наиболее яркими высказываниями и выходками Геннадия Аполлоновича. Может быть, старшие начальники, которые не только «тетрадошку» читали, именно из этих соображений возвели его намного раньше срока в адмиральский

чин. Чтобы было кого в нужный момент «с цепи спустить», а в случае «дипломатических осложнений», как с тем же английским подводным пловцом, сослаться на особенности характера чересчур молодого и безрассудного адмирала.

— Рассказали бы, — не возражая, а будто думая вслух, сказал Азарьев, — что, находясь на морской прогулке с Азорских островов на Канарские, подверглись неспровоцированной агрессии...

Лейтенант-пилот, которому было весьма интересно вблизи послушать командирские пререкания, особенно, если они лично тебя не касаются, всё же гораздо больше был озабочен происходящим в море.

— Дальше ещё интереснее было, — сказал лётчик, — мы пошли, куда ракета указала, и миль через двадцать обнаружили три английских крейсера типа «Тайгер»¹...

— Барахло, — опять не сдержался адмирал. — Однотипные?

— Так точно.

— Значит, сразу вся шайка — «Тайгер», «Лайон» и «Блейк». Штурманец, глянь в книжечку с дополнениями, когда модернизацию последний раз проходили, что интересного прибавилось или убавилось... Я про них давно уже и думать забыл.

— Так точно, по-нашему — барахло, — согласился лейтенант. — Но вместе с ними находился корабль управления или, скорее, радиоэлектронной

¹ «Тайгер» — лёгкий крейсер. Всего в 1969—1971 гг. построено три единицы: «Тайгер», «Лайон» и «Блейк». Водоизмещение 12 тыс. тонн, скорость 32 узла, вооружение 6×152-мм, 16 зенитных автоматов 2×76-мм, 12 противолодочных бомбомётов. Типичный «защитник коммуникаций» для действий в составе мощных конвоев. В эскадренном бою практически бесполезен.

борьбы, перестроенный из какого-то лёгкого крейсера, тысяч на десять тонн, тип установить не удалось. Весь утыканный фазовыми антенными решётками и ещё какой-то, прошу прощения, хернёй, похожей на козловые подъёмные краны...

— Вот! — воскликнул адмирал. — То-то у нас связь не работает!

— Так точно, связь, кроме УКВ на прямой видимости, не работает мёртво. Словно в полярном сиянии летишь...

— Вот же суки! — оскорбился адмирал. — Это они на нас испытания проводят да ещё пиратов на «Вилькицкого» навели... Я у них в составе действующего флота такой лайбы не знаю... Ну и вы? Что дальше сделали?

— Мы хотели сбросить вымпел о действиях пиратов. Им до «Вилькицкого» полным ходом меньше часа идти.

— Решение неверное, — отрезал адмирал. — Раз с парохода вам дали целеуказание, значит, наши англичан уже видели, и те им помогать не стали... Только не понимаю, отчего они их сами не утопили. «Вилькицкого», я имею в виду.

— Встретимся — узнаем, — сказал Залесский.

— С расстояния примерно в две мили «Тайгер» открыл по нам плотный зенитный огонь всем левым бортом, — переждав командирский обмен мнениями, продолжил лётчик. — Мы ушли отвесным пикированием, едва крылья не отвалились, вывернулись у самой воды и пошли домой. У меня всё, ваше превосходительство.

— Опять дураки, они, не вы, — сообщил адмирал. — Нужно было подождать, на бреющем по вам стрельбу начинать. Но вы не в обиде, надеюсь? Что

сказали экипажу «двести семнадцатого» и руководителю полётов?

— То же, что и вам, только короче. Посоветовали к крейсерам не приближаться, как следует погонять катера, а пароход направить в сторону эскадры.

— Это — правильно. Отдыхайте. А можете тоже слетать, если в силах себя чувствуете...

— Да что тут лететь, ваше превосходительство! Зато мы место знаем.

— Молодцы, одобряю.

— Ваше превосходительство, — вмешался штурманский старший лейтенант, которому адмирал велел уточнить данные «Тайгера» и его «систер-шипов», — согласно справочнику крейсера этого типа в прошлом году в ходе модернизации получили по одному палубному истребителю-перехватчику «Сурордиш». Скорость до тысячи км/час, радиус действия — до трёхсот миль, по маневренности уступает палубным истребителям обычных авианосцев. Вооружение чисто пулемётное, но очень многочисленное. Они до сих пор считают, что плотность огня, скорострельность и боезапас важнее поражающего действия отдельного снаряда. Запуск с катапульты, посадка производится на воду, для чего самолёт имеет запас положительной плавучести и водомётный маневровый двигатель. Для подъёма на борт истребителя крейсера оборудованы...

— Хватит, зачёт, — прервал штурмана Дукельский. — Вы знали, лейтенант? — спросил он лётчика.

— О самолёте вообще слышал, ваше превосходительство, но что они на «Тайгерах» стоят — не приходилось. Мы всё свободное время «силуэты и вид сверху» зубрим. Что другое бывает и упустишь.

Лейтенант был, конечно, прав. Его дело с высоты распознать тип корабля, определить «свой-чужой»,

курс и желательно скорость, а знать ещё, кто из тысяч единиц существующих в мире плавсредств когда модернизацию проходил и зачем...

Адмирал был с пилотом в принципе согласен, но перемолчать всё равно не мог:

— Придётся вашему непосредственному начальству фитиль вставить. Да и вы сами... ТТХ боевой техники возможного противника необходимо знать... и так далее. Рабочего и свободного времени не хватает — по ночам учите... так, так и ещё вот так! — очередной *загиб* он составил с привлечением уже авиационной тематики. Дукельский, кроме прочих достоинств, был славен и тем, что никогда не *покроет*, скажем, штурмана, употребив в *загибе* химические или механические термины. Нет уж, кесарю — кесарево. Штурману — локсодромии всякие, «лямбды Аш» и «дуги большого круга», соответственно куда нужно намотанные. А химик получит свои ангидриды, перекиси и закиси, подвергнутые процессу возгонки, сублимации и иным извращениям.

Закончив короткое, наскоро и без азарта придуманное внушение, Дукельский протянул руку, Азарьев подал ему микрофон станции УКВ, и адмирал тут же начал руководить.

Командиру «Гайдамака» приказал поднять все наличные самолёты, включая резервный, ведущим группы, помимо штатного комэска, назначил лейтенанта Михайлова-второго, только что ему докладывавшего. Офицер был под рукой, и не требовалось сочинять письменного приказа, перечисляя в обязательных пунктах то, что пилот видел и знает лучше него.

— С пиратами разобраться по обстановке. Гуманизмом я не страдаю и от вас того не требую. Над англичанами организовать постоянный барраж, на

огонь отвечать огнём — ваши отличительные знаки достаточно хорошо видны, на ошибку «лаймы» не сошлутся. Этот «антенноносец», — на ходу изобрёл адмирал неологизм, — если «владыки морей» хоть раз по вам прицельно выстрелят, — главная цель. Обездвижить и ждать подхода «Новиков». Часа через полтора-два они будут, пусть хоть предохранительные клапаны заклёпывают. Пароход защитить, до отряда довести целым. Всё ясно? Действуйте. И чтобы эти долбанные «Суордфиши» никого не пришлёпнули — смотрите там! Хорошо управитесь — за мной не заржавеет.

Командовавший всем британским соединением коммодор первого класса (нечто вроде контр-адмирала по-нашему) Хиллгарт допустил первую ошибку, повлекшую за собой другие, начавшие нарастать лавинообразно, что подтвердило, но слишком поздно, характеристику его курсового офицера в училище: «При всех превосходных личных качествах этому гардемарину нельзя давать в подчинение ни одного человека, даже для организации драйки судового гальюна. Всё, что может быть сделано неверно, будет сделано именно так, хотя и без злого умысла». К сожалению, к мнению воспитателя не прислушались, очевидно, перевесили «превосходные личные качества», и курсант в положенный срок стал адмиралом.

Был бы на его месте тот же Дукельский, он, не забавляясь «охотой на лис», первым делом утопил бы артиллерийским огнём русский сухогруз, раз уж возникло такое желание, а потом проводил бы свои радиоэксперименты. «Пиратов» привлекать не было никакой необходимости. Настоящих или подставных — не имеет значения. Зачем в важном деле

лишнее и весьма слабое звено? А уж упустить русский военный «КОР», фактически застигнувший англичан на месте преступления, — это нужно быть совершенным дураком, о чём курсовой офицер писал, только не сообразил, что через определённый срок судовыми гальюнами дело не ограничится. Но именно по поводу гальюнов английский капитан-лейтенант написал всю правду, жаль что без подробностей.

А дело обстояло так — один из младших гардемарин, назначенных в наряд, возглавляемый Хиллгартом, перепутал вентили и для промывки главной фановой трубы подключил вместо водяной магистрали воздушную, высокого давления, и, вдобавок, не к тому клапану не с той стороны. Натуральным образом несколько сот килограммов фекальных масс пошли по линии наименьшего сопротивления не за борт, а наоборот, и в итоге оказались на подволоках и переборках всех «мест общего пользования», включая гальюны офицерские и командирский. Веселья было много, разумеется, не у матросов и гардемарин той вахты, что едва ли не сутки драила означенные помещения техническими жидкостями, хлоркой, а начальству ещё и дорогими, приобретёнными за свой счёт дезодорантами. Сам Хиллгарт тот раз вышел сухим из воды (простите — не воды), а несчастного рационализатора ночью избили «втёмную» до полусмерти.

Сейчас получалось ещё хуже. Как поступил бы нормальный офицер или адмирал?

Понял, что обнаружен, а операцию приказано сохранять в строжайшей тайне — значит, сбивай и быстро сматывайся, пользуясь тем, что тебя больше пока никто не видит и не слышит. Тем более, позволив подлететь вплотную, даже, может быть, прима-

нив чем-то, хотя бы и ратьеровским сигналом¹, поймать в створ зениток трёх крейсеров и расстрелять почти фанерный самолёт — курсанту училища ПВО делать нечего. Так и его упустил господин адмирал, открыв огонь слишком рано, не зная реального уровня боевой подготовки артиллеристов (а он был очень низким, многие расчёты стреляли вообще второй раз в жизни), и всего половиной зенитных установок одного крейсера. Вот русский и ушёл чётким маневром, наверняка разозлённый и жаждавший отмщения.

В ответ на совсем не джентльменские слова командира «Тайгера» кэптэна² Харвуда, насчёт того, что обычно умный человек предпочитает не совать палку в осиное гнездо, адмирал ответил почти утешающе: «Русский наверняка взлетел с какого-то пересекающего Атлантику одинокого крейсера. До него, может быть, сто, двести миль. Радио не работает, к себе он вернётся часа через два, если не имеет другого задания. Заградогнём мы показали ему, не причинив никакого вреда, что в этот район залетать не следует. Он, судя по всему, понял. Командир русского корабля это учтёт и сменит курс. Мы ведь пока не воюем со своими союзниками, черт возьми? — последнее прозвучало вопросительно, совсем не по-адмиральски.

— Да тридцать два зуба чьей-то матушке в задницу, сэр, — ещё более нарушил субординацию кэптэн, поскольку всем на мостике было ясно, чья ма-

¹Ратьер, фонарь Ратьера — электрический сигнальный прожектор, позволяющий путем открытия и закрытия специальных заслонок вести передачу азбукой Морзе днём и ночью на расстояние прямой видимости.

²Кэптэн — в сравнении с русским флотом приблизительно капитан второго ранга.

тушка имеется в виду. — Посмотрите сюда, — Харвуд размашистыми штрихами воскового мелка нарисовал на планшете, прислонённом к стенке рубки, совсем другую картину, чем представлялась адмиралу.

— Если русские не здесь, а здесь? — он указал место на две сотни миль ближе, и то ошибся. — Если там не одинокий крейсер, а соединение? И что мы будем делать вот с этим? — кэптэн обвёл овалом место «Вилькицкого» и катеров. — Русский пароход нас видел, просил о помощи, мы тоже видели его и катера, но не отреагировали? Мало нам истории с подводной лодкой и базой на Фарерах? Мой совет — сворачивать антенны и немедленно сваливать отсюда полным ходом. Тогда мы хоть сможем в очередной раз как-то откреститься от пособничества пиратам...

— С чего вы взяли, кэптэн, что нам стоит от чего-то «открещиваться»? — внезапно вмешался Эванс, тоже кэптэн, но из береговых, имеющий отношение к электронным делам и флотской разведке, поскольку постоянно располагался на четвёртом корабле отряда, «Гренвилле», том самом «антенноносце», переоборудованном из устаревшего лёгкого крейсера. Но на «Тайгере» появлялся ежедневно, о чём-то подолгу совещаясь с адмиралом.

— Совершенно не от чего, — чуть не плюнул, вопреки всем флотским традициям, под ноги чужому кэптэну Харвуд. — Лорд Дрейк был пусть и вице-адмиралом королевы, но всё-таки пиратом. Но он при этом грабил врагов своей страны, с немалой для неё и для себя выгодой, а мы сегодня сколько рассчитываем получить за помощь против своих союзников с каких-то марокканцев или мавров?

— Пора уже назвать вещи своими именами, ни-

каких марокканцев на катерах нет, а есть такие же офицеры, как вы и я. И они тоже сейчас выполняют свой долг, — выпятил свои лошадиные зубы Эванс, вызвав у Харвуда с огромным трудом подавленное желание врезать по ним кулаком. Он, не испытывая никакой специальной симпатии к русским, ненавидел подонков и циников. Выходит, в Лондоне никому не научились и опять повторяют прежний трюк. А ведь ещё Конфуций отмечал: «Воистину глуп тот, кто два раза спотыкается на том же месте».

— Ну вот, господин адмирал, — шумно втянув носом воздух, чтобы успокоиться, сменил настроенное и тему обладавший изумительным музыкальным слухом Харвуд. Он различил вдали едва слышное гудение авиационных моторов. — К нам гости. А судя по поспешности ответного визита, их база — а авианосцы в одиночку не ходят — совсем недалеко, скоро мы будем иметь сомнительное удовольствие познакомиться с целым ударным отрядом. Количество же самолётов наводит на мысль об их раздражённом настроении...

Одновременно с кэптэном с марсов заорали сигнальщики, услышавшие и почти сразу увидевшие приближающиеся тремя парами «КОРы». Седьмой держался километром выше, осуществляя наведение и общее руководство.

Несмотря на расстояние, в сорокакратные стереотрубы видно их было хорошо. И отчётливо читались андреевские флаги на киях. Ни со шведским, ни с греческим не спутаешь.

Злорадствовать было поздно, следовало выкручиваться. У Хадсона решение созрело мгновенно.

— Господин адмирал, у нас единственный выход — полным ходом отходить на норд, сворачивая, если нужно, сбрасывая в воду антенны с «Гренвилла»...

— Вот этого делать никак нельзя, — снизошёл до объяснений Эванс. — Пока что крейсер перекрывает сплошными радиопомехами половину Атлантики. Русские нас не видят и не слышат, с самолётами связи у них тоже нет. Так что... Для нас главное сейчас — уйти подальше от катеров, поскольку принять их на борт мы уже не успеваем. Будем считать — парням не повезло. И — ни в коем случае не позволить русским фотографировать «Гренвилл», пока он в «рабочем виде». Несколько десятков качественных снимков крупным планом, и все наши тайны — в заднице той же мамыши, которая ещё не успела извлечь из ягодиц тридцать два зуба, — разведчик показал, что и он не чужд флотского юмора.

— Тогда нас рано или поздно догонят, — стоял на своём Хадсон. — «Гренвилл» не выжмет и тридцати узлов, а любой русский крейсер ходит по тридцать пять, эсминцы — по сорок. А если у них на авианосце есть пикирующие бомбардировщики или торпедоносцы... Нам нужно разделить и разбежаться в разные стороны. «Гренвилл» пусть продолжает маскировать сам себя, а мы пойдём открыто. Русские не рискнут напасть первыми. Выстрелы по разведчику объясним замыканием в цепи централизованного управления огнём. Или ошибкой персонала — вместо учебных снарядов к орудиям подали боевые... Времени у нас будет достаточно, чтобы придумать десять объяснений, и пусть дипломаты обмениваются нотами.

Безусловно, Харвуд был бы куда лучшим адмиралом, чем Хиллгарт, если бы кому-то на этой должности требовался лучший, даже просто хороший. Но обычно от «хороших» — одни неприятности, как почти везде кроме серьёзного бизнеса. Это там дураки бухгалтер или топ-менеджер — катастрофа.

А на флоте времена Нельсонов давно прошли. Что было бы с Англией ещё девяносто лет назад, если бы адмирал Трубридж в 1914 году мыслил как настоящий флотоводец, решил исполнить свой воинский долг, а не намёк из Адмиралтейства? Потопил бы, что ему ничего не стоило, «Гебен» и «Бреслау» на подходах к Эгейскому морю, Турция, не получив столь мощное подкрепление и обещание от Германии дальнейшей помощи, не вступила бы в войну. Соответственно, война бы закончилась года на два раньше, в России и Германии не случилось бы революций, сама Турция тоже осталась бы великой державой. Делить было бы нечего, только расходы считать. В таком варианте Великобритания уже вскоре после войны скатилась бы в мире на вторые и третьи роли. Но Трубридж оказался отнюдь не воинственным, зато очень понятливым. И случилось то, что случилось.

Сегодня Хиллгарту тоже предстояло войти в историю. И маршрут этого вхождения был тщательно разрисован на карте «береговым кэптэном» Чарльзом Эвансом, причём — «сэром Чарльзом». Харвуда аж перекосило, когда означенный сэр приказал, вот именно, приказал адмиралу действовать не по обстановке (не совсем правильно оцениваемой кэптэном Харвудом), а по его, Эванса, рекомендациям, которые на самом деле есть воля Первого лорда Адмиралтейства, а значит, и короля, которому принадлежит флот. «Флот Его Величества» — этим всё сказано.

Англичане, когда заведутся должным образом, тоже умеют «становиться в позу». Пусть и не так наглядно, как русские. Командир «Тайгера» сначала сильно покраснел, потом вернулся к нормальной расцветке, выругался почти беззвучно и решил с

этого момента командовать крейсером, как штатной единицей флота в пределах своих полномочий «мирного времени». Иных он не получал и мобилизационного пакета¹ не вскрывал. Любые же другие приказы принимать исключительно от адмирала, и только в письменном виде. Что такое военно-морской суд, он знал.

— Ну вот, началось, — сказал лейтенант-артиллерист, державшийся среди допущенных на мостик в задних рядах, дабы не нарваться на никчёмное поручение, и с быстротой обезьяны полез по скоб-трапу на штатное место, передний командно-дальномерный пост. И от начальства подальше, и обзор почти на тридцать миль. Особенно через восьмифутовый горизонтально-базовый дальномер Барра и Струда. Когда старарт запросит — начнёт дистанцию до неприятеля по телефону передавать, поскольку радиолокаторы системы централизованной наводки не работают.

Три русских самолёта продолжали свой курс, ещё немного развернувшись по фронту, а четыре остальных свалились в пологое пикирование и исчезли из виду как раз там, где маневрировали вокруг парохода катера. Вскоре из-за горизонта доносились глухие, явно подводные взрывы.

— Вот им и конец, — со странным удовлетворением глядя в глаза разведчику Эвансу, сказал Харвуд, хотя что-либо подобное в ближайшее время могло ждать и его. Если русские решат действовать аналогичным образом.

¹ В «мобилизационном пакете» командиру сообщается о начале военных действий и ставится ближайшая задача для данного корабля. В этом же документе указываются соединения, в составе которого предстоит действовать, прямые и непосредственные начальники.

Как командиру, ему на мостике сейчас делать было почти и нечего. Заданный курс и скорость в десять узлов на безопасном расстоянии от сложно маневрирующего радиоэлектронного «Гренвилла» никто не отменял, вахтенный штурман с этой задачей вполне справлялся. Остальные крейсера двигались на удалении двух миль справа и слева. Команды «к бою» тоже не поступало. Вот Харвуд и вслушивался в разговоры «посвящённых», посматривая то на небо, то, краем глаза, на компас и лаг. Больше всего ему хотелось скомандовать всей этой публике, кроме вахтенных офицеров: «Долой с мостика». Формально такое право у него имелось, только не хотелось окончательно портить отношения с адмиралом и всей его братией. Хотелось Харвуду завершить службу с широкой коммодорской нашивкой на рукавах и пенсией на пятьсот фунтов в год больше.

А Хиллгарт, переглянувшись с Эвансом, который только в этом походе носил четыре нашивки кэптэна, а на самом деле был таким же, как командир отряда, контр-адмиралом и реально руководил операцией, наконец отдал решительную команду:

— Подпустить русских на минимальную дистанцию и сбить всех!

Не только у Харвуда при этих словах отвисла челюсть. Это уже не шуточки, не авантюра с прикрытием пиратской атаки на гражданский пароход — это война.

— Перехватчики к взлёту готовы? — вообразив себя Нельсоном, громко и решительно обратился к своему флаг-капитану адмирал.

Тот слегка замаялся: у командиров «Лайона» и «Блейка» он мог запросить ответ по радиотелефону, но кэптэн Харвуд стоит рядом, и как отвечать за него на его корабле?

— Что вы молчите, Харвуд, я кого спрашиваю? — нажал на голосовые связки Хиллгарт.

— Не знаю, сэр. Ко мне вы не обращались, — выпятил челюсть кэптэн. Тут уж к нему никто не дерётся, полтора десятков офицеров стоят вокруг, и большинство на стороне своего командира.

— Так вот обращаюсь, КЭПТЭН Харвуд. Ваш «Суордфиш» готов к взлёту и бою?

— Никак нет, сэр, — с удовольствием ответил Харвуд. — Перед выходом с Ямайки я лично доложил ВАМ, что самолёт приготовлен к капитальному ремонту с целью замены двигателя, и то, что мы видим на катапульте, — это фактически макет, оставленный там, чтобы вводить иностранных разведчиков в заблуждение. ВЫ мне ответили, что ничего страшного, не на войну идём, пусть так и стоит до Портсмута...

Сейчас Харвуд *приложил* адмирала хорошо. Даже на душе веселее стало. Чем это может закончиться впоследствии — отдельный вопрос. Впрочем, Хиллгарт — не сильно большая шишка, у кэптэна тоже есть знакомые «с положением». А вот то, что им больше вместе не плавать — это факт. И очень приятный.

Адмирал отвернулся, бросил флаг-капитану:

— Прикажите «Лайону» и «Блейку» готовить истребители на взлёт — после того, как будет сбито большинство русских разведчиков. Отправить на дно остальные. И у нас появится время решить все свои проблемы. Эскадре перестроиться в кильватер, поворот зюйд-вест, на русский транспорт. Ход — полный. «Тайгер» головной, «Гренвилл» — на месте. Радиозащиту не снимать.

— Кэптэн, прикажите спустить катер, — внезапно повернулся к Харвуду Эванс. — Я вернусь на

★ «Гренвилл». Здесь управитесь сами. Просигнальте, пусть готовится меня принять...

Командир крейсера, продолжая избранную линию поведения, посмотрел на адмирала. Что тот скажет?

— Выполняйте, — раздражённо бросил Хиллгарт, переводя «просьбу» в приказ.

— Есть, сэр! Старший боцман, моторный вельбот — к спуску! Господин кэптэн, сэр, — это уже Эвансу, — займите место в вельботе. Трап лично для вас ставить некогда.

Разведчик злобно пронзил Харвуда взглядом, повернулся на каблуках и загремел подковками по трапу.

«Олух, — подумал командир крейсера, — скупердяй береговой! Моряка из себя корчит, даже того не зная, что никакой идиот с железными подковками по железным трапам бегать не станет. Хоть бы шею себе свернул, прямо сейчас...»

Личный вестовой Эванса скользнул вниз по другому трапу, по поручням, не касаясь ступенек ногами: в каюту начальника понёсся, захватить «тревожный чемодан».

В это время тройка «КОРов» на высоте три с половиной тысячи метров приблизилась к начавшему перестроение крейсерскому отряду. Никаких агрессивных действий они не предпринимали, будто летели по своим делам, да вдруг увидели внизу нечто интересное, решили присмотреться поближе. Зато с командно-дальномерного поста можно было различить в сильную оптику, что отставшая четвёрка почти у черты горизонта строится в круг. Не иначе как для штурмовки цели. Ясно было, что двум катерам,

невзирая на почти пятидесятиузловую скорость, жить осталось недолго.

Им бы лучше всего было застопорить двигатели и поднять белые флаги. Как с ними потом поступят русские — отдельный разговор. Выбор у моряков есть. Продолжать изображать пиратов — пожизненная сибирская каторга. Назвать себя и предъявить документы или хотя бы личные жетоны — получают статус военнопленных, если война всё же начнётся (и если русские согласятся закрыть глаза на то, что они действовали не в военной форме с ясно видимыми знаками различия), или освобождение — после неминуемых дипломатических игр. По возвращении домой могут быть крупные неприятности, но всё ж таки не мгновенная смерть от бомб, пуль и акул, которых в этот сезон у берегов Северной Африки развелось, как волков в калмыцких степях.

Матеря не просто молчащий, а дико хрюкающий и завывающий в наушниках эфир, получивший от командира сигнал по древней системе связи условными знаками с помощью рук, флажков и покачиваний крыльями, мичман с 220-го «КОРа» заложил вираж со снижением в сторону «Вилькицкого». Пароход (точнее — турбозлектроход) разогнался до двадцати пяти узлов, то и дело перекладывая руль, и abordаж пиратам явно не светил. В подобной ситуации оставалось только бросить свою затею и уйти или же атаковать судно торпедами. Но это уже не пиратские забавы, да и пароход был нужен англичанам в полной исправности.

Разведчик, снизившись до полусотни метров и тормозя закрылками почти до посадочной скорости, внятно и доходчиво объяснил взмахами рук высунувшемуся из рубки человеку в синем кителе с ка-

кими-то нашивками (с воздуха не разобрать), что ему следует делать.

Капитан «Вилькицкого», отходяв только «мастером» десять навигаций, в основном Северным морским путём, не мог понять одного — чего к нему прицепились эти придурки, разительно отличающиеся от «нормальных» пиратов что восточного, что западного побережья. Он шёл в балласте¹, выгрузив в Гаване действительно ценный и ходовой на мировых рынках груз, имея фрахт из Алжира на Пирей и Новороссийск. И о том, что трюмы его пусты, знал последний грузчик Кубы, не говоря о солидных людях, у которых в офисах имелись диспозиции на каждое судно, выходящее в море хоть из Порта-Морсби, хоть с Оркнейских островов². Ума и опыта Петру Лукичу Иваненко хватило сообразить, что супостатам нужно именно его судно, пустое и очень скоростное. В торговом флоте мира таких — раз, два и обчёлся.

Ну, теперь и он малость позабавится. Лишь бы эти орлы-летуны не увлеклись чересчур.

Капитан раз десять показал мичману вполне понятными знаками: «Не топить. Обездвижить, и всё. А дальше моя работа!»

Иваненко, честно сказать, успел сообразить, что призовые деньги за такой трофей к пенсии будут очень не лишними. Раз помирать пока не светит (слава тебе, Господи, и родному ВМФ), поднять на шлюпбалки два таких катерочка и домой отвезти — тысяч по пятьдесят рублей каждому члену команды

¹ Т.е. пустой.

² Первый — на Новой Гвинее, вторые — в проливе Дрейка, несколько севернее Антарктиды и южнее Фолклендских островов. Та ещё дыра, однако и там люди живут и зачем-то плавают.

очистится, а капитану — тройной пай! Так что теперь он за этих пиратов, чтобы раньше времени на дно не пошли, пудовую свечку в Пирейском храме Николая-угодника поставит.

Лётчики сделали именно то, о чём капитан просил. Первая пара прошла над катерами на бреющем, от кормы к носу, дав несколько очередей из ДШК вплотную к бортам, чтобы и головы никто не осмелился поднять, а идущая за ними вторая сбросила по глубинной бомбе теперь уже прицельно, прямо по курсу, не так, чтобы слишком близко, а в самый раз. Это упражнение отрабатывалось летнабами десятки, если не сотни раз. С большими кораблями за время службы воевать никому не приходилось, а с пиратами, контрабандистами, браконьерами и иными нарушителями — сколько угодно.

Правильно положенная по направлению и глубине бомба либо сразу ломает и переворачивает судёнышко малого водоизмещения, либо деформирует рули, винты, водомёты, подводные крылья, вообще любые погружённые в воду детали. Сам же гидравлический удар получается такой силы, что срывает с фундамента двигателя, а людей, сразу не убитых, приводит в полностью небоеспособное состояние.

Сейчас обошлось только тяжёлой контузией катеров и экипажа. Людей, находившихся во внутренних помещениях, оглушило до потери ориентировки, а то и сознания, из носов и ушей пошла кровь. Двигатели дружно заглохли. Когда опали столбы брызливо-зелёной с белой пеной воды, оба катера без хода болтались на волнах, пулемёты на турелях были задраны стволами вверх и стрелять не собирались. Кто-то из кокпита махал не то тряпкой, не то подобием флага. «Вилькицкий», остановив свой от-

чаянный бег, «малым задним» начал сдавать к ним поближе, готовясь спускать вельбот с призовой партией.

А десятком миль севернее в это же время начали происходить события гораздо большего (пожалуй, мирового) масштаба, чем славная виктория над «пиратами», обеспечившая свободу, а то и жизнь, а в перспективе сулящая серьёзное повышение благосостояния капитану Иваненко и его команде.

Вельбот с Эвансом достиг борта «Гренвилла», адмирал убедился, что разведчик не разучился цепляться руками и ногами за выбленки¹ штормтрапа. Он поднялся на палубу и скрылся за ближайшей надстройкой. Хиллгарт удовлетворённо кивнул собственным мыслям и приказал Харвуду:

— Корабль к бою изготовить!

Бешено зазвенели «колокола громкого боя» в рубке «Тайгера». Зенитчики и расчёты башен главного калибра кинулись по боевым постам. Угол возвышения шестидюймовок крейсера позволял при определённых условиях вести огонь и по воздушным целям шрапнелю, например — отражая массированные налёты торпедоносцев. Для стрельбы по одиночным маневрирующим самолётам не хватало скорости поворота башен и вертикальной наводки.

Пока палубы крейсера зловеще пустели, захлопывались крышки люков и задраивались двери водонепроницаемых переборок, стволы многочисленных «эрликонов» и «бофорсов» приводились на нуж-

¹ *Выбленка* — ничего неприличного. Всего лишь веревочная или деревянная ступенька штормтрапа или вант. Деревянные крепятся к тросам особыми *выбленочными узлами*.

ные углы и градусы, сигнальщики набрали и начали поднимать роковой приказ по эскадре. В этот же момент из будочки радиотелеграфиста, расположенной тремя ярусами выше ходового мостика, стремительно, будто за ним гнались сразу все Кентервильские привидения, ссыпался вниз уорент-офицер¹ с розовым бланком в руке. Заметался глазами между адмиралом и собственным командиром, наконец подал телеграмму Харвуду. Командир — первый после Бога, а назначенный на один поход адмирал — кто его знает. В уставах недостаточно ясно изложено.

Харвуд прочёл телеграмму, один раз быстро, потом ещё раз — чуть ли не по буквам.

Эванс, уже не маскируя своего истинного положения, неизвестно отчего изменив собственную точку зрения, приказывал (!) Хиллгарту огня по самолётам ни в коем случае не открывать и следовать строго на норд, доведя ход до полного. На маневры «Гренвилла» внимания не обращать.

Кэптэн хмыкнул, не то чтобы весело, но удовлетворённо. Враг (в данный момент — собственный адмирал) посрамлён, остальное — незначащие подробности. Как написано в одной умной книге: «Все мы умрём. В худшем случае — умрём немножко раньше». Верная мысль, особенно для тех, кто плавает по морям, да ещё и на военных кораблях.

Сейчас его вдохновляла собственная правота, то есть грамотное тактическое мышление, и унижение адмирала, который — Харвуд готов был поклясться всеми силами ада — кинется к нему с просьбой принять на себя командование.

Он протянул бланк адмиралу и тут же понял, что все его планы и надежды пошли прахом. Секундой

¹ Нечто вроде отечественного прапорщика-специалиста.

раньше, чем Хиллгарт начал читать телеграмму, боевой сигнал дошёл до места, сигнальщики прочли его слишком быстро (в другое бы время так!) и почти тут же разом ударили четырёхдюймовые, сорока- и двадцатимиллиметровые зенитные автоматы с «Блейка» и «Лайона». Старший артиллерист «Тайгера», стоя спиной к командиру, не увидел его искажённого лица и отчаянного взмаха руки. Слова ещё не успели вырваться из глотки кэптэна, а лейтенант-коммандер вдавил до упора кнопку общего ревуна — «Залп!». От слитного грохота полусотни стволов у всех на мостике заложило уши. Крейсер окутался облаками зеленоватого дыма «бездымного пороха».

Только «Гренвилл» не стрелял, с его мостика почти истерично полетели серии зелёных ракет:

— «Дробь! Дробь!! Дробь!!!»

Харвуд понял, что это конец. Он не давал команды на открытие огня, а его старарт чересчур чётко отреагировал на приказ адмирала, не продублированный командиром.

— Эванс мне не начальник, — скомкал в руке бланк радиограммы Хиллгарт. — Он только «обеспечивающий»...

Терять адмиралу теперь уже было нечего. Его охватил боевой кураж и — к чёрту последствия. Он наконец-то, впервые в жизни ведёт настоящий бой! Возможно, первый морской бой первой войны двадцать первого века! Нельсон ведь тоже — поднёс подозрную трубу к выбитому глазу, «не увидел» запрещающего сигнала и прославился в веках.

Морские разведчики подобного развития событий не ждали, но, оказавшись в густом окружении желтоватых вспышек бризантных разрывов, взяли

ручки на себя, иммельманами¹ вправо и влево с крутым набором высоты выходя из зоны поражения. Единственный зазевавшийся, попавший в перекрестье трасс целой батарееи «Бофорсов» «КОР» начал разваливаться на части ещё в воздухе, крылья отдельно, фюзеляж отдельно рухнули в воду, с парашютом никто не выпрыгнул.

Вот и всё! Один русский сбит, но ещё шесть — целёхоньки! И под зенитки больше не полезут.

Адмиралу следовало бы бесноваться, швырять биноклем в палубу или стенку боевой рубки, проклинать зенитчиков, старшего артиллериста, Харвуда, Эванса, судьбу, наконец. А он стоял и тупо смотрел на поднятую с палубы, расправленную и издевательски вежливо вновь протянутую ему кэптэнном радиогамму.

— Вы не дочитали до конца, сэр! — столько ненависти и яда в голосе подчинённого адмирал, пожалуй, не слышал никогда в жизни.

С «Гренвилла» передали, что их локаторы засекли на расстоянии в сорок миль восемь больших засветок, обозначающих крупные корабли, очень быстро перемещающиеся строем фронта, курсом как раз на них, и с двух сторон дугообразно загибающие фланги. «Загонщики» держат больше сорока узлов, основной отряд — минимум тридцать шесть.

— Вот нам и кранты пришли, сэр, — продолжил мысль Харвуд. — Это не «Krossing the «Т»², это го-

¹ И м м е л ь м а н — фигура высшего пилотажа, заключающаяся в перевороте на 180 град. в верхней точке «петли Нестерова». Названа в честь немецкого лётчика, впервые осуществившего такой маневр в 1916 г.

² «П а л о ч к а н а д « Т » — тактический приём, заключающийся в том, что имеющая превосходство в скорости эскадра обгоняет кильватерную колонну противника и пересекает её курс, ведя сосредоточенный огонь по головным кораблям.

раздо хуже. Пока мы не сбили русского, шансы были, теперь их нет. Из этих клещей мы не выскочим самым полным ходом. Судя по всему — фланги обеспечивают «Новики». Сорок четыре узла, шестьдесят торпедных аппаратов с дальностью до двадцати миль.

И над нами висят разведчики с полусуточным запасом хода. Мы не уйдём. Нас раздолбают даже русские эсминцы своими «стотридцатками» и торпедами, а строй фронта составляют «Аскольды», «Кронштадты» или большие «Рюрики». Минимум сорок восемь стволов в восемь дюймов и выше.

— Откуда они здесь? — неприлично сорвавшимся голосом вскрикнул адмирал. Вроде как если в квартиру любовницы вдруг завалился муж, только что находившийся в Йокогаме.

— А вот это, господин адмирал, я вам советую спросить у мистера Эванса, — с неприличной ухмылкой ответил Харвуд. Он тоже с трудом держал себя в руках. Ему тоже было страшно, но пока злорадство гасило это чувство. — Вы с ним командуете отрядом, я — всего лишь крейсером. То, что, стреляя внезапно и почти в упор из всех стволов, сбили всего один «союзный» самолёт из семи — вина моя и моих артиллеристов, нам и отвечать. А вот за то, что разведка прозевала выход в море, причём — в район секретного эксперимента, целой эскадры русских, за упущенный русский сухогруз, потерю катеров с морскими диверсантами «Его Величества», за приказ на открытие огня, наконец, расплачиваться буду уже не я!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Тяга к приключениям нередко способна завести очень далеко. Что в прямом, что в переносном смысле. Да и сами приключения можно понимать очень

по-разному. Не зря у Даля это слово имеет много значений, многие из которых теперь звучат странно: *случай, событие, прилучье, сталое дело, происшествие, нечаянное событие, был, бывальщина, похождение*. И далее: *искатель приключений — праздный шатун от нечего делать. Приключенник — походежник*, испытавший много приключений, переворотов, походов. *Приключатель* — виновник бед, несчастий.

— Вот, это точно про нас, — сказал Николай Карташов, показывая товарищу статью из словаря Даля, неизвестно какими путями попавшего на лоток букиниста, раскинувшего свои сокровища в тени дубов Риджент-парка. Издание было старое, 1898 года, но в довольно хорошем состоянии.

Юрий, пробежав глазами текст, по привычке библиофила взглянул на форзац. Эксилибрис отсутствовал, зато изящным каллиграфическим почерком, ровно, будто в типографии печатали, выведено: «Милой Машеньке от дедушки Семёна Григорьевича в день поступления в гимназию. Учись нам на радость, Отечеству на пользу». Витиеватая подпись, дата — «2/VIII 1902 г. г. Тверь». Фиолетовые чернила выцвели совсем чуть-чуть.

— Ты посмотри, — сказал он, — какими ж это судьбами? Если эмигрировала Машенька году этак в семнадцатом, было ей уже лет не меньше двадцати пяти...

— Вряд ли, те эмигранты с собой библиотек не тащили, — возразил Николай. — Это, скорее, уже в мирные времена. Только непонятно, почему всего один том.

— Зато — на букву «П», — неожиданно ответил по-русски букинист. — Не все знают, что у нас это самая главная буква. Из четырёхтомника ей — целый том, а остальным тридцати шести — на всех три.

— Интересно, — согласился Николай, — никогда об этом не задумывался. — А вы давно из России? Акцента не чувствуется, значит — не местный.

— Лет двадцать уже. Так покупать будете? За фунт отдам, дешевле бутылки виски.

— Куда нам? Мы налегке путешествуем...

— Даже без денег, — добавил Юрий.

— А чего вдруг так?

— Для собственного удовольствия. Без копейки в кармане вокруг света — чем не развлечение? — ответил Николай.

— И много осталось?

— Меньше половины. Мы из Владивостока начали...

— Завидую, — вздохнул букинист, мужчина лет пятидесяти с характерными мешками почечного больного под глазами. — Я вот, кроме России и Лондона, нигде не бывал. Сейчас куда направляетесь?

— Да так. Куда глаза глядят. Тут, говорят, неподалёку музей Шерлока Холмса. Туда заглянем.

— Нет, я в широком смысле...

— Да бог его знает. Как получится. В Австралию хотелось бы, — пожал плечами Николай.

— Или в Южную Африку, — добавил Юрий. Их туда давно тянуло. ЮАС был единственным на континенте членом ТАОС, жили там по преимуществу буры и англичане, но имелась и русская колония в несколько тысяч человек. Неадаптированные кафры, банту, макололо и матабеле¹ давным-давно высланы за северную границу, адаптированные мирно живут в бантустанах². Налоги на добычу полезных ископаемых всего пять процентов от прибыли, рав-

¹ Некоторые из коренных южноафриканских племён.

² Бантустан — самоуправляемые анклавны аборигенов на территории ЮАС.

но для граждан и иностранцев. Климат — чудесный. Рай земной, одним словом.

— Насчет Африки, пожалуй, я мог бы помочь, — немного подумав, вдруг сказал букинист. И, наконец, представился: — Меня Вячеслав Васильевич зовут, Колычев.

Друзья называли свои имена. Без фамилий и отчеств. Привыкли за месяцы скитаний.

— Ничего конкретно не обещаю, но советую заглянуть в таверну «Tommy's joynt»¹. Прямо напротив Тауэр-бридж. На левом берегу. Не ошибётесь. Хозяин, этот самый Томми Хэмптон, мой приятель в некотором роде. У него и переночевать недорого можно, кормят хорошо, пиво приличное. Поговорите с ним, может, повезёт...

На том и расстались.

Не в первый раз судьба сама подсказывала следующий шаг. По крайней мере — за последние полгода, с тех пор как друзья почти внезапно обрели свободу. Причём полную. Бекетов отслужил обязательные после училища пять лет в морской пехоте Тихоокеанского флота и решил, что с него хватит. Следующие двадцать лет ничего нового и интересного не сулили, а пожить для себя, пока молодой, очень хотелось. Получил по отставке чин штабс-капитана, положенное выходное пособие, и КПП выпустил его на волю. Навсегда, или до большой войны и всеобщей мобилизации.

Гимназический друг Коля Карташов был человек вольнонаёмный, после института работал инженером на судоремонтном заводе и тоже томился мо-

¹ Joynt — в данном случае можно перевести как «приют», «обжорка», «сомнительное место» (англ. жарг.).

нотонностью существования. Подумывал о том, чтобы наняться на торговый флот механиком, мир посмотреть, денег подзаработать.

Но когда сидели в «Золотом роге», на открытой веранде с видом на море, отмечая обретение Бекетовым независимости, Юрий вдруг сказал после четвёртой или пятой рюмки:

— Ну и на хрена тебе тот пароход? Много ты с него мира увидишь? Ходили, знаем. Два месяца в море, потом неделька на берегу, бывает, что и меньше, и снова... Разве что отпуск длинный, так самый длинный удивительно быстро кончается.

— И что из этого? — меланхолически спросил Николай, не столько слушая слова друга, как разглядывая девушек и женщин подходящего возраста, находившихся в зале или гулявших по набережной. По странному закону природы, все более-менее заслуживающие внимания были с кавалерами, а свободные интересы не вызывали.

— Да я последний год часто задумывался, просто говорить не хотел, пока неясно было, дадут мне отставку или найдут способ притормозить на «энный срок», где N — функция того, как начальству взглянется. А теперь можно. Прочитал я как-то в «Географическом вестнике» статью одного парня наших лет. Кругосветное путешествие совершил...

— Кругосветное нам не по деньгам, я цены знаю.

— Если с билетами первого класса — точно не хватит, — согласился Бекетов. — Но тот отправился «на бога», что называется. Как герои Джека Лондона или Майн Рида. Полсотни рублей в заглавнике на самый крайний случай, а остальное — по воле обстоятельств. Через моря и океаны — пароходами. Нанимался юнгой за харчи до нужного порта, на берегу — как придётся. Автостопом, на товарняках,

пешком. Подрабатывал, где и как получалось. В итоге за год управился. Получил массу впечатлений, да ещё и заработал намного больше, чем потратил. И за статью гонорар получил. Сейчас вроде бы целую книгу пишет. Как тебе идея? Причём, заметь, он ведь один странствовал, а нас двое. И был до путешествия всего-то репортёришка провинциальной газеты, а мы с тобой ребята посерьёзнее, языки знаем, умеем намного больше, в любой заварушке за себя постоять сумеем...

Друзья были как раз в том эмоциональном состоянии бесшабашной раскованности и энтузиазма, что идея немедленно перешла к стадии практической реализации. Совершенно как в детстве, начали прикидывать маршрут, составлять в блокноте список необходимого снаряжения.

Всё выходило легко и просто. В конце концов, тысячи людей до них странствовали по миру в гораздо менее благоприятных условиях. Сейчас что — сейчас XXI век, цивилизация, правопорядок и тому подобное. Не везде, конечно, так не нужно соваться в места, фабричные патроны стоят дороже, чем человеческая жизнь. А в пределах Ойкумены европейской цивилизации порядка гораздо больше, чем в Раннее Средневековье и даже Высокое Возрождение. Нет необходимости брести с котомкой и посохом, пешком из Новгорода или Киева на поклон к святым местам, в Афон, Палестину. Афанасию Никитину тоже, говорят, в его «хождении» за три моря и обратно не слишком сладко пришлось. Живой вернулся — и то хорошо.

Реализация сокровенных мечтаний и желаний друзей не разочаровала, как это нередко случается с менее цельными натурами. Всё получалось весьма близко к их представлениям, моментами даже луч-

ше. Главное они действительно ощутили, действительно — свобода. В самом полном смысле этого слова. Как в рассуждениях философа.

Свобода «от» — от повседневных, рутинных, скучных забот, воинских уставов, забот о личном составе, от необходимости соответствовать общественному положению, возрасту, обычаям и традициям, вообще от всего, что успело надоесть за двадцать лет сравнительно сознательной жизни.

Свобода «для» — для постижения ранее неведомого мира, знакомства с людьми, разительно непохожими на тех, что окружали до сих пор, наконец для раскрытия в самих себе новых, подчас совсем неожиданных черт, способностей и свойств. Гораздо понятнее стали многие герои с детства любимых книг. Их авторы — тоже.

Затею облегчало, более того — делало вообще возможным то, что сейчас, как в благословенном XIX веке (его друзья считали наилучшим из промелькнувших над Землёй), российских внутренних паспортов было достаточно для пересечения любых границ, даже со строгим визовым режимом, рубли (желательно — золотые) и мелочь (серебряную) принимали в любом уголке мира по хорошему курсу, и действительными оставались отечественные разрешения на ношение огнестрельного оружия. Карабинами и штуцерами в ассортименте, как герои любимых книг, путешественники не отягощались, им хватило обычных, проверенных временем «маузеров», «чудо-пистолетов, незаменимых для охотников, путешественников и всех настоящих любителей оружия», как больше ста лет писалось в рекламных проспектах.

Закончив сборы и подготовку, устроились на первый же пароход (моряки не делали различия ме-

жду типами двигателей — пусть даже винты крутит дизель-электрическая установка — всё равно пароход), идущий в Новый Свет. Сошли на берег в Кальяо. Через Перу, Эквадор, Колумбию с почти не опасными для жизни, но весьма познавательными приключениями через два месяца добрались до Панама. Здесь был выбор — на восток, в Дакар или Луанду, откуда можно было рискнуть пересечь Африку (с очень большими шансами не добраться до берега Индийского океана), или маршрут поспокойнее — на Дальний Запад Америки, в Сан-Диего или Сан-Франциско. В Соединённые Штаты их тянуло — экзотика, причём экзотика безвредная: ковбои давно не стреляют в бандитов, в Долине Смерти умирают только от старости или в автомобильных авариях, а чикагские гангстеры хоть и существуют, так их ещё надо суметь разыскать в пресловутых трущобах, предварительно туда доехав по Шестьдесят шестой дороге. Тоже пресловутой, а также знаменитой.

Здравомыслие подсказало американский вариант. Автостопом за три недели проехали весь Перешеек: Коста-Рику, Никарагуа, Гондурас, Гватемалу, пока добрались до Мексики. Ничего с ними не случилось и здесь, даже пистолеты не пришлось ни разу из дорожных сумок доставать. А сколько всяких леденящих душу историй об этих краях довелось дома читать в газетах и журналах, смотреть по дальновизору. Наверное, все местные бандиты, наркоторговцы, кровавые диктаторы и анархизирующие партизаны тщательно попрятались, услышав, что их собрались навестить крутые парни из страны вечных льдов и дрессированных белых медведей. Потомки инков, майя, ацтеков и конкистадоров оказались добродушными, с иностранцами застенчивыми, довольно-таки бедными людьми, но всегда имеющи-

ми несколько бальбоа, кетселей, колонов, гуарани или лемпир, чтобы большую часть времени проводить во всевозможных питейных заведениях и кофейнях. Самое распространённое здесь слово, очень понравившееся друзьям — «маньяна», то есть «завтра». Универсальный ответ на любое предложение, требующее трудовых затрат или вообще какой-либо активности, физической или умственной. Революционная или какая-нибудь другая борьба наверняка происходила в специально отведённых местах, далеко за пределами «полосы отчуждения» Панамериканского шоссе. Примерно на километр по обе стороны восьмиполосной автострады никто никого не убивал и не грабил. Впрочем, Карташова с Бекетовым не трогали и в глухих городишках вдали от трассы, скорее всего, потому, что взять с них было совершенно нечего. Североамериканские Соединённые штаты с непривычки показались тем самым «железным Миргородом», о котором писал Есенин. Жуткое обилие часто совсем ненужной техники и удивительное провинциальное жлобство тамошних «WASPOв»¹.

Порадовал только Сан-Франциско, «самый европейский из американских городов», слегка напоминающий общим видом родной Владивосток, до которого отсюда было рукой подать — сразу напротив, на той стороне синего, искрящегося мириадами солнечных искр океана.

На пару месяцев задержались на заброшенных золотых приисках Сакраменто, превращённых в увлекательный аттракцион для туристов. Но кому ат-

¹ Английская аббревиатура, обозначающая главные признаки «настоящего американца»: «белый, англосакс, протестант».

тракцион... Туристы за два-три дня получали лишь представление о том, как раньше мыли золото, а если, не пожалев времени, приложить старание, должную сообразительность, да удача поспособствует — вполне можно прилично подзаработать. Долларов пятьсот за неделю — почти наверняка. На сборе апельсинов платят почти столько же, так интерес совсем не тот.

Им и здесь повезло. Кроме трех фунтов песка (а это тысяча триста долларов), в лотках четырежды обнаруживались самородки, самый крупный — в целых пятнадцать унций. Их у друзей администрация выторговала, в рекламных целях, за двойную цену. Загорелые дочерна, небритые физиономии «русских счастливиц» украсили страницы многих газет, не только местных, но и федеральных, и немедленно выросший в разы поток «искателей счастья» многократно окупил все расходы владельцев золотоносного района.

Юрий с Николаем впервые за полгода странствий сняли номер в приличном отеле с видом на Голден-Гейт и тюрьму Алькатрас, отмылись как следует, приоделись, вспомнили, что значит хорошая еда, вволю подегустировали знаменитые вина из долины Напа. Осмотрели все достопримечательности, совершили литературное паломничество в поместье Джека Лондона, к его могиле.

И снова в путь. Так они и оказались в Англии, где снова встал вопрос — что дальше. С одной стороны, формально кругосветка почти завершена, долететь или долететь до России — вот и всё. С другой — ни в Азии, ни в Африке и Австралии друзья ещё не побывали, — значит, неполноценное вышло путешествие. Сейчас они втянулись, всё получается как бы само собой, удача на их стороне. А вернёшься домой —

неизвестно, как дальше сложится. Вроде бы стоит продолжить, тем более — настоящего риска они так и не попробовали. Не считая десятка кулачных драк с достаточно цивилизованными бродягами и обычной шпаной в припортовых кабаках — ничего интересного. Маршрут пролегал по местам почти спокойным, не то что за Периметром. Да, повидали истоки Амазонки, проплыли с индейцами несколько десятков километров на моторной лодке, но это ведь совсем не то, чтобы все четыре тысячи — от Икитоса до самой дельты. Не каждый выживает на этом пути, хотя индейцы там в основном мирные, а от жёлтой лихорадки помогают прививки. Зато они не помогают от зубов смертельно ядовитых водяных змей, когтей ягуаров и пум и бесчисленных, изученных и не изученных пока наукой насекомых.

— Так что, наведаемся к Томми? — спросил Николай, когда они вышли к остановке даблдеккеров¹.

— Почему бы и нет? Всё равно ночевать где-то надо, а название звучит заманчиво...

Заведение они нашли легко. Старинный краснокирпичный дом постройки XVIII века. Внизу таверна, вверху номера. Таверна — большой полутёмный зал с антресолями, даже днём освещаемый бра, стилизованными под газовые рожки. Слева и справа две стойки — за одной подают пиво и крепкие напитки, за другой отпускают горячие блюда и закуски. Выбор небольшой, зато порции огромные, чтобы любой матрос и портовый грузчик насытился на сутки вперёд. Одним словом — не ресторан, а именно «обжорка». Достаточно чисто и немногочисленно, хотя

¹ Даблдеккер — традиционный лондонский двухэтажный автобус.

сильно накурено. Вообще за триста лет каменные стены и дубовые панели пропитались табачным и каминным дымом на фут в глубину.

— А что, вполне экзотично, — оценил Николай, изучая интерьер и одновременно отхлёбывая классический эль из двухпинтовой оловянной кружки¹.

— И главное — дёшево, — поддержал Юрий. — Томми явно изучал политэкономия, понимает, что масса прибыли важнее нормы прибыли. Кстати, где он сам?

Остановленный на бегу бой с четырьмя кружками в руках указал движением головы на невысокого, но плотного мужчину лет пятидесяти, одетого в матросские парусиновые штаны и расстёгнутую кожаную жилетку поверх красной фланелевой рубахи в крупную синюю клетку. Так же, как весь персонал таверны. Мистер Хэмптон стоял возле кабинки кассы, попыхивая длинной прямой трубкой, и что-то втолковывал золотоволосой, удивительно некрасивой девушке. При взгляде на неё русскому человеку хотелось воскликнуть: «Не может быть!»

Бекетов, привстав, помахал ему рукой. Хозяин кивнул и, закончив выговор или инструктаж — издали не разберешь, — степенно подошёл к столику. В данном случае «столлик» — чисто условное, традиционное название, на самом же деле они сидели за массивным дубовым сооружением с колонноподобными ножками и столешницей толщиной в три пальца, сплошь изрезанной ножами десяти поколений посетителей. В одиночку и не поднять. Стулья были под стать, так что в драке использовать предметы обстановки было бы затруднительно. Что, очевидно, и подразумевалось.

¹ Пинта — мера объёма жидкостей. Английская — 0,56 литра, американская — 0,47 л. 2 пинты = 1 кварта.

— Добрый день, господа. Вам у меня понравилось? Чем могу быть полезен?

Юрий предложил ему присесть рядом и, сославшись на букиниста, спросил, может ли он быть полезен именно в их вопросе.

В гимназии, училище и на водолазно-диверсионных курсах Бекетову преподавали отчего-то классический оксфордский английский. Имея лингвистические способности, он научился говорить на нём почти свободно, что теперь доставляло много неудобств не только в Соединённых Штатах, а вообще за пределами аристократической части Лондона и старинных университетов, где он никогда не бывал. Простые американцы, тем более — прочие люди, встречавшиеся им на пути и кое-как владевшие пиджин-инглиш, зачастую его просто не понимали. А перестроиться он уже не мог. Стереотип окостенел. Зато Карташов, практически на слух овладевший диалектом Диксиленда¹, производил комичное впечатление в Лондоне.

Вот и Томми вопросительно приподнял бровь.

— Вы иностранец, сэр?

— Очень заметно?

— Вам бы Шекспира со сцены читать, — уклонился от прямого ответа хозяин. — Здесь это звучит чересчур... возвышенно.

Из этих слов Юрий сделал вывод, что мистер Хэмптон и сам имел образование выше среднего.

— Мы русские. У нас отчего-то все преподаватели — последователи профессора Хиггинса². Счита-

¹ Диксиленд — разговорное наименование южных штатов САСШ.

² Хиггинс — герой пьесы Б. Шоу «Пигмалион», профессор лингвистики. У нас более известен по киномюзиклу «Моя прекрасная леди».

ется, что изучать просторечный английский — профанация. Мой, например, говорил: «Я вас учу разговаривать хорошо. Плохо вы и так сумеете».

— Что-то в этом есть. Но обычные люди всё равно будут думать, что у вас не в порядке с головой или вы над ними издеваетесь.

— Это их проблемы, — достаточно резко ответил Бекетов, решив, что хозяин уходит от ответа по существу. — Мы друг друга понимаем, этого пока достаточно.

— Вы очень торопитесь? — спросил Хэмптон, видимо расположенный к разговорам на отвлечённые темы, как многие кабатчики.

— Совсем нет. Можем и подождать, если есть перспективы. Но ждать у моря погоды...

— Простите?

— Это такое русское выражение, возможно, я его не совсем точно перевёл...

— Нет, неплохо. Я вдумался — достаточно образно. Постараюсь вам помочь. Но несколько дней подождать придётся. Надеюсь, погода будет хорошая...

Хэмптон пригласил их к себе в кабинет только на пятый день, после ужина. Американские деньги уже были на исходе, и друзья начали задумываться — искать какой-нибудь заработок или плюнуть на ЮАС и идти наниматься на ближайший пароход до Петрограда или Архангельска.

— Ну вот, джентльмены, — сказал Томми, доставая из секретера литровую бутылку. — По правде говоря, причитается с вас, но я не мелочен. Кое-что я для вас подыскал. Вы за политикой следите?

— Да не так, чтобы очень. Что-нибудь случилось? — осведомился Юрий, вертя в руках стаканчик и пытаясь по запаху угадать, хорошее Хэмптон выставил виски или так себе.

— Давайте выпьем за то, чтобы мое предложение вам понравилось. Вы с водой, со льдом или, как у вас говорят, «напрямую»? — Последнее слово он произнес по-русски, почти без акцента. А чему удивляться — наследственный владелец таверны в портовом городе должен быть знаком, хотя бы поверхностно, с языками большинства «морских» стран.

— Зачем добро портить? — задал риторический вопрос Николай.

— Всегда что-нибудь случается, — философски ответил Хэмптон не ему, а Юрию. — Сейчас, например, дело пахнет крупными конфликтами, если не войной...

— Да что вы говорите, — делано удивился Юрий. Он, конечно, газеты просматривал и у дальновизора в холле второго этажа по вечерам останавливался новости послушать. Как же странствовать по миру, не зная, что в нём творится? И обострение международной обстановки отмечал не по-обывательски, а как специалист. — Кого с кем, если не секрет? У нас в России в прошлом году были кое-какие беспорядки, особенно в Привислянском крае, который здесь у вас до сих пор называют Польшей, но всё давно закончилось. Едва ли кто-нибудь на ТАОС извне напасть осмелится.

— Завидую вашей уверенности и романтической наивности. Это я без всякой задней мысли говорю. Только весьма романтические люди, вроде вас, вашего друга и многих великих путешественников прошлого, их имена вам известны, способны на бескорыстные подвиги и лишения ради возвышенной идеи, сколь бы странной она ни казалась окружающим. Жаль, что приходится вас разочаровывать. На самом деле и внутри ТАОС масса внутренних проблем, чреватых самыми печальными послед-

ствиями. Вы и о том не знаете, что российский «император», — этот титул Хэмптон произнес с откровенной иронией, — не так давно денонсировал все договора и соглашения о членстве в Союзе?

— На самом деле? — делано удивился Бекетов. — И зачем ему это потребовалось?

Разумеется, он всё знал давным-давно, но раз уж начал играть в такого Паганеля, так отступать поздно.

— А вы зайдите в любую библиотеку и почитайте серьёзные газеты за последние полгода. Узнаете много нового и интересного. А мне вас просвещать просто нет времени. Мы ведь о другом собрались говорить?

Друзья согласно кивнули.

— Ну вот. Я могу помочь вам попасть в Южную Африку. Не только совершенно бесплатно, но и с перспективой очень прилично заработать...

— Я весь внимание.

— Вы знаете, что в ЮАС существует русская колония, достаточно процветающая? Она насчитывает несколько тысяч человек, занимающихся сельским хозяйством, добычей золота и алмазов, многими другими выгодными делами. Кое-кто из русских достиг очень больших вершин. За исключением некоторого числа индивидуалистов, тех, что имеют бизнес в крупных городах, остальные достаточно компактно проживают в нескольких поселениях на северо-западе, как раз там, где располагаются залежи известных полезных ископаемых...

— Примерно в районе Кимберли? — проявил эрудицию инженер Карташов. О своей специализации он не распространялся. Инженер — и достаточно. Сама по себе принадлежность к этому сословию ставила человека очень высоко в цивилизованном

мире, и уж тем более — на окраинах Ойкумены, как во времена, описанные в романах Жюль Верна.

— Ещё западнее, вплоть до устья Оранжевой реки, пустыни Намиб и Берега Скелетов. Там люди становятся миллионерами за несколько сезонов, не без риска, конечно.

— Это понятно, — согласился Николай. — Приходилось слышать, — и снова замолчал, ожидая, что ещё скажет вербовщик. Именно так он и Юрий тоже начали воспринимать мистера Хэмптона, Томми. Не зря его таверна числится «сомнительным местечком».

Действует хозяин по методике, отработанной ещё в XVII веке, да нет, пожалуй, намного раньше. Наверное, так же, с незначительными нюансами, пополняли ряды авантюристов, наёмных солдат и матросов, а то и рабов ещё древние финикийцы.

— В связи с нынешними осложнениями международной обстановки на границах свободного мира активизировались всевозможные враждебные ему силы...

— «Чёрный интернационал»? — спросил Бекетов.

— Он само собой. Но не только. Всякие любители лёгкой наживы из многих стран мира. Золото и алмазы ведь очень ликвидный товар, особенно в последнее время. Прибрежные пираты со всей Африки, «охотники за головами» с совсем диких территорий севернее двадцатой параллели тоже. Люди в европейских сеттльментах приграничья встревожены. Ваши соотечественники в ЮАС, о чём мы и говорим, тоже. Им нужны не только работники, специалисты, но и бойцы. Ещё точнее — молодые, сильные мужчины, которые могут быть одновременно и тем, и другим, и третьим. Как первопоселенцы или ваши

«казаки». И, как вы понимаете, они предпочитают нанимать преимущественно «своих». Это понятно?

— Чего тут не понять? — ответил Юрий.

— Судя по всему, вы идеально удовлетворяете условиям. Не хотите попробовать?

Друзья переглянулись. Почему бы и нет, в конце концов? Именно — попробовать, никакими излишними обязательствами себя не отягощая. Получить ещё кое-какие новые впечатления и удалиться по-английски, когда станет скучно. Приключение как раз в стиле...

— Имейте в виду, само по себе согласие вас ни к чему не обязывает, — словно прочитав их мысли, сказал Томми. — Я и такие, как я, содержатели бордингхаусов¹ по всему миру — вы правильно догадались — занимаемся, кроме всего прочего, и вербовкой людей. Моряков на пароходы, работников в «проблемные места и страны», охранников, «белых наёмников»... Ну, вы понимаете. В вашем случае я имею заказ от рекрутагентства «Данилов и партнёры» в Кейптауне.

— Чего тут не понять? — Николай, постоянно общаясь с моряками, своими и иностранными, знал об этой составной части всемирной морской субкультуры достаточно. Мафия не мафия, но довольно близко.

— И какие предлагаются условия?

¹ Первоначально, в XIX веке — нечто вроде гостиниц-приютов для отставших от своих кораблей или потерявших трудоспособность моряков. Постепенно они превратились в часть международной системы, объединяющей эти и многие другие функции, в том числе подобие отделений неофициальных профсоюзов моряков, бирж труда, вербовочных пунктов, а также «крыш» для всевозможных незаконных видов деятельности: контрабанда и т.п.

— Для вас достаточно выгодные. Доставка на место за счёт заказчиков. Подъёмные — по сто фунтов на человека здесь. На месте оплата в рандах, они вполне конвертируемые. О конкретных должностях и жалованье будете договариваться с работодателями сами. Опасаться вам нечего, если у вас с документами всё в порядке. Сейчас не Средние века, а ЮАС — цивилизованное правовое государство. Посмотрите сами, что вам предложат. Если ничего из предложенного вам не подойдет, устройтесь на любую работу, вернёте подъёмные — и свободны.

— Действительно, выглядит просто и прозрачно. А в чём подвох? — спросил Бекетов.

— Считаете — обязательно должен быть?

— Иначе я не вижу особого смысла в этом мероприятии для его организаторов. Для вас в том числе.

Хэмптон рассмеялся совершенно натурально.

— Приключенческих романов начитались? Всё очень просто. ЮАС — на краю света. Рынок квалифицированной рабочей силы там очень ограничен. Тем более — с учётом национального признака. По объявлениям в российских газетах мало кто согласится поехать практически в неизвестность. «От добра добра не ищут», так у вас говорят?

Юрий снова подивился эрудированности трактирщика. Впрочем, разве сам знает меньше английских пословиц, поговорок и идиом? Странная черта русского человека — удивляться, если иностранец знает его язык, литературу и, тем более, историю. А ведь вроде бы Россия уже больше двухсот лет равноправный член мирового сообщества.

— Открывать собственные вербовочные пункты по всей вашей стране, — продолжал Хэмптон, — дорого и не гарантирует быстрого результата. А у нас развитые структуры по всему миру, огромный опыт, транспортные возможности. Эмигранты — более

сговорчивый народ, укоренённые аборигены. Скажу вам честно, только моя контора в этом году уже отправила туда больше ста человек...

— В Лондоне столько русских, которым нечем больше заняться? — удивился Карташов.

— Не только в Лондоне. Королевство достаточно велико, а вы так вообще появились у меня проездом из Америки. Но, по-моему, мы говорим уже слишком много и долго. Посмотрите контракт. Устроит — подписывайте. Нет — «на нет и суда нет», — это опять по-русски.

Бекетов взял протянутую бумагу. Всего две страницы, параллельный перевод, штамп нотариуса, подтверждающий аутентичность¹ текстов на русском и английском. Вместе с Николаем читали внимательно, водя пальцем по строчкам, выискивая скрытый смысл. Но ничего не заметили. Никаких примечаний мелким шрифтом, иногда коренным образом меняющих смысл, и прочих «подводных камней». Всё просто, ясно, прозрачно.

«Настоящий контракт заключен между _____ и Конгрессом русских общин ЮАС, далее именуемым «работодателем», представляемом в данном случае фирмой «Данилов и партнёры лимитед»² о нижеследующем...

В случае отказа от любой предложенной полномочными представителями Конгресса вакансии настоящее соглашение считается расторгнутым после возвращения _____ стоимости проезда и подъ-

¹ Аутентичный — равнозначный, имеющий одинаковую юридическую силу.

² Limited (англ.). — общество с ограниченной ответственностью, т.е. отвечающее по своим обязательствам только в пределах уставного капитала.

емных с неустойкой в десять процентов от общей суммы. Никаких иных взаимных обязательств стороны не несут. Претензии и могущие возникнуть споры подлежат рассмотрению у мирового судьи по месту нахождения центрального офиса Конгресса, в г. Блумфонтейн.

Подписи сторон, реквизиты, дата, место подписания».

В положенной графе уже стояла подпись представителя фирмы, некоего г-на Малеева, и оттиск солидного вида печати.

— Действительно, придаться не к чему, — согласился Юрий. — Допустим, мы подпишем, что дальше?

— Подождёте неделю или две, пока не соберётся партия волонтеров, и отправитесь. Не по одному же вас возить.

— Велика ли партия?

— Двести человек. Меньше — для меня нерентабельно. Но вы не беспокойтесь, желающих достаточно, почти половину мы уже набрали. Думаю, две недели — крайний срок. Тем более, вы никуда ведь особенно не спешите? Как только подпишете, ваши финансовые затруднения кончатся...

— Не боитесь, что сбежим с авансом? — поинтересовался Николай.

Хэмптон рассмеялся:

— Уж настолько я в людях разбираюсь. Иначе бы давно разорился. Тем более — вы сейчас вот сюда внесёте данные своих паспортов. Они у вас, насколько я разбираюсь, настоящие.

— Ладно, оставьте нам бумаги, — согласился Юрий. — Мы ещё подумаем. Если подпишем — принесём.

...Наконец, когда уже надоело ждать, Хэмптон предупредил, чтобы к вечеру все были готовы. Пароход отходит из Тилбери около полуночи. Самолётом бы, конечно, лучше. Дней пятнадцать минимум болтаться в океане — то ещё удовольствие, причём явно не в каютах первого класса. Но выбирать не из чего.

Таких, как они, в заведении Хэмптона квартировало уже до двадцати человек. Остальные, по его словам, подъедут из других мест прямо в порт. Далеко не все оказались русскими, едва не половина — просто славяне самых разных национальностей, более-менее владеющие русским языком. Это и был, похоже, основной критерий. И ещё возраст — редко старше тридцати. Кроме того, куратор или как бы староста их группы, назвавшийся Славой Сотниковым (именно так), составляя списки и проездные документы, настойчиво интересовался службой в армии. Где, когда, в каких войсках, специальность и прочее. Юрий с Николаем на всякий случай назвались младшими унтер-офицерами срочной службы, один пехотинец, другой — сапёр. В общей массе особо не выделяются, но и не рядовые всё-таки.

Когда стало совсем темно да вдобавок в лучших лондонских традициях опустился почти непроглядный туман, всю их компанию погрузили в не слишком комфортабельный, но просторный автобус. Все поместились с вещами. Это у Юрия с Николаем было с собой по небольшому рюкзаку (чтобы руки всегда оставались свободными), а другие тащили не только сумки, но баулы и чемоданы. Как же — люди намеревались серьёзно обустроиваться на новом месте.

До причалов Тилбери добирались почти два часа из-за того же тумана.

Суда у пирсов стояли плотно, пришвартованные борт к борту, и до своего пришлось идти через огромные, пустые грузовые палубы двух автомобильных паромов, в ближайшее время в море выходить явно не собиравшихся. Стук многих шагов гулко резонировал между подволоком и стальными переборками, тускло светили неравномерно, через две-три, включенные плафоны, сильно пахло мазутом и мокрым железом. Мрачновато, в общем, особенно для тех, кто попал в такую обстановку впервые.

По горизонтальному трапу, переброшенному между лацпортами¹ над широкой щелью, где плескалась невидимая вода, перешли на предназначенное для них судно. Снаружи увидеть его так и не пришлось.

Прибывших встречали два матроса в темно-синих робах, похожих на те, что носят на российском военном флоте. Юрий с Николаем молча переглянулись. Их спутники на эту деталь внимания не обратили. Узкий, сплошь металлический коридор, выкрашенный серым, вывел в просторное межпалубное пространство, расположенное, судя по всему, на уровне ватерлинии, вытянутое вдоль диаметральной плоскости. Иллюминаторов в бортах не имелось. Очень это было похоже на трюмы, в которых перевозят солдат большие десантные корабли и военные транспорты.

Вдоль бортов трехъярусные койки, застеленные пробковыми матрасами, такие же подушки и свернутые одеяла. Никакого белья. К палубе привинчены четыре длинных металлических стола, каждый

¹ Лацпорт — вырез в борту или корме судна (корабля), предназначенный для погрузки и выгрузки, постановки мин и т.п. На походе закрываются герметичными крышками или дверями.

мест на десять. Спальных мест почти столько же, навскидку — около пятидесяти. Вот и вся обстановка. Освещение хорошее, воздух свежий — под потолком гудят мощные, но не очень шумные вентиляторы. Первой партии, в которой оказались и Бекетов с Карташовым, приказали размещаться здесь, остальных повели дальше, через вторую дверь с высоким комингсом, явно водонепроницаемую. Повезло друзьям с размещением или наоборот, предстояло ещё выяснить.

Будущие колонисты недовольно зашумели, наверняка представляли условия перевозки несколько иначе. На самом же деле — вполне пристойно. В былые времена, даже и в XX уже веке, эмигрантов из Европы в Америку и Австралию возили в совершенно скотских условиях, в наскоро приспособленных трюмах первых попавшихся пароходов или в четвёртом классе пассажирских лайнеров, то есть в тех же плавказармах. Причём без кормёжки, что с собой взяли, тем и питались. Здесь-то кормить наверняка будут, иначе Томми предупредил бы. Бекетову не понравилось совсем другое.

Не успели ещё все прибывшие разобраться по местам, многие растерянно толпились у самого входа, как в дальней (носовой, как сориентировались бывалые моряки) переборке открылась ещё одна стальная дверь. Из неё появился человек в такой же робе, как матросы у трапа.

Этот сразу начал кричать хриловатым голосом по-английски в висевший на шее электромегафон:

— Эй, парни! Быстро двигайтесь. Сюда, в мою сторону. Тройками, сюда, ко мне, направо-налево. Одна за одной. Быстрее, быстрее, не толпиться, задумываться потом будете, выйдем в море — времени хватит. А сейчас — до отхода два часа, а вас нуж-

но разместить чёртову уйму! Все вопросы потом, проходите и размещаетесь.

Этот человек, больше всего похожий на боцмана, скорее военного, а не гражданского, не произнёс пока ни одного грубого слова, но выражение лица и интонации намекали, что в случае чего за этим дело не станет, и не только за словами.

Николай хотел было двинуться вперёд, но Бекетов придержал его за рукав.

— Обожди. Дальше не пойдём, — он бросил свой рюкзак на третью от входа нижнюю койку, сел, указал товарищу на соседнюю. Возбуждённые всем происходящим, несколько даже напуганные и подавленные несовпадением воображаемого с действительностью (как будто на самом деле ожидали, что их повезут на круизном лайнере), иммигранты потянулись в глубь кубрика.

— К выходу ближе, — он указал Николаю узкий трап на левой торцовой переборке, — всегда спокойнее.

Трап заканчивался не люком, а узким тамбуром с небольшой овальной дверью.

— Что, ребята, — спросил тоже не пошедший дальше, крепко сбитый, непропорционально широкоплечий парень лет двадцати восьми, наверное, с коротким рыжим ежиком волос. В таверне они его за всё время пребывания не видели, — не в первый раз на коробке?

Юрий неопределённо дернул плечом, всматриваясь в желтовато-зелёные глаза. Спокоен, уверен в себе и, пожалуй, добродушен. Как бы тоже не бывший морпех, или просто флотский, не ниже, чем сверхсрочный унтер. Не озирается удивлённо, как другие, всё вокруг знает и понимает, непоколебимо уверен в себе.

— Мы с вами, если не против. — Парень оттолкнул кого-то, нацелившегося занять место возле Карташова, присёл. — Ваня, Саня, сюда, — указал на второй ярус двум очень похожим на него и друг на друга ребятам, года на три-четыре моложе. Те послушно взобрались наверх. — А третий ярус — для салаг и дураков, — философски сообщил он.

— Братья, что ли? — осведомился Юрий.

— Близнецы. Меня Егором зовут. Кузнецовы мы. Бекетов назвал себя и Николая.

— Будем вместе держаться, не против? — почти утвердительно сказал Егор, отказа его тон как бы не предусматривал. Точно — унтер, боцманмат, а то и боцман¹.

— А чего ж — против? В компании веселее.

— Где б тут покурить? — полез в карман новый знакомец.

— Небось укажут. И где курить, и куда травить, как в море выйдем.

— Точно, братишкá, — обрадовался Егор. — Я на ЧФ служил, нá крейсере «Адмирал Лазарев», старшиной трюмного дивизиона живучести. Два года, как уволился.

— А Ваня-Саня?

— Территориалы, — пренебрежительно махнул рукой старшина. — Батя у нас сильно болел тогда, а воинский начальник — его кум. Вот и оставили в уезде, в комендантской роте. Вы сами из каких?

¹ Боцманмат — на русском и германском флотах звание строевого унтер-офицера первой статьи. Боцман — звание и одновременно должность строевого фельдфебеля. На больших кораблях боцманы и старшие боцманы могут носить звание кондуктора.

— Тихоокеанцы. Я — морпех, ротный фельдфельд, Коля — электрик с БДК.

— Пойдёт дело, — обрадовался Егор, — выпить за знакомство не желаете? У нас есть.

— Да и у нас тоже. Только не спеши, успеется.

В течение следующего часа кубрик набился под завязку. Несмотря на вентиляцию, отчётливо потянуло густым казарменным духом. Во многих местах сразу закурили. А чего бояться? Того боцмана, что ли? Что он сделает полусотне мужиков, ему никак не подчинённых.

Чтобы сразу начать ориентироваться в обстановке, Юрий предложил «пройтись по округе», посмотреть, что здесь как и почём. К друзьям присоединился Егор, а молодых оставили присматривать за вещами.

За левой дверью, ведущей в корму, располагались гальюны на три десятка мест (явно общие на несколько кубриков), разделённые на секции по пять традиционных на всех флотах унитазов типа «Генуя», длинные, сразу на полсотни человек умывальники и всего шесть душевых кабинок. Бойлерная с холодной пресной водой и кипятком (в душе и умывальниках вода пока из опреснителей, мерзкая на вкус, а на походе будет забортная, штатским наверняка не понравится). И еще вдоль переборок несколько задраенных дверей, в палубе четыре окружённых высокими комингсами люка, ведущих в низы, три почти отвесных трапа к большим, снабжённым кремальерами крышкам в подволоке. Такие же люки и трапы наверх имелись и в кубрике.

Через узкий и длинный поперечный коридор, проходящий, скорее всего, над турбинным отделением, исследователи попали во второй кубрик, такой же, как у них. Два трапа на площадке посередине

не коридора вели в жилые отсеки, переделанные, по словам Николая, из снарядных погребов для казематов противоминной артиллерии. Тем, кого направили сюда, совсем не повезло: через переборки гул машин и вибрация ощущались гораздо сильнее, и воздух казался более спёртым. Но это уже психология — чем отсеки ниже под ватерлинией и теснее, тем отчётливей проявляются симптомы клаустрофобии даже у привычных людей.

— Грамотно место выбрал, — похвалил Егор Бекетова, когда они вернулись к себе. — Если что — выскочить успеем.

— Что — «если что»? — с интересом спросил Николай.

— Торпеда в борт или мина. Не слышал, что ли, про подводные лодки?

— Так те, как у нас писали, вроде английские и были?

— Мало что пишут. Да если и так. Тот раз английские, сейчас чьи-то другие могут объявиться. Кстати, неизвестно, под чьим флагом мы сейчас идём...

Они расположились за столом прямо напротив своих коек. Егор выложил из матросского парусинового чемодана литровую алюминиевую фляжку, кое-какую закуску на расстеленную газету. Все люди опытные, не англичане, чай. У всех привычный русскому человеку дорожный НЗ — копчёная колбаса, сало, сыр, крутые яйца, вместо хлеба — ржаные галеты, у братьев даже куры-гриль, зажаренные на кухне таверны перед самым отправлением. Имелись и консервы, но это уже совсем на крайний случай. Чай, сахар — само собой.

Народ, кто поопытней, привычнее к жизненным коллизиям, кроме самых слабохарактерных, уже разбивался на компании, знакомился, определялся,

кто с кем будет дружить и «вместе кушать», — без этого нельзя. Одиночкам везде плохо.

Вдруг объявился неизвестно где пропадавший Слава Сотников, то бывший как бы «организатором» группы, а теперь объявивший, что назначен на весь переход старостой кубрика, и все возникающие вопросы и претензии следует решать только через него. Похоже, он не первый состав завербованных сопровождал — распоряжался умело, конкретно, при этом вежливо, пожалуй, даже уважительно. А попробовал бы иначе...

Сотников если и был русским, то местным уроженцем, акцент характерный ощущался. Он рассказал о распорядке дня, правилах поведения и безопасности, показал, где хранятся спасжилеты, каким образом выбегать на палубу, в какие шлюпки садиться. Всё, как положено.

— Наверх выпускать будете? — выкрикнул кто-то с другого конца стола.

— Обязательно. Завтра с утра. По очереди. На палубе всем сразу места не хватит.

— А какими-нибудь дисциплинарными правами ты располагаешь? — с места выкрикнул Юрий, входя в роль битого жизнью, слегка приблатнённого парня, которую решил исполнять хотя бы до прояснения обстановки.

— Какие права? — заулыбался Слава. — В карцер вас не посадишь, уже сидите. Галюны драить и так и так придётся. Просто вот тут, — он достал из кармана бумажку, — я её сейчас на переборку наклею, перечислены все действия, которые на переходе не разрешены, и суммы штрафов за каждое. Чем вас ещё проймёшь? А на берегу баланс подведут, и к общей сумме аванса приплюсуют. Кормёжка тоже за плату, под запись, из судового матросско-

го котла. Сытно и недорого. Имеется судовая лавочка — курево, даже выпивка, нитки-иголки и всё такое прочее. Как везде.

За курение вне специально отведённых мест, к примеру, — провел староста пальцем по строчке «прейскуранта», — штраф пять фунтов или двенадцать рандов. За дебош в пьяном виде — двадцать пять фунтов и ещё карцер, если с дракой и телесными повреждениями...

Бекетову показалось, что сказал он это с плохо скрываемым удовольствием.

— А стукачи, бывает, до конца срока не доживают. Закон... — пробасил весьма веско звучащий голос с одной из коек. Откуда — Юрий не заметил, но решил взять на заметку присутствие в команде такого «законника». Глядишь — и пригодится.

— Столкновение двух и более законных интересов, — рассудительно сказал староста, — называется «правовой коллизией». Постараемся находить разумные компромиссы. Зря стучать никто не будет, кому это нужно?

— Чтобы штрафов побольше намотать, — ответил тот же голос.

В положенное время машины загудели по-настоящему, пароход начало покачивать, и довольно ощутило. Значит, вышли из устья Темзы в Северное море.

«Часов через четыре-пять, — прикинул Бекетов, — должны сворачивать почти на восемь румбов вправо, если правда в Атлантику направляемся...» Куда и зачем их могли повезти ещё, он не представлял, но с момента посадки на судно испытывал непреходящее чувство тревоги, вообще какой-то неправильности происходящего.

Большинство обитателей кубрика уже спали,

день выдался длинный и нервный. Гулкий металлический объём заполнил многоголосый храп. Яркий свет погас, остались только синие плафоны у трапов, дверей и люков.

Бекетов с Егором легли головами друг к другу. Так можно перешёптываться, из-за работающих движков, прочих сопровождающих идущее судно звуков с трёх шагов никто ничего не услышит. Да и некому подслушивать, рядом и сверху свои.

— Не нравится мне это дело, — сказал старшина, будто угадав настроение Юрия.

— И мне не особенно. Только паниковать рано.

— А кто паникует? Присмотреться надо. Давай прогуляемся. В галльон давно пора, покурим, перетрём...

— ...Я так соображаю, — говорил Егор, опершись спиной о переборку и посматривая в коридор, — везут нас на военном транспорте. С военной командой. Вопрос — почему и зачем?

— Это как раз не первый вопрос. У англичан с юасовцами тесный комплот, те до сих пор британского короля за главу государства признают, а собственный премьер — только глава правительства. Договора имеют о дружбе и взаимопомощи, вполне могли на попутный транспорт нашу бражку принять. Опять же, откуда мы знаем, чья это коробка? Может, как раз южноафриканская. Мне другое не нравится — обращение. Похоже, будто мы в Иностраннный легион записались. Пока начальники ведут себя прилично, а в океан выйдем — объяснят, что почём. И куда денешься?

— Слышал я про такое. В натуре, завербованных переселенцев по-другому возят. Пусть хуже, но по-свободнее. Никто бы в низы с палуб не загонял, что

я, не знаю, что ли? И двери все задраены. Будто и вправду война.

— Вот-вот. Мне Хэмптон на что-то намекал. А если война — то с кем, кроме как с Россией? То-то и оно. И зачем мы в этом случае англичанам?

— Ладно, хватит самих себя заводить, — бросил окурок в железную коробку с песком Егор. — Давай лучше здесь оглядимся. Ты на подстраховке, а я полезу... — он указал на малоприметную овальную крышку люка между последней кабинкой гальюна и траверсной переборкой. — Как я соображаю, за ней коффердам¹. Куда-нибудь он выведет, — и вытащил из кармана цилиндрический аккумуляторный фонарь в герметичном корпусе. На память со службы старшина прихватил. Бекетов знал, что светить такой фонарь может часов десять. И от судовой сети с почти любым напряжением подзаряжается.

— Сходи, поаккуратнее только.

Кому же ещё, как не трюмному старшине, разбираться, как и куда можно проникнуть по стальным лабиринтам, неизвестным даже большинству судовой команды.

— Сейчас, — Егор разулся, разделся до трусов.

— Эй, ты чего?

— А ты по трюмам когда-нибудь лазил? Вернись — посмотришь. Шмотье у меня не казённое, другого не выдадут.

Юрий прикрыл за Егором крышку, на всякий случай снял с предохранителя прихваченный из

¹ Коффердамы — узкие водонепроницаемые помещения (продольные и поперечные) на судах между бортами и внутренними отсеками, палубами, топливными цистернами и т.п. На военных кораблях служат дополнительной защитой от снарядов, иногда заполняются негорючими и разбухающими от воды материалами.

сумки пистолет, сунул сзади под брючный ремень. Присел на край рундука с огнетушителями (кстати, в случае чего и они как оружие могут сгодиться), снова закурил, стал ждать.

Старшины не было долго. Несколько раз заходили в галюн сонные мужики, не замечая Юрия, скрывающегося, заслышав стук шагов, в ближайшей душевой кабинке. Не выдержав гнёта неизвестности, пришёл и Николай. Стали ждать вместе, от нечего делать перебирая самые разные варианты ближайшего и отдалённого будущего. В том числе — как быть, если старшина не вернётся из разведки?

На этот раз он вернулся. Вылез, действительно перемазанный от рыжей макушки до пальцев на ногах ржавчиной, мазутом, ещё какой-то дрянью, замерзший и злой. Матерясь, направился в душ.

— Давайте, в две мочалки драйте, чтоб до утра управиться...

Управились даже раньше, хотя повозиться пришлось. Николай сбегал за фляжкой, заодно проверил обстановку. В кубрике было, условно говоря, тихо. Не считая храпа, сопения, сонного бормотания и прочих ночных звуков. Люди то и дело вставали, возвращались, отсутствие на месте трёх человек никого не интересовало. Даже близнецы спали, как дома.

— Тёмное дело, братцы, — сообщил Егор, как следует приложившись к горлышку и нашаривая в пачке сигарету. — На крейсере мы, и везут нас действительно хрен знает куда...

— Да брось, — не поверил Николай. — Откуда на крейсере такие кубрики? Свободные, на двести человек. Там людей где придётся рассовывают, штатный экипаж, бывает, по очереди в подвесных кой-

ках спит, и в батарейной палубе, и в торпедных отсеках...

— Кого учишь? — возмутился старшина. — Не веришь — сам сходи, — и начал рассказывать.

Через коффердам он добрался до вертикальной шахты и по скобтрапу спустился не в грузовой трюм какой-нибудь, а к поперечному мостику над полуоткрытыми тоннелями дейдвудных валов. Место показалось знакомым.

— Налево — трап, один или два марша до штормового коридора, а он упирается в румпельное отделение, так? — перебил его Николай.

— Точно, — слегка опешил Егор. — А что справа, угадаешь?

— Чего угадывать? Судя по твоей усмешке — подбашенное отделение. Снарядное или перегрузочное, смотря до какой палубы ты добрался. Только оно должно быть задраено...

— Хрена — задраено. Гулял я там, как по Приморскому бульвару. Было подбашенное, точно, а сейчас хрен знает что. Электромоторы какие-то, кабелей чёртова уйма, ящики всякие. Я выше поднялся, до зарядного и второго перегрузочного. Элеваторы демонтированы, везде сплошная электрика и электроника. Тебе бы посмотреть. Людей — никого. Дальше я не пошёл, голоса услышал. Вниз спустился до погребов главного калибра. Туда не полез. Со второй башней — то же самое. Хотел на верхнюю палубу выбраться, поглядеть, как там. Нет, передумал. Времени много прошло, и любая везуха — не бесконечная. Теперь давайте соображать, что к чему. Ты ведь, Николай, темнишь. Не электрик ты рядовой. Каплей, не иначе, по механической части. Только меня это не касается, чего под матроса косишь. Я в чужие дела не лезу.

Егор снова приложился.

— Думать — информации маловато, — ответил Николай, как бы пропустив слова старшины мимо ушей. — Мне бы вправду самому посмотреть. А пока что — ну, бывший крейсер. Имелись две кормовые башни главного калибра. Какого — неизвестно. Валов сколько?

— Четыре...

— Половину вариантов долой, но и оставшихся полно. Электроники, говоришь, много. Может, под ПВО перестроили, может — под корабль управления... Пошли спать. Утром наверх выпустят — посмотрим. Времени если хватит, завтра вместе прогуляемся.

Днём ничего интересного узнать не удалось. После завтрака, чисто английского, начали выпускать «на прогулку». По двум трапам сразу. Вышли на подобие не очень широкой, но длинной, почти до мидельшпангоута, лоджии. Военному моряку понятно, что под «прогулочные дворики» использовали казематы нижних плутонгов скорострельной артиллерии. Пушки демонтированы, а рельсы для снаряженных беседок от горловины подачи до орудий остались. И, похоже, для чего-то используются и сейчас. Борта от верхней палубы до уровня бывших орудийных портов срезаны, получились просторные, открытые наружу твиндеки¹, тридцать метров в длину, четыре в ширину (Карташов шагами измерил). Если в другое время бывший крейсер десантников перевозит, можно здесь их тяжёлую технику размещать.

¹ Твиндек — пространство внутри корпуса судна между двумя палубами. При наличии нескольких палуб различают верхний, 2-й, 3-й и т.д. твиндеки.

Удобно, а вон и петли имеются, чтобы борта вровень с палубой наружу откидывать, вместо аппарели.

«Крейсер» шёл на юг, солнце, поднявшееся невысоко, светило слева в просветы туч, и Николай в какой-то момент увидел на почти штилевой воде отчётливую тень корабля. Увидел и протяжно присвистнул.

Различались две прямые трубы, массивная надстройка фок-мачты, две линейно-возвышенных башни на полубаке. Скорее всего — лёгкий крейсер типа «Фиджи». Но вот во что он переделан? Различаются какие-то бесформенные, но явно массивные конструкции на корме, между грот-мачтой и трубами. Если не фермы кранов для подъёма и спуска на воду гидросамолётов или торпедных катеров, тогда — антенны радиолокаторов?

Интересная конструкция. Карташов внимательно следил за всякими новинками в военном кораблестроении, но материалов о перестройке «Фиджи» или близких по типу кораблей в нечто подобное он не встречал.

Их «крейсер» на несколько румбов подвернул влево, и впереди в десятке кабельтовых стал виден кильватерный строй из трёх настоящих, без кавычек, лёгких крейсеров типа «Тайгер». Николай успел их хорошо рассмотреть, пока после очередной смены курса они не исчезли из поля зрения.

Ясности новая информация не прибавила. По-прежнему можно было считать, что организаторы перевозки достаточно влиятельны, чтобы использовать британскую эскадру в качестве попутного транспорта. Возможно, и на трёх остальных крейсерах кубрики и трюмы забиты тем же грузом. Что, англичанам привыкать рабов, переселенцев и солдат по всему миру доставлять, из метрополии в коло-

нии и наоборот? Но всё равно непонятно — отчего именно русские им потребовались? Заявленная цель — усиление русской колонии на юге Африки — в свете надвигающейся войны не выглядит хоть насколько-то убедительной.

— Разве что, как только война начнётся, нас тут же объявят интернированными и заставят либо, как настоящих рабов, пахать бесплатно и бессрочно, либо...

— Что — либо? — спросил Егор, старательно морщивший лоб, пытаясь наглядно представить эту перспективу.

— Либо им мы нужны для другого, но именно в своём русском качестве...

— Что-то слишком сложная схема. Ты ещё скажи, что вся контора Томми, эти контракты и прочее созданы только что и именно на этот случай... — усомнился Карташов.

— Почему бы и нет? Вы вот как на крючок попали? — спросил Юрий братьев.

— Да как? Перебивались в Ипсуиче случайными заработками, ждали okazji в Австралию отправиться...

— Чего вдруг? — удивился Николай. — Дома что, не нравилось?

— Да так, мир посмотреть, денег зашибить, там, говорят, вчетверо больше, чем у нас, платят, — несколько уклончиво ответил Егор. — А тут в русской газете объявление прочитали. Ну и подумали — почему нет? Начнём с Африки, дальше видно будет...

— Давно перебивались? — испытывая всё больший интерес, продолжил расспросы, плавно переходящие в допрос, Бекетов.

— Четвёртый месяц уже. Парни говорили, на иностранцев, что не из стран «содружества», квоты

раз в полгода выделяют. Вот мы и наведывались каждый месяц в консульство...

— И за четыре месяца первый раз такое объявление попало?

— Первый...

— Вишь, как интересно? Не звали, не звали, и вдруг... А Хэмптон болтал, что давно с юасовцами работает. Ну ладно, закончили, а то к нам уже прислушиваться начинают...

Следующую ночь на рекогносцировку во внутренних крейсера отправились уже вдвоём, Егор и Николай. Старшина знал только свой крейсер, да и то от киля до ватерлинии, выше — не его заведование. Карташов же в корабельной архитектуре и топографии разбирался досконально и уверенно ориентировался там, где терялся Егор. А растеряться было немудрено, и на своём корабле матрос начинает уверенно ориентироваться в низах только на второй год службы. А это был чужой, совсем другой конструкции и даже технической культуры.

За три часа они облазили кормовую часть до самого верха, Николая очень интересовали непонятные приборы, которыми были забиты оба подбашенных отделения. Исследователи передвигались босиком, по тем проходам и шахтам, где обычные моряки бывают только в случаях острой необходимости, так что неожиданных и безусловно неприятных встреч можно было не опасаться.

В каптёрке между кормовыми машинным и котельным отделениями обнаружилось несколько стопок рабочей робы, и они с удовольствием приоделись. И теплее, и собственная кожа целее будет, а главное — попадись на глаза здешним трюмным, издали за своих примут. Вот голые люди немедленно

вызовут сначала удивление, а тут же и тревогу, но никак не моряки в «синем рабочем», пусть и в неположенном месте. Просто, заметив кого-то из экипажа, нужно быстренько, но без паники срываться. Любой матрос, попавшийся на глаза чужому офицеру, прежде всего старается сбежать, и чаще всего ему это удаётся. Гоняться за каждым бездельником по тесным отсекам разве что особо рьяный боцман или старший офицер вздумает. Остальным — наплевать. Так и на русском флоте всегда было. Егор мог бы рассказать, как сам он с дружками в первые годы службы ночами по провизионкам шарили. Так что их поведение в любом случае будет вполне естественным.

Ещё один плюс — на внутрисудовых дверях и люках не бывает замков. Они задраиваются, но не запираются — в бою, при любом аврале и тревоге каждый моряк должен иметь возможность попасть из любого помещения в любое. Для заделки пробоин, тушения пожаров, быстрой эвакуации. Даже двери офицерских и адмиральских кают снабжаются вышибными филёнками, чтобы войти или выйти, если перекосит или заклинит. Там, куда доступ посторонним запрещён, ставится дневальный или вахтенный, в специальных, уставом предусмотренных случаях — вооружённый часовой.

Благодаря этому разведчики обзавелись двумя фонарями, а в угловой, ближайшей к трапу батарейной палубы офицерской каюте им вообще несказанно повезло. Сменившийся с вахты недотёпа оставил на спинке кресла пояс с пистолетом в кобуре и кортиком. Слишком, наверное, торопился в каюткомпанию за ужином или просто парой стаканчиков хереса. Правильно знающие люди говорили, что у англичан морская практика хорошо поставлена, а

дисциплины и соблюдения внутреннего распорядка — чистый бардак. Сильно много каждый о «правах личности» понимает. Пришлось «пушку» экспроприировать, для собственной пользы и дуракам в назидание. Огневая мощь команды сразу возросла на треть за счёт трофейного «веблея» с запасной обоймой вдобавок.

Итоги второй рекогносцировки подтвердили ещё вчера высказанное Егором умозаключение — если не отходить далеко от заранее намеченных путей эвакуации и проявлять разумную осторожность, то в ночное время можно вытворять на чужом корабле всё, что заблагорассудится. Главное — не оказаться в неподходящем месте во время общесудового аврала.

Уже на обратном пути на площадке возле кочегарки Николаю удалось подслушать разговор вышедших покурить на сквознячке матросов, в корне изменивший и настроение, и дальнейшие намерения. Парни обсуждали предстоящий заход в Фуншал — главный город и порт островов Мадейра. Сам по себе этот момент ничего необычного не представлял. Можно было только порадоваться — глядишь, и их на берег отпустят. Размяться, припасы пополнить, сувениры приобрести, выпить-закусить, стрессы снимая. В нормальных условиях почему бы и нет? Они свободные люди, с контрактами на руках, оплатившие свой проезд. Но как-то в это не верилось. А следующие слова другого машиниста поставили крест на всех оптимистических планах.

— Механик сказал — погреемся напоследок, а то потом долго теплых краёв не увидим. Следующая станция Рейкьявик...

Егор чуть не сел на железный настил. Когда отошли подальше, к своей шахте, начал материться.

— Да брось, мы ж подобной подлянки и жда-

ли, — успокоил его Карташов. — Вопрос в другом — если им в Исландию, за каким нужно эскадру на две тысячи миль к югу гнать?

— Может, они внезапно другой приказ получили? Нас высадят до следующей попутки и — по своим делам, — в голосе старшины прозвучала робкая надежда.

— Оч-чень вряд ли. Что им на островах делать — не знаю, только нас они не высадят. Я вот что придумал... Ладно, наверх вылезем — всем сразу скажу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Пока товарищи странствовали по стальным корабельным лабиринтам, Бекетов тоже времени даром не терял. Жизненный опыт и интуиция подсказывали, что скорее рано, чем поздно их длительные отлучки из кубрика привлекут внимание старосты или кого-то из его осведомителей, которых просто не могло не быть среди такого количества незнакомых людей с сомнительными биографиями. Что в казарме, что в тюрьме на две с лишним сотни человек десяток «добровольных помощников» у начальства всегда найдётся. Реже из идейных соображений — чаще за лишнюю пайку (условно говоря).

И надо было придумать что-нибудь мотивирующее их частые ночные отлучки и чересчур долгое пребывание в гальюне. Хроническая диарея у всех сразу — малоубедительно. Изображать гомосексуальных партнёров, ищущих уединения, тоже не хотелось. Тогда что?

Юрий за полчаса, стараясь действовать бесшумно и вовремя прячась от соседей по кубрикам, то и дело выходящих по нужде и покурить, заглянул за каждую из задраенных дверей, в каждый палубный

люк доступных осмотру помещений. Известно, что на боевых кораблях каждый кубометр внутреннего объема используется подчас совершенно неожиданным образом. На одном из десантных транспортов, к примеру, прямо под палубным настилом четырёхместной каюты, где две недели пришлось ночевать Бекетову, размещался погреб сорокамиллиметровых зенитных снарядов, а между койками был установлен цепной элеватор подачи.

Вот и здесь между средними душевыми кабинками и кожухом трюмного вентилятора был втиснут трапециевидный отсек размером в два вагонных купе. Для чего он предназначался конструктивно, Бекетов не знал, но в нём имелись три выступающих над палубой кожуха, боковые пониже, а средний высотой как раз с нормальный стол. Ещё там хранились всякие санитарные принадлежности — швабры, тряпки и голики, банки с порошками для дезинфекции, коробки с мылом, десяток свёрнутых пожарных шлангов, две бухты белого шестипрядного линия. А на подволоке горел довольно яркий матовый плафон в проволоочной оплётке, но почему-то без выключателя.

Юрий подготовил всё, что нужно для маскировки, оставалось только ждать.

Разведчики появились, когда терпение и нервы были уже на пределе. Им там хорошо делом заниматься, а каково считать минуты, потом часы и вздрагивать от шагов и голосов снаружи?

— Ну, мать вашу, братцы, нервы ж у меня не железные. Думал, ещё чуток — сесть начну... Ладно, садитесь, докладывайте.

Он выложил на средний кожух колоду карт, лист бумаги, разрисованный под преферансную пулю, карандаши. Пока ждал — заполнил примерно как

для середины игры. В отместку Егору и Николаю вывел заоблачные горы, написал на них уйму вис-тов, а себя вывел под закрытие.

Карташов посмотрел, усмехнулся.

Бутылка «Джонни Уокера» была почти полная, и все как следует приложились. «Для сутреву», нервы успокоить, да и прицепись к ним кто — занятие вполне естественное, снимающее иные подозрения. Егор с Николаем переоделись в своё, умылись, показали товарищу трофеи. Теперь все трое были подходяще вооружены, и для громкого дела, и для тихого. Юрий подкинул кортик на ладони, спрятал в карман. Прорезав ткань, он удобно повис на крестовине, острием касаясь колена. Если придётся работать — кому же, как не ему?

Слушая доклад об итогах очередного поиска, раздал карты. Просто удивительно вовремя, на пятнадцать минут задержись ребята — пришлось бы переходить к острой фазе в одиночку, и вряд ли бы она обошлась без стрельбы.

В каптёрку ввалились сразу трое — их Славик (правильно говорится — не поминай к ночи) и его коллеги из соседних кубриков. Морды... На мордах написан азарт охоты. И сразу — недоумение пополам с разочарованием. А что — люди мирно играют в преферанс и выпивают. Повезло им — нашли хорошее место. Это в очко или буру можно в тюремной камере играть под сотней заинтересованных глаз, а здесь нужны тишина и сосредоточенность. Как в заповедях игроков говорится: «Главные враги преферанса — жена и скатерть». Здесь — ни того, ни другого.

— Чем обязаны, господа начальники? — недружелюбно осведомился Бекетов, бросая карты рубашкой вверх. Мол, говорите, что надо, и отваливайте.

— Да нет, мы так... — Славик торопливо подобрал слова, — играйте, конечно. Мы тоже вот... Зашли, слышим — голоса. Время ночное, третий час уже, нормальным людям давно спать полагается, так мало ли что...

— Раз ничего — ну и бывайте, — вмешался Егор. В игре он ничего не понимал, на лист с записью смотрел, как баран на те самые ворота. А сейчас почувствовал себя в своей стихии.

— Вы только не перебирайте, — заботливо сказал коллега их «старосты». Бекетов опытным взглядом заметил оттопыренный правый карман и сильнее левой свисающую полу расстегнутой ветровки. Да и остальные при оружии. Ладно, это их дело, мы тоже не пустые ходим.

— Кто ж за игрой напивается? Мы по чуть, за сыгранный мизер...

«Кажется, на сей момент отмазались», — успел подумать Юрий и снова будто накликал. Что-то он глазливый стал.

— Стоп, а это что? — вдруг напрягся, будто сеттер, делающий стойку, третий из надзирателей. Именно так, а никакие они не «старосты».

Шагнул вбок и двумя пальцами вытянул из-за шторки, скрывающей полки с коробками и банками, измазанную ржавчиной робу.

— А мы откуда... — начал Егор, кривясь от собственной промашки. Сунул не глядя, не думая.

— Свежая! — мазнул пальцем по полосе ржавчины староста, чересчур глазастый, на свою беду. Повернулся к своим. — Сыроватая. Откуда здесь?

Те заученно потянулись к карманам.

Делать нечего. Опережая движение руки противника, Юрий, рывком привстав, схватил его за

плечо и шею, всей силой рук и весом тела впечатал лбом и носом в железо кожуха.

Готов! Видно, насовсем. Отпуская сразу обмякшее тело, Бекетов выдернул из его кармана пистолет.

— Стоять! Руки!

Сотников, демонстрируя великолепную реакцию и профподготовку, попытался спиной вперёд выскочить из каптёрки. Сумел бы — захлопнул дверь, крутнул задрайку — и всё! Что третий его коллега остался бы здесь заложником, наверное, роли не играло.

Только старшина дивизиона живучести Егор имел опыт точной и быстрой работы в тесных отсеках, бывало, и в темноте. Драться, выходит, тоже научился.

Ногой сделал подсечку, добавил тяжёлым, как гиря, кулаком в висок. И с этим всё — после такого удара староста врезался затылком в покрытую крупными головками заклёпок переборку.

Оставшийся в живых, смертельно побледнев, тянул к подволоку руки. Егор охлопал карманы его и Славика. Ещё два пистолета.

Николай, боевого опыта не имевший, так и не успел встать со своего места.

— Вот и всё, братцы, — сказал, кривя в нервной усмешке, рот Бекетов. — Всё за нас решилось. Ты, Коля, тихонько в кубрик, буди ребят, забирайте барахло, харчи, какие есть, одеяла тоже — и сюда. Больше не нарывайтесь. А мы пока приборочку делаем.

Живого поставили враскорячку к переборке, трупы Егор мигом оттащил к горловине шахты. Юрий вытер тряпкой кровь со стола и палубы, рассовал по карманам бутылку, карты, окурки завернул в лист с записью. На первый взгляд — чисто. Конеч-

но, настоящие эксперты что-нибудь всё равно найдут. Так есть ли здесь они, настоящие? Сгрёб подмышку и робы.

Тела чересчур рьяно исполнявших свои обязанности «старост» отправились в свободное падение до настила междудонного пространства. За ними, гораздо медленнее, по скобам трапа — Егор, пленник, Ваня-Саня, Николай. Замыкающим Юрий. Хорошо, у всех старост, кроме пистолетов, при себе имелись фонари, не хуже, чем у Кузнецова, и по полной пачке сигарет. Но больше ничего. Бекетов надеялся, что документы какие-нибудь обнаружатся. Ну, нет так нет. Язык расскажет всё, что знает.

Размерами и запутанностью планировки подводная часть крейсера значительно превосходила лабиринт Минотавра. Особенно — для людей сухопутных вроде Сани с Ваней.

Все эти помещения не видели дневного света с начала постройки корабля и не увидят до его последнего дня, когда гордого пенителя морей начнут разделявать на металл. А пока здесь царит бесконечная ночь, далеко не везде рассеиваемая аварийными плафонами. При необходимости их легко погасить, перемкнув провода в распределительных щитах.

Даже если бросить на поиски укрывшихся здесь людей всех свободных от вахт матросов, едва ли что-нибудь получится. Но вряд ли командир корабля согласится учинить такой аврал за сутки до прихода в порт. Что ему до тех «дезертиров»? Ошвартуется крейсер — сами попадут в руки военной полиции при попытке перебраться на берег. Да и кто ему вообще расскажет и объяснит, в чём дело? Может быть, «старосты» и поддерживали контакты с кем-то из офицеров крейсера, старпомом даже, так едва

ли они обязаны каждое утро на общий развод являться. На камбузе знают, на сколько людей кормёжку выдавать, для её доставки и делёжки уже выделены в каждом кубрике по четыре «бачковых», время раздачи они знают, и время прогулок всем известно. Так что очень возможно — до самой швартовки никто ничего не заподозрит.

Зато со сходом на берег при самом благоприятном развитии событий проблемы возникнут обязательно. Поэтому Бекетов решил покинуть гостеприимный корабль несколько раньше, в подлинно британских традициях — не прощаясь. А сейчас нужно спрятаться получше в безопасном, сухом и тёплом месте, осмотреться, совершить одну или несколько вылазок на верхнюю палубу, запастись спасательными жилетами и надувным плотиком с аварийным запасом. За борт смайнать — не вопрос, три минуты дела, и лучше бы в эти минуты никому из английских морячков не подвернуться под горячую руку.

Подходящее укрытие Николай с Егором отыскали быстро — как раз такое, как нужно, неподалёку от румпельного отделения, в отсеке резервных динамо-машин. Они сейчас отключены, если сюда и забредёт судовой электрик, так не раньше очередного регламентного срока. Пусть этот срок наступит не сегодня и не завтра. Вдруг электрик — хороший человек, и никакого нет желания поступать с ним негуманно.

Устроились со всеми удобствами — светло стало, когда Николай нашёл в коридоре нужный щит, а сухо здесь было по определению.

Первым делом Бекетов, отправив Егора и его братьев дозором в обе стороны низкого и узкого коридора, занялся допросом пленника. Пришлось вспомнить, чему учили: «Убедительная угроза при-

менения «третьей степени» сама по себе является «четвёртой степенью».

Язык попался разговорчивый, вернее — стал таким, осмыслив предложенные Юрием варианты.

— Тебе уже повезло, — говорил Бекетов, похлопывая по ладони клинком офицерского кортика. — Его хозяин, — он повертел острием перед глазами пленника, — *там*. Твои дружки тоже. Ты пока живой. И имеешь шанс продолжить это занятие. Рассказывай всё и в деталях. Начнёшь врать — я сразу увижу и накажу. Мало не покажется, сам знаешь, какими мы, русские, бываем, если нас *сильно гостать*. А у меня, тем более, специальная подготовка. Как раз допросы пленных в тылу врага, в условиях острого дефицита времени. Больно будет очень, причём проблемы твоей дальнейшей транспортабельности в число приоритетных не входят. Уловил? А правильно себя поведешь — свяжем и перед ухом здесь оставим. Найдут раньше, чем помрешь, — твоё счастье. Вот и все условия. Начинай...

От услышанного сидевший рядом Николай, часто и нервно куривший, испытал прежде всего оторопь. Слишком невероятно это выглядело с точки зрения нормального человека. Зато Юрий отнёсся к этому адекватно. По поводу нравственных качеств англичан он никогда не заблуждался. И в диверсионной школе его учили именно этому: «Враг хитёр и коварен, только тем и занимается, как выдумывает самые невероятные сценарии. А мы должны быть всегда начеку и помните поговорку насчёт хитрости и винта». Следовательно — «какою мерою меряете, такую и отмерится вам».

Всех подробностей староста, он же Кирилл Любавин, бывший житель подмосковных Мытищ, завербованный английской разведкой четыре года на-

зад, конечно, не знал. Не того полёта птичка. Но он имел отношение к какому-то секретному институту, где занимались методиками волнового воздействия на человеческую психику. После прошлогодних беспорядков в Москве, для которых как раз и использовалась аппаратура из НИИ, где трудился Любавин, ему удалось не попасть в руки российской контрразведки и через Финляндию бежать в Англию. Там его не оставили вниманием, определили не очень большое, но достаточное жалование, а недавно даровали и гражданство. Теперь уже с полным основанием его зачислили в штат одного из подразделений британской разведки и недавно это самое задание поручили.

Отставной штабс-капитан морской пехоты ТОФ Бекетов снова ощутил себя на службе.

— Это что же — какого-никакого, а офицера послали надзирателем за полусотней эмигрантов, которым так и так с корабля деваться некуда?

— Нет, конечно. Дело совсем в другом...

Как Юрий и подозревал, никакого Фуншала для них не будет, значит, надежды на скорый побег развеялись, как дым из одноименного популярного танго. Эскадра туда действительно пойдёт (и агент был крайне удивлён, что его «подопечные» об этом знают), но уже без команды волонтёров. Сегодня или завтра назначено рандеву со специальным, теперь уже чисто гражданским судном, куда их и перегрузят. Но уже в таком состоянии, что сопротивляться никому в голову не придёт, все с радостью станут выполнять любые приказы. Для этого, мол, на крейсере есть особые специалисты и аппаратура, превращающая людей в нерассуждающих роботов. О подобных вещах в школе диверсантов Юрию рассказывали, но вскользь и без подробностей.

О масштабах и цели нынешней «подлянки» Любавин не знал. Всей операцией заправляет высокопоставленный чин, имеющий привычку в каждый конкретный момент и каждому исполнителю сообщать только касающуюся лично его часть задания, и в одиночку составить целое из обрывков приказов и инструкций никак невозможно. Известно только, что всем причастным велено провести все подготовительные мероприятия в течение ближайших суток.

— Ну и какими же будут ближайшие?

— Нам выдали спецпрепарат, по особой команде его нужно высыпать в бачки с питьевой водой. Это так называемая «премедикация», приведение организма в состояние наибольшей чувствительности к волновому воздействию...

— А вдруг кто-то пить не захочет? Случайно.

— Все захотят. В пищу будут добавлены специи, вызывающие сильную жажду...

— Все предусмотрели, падлы, — сказал Карташов, испытывая сильное желание заехать пару раз предателю в зубы. Просто так, для разрядки. — И где же ваш прёпаратик?

— В кубриках. Мой — в боковом кармане сумки. Где у других — не знаю.

— Без него что, внушение совсем не подействует?

— Подействует, только неизвестно, на кого как и в какой степени. Это как с водкой: один песни петь начнёт, второй — драться, третий — в петлю.

— Аппаратура где установлена, кто ею управляет, где старший по операции живёт?

Любавин сообщил всё, что знал. Раздетого, связанного и с кляпом во рту, агента затолкали в пустой железный рундук и начали думать. В его костюм облачился Бекетов. Немного тесноват, но в целом сойдёт. Спрятанная за подкладкой внутреннего кар-

мана картонка, закатанная в целлофан, заверенная печатью и неразборчивой подписью, позволяла предъявителю, мистеру Киру Любину (примитивный народ англосаксы, простейших слов выговаривать не умеют, вот и сокращают всё, даже иностранные имена до одного-двух слогов), пребывание на HMS¹ «Гренфилд» и свободное по нему перемещение, с правами офицера службы «М-6», что было весьма кстати. Диверсанту труднее всего проникнуть на объект операции, а если он уже там — девятью процентами дела сделано. Отход после акции — отдельный разговор, до него дожить надо.

— И с чего мы начнём? — обратился он к Николаю и Егору, отозванному с поста. Его «пацаны» здесь были без права голоса, исполняют, что старший брат скажет.

— Да с чего угодно, — засмеялся Карташов. — Мы же здесь теперь как зрячие в стране слепых. Особенно в низах. Взорвать крейсер, особенно с твоей бумажкой и нашими пятью стволами, — делать нечего. Только людей жалко. А шантажировать можно. И капитана в плен взять не очень трудно.

— А потом парней из кубрика на палубы выпустить... — продолжил Егор.

— Можно, но не пойдёт, — охладил пыл товарищей Бекетов. — Если б мы одни шли. А тут в ордере ещё три крейсера. Боюсь, что раз такая игра пошла, их шантажом не испугаешь. Потопят, на хрен, коробку вместе с нами и своими. Что им терять? Поэтому давайте перекусим, чем имеем, и вздремнём до утра. Потом дальше думать будем...

Тут Бекетов правильно решил. Ночь выдалась уж больно длинная да нервная. Глаза слипались, и уста-

¹ HMS — His majesty ship — Корабль Его Величества.

ли все по трапам, коридорам и отсекам лазить, а ели последний раз часов двенадцать назад. Судя по долготе, на которой они находились, до рассвета оставалось чуть больше двух часов. Поели, допили, что оставалось, и устроились спать, подстелив предусмотрительно захваченные из кубрика одеяла. Мешки и сумки — под головы. Хорошо, снаружи почти тропики, и было не холодно. Часовых решили не выставлять. Если кто появится — непременно загремит задрайками, тут его и встретят. Заснули разом и, сами того не ожидая, проспали почти шесть часов.

Операция «Дискрешен»¹ задумана была неплохо и хорошо технически оснащена. Участвовал в её разработке адмирал Гамильтон-Рэй со своим «Комитетом нестандартных операций», а в оснащении и обеспечении — сам господин Боулнойз. Он же и представил адмиралу специалистов по обслуживанию и боевому применению аппаратуры, на которую возлагались главные надежды. Руководитель технической группы, мистер Майкл Френч, человек явно штатский, по предложению Арчибальда получил временное звание командера² инженерной службы, для маскировки и повышения авторитета среди настоящих моряков. Его инженеры и техники тоже носили нашивки от уорент-офицера до лейтенанта. Полномочия каждого из них были настолько велики, что даже командиру «Гренвилла» они подчинялись только в вопросах внутреннего распорядка. И сам адмирал Хиллгарт вынужден был сначала

¹ «Discretion» — свобода рук (англ.). Но можно перевести как «осмотрительность», «осторожность».

² Командер — в английском флоте приблизительно капитан 3-го ранга.

согласовывать свои решения (связанные с использованием «радиокомплекса Зироу») с Френчем и лишь потом отдавать приказы. Это ощутимо задевало самолюбие адмирала, но он тем не менее понимал, что действительно невозможно вмешиваться в действия старшего артиллериста, к примеру, имея только юридическое образование. И наоборот тоже.

Установленная на бывшем крейсере «Гренвилл» аппаратура могла полностью нарушать радиосвязь на всех волнах и забивать радиолокаторы в радиусе пятисот миль. Действовала как хорошее северное сияние с теми же примерно характеристиками, что не позволяло заподозрить искусственный характер этого явления. В случае начала боевых действий всего один такой корабль мог дезорганизовать обстановку на целом ТВД, ослепив и оглушив противника. Свой флот, авиация и береговые станции, конечно, оказывались в том же положении, но, во-первых, ему достаточно будет руководствоваться заранее составленными диспозициями, как это делалось с времён Троянской войны, а во-вторых, в специально условленное время можно, неожиданно для неприятеля, внезапно открывать на несколько минут «окно» для связи со своими.

Перед началом «Дискрешена» Арчибалд, «агитируя» Гамильтон-Рэя, сообщил адмиралу, что постановка помех — это лишь дополнительная мера, обеспечивающая успех операции. Основная же функция мистера Френча и его техники — превратить наберёванный по портовым кабакам славянский сброд в высокоспециализированное воинское подразделение, причём — одномоментно. Гамильтон-Рэю эта идея поначалу показалась абсурдной, но после специально для него устроенного демонст-

рационального опыта все его сомнения исчезли. Более того, он стал самым горячим адептом «научного направления» мистера Френча. Всего-то и потребовалось на несколько минут самому оказаться в зоне действия излучения, настроенного на характеристики его личности

Первый этап «Дискрешена» вообще не предполагал никаких осложнений. По агентурной наводке отряд вышел к отмеченной на карте точке, где спустились на воду два пятидесятитонных катера, выглядящих как прогулочные яхты уважающих себя миллионеров. Смотрелись они очень красиво, один окрашенный алым, другой — жемчужно-зеленым лаком. Высокие «клиперские» форштевни, обтекаемые многоярусные надстройки, в которых можно было спрятать или многочисленные помещения для отдыха и развлечения пассажиров, или вооружение, пригодное для боя с хорошим сторожевиком. А турбодизели автомобильного типа без шума и вибрации на глиссировании выдавали полных пятьдесят узлов.

В точном соответствии с замыслом и графиком (плюс-минус час) в тщательно вычисленном квадрате океана был обнаружен российский турбозлектроход «Капитан Вилькицкий», один из самых быстрых гражданских судов такого класса и вместимости.

Главное, чем прельстил англичан «Вилькицкий», — его просторные трюмы после освобождения от генерального груза¹ были сухи и чисты. Не танкер, не угольщик, без всякой обработки можно в

¹ Генеральный груз — перевозимый на судах в таре (ящичной, мешковой и т.д.) либо в какой угодно другой упаковке и исчисляемый не по весу, а в штуках.

его трюмах и надстройках перевозить живую силу и технику.

Больше двухсот человек русских или просто знающих в приличной степени русский язык бродяг, заключённых, лиц без определённых занятий, наёмных в Англии и сопредельных странах, ждали своего часа в кубриках «Гренвилла». Им предстояло сыграть пусть короткую, но эффектную роль. По необходимости — кровавую, но тут уж ничего не поделаешь.

Идея принадлежала лично Арчибальду, и он ею очень гордился. Участвуя в проработке конкретных деталей, Гамильтон-Рэй удивлялся коварству замысла и ещё тому, что Боулнойз несколько раз с ухмылкой упоминал какой-то Глейвиц: «Это будет поэффектней Глейвица»¹.

Адмирал посмотрел на карте — незначительный городишко в Малопольше, и ничего больше. Уточнить, какое отношение он имеет к их делу, Гамильтон-Рэй не стал.

Ничего не подозревающие «переселенцы» должны были изобразить российских морских пехотинцев. После захвата «Вилькицкого» их прямо в море перегрузили бы на пароход, экипировали и по дороге к цели особым образом *обработали*. В этой обработке и заключалась главная хитрость Арчибальда.

¹ Глейвиц — приграничный с Польшей немецкий город, где 31.08.39 г. была совершена провокация, ставшая поводом к нападению Германии на Польшу. Группа диверсантов «СС», переодетая в польскую форму, захватила радиостанцию, с которой было сделано заявление на польском языке о том, что «пришло время войны с Германией». Для большей убедительности было расстреляно несколько немецких уголовников, переодетых польскими солдатами. Их трупы использовались для доказательства факта агрессии.

Целью операции была Мальта. Грамотно выбранной целью. Не считая Гибралтара, этот остров действительно имело смысл захватывать, приди русским в голову идея обзавестись ключевой базой в Средиземноморье. Расположенная между Сицилией, Тунисом и Триполитанией, она наглухо блокировала морские и воздушные пути от Гибралтарского пролива до Суэцкого канала. Ну а раз Россия этого делать пока не собирается, отчего не сыграть за неё? Кэптэн Эванс, другие люди из «комитета» Гамильтон-Рэя и инженеры Френча этим великолепным пропагандистским и военно-историческим шоу должны были показать всему миру коварство, агрессивность и беспринципность русских.

«Десанту» предстояло высадиться как раз на границе торгового и военного порта, где их разделяет всего несколько десятков метров и почти символическое ограждение. Батальон хорошо подготовленных бойцов, пользуясь абсолютной внезапностью, должен был занять порт и часть города за несколько минут. Само собой, наиболее тонкие моменты операции возлагались на настоящих специалистов из состава диверсионных подразделений «Ройял Нэви», а «статистам» отводилась роль массовки, стреляющей во все стороны, кричащей и ругающейся по-русски. По открытым для них проходам «русские морпехи» обязаны были стремительным броском ворваться в Ла-Валетту и укрепить на подходящем для панорамной киносъёмки здании Андреевский флаг. После чего, конечно, героические британские моряки и королевская пехота остановят их атаку на аэродром, затем вертолёт со «случайно оказавшегося поблизости» авианосца откликнутся на призывы о помощи и уничтожат «агрессоров» всех, до единого человека.

После «победы» можно будет демонстрировать залитые кровью улицы, избитые пулями и осколками дома, тела уничтоженных агрессоров и своих «героически павших» бойцов и мирных жителей. Это должно оказать особое эмоциональное воздействие на публику. Кроме привезённых с собой корреспондентов, на острове обязательно окажутся репортёры и просто туристы из нейтральных стран. Их показания и совершенно искренние рассказы придадут инсценировке дополнительную убедительность.

Удары возмездия по нескольким российским военным объектам (к числу приоритетных относились Севастополь, Владивосток, Порт-Артур, Петропавловск, Романов-на-Мурмане) будут нанесены одновременно с вручением ноты об объявлении войны и обращением к Генеральной Ассамблее ТАОС, ООН и всем свободным народам. Уже завтра всему миру станет совсем неинтересно, что там случилось на самом деле. Какие-то трофеи будут предъявлены «независимым экспертам», фотографии и киносюжеты в избытке запущены в эфир и печатные СМИ, ну и достаточно. Дальше пойдут уже сводки с реальных фронтов.

Что такое Нюрнбергский, Токийский и им подобные процессы — в этом мире пока ещё понятия не имели. По итогам «своей» Мировой войны здешние державы-победительницы торопливо поделили германское, австрийское и турецкое «наследство», а выяснять — не «кто первый начал», а истинную предысторию «августовской катастрофы» четырнадцатого года никто не потрудился. Проигравшие назначены виноватыми, сумма репарации утверждена, новые границы торопливо нарисованы — и достаточно.

Арчибалд довольно легко внушил Гамильтон-Рэю, а тот — вышестоящему руководству, вплоть до премьер-министра, что, затеявая настоящую, чуть ли не мировую войну, как минимум глупо беспокоиться о судьбе тех, кто намечен послужить «запалом» и в любом случае составит исчезающе малые доли процента от общих «безвозвратных» потерь. Жертвы среди британских войск и населения острова, разумеется, необходимо свести к минимуму, поэтому «русским десантникам» будет выдано всего по одному магазину с боевыми патронами и по несколько светошумовых гранат, замаскированных под боевые, остальной боезапас — имитация.

Особая забота была проявлена о том, чтобы потери «коварных захватчиков» были именно стопроцентно «безвозвратными», живые пленные в сценарий никак не вписывались. Роль нескольких десятков всё-таки захваченных «десантников», нужных для дачи коротких интервью мировым средствам массовой информации (войн совсем без пленных не бывает), сыграют разведчики или актёры из этнических русских. ~

Ключевой вопрос задал один из молодых офицеров «комитета» Гамильтон-Рэя, когда «проект» был вынесен на общее обсуждение всего оперативного управления Адмиралтейства для «шлифовки деталей»: «Где мы собираемся набрать целый батальон идиотов, сэр, которые поверят, что после такого представления они получают на руки свои денежки и отправятся загорать на Копакабану? Одного, ну двух-трёх я вам, может быть, и предложил бы из числа профессиональных киллеров, да и то без гарантии. Законченные идиоты, причём способные на осмысленные действия, — крайне штучный товар. Могу себе представить реакцию двух сотен людей,

когда им раздадут оружие, хотя бы с несколькими боевыми патронами, не говоря о полных магазинах, оденут в форму их собственной страны и предложат штурмом взять чужую военно-морскую базу. Причём, если я не ошибаюсь, речь идёт в основном о русских, сэр?»

Капитан-лейтенант аккуратно пригасил сигарету в пепельнице.

— Я очень опасаясь, сэр, что в следующие полчаса они перебьют наших «инструкторов» и экипаж судна, рискнувшего их перевозить, и предпочтут, раскрасившись под сомалийцев, заняться морским пиратством. Даже если кто-то им выдаст очень большие деньги авансом. Мы же не собираемся позволить перечислить этот заработок на банковские счета или адреса родственников? Эти «волонтёры» не поверят ни одному вашему слову, сэр. По крайней мере, я бы на такую наживку не клюнул. Если бы мы имели в своём распоряжении аналог французского Иностранного легиона, тогда другое дело...

— Иностраннный легион тоже никогда не использовался против соплеменников основной массы наёмников, — раздался голос из задних рядов. — «Лягушатники» здесь правильно соображали...

Гамильтон-Рэй с интересом смотрел на сразу попавшего в точку капитан-лейтенанта. До того как начать работать с мистером Боулнойзом, он сам был такой же горячий и безрассудный, поддающийся первому впечатлению.

— Мне рапорт об отчислении из «комиссии» сейчас написать, сэр? — спросил Остин Строссон, неправильно истолковав сумрачное молчание адмирала и шепотки его окружения. Тот, сделав усилие, наконец вспомнил фамилию офицера. Что она нор-

вежская или исландская, давно крутилось в голове, и только вдруг всплыла.

— Разве я вам предлагал?

— Пока нет, но до вас три раза уже намекали. Хорошо, у меня основная специальность есть, как-нибудь до пенсии дослужу.

— И что за специальность?

— Штурман. Какой-нибудь «трамп»¹, хотя бы и под перуанским флагом, из порта в порт довести сумею.

— Рапорт писать не надо, но вопросы лучше формулировать в более тактичной форме. С вами я работать готов, вы оригинально мыслите. Только не нужно думать, будто вы в свои годы умнее всех. Кое-кого — согласен, но не всех. Вы сейчас сказали вполне очевидные вещи. Но раз план всё-таки существует, значит — есть какой-то фактор, который вы не учли. Подумайте на досуге, для тренировки оперативного мышления.

— Хорошо, сэр, я обязательно постараюсь решить вашу интересную загадку...

На следующий день адмирал вызвал к себе Строссона и между делом поинтересовался, решил ли тот задачку. Предложенные капитан-лейтенантом ответы Гамильтон-Рэя не устроили. Да и не мог молодой офицер угадать, не имея понятия о достижениях волновой техники.

— Знаете что, Остин, я думаю, вам полезно будет проветриться. Когда наступит время, я вас отправлю туда, где всё будет решаться моим личным представителем. Там и узнаете, в чём заключается загадка.

¹Трамп — торговое судно, не имеющее порта постоянной приписки, определённых маршрутов и грузовой специализации, работающее на разовых фрахтах.

Время в конце концов наступило, и офицер получил предписание явиться на «Гренвилл». Адмирал рекомендовал ему поближе сойтись с командером Френчем, который получил указание считать капитан-лейтенанта доверенным лицом Гамильтон-Рэя, с нужным допуском секретности. По принципу разных корзин для разных яиц Строссон не должен был подчиняться Хиллгарту с его штабом, а Эвансу даже служить тайным противовесом, невзирая на его достаточно высокий чин, с правом непосредственного доклада в Лондон, на собственной выделенной частоте. Гамильтон-Рэй небезосновательно считал, что разведчик слишком много о себе вообразил, почти демонстративно узурпировав контроль за деятельностью научно-технической группы.

У Строссона, независимо от сути полученного задания, на чисто эмоционально-личностном уровне сразу возникла стойкая неприязнь к кэптэну. С каждым днём похода и общения это чувство только укреплялось и твердело. Эванс, в свою очередь, просто не считал сотрудника «хитрой комиссии», в силу его возраста и чина, партнёром, заслуживающим серьёзного отношения. Однако внешне они общались со всей положенной любезностью умных людей, представителей одинаково серьёзных и вполне автономных ведомств, делающих общее дело, пусть и на разных направлениях. Поэтому капитан-лейтенант был удивлён, когда Эванс сам появился у него в каюте в начале пятого утра.

— Что вам не спится, сэр? — зевая, спросил Строссон, садясь на койке и подтянув одеяло. Истинный джентльмен сначала позвонил бы по телефону. — Неужели русские напали на нас первые?

— Не время для шуток. Одевайтесь, я подожду в коридоре...

На шканцах, опершись на леерное ограждение, офицеры закурили, и Эванс, явно нервничая, сообщил, что сегодня ночью из кубрика исчезли пятеро русских «волонтёров», два внештатных сотрудника и один настоящий лейтенант его ведомства, тоже русский, недавно натурализовавшийся, поставленные за своими ненадёжными соотечественниками присматривать.

Это было забавно, и капитан-лейтенант испытал естественное злорадство. То разведчик воображал, что он здесь кум королю, а настоящие офицеры ему в подмётки не годятся, и вдруг, не справившись со своими непосредственными обязанностями, прибежал просить совета и помощи у специалиста по всем другим вопросам.

— Что значит — исчезли? — изобразил недоумение Строссон. — В открытом море? С идущего полным ходом корабля? Разве что решили устроить коллективное самоубийство! А куда смотрели остальные «сотрудники»? Их, по-моему, человек двадцать в вашем распоряжении.

— Да черт их знает, куда и как. Внезапно всё случилось. Впрочем, ещё вчера мне докладывали, что некоторые русские ведут себя подозрительно... Держатся уединённо, к старшинам отделений («надзирателям» — мысленно уточнил капитан-лейтенант) относятся без почтения, грубят... По имеющимся сведениям, до трети перевозимых имели те или иные конфликты с законом у нас или на родине. Вот эта пятёрка, ныне исчезнувшая, но с самого начала обратившая на себя внимание, куда-то надолго исчезала по ночам, регулярно пьянствовала...

Если бы рядом был адмирал, Строссон непременно бы выпалил недопустимую в общении со старшим начальником фразу:

— А я что говорил?! Ну, теперь сами увидят — на какую технику ни рассчитывай, а среди двухсот заведомых «не ангелов» обязательно найдутся особо сообразительные и отчаянные.

— Куда-то... — задумчиво сказал он. — Вы вообще на кораблях служили?

— Эпизодически, — недовольно ответил Эванс, зная, что строевые офицеры «береговых крыс» не любят.

— Заметно, — с усмешкой превосходства констатировал Строссон. — «Исчезали плюс пьянствовали». Раз мы согласились, что в открытом океане за борт прыгать бессмысленно, остаётся одно — эти парни нашли укромное местечко, которых на любом приличном корабле множество, где и пьянствовали. И возможно, продолжают это делать и сейчас. Если среди них есть бывший военный моряк, ему не составит большого труда, перемещаясь по внутренним коммуникациям, отыскать провизионку или буфет кают-компаний, а там украсть, купить или выменять у баталеров любое количество выпивки, недостачу которой не установит ни одна ревизия. На стороне персонала продовольственной службы вековой опыт. Так что лично я считаю — скорее всего, ваши «пропавшие» и сейчас занимаются своим увлекательным делом. Советую вам не расстраиваться попусту и идти спать. К завтраку или обеду объявятся...

— Но как же мои люди, специально поставленные следить, чтобы...

— Они у вас не русские, что ли? Им гораздо проще присоединиться к соотечественникам. А вам потом придумают, что доложить.

— Нет, этого не может быть! Мои люди многократно проверены и понимают, что стоит на кону. В том числе и для них лично... Один из них только

что получил офицерский чин! Я подозреваю самое худшее.

— Подозревать — это не только ваше право, но скорее всего — прямая обязанность. Но я-то тут при чём? Сбежали или исчезли доверенные вашему попечению люди? Доложите командиру крейсера, организуйте поиски. На корабле *очень* много укромных помещений, но и у вас — достаточное количество изнывающих от безделья подопечных. Я, со своей стороны, обещаю вам только одно — адмиралу об инциденте докладывать не буду, хотя по должности полагается. Но мы, строевики, не буквоеды и не крюкотворы. Я ничего не слышал и не знаю. Доложите сами, когда и что сочтёте нужным. Пойду досыпать, до подъёма целых два часа.

Строссон ушёл, провожаемый бессильно-злым взглядом в спину.

...Как правило, допущенная при подготовке операции ошибка никогда не бывает единственной. Если старшие начальники невнимательны или непредусмотрительны, то подчинённые — тем более. Вдобавок каждая исходная, так сказать, «ошибка первого порядка» с железной непреложностью порождает собственные производные.

Гамильтон-Рэй, полностью доверив подготовку «Дискрешена» людям, назначенным Арчибальдом, и не прислушавшись к капитан-лейтенанту Строссону, совершил ошибку не очевидную, но роковую.

Следующая, тоже стратегического масштаба, что выяснилось слишком поздно, была допущена Хиллгартом и вышестоящими штабистами Гарвичского командования лёгких сил, когда они по совершенно непонятной причине отказались от прикрытия отряда в виде двух-трёх дивизионов эсминцев

или пары эскортных авианосцев. Затевая акцию едва ли не планетарного значения, глупо экономить несколько тонн мазута. Взамен Хиллгарт получил бы дополнительно трёхсотмильную зону безопасности и стопроцентную гарантию успеха.

Но адмиралам показалось, что и трёх крейсеров достаточно для весьма рутинной операции, а работающие помехогенераторы «Гренвилла» всё равно не позволили бы поддерживать постоянную радиосвязь со всеми кораблями отряда, пиратскими прежде всего. Так что решили попросту, без затей: ограничиться тесным походным порядком с прямой зрительной связью и конкретной, не подразумевающей «превратных толкований» диспозицией.

Как в последний раз было здраво сказано: «Не война ведь!»

А раз не война — о чём беспокоиться? Войны начинаем мы, а все прочие покорно ждут, когда и как это состоится.

Роковая воронка некомпетентности и какой-то совершенно детской безалаберности с каждым следующим шагом (или ходом на поле стратегической игры, не шахмат, а скорее го) продолжала закручиваться всё туже. Очевидно, за девяносто лет мирной жизни британский флот пришёл в ещё большее расстройство, чем русский — за пятьдесят, предшествовавших японской войне.

Идея захвата безоружного сухогруза непременно замаскированными под пиратов катерами, с использованием целых четырёх крейсеров только для прикрытия, выдавала полную шизофрению в головах планировщиков. Отрабатывая прелюдию большой войны, они одновременно панически боялись применить свои океанские рейдеры в открытую, по прямому назначению. Хотя чего проще — заглушив

возможные радиопереговоры «Вилькицкого», остановить его предупредительным выстрелом, пришвартоваться борт к борту, переправить на пароход своих командос и русских «волонтёров». Заставить капитана и его команду вести судно, куда прикажут. Даже с точки зрения их же собственной логики наличие на русском пароходе русской же команды с широко известным в морских кругах всего мира капитаном сработает на общий замысел. После завершения акции экипаж интернировать или ликвидировать, в зависимости от решения вышестоящих инстанций, пароход, как дополнительное доказательство, захватить целёхоньким. Очень просто и без всякого риска.

Однако, к несчастью «гордого Альбиона», его флотское командование, уже в третьем поколении не решавшее боевых задач сложнее огневой поддержки миротворческих операций «на задворках бывшей великой империи», полностью попало под обаяние хитроумных построений Арчибальда. А того просто несло — обычные лобовые «трёхходовки» казались «мыслящей машине» слишком примитивными для его тончённого интеллекта.

Экипажи «пиратских» катеров были укомплектованы самыми обычными строевыми лейтенантами и старшинами, не имевшими опыта настоящих пиратов, наловчившихся захватывать даже гигантские танкеры в двести и триста тысяч тонн, с десятками успешных абордажей за спиной, в грош не ставящих ни свои, ни чужие жизни. Моряки же «Его Величества» никогда ничем подобным не занимались, свиста пуль над головой не слышали, а уж что такое — поставить ту самую голову «на кон» — и вообразить не могли.

Когда «Вилькицкий», выжимая из своих машин

скорость выше проектной, начал метаться по морю всеми видами противолодочных и противосамолётных зигзагов, одновременно демонстрируя готовность к тарану и подставляя под реданы катеров бурлящие кильватерные струи трёх винтов, впервые в немногие умные головы пришли мысли, будто что-то пошло не так.

Мысль первая, не требующая фантазии, особенно в применении к русскому, — капитан сумасшедший, которому проще погибнуть самому и потащить следом свой экипаж, нежели спокойно подождать в относительном комфорте, пока его судовладелец заплатит выкуп.

Мысль вторая — посложнее. Каким-то образом русским стало известно о готовящейся акции, и они подставили британцам корабль-ловушку, очень распространённый приём борьбы с рейдерами в Мировую войну.

Эта идея была полной чушью, такие ловушки имели смысл в расчёте на встречу со вспомогательными крейсерами, переделанными из коммерческих пароходов, никак не против полноценных боевых кораблей. Но она, как писал Маркс, «овладела массами». И все последующие действия сначала капитан-лейтенант, командующий «пиратами», а потом и адмирал Хиллгарт строили, исходя из неё.

На самом же деле штурман «Вилькицкого» раньше служил на военном флоте, следить за морем во время вахты был приучен, оттого чисто автоматически занёс в вахтенный журнал и координаты, и даже тип замеченных, всего на несколько секунд появившихся у горизонта крейсеров. Тут же доложил о зрительном контакте капитану. Ровно через полчаса ракурсом девяносто к последнему месту крейсеров появились и катера.

Флагов они не несли, окраска никоим образом не соответствовала военной, но принять их за прогулочные мешали ясно видимые спаренные пулемёты в кокпитах и, главное, стиль маневрирования.

Не требовалось серьёзной тактической подготовки, чтобы сообразить — даже если это действительно пираты (в данном случае — марокканские, до Марокко отсюда ближе всего), то они работают в контакте с англичанами. Про трагедию «Анапы» знал любой российский моряк. Тот раз была подводная лодка, сейчас — катера. Да и какой пират отважится заняться своим ненадёжным промыслом практически на глазах европейских военных кораблей? Европейцы — они ведь тоже разными бывают. Одни на самом деле настроены соблюдать права убийц и грабителей до последнего, никому не позволяя без специально к этому случаю приуроченного мандата ООН пресекать «право меньшинства на экспроприацию доли общественного богатства, захваченного большинством». А другие, вроде верующих в «добро с кулаками» русских, привычных к суду Линча американцев или немцев, приверженных к «орднунгу», возьмут да и развешают пиратов на реях без всяких юридических процедур, единоличным решением командира.

Времени, потребовавшегося катерам на сближение с «Вилькицким», было достаточно капитану Иваненко, чтобы оценить обстановку и принять решение. На палубе давным-давно, ещё в порту приписки (именно на такой случай), установили на открытых броневыми щитами турелях три брандспойта высокого давления, позволявшие подавать чуть не на сотню метров перегретый кипяток из котлов. Ещё четыре пожарных рожка, подключённые к переносным турбонасосам, били на тридцать метров

струями холодной воды под давлением десять атмосфер. Вооружение «Вилькицкого» довершали оставшиеся от рейса по Северному морскому пути несколько десятков ящиков сигнальных ракет и фальшфейеров, при беглом огне «прямой наводкой» способных причинить серьёзные неприятности катеру, построенному из лёгких металлов и пластика, с работающими на авиационном бензине моторами.

Конечно, пираты вооружены пулемётами и автоматами — так всё это годится, если нужно «на испуг» стёкла в рубке побить и надстройки слегка подырявить. А что делать, если судно в дрейф не ложится и экипаж сдаваться не собирается? На палубе достаточно стальных и чугунных конструкций, за которыми можно укрываться от заведомо неприцельного огня (нет таких умельцев, чтобы с пляшущего на волнах и маневрирующего катера в соразмерную цель попасть ухитрились бы), зато на дистанции, подходящей для абордажа, шестидюймовая¹, толщиной в швартовочный трос, струя кипятка пострашнее всяких пуль будет.

Сам капитан укрылся где-то внутри надстроек и, наблюдая через одно из многих десятков окон (не угадать, через какое именно), по телефону руководил стармехом и рулевым, запершимися на своих постах ниже ватерлинии. Но больше всего Иваненко уповал на «хорошую морскую практику». Он ещё ни разу в жизни не видел моряка, хоть гражданского, хоть военного, который взялся бы швартоваться к семиметровому борту идущего двадцатипятиузловым ходом и самым неожиданным образом маневрирующего парохода. Заставить его лечь в дрейф

¹ «Калибры» тросов считаются не по диаметру, а по длине окружности.

они не смогли и, если у них нет торпед, не смогут и впредь. Ходовая рубка пуста, хоть весь боезапас в неё высади, а невидимый капитан по громкой связи направлял действия палубной команды, подсказывал, кому и когда бежать к брандспойтам, когда придёт пора открыть залповый ракетный огонь через иллюминаторы и из-за надстроек. Если попасть в открытый люк машинного отделения или кокпит катера — мало не покажется. Да и десяток фальшфейеров, сброшенных на палубу, отобьют всякое желание и способность к abordажу.

У крейсеров «Вилькицкий» защиты искать не стал, напротив, дал самый полный ход в противоположном направлении, непрерывно передавая «SOS» и «Мейдей»¹ на всех доступных диапазонах. Если у англичан скорость тридцать узлов, а у парохода — двадцать пять, догонять его придётся не меньше пяти часов. Вдали, на норд-весте, у самого горизонта, сгущалась внушающая надежды мгла, барометр с утра падал и сейчас стоял уже ниже семисот двадцати. Час-полтора полный ход удержать, и шквал с дождём укроет надёжно. При одном условии — если крейсера, сблизившись миль на пять (тоже не раньше, чем через два часа), не решатся лично поучаствовать в деле. Под огнём главных калибров крейсеров пароходу и получаса не выжить при самом удачном маневрировании. Если британские комендоры хоть немного стрелять умеют.

Экипаж у Иваненко был не «с бору по сосенке», со многими он ходил уже не первую навигацию, а с «дедом», то есть стармехом, — десятую. Крейсером он свой пароход не считал, «Варяга» запевать и лю-

¹ «SOS» — международный сигнал бедствия в радиотелеграфном диапазоне азбукой Морзе, «Мейдей» — в звуковом.

дей гробить не собирался и при первом же близком накрытии тяжёлыми снарядами поднял бы белый флаг, а заодно, скорее всего, и кингстоны открыл. Просто из принципа, потому что то была бы уже натуральная война и место его экипажу, при наилучшем раскладе, — в концлагере.

Когда в воздухе появился разведчик с родным Андреевским флагом на киле, восторгу и облегчению капитана и команды не было предела. Теперь мало, что пароход спасён, так и врагу конкретный амбей! Палубные самолёты над морем просто так не летают.

Но первым делом Пётр Лукич, выскочив на крыло мостика, лично указал пилоту в сторону эскадры: пусть наши и весь мир знают, что «лаймы» на морях творят.

Разведчик отстрелялся и отбомбился по катерам, чем окончательно отбил у них охоту к дальнейшим целенаправленным действиям. Пусть русский самолёт ушёл, так скоро обязательно вернётся, и не один. Ситуация двум командирам, не сильно опытным старшим лейтенантам, согласившимся подзаработать недостойным приличного моряка делом, представлялась безвыходной.

Оставить пароход в покое и бежать, продолжая изображать никакого отношения к Гранд флиту не имеющих пиратов, — а куда? На Азорах и Мадейре португальцы непременно выдадут их русским по первому аргументированному требованию, на Канарах — испанцы. Ни те, ни другие с русскими связываться не станут: себе дороже выйдет, в буквальном смысле слова. До Гибралтара или материкового берега горючего не хватит, да если б и хватило — не дойти всё равно, авиация догонит. Значит — возвра-

щаться на крейсера? Но на глазах русских, вообще кого бы то ни было делать это категорически запрещено, вплоть до трибунала. Если захватят русские — будут судить не как военнопленных, а именно как пиратов. И какой же выход?

Но когда «КОРы» вернулись целой семьёркой и четверо из них принялись гонять катера, так и не успевшие смыться, а англичане начали палить по самолётам всей эскадрой, тут уже стало понятно, чем пахнет.

— Если война, Пётр Лукич, — сказал старпом, — давай ворочать на обратный курс. На Кубу или сразу в Панаму. Забункеруемся и через Тихий во Владик пойдём. А в Чёрное море нам не прорваться.

— Лучше подождать в сторонке, пока наши подойдут. Они же совсем близко. Да и трофеи на борт принять надо.

— Дело говоришь. Катера поднимем, до полосы шквала дотянем, тогда и оглядимся... Нет, ты только посмотри, что они, суки, вытворяют...

В бинокли не было видно, как за горизонтом три английских крейсера дали ход, близкий к полному, ведя шквальный огонь из всех стволов, включая пулемёты, по разведчикам. Но то, что творилось в небе, различалось вполне.

— Ах, твою ж мать! — горестно вскрикнул Иваненко, увидев рассыпающийся в воздухе разведчик. При таком попадании спастись на парашютах обычно некому.

Остальные «КОРы», уйдя из-под удара, благоразумно поднялись на пять тысяч метров и построились в круг на четырёхмильном удалении. Хотя английские 102-миллиметровые зенитные спарки могли теоретически стрелять (вернее — ставить заград-

огонь) до восьми километров по высоте и десять по горизонту, это реально то же самое, что из трёхлинейной винтовки с прицелом, насечённым на 2 тыс. шагов, пытаться всерьёз попасть в движущуюся цель на этом расстоянии.

Хиллгарт и Эванс теперь имели в запасе единственный шанс, да и тот так себе! Зенитной артиллерией сбить шесть разведчиков, избегающих входить в зону сплошного поражения, нереально. До «УРСов» здесь так пока и не додумались за ненадобностью. Значит — оставалось поднять оба «Суордфиша» и уничтожить «КОРЫ» в воздушном бою. Скоростные перехватчики для того и существуют. Не выйдет всех с одного раза — можно принять «Суордфиши» на борт, перезарядить и снова послать. Одновременно артиллерийским огнём топить «Вилькицкий» и всем отрядом полным ходом отрываться от погони. Единственное спасение в том, что воздушные разведчики так и не имеют связи со своей эскадрой, а гонять туда-сюда самолёт с донесениями и за новыми приказами — полчаса в один конец.

Эванс очень надеялся, что инженеры «Гренвилла» сумеют пустить в ход один из своих тайных козырей — передать на слепые радиолокаторы русских крейсеров картинку-обманку, на которой отряд Хиллгарта будет показан уходящим совсем в другом направлении. Если русские хоть на два часа попадутся на эту уловку, они настолько далеко уклонятся от истинного курса своим сорокаузловым ходом, что до наступления темноты догнать англичан уже не сумеют.

Отряд укроется в Гибралтаре, и пусть в дело вступают дипломаты. Им был нужен повод к войне — пожалуйста, получите. Снимки атакующих штурмовиков — вот они, пожалуйста, с указанием

точного времени налёта. Русским ничего доказать и ничем оправдаться не удастся. Они напали первыми на мирно маневрирующий в нейтральных водах отряд — вот и весь разговор. Так что всё может получиться ещё лучше, чем планировалось первоначально. Нагляднее и проще.

Лишь бы сейчас удалось выскочить!

За себя Хиллгарту бояться нечего. Ни одного приказа он не нарушил. Если весь план пошёл наперекосяк — не к нему вопросы. К Эвансу и штабистам на берегу. Могут и наградить, могут наказать «под горячую руку». Так не расстрелом и даже не отставкой, в «старой доброй Англии» разумные нравы.

Теперь бы побыстрее договориться с Эвансом. Списать всё на некомпетентность кэптэна Харвуда, это ведь ему была направлена радиограмма с приказом ни в коем случае огня по русским не открывать, оригинал и квитанции в радиорубке сохранились. А он проигнорировал, его крейсер первым начал стрелять. Хиллгарт просто вмешаться не успел. Да и их взаимоотношения на подобный случай в приказе не прописаны. Адмирал шёл просто «старшим на борту», но не командиром соединения. Пусть наглец получает «по полной», в Адмиралтействе есть кого попросить об одолжении. В отставку наверняка уволят, если без суда — пусть благодарит своего ангела-хранителя.

Адмирал приказал своему флаг-офицеру:

— Быстро в радиорубку, передайте на «Гренвилл»... Нет, подождите, я с вами, буду диктовать. А вы, Харвуд... Командуйте, наконец, своим кораблём. Поднять флажный сигнал: «Эскадре следовать за мной. Курс норд-ост тридцать пять градусов».

Почти бегом поднимаясь по трапам (здоровья пока хватало), адмирал продолжал соображать. Сей-

час он потребует от командиров крейсеров поднять в воздух истребители. И — Эвансу:

— «Прикажите Френчу начать постановку *активных* помех, по варианту «Dark fog»¹. «Пассажиров» изолировать до прихода в ближайший порт. Предварительную обработку отменить».

Только бы этот маневр удался! А если... Адмирал, стоя на высоко поднятой над палубой тесной металлической площадке, вдруг вцепился руками в поручни. Ведь можно всё отыграть назад! Жребий брошен, но Рубикон ещё не перейдён! И вот тогда Гамильтон-Рэй действительно может оказаться союзником, если заблаговременно провести нужную работу с его порученцем... Тот всё видел своими глазами, нужно будет только слегка по-другому расставить акценты.

Заградительный огонь, выставленный перед русскими самолётами (только в качестве предупреждения), чтобы не допустить их в зону испытания нового зенитного оружия (а почему и нет?). Один случайно задетый «дружественным огнём» «КОР» поводом к войне (если это потребуются политикам) можно не считать. Всё в пределах тяжёлого для всех недоразумения или, на крайний случай, вооружённого инцидента. Радио ведь не работает до сих пор, это уже всему миру известно — внезапная атмосферная аномалия. Прямо сейчас дать русским сигнал ратьером, флажным семафором. Сбросить ход, дожидаться подхода русской эскадры, принести извинения, пообещать компенсации, предложить назначить совместную комиссию, как в тысяча девятьсот четвёртом году, во время «Гульського инциден-

¹ Dark fog — можно перевести «тёмная мгла», «мрачная загадка» и т.п. (англ.).

та»¹. И всё останутся живы. Кроме экипажей катеров, их придётся ликвидировать непременно...

Эти мысли пронесли в голове адмирала за две-три секунды. Он сунул в зубы сигару. Флаг-офицер тут же поднёс зажигалку.

Нет, всё это ерунда. Мгновенная слабость. Как раз её Хиллгарту ни за что не простят.

Радиogramмы были переданы. Истребители стартовали под гулкие хлопки катапульта, оставляя за собой дымные следы пороховых ускорителей.

Каждый «Суордафиш» вдвое превосходил «КОР» по скорости и почти вчетверо по стрелковому вооружению, естественно уступая в горизонтальной маневренности. Но русских нужно сбивать на вертикалях. Один заход снизу или сверху — один самолёт. В теории или на тренажёре — неотразимо! Однако ещё девяносто лет назад, во время первых столкновений сухопутных истребителей с гидросамолётами и летающими лодками, была отмечена интересная закономерность: при необходимости драться над морем пилоты сухопутных истребителей думали лишь об одном — как бы поскорее выйти из боя. И уже над сушей снова становились отважными асами. Бесконечная водная гладь внизу (тем более, если не гладь, а приличное волнение) плохо действовала на психику — сама мысль о том, что придётся прыгать с парашютом туда, где никто тебя

¹ Во время перехода Второй тихоокеанской эскадры на Дальний Восток во время Русско-японской войны русскими кораблями в Северном море были ошибочно обстреляны английские рыбацкие суда, принятые за японские миноносцы. Имелись жертвы. В ходе работы международной комиссии «инцидент» был улажен, несмотря на ожесточённые призывы в британской прессе немедленно объявить России войну.

спасать не станет, хоть сразу тони, хоть замерзай, от жажды помирай, жди появления акул, оптимизму и отваге не способствовала. Зная при этом, что экипаж подбитой «летающей лодки», опустившись на воду, мог в тепле и сухости идти к берегу под двигателем (хоть одним) со скоростью торпедного катера, мог парус поставить или просто в сравнительно комфортных условиях жевать бортпаёк и ждать помощи.

К примеру, в Великую Отечественную советские «МБР-2», постройки 1932 г., изготовленные из фанеры толщиной 3 мм, со скоростью 275 км/час вполне успешно отбивались до самого конца войны от «мессеров» и «Фокке-вульфов», при всей несравнимости их характеристик. Ни один из прославленных немецких Руделей и Баркхорнов¹, хоть и врут они безбожно про сотни воздушных побед на всех фронтах, не решился записать себе в счёт десяток сбитых «МБР» или, тем более, ленд-лизовских «каталин». Максимум, на что решался самый отчаянный пилот люфтваффе при встрече с хорошо вооружёнными гидропланами, — несколько пулёмётных очередей с предельной дистанции — и давай бог ноги, пока шальная пуля в радиатор не прилетела. На Тихоокеанском театре японские «Зеро» с американскими «каталинами» тоже не связывались.

Отработав и сбросив стартовые ускорители, оба «Суордфиша» стремительно, меньше чем за минуту, вознеслись на пятикилометровую высоту. Удастся ли им благополучно приводниться — большой вопрос. Истребители это были хорошие, спору нет, но летать на них должны только старые, опытные ка-

¹ Асы Второй мировой войны, якобы сбившие по 250—300 самолётов противника.

микадзе. Или извольте за один вылет очистить небо от врага, или садитесь на воду под огневым воздействием противника. Горючего в баках всего на срок минут.

Старт с кораблей производится, по сути, аналогично выстрелу из лука или арбалета по стае птиц. Попал — значит, попал. Два-три самолёта сбить можно сразу, на первой вертикали, едва подправляя курс. Проскочил — тогда изволь рассчитывать следующий заход, сверху. И можно считать дело проигранным, если завяжется утомительный и непредсказуемый маневренный бой.

Две зелёно-голубые стрелы истребителей, с четырёхсот метров открывшие шквальный огонь из своих девяти курсовых пулемётов каждый, сразу сбили один «КОР», а второй ощутимо повредили. У первого сразу загорелся центроплан в непосредственной близости к топливным бакам. Лётчикам пришлось прыгать, в расчёте, что высотный ветер поднесёт их поближе к «Вилькицкому». Вражеские крейсера едва виднелись у горизонта, под парашютами болтались пакеты с самонадувающимися плотиками и аварийным запасом, то есть сутки-другие за экипаж можно было не опасаться, даже если их немедленно не подберёт сухогруз. А тот, заканчивая стропить трофейные катера, уже собирался дать ход в сторону снижавшихся с приличной горизонтальной скоростью парашютов.

Второй разведчик получил очередь в мотор и сейчас, с лёгким посвистом встречного потока между подкосами, планировал по пологой дуге над экваторией боя, снимая на фотопулемёт и кинокамеру с мощным трансфокатором панораму, почти не требующую комментариев. Потом специалисты смогут распечатать каждый кадр на любой формат, причём

почти без зерна. Хотя в свой штаб представляй, хоть в международный трибунал.

Эта мысль и не понравилась командиру повреждённого «4-218».

— Слушай, а теперь ведь они нам спокойно сесть не дадут, — сказал он летнабу. — Другие бой ведут, им не до снимков, а мы с тобой — в курортных условиях. Если у них командир не совсем на голову утомлённый, должен сообразить, чем мы сейчас занимаемся. Можем ждать, что следующий заход по нам будет...

— Вот уж не обольщайтесь, господин старший лейтенант. На посадке нам подкинуть могут, не спору, только им сначала с действующим отрядом разделаться надо. А это не есть сильно просто. Как даже и с нами. Хотелось бы посмотреть, что у них раньше получится — заход на бреющем для стрельбы по малоразмерной цели или сваливание в штопор из-за потери скорости...

Самолёт тихо шелестел в воздушных струях, планировать он мог с этой высоты не меньше получаса и пролететь так километров пятьдесят. Считай, до своих эсминцев дотянет, а повезёт — сразу до крейсеров, мчащихся навстречу из всех машинных сил. «Чтоб два раза не бегать», как в старом анекдоте говорится.

«Да кто ж это ему позволит?» — здесь командир был прав. Ведущие бой штурмовики — это одно. Уцелеют они или нет — вообще дело тёмное, но на их бесконечных курсовых углах, пике и виражах, когда и пилот и штурман заняты боем и собственным выживанием, рассчитывать на качественные снимки наивно. Другое дело — плавное снижение, когда даже вибрация моторов не мешает! Тут такая

фотосессия получится, что сразу на ежегодный конкурс в «Ройял Нэви ревью» отправляй.

Дела вообще для англичан складывались довольно паршиво. Есть такие ситуации, когда частный успех никак не желает становиться победой. Сбито три «КОРа» из семи, но это не значит почти ничего. Зенитный огонь с кораблей пришлось прекратить, русские разведчики давно вышли из зоны и так вполне условного поражения. Флоту Его Величества не повезло. Бывают такие исторические моменты, когда высота задач — наивысшая, а руководство совсем никакое. У России аналогичная ситуация сложилась к Русско-японской войне. А обратная — в ушаковские и суворовские войны. Тогда получалось всё и всегда, даже при десятикратном численном превосходстве противника.

Хиллгарт и Эванс были обыкновенными тихими дураками, в чисто житейском смысле. Один по линии флотоводческой, второй — военно-морской разведки и «стратегии не прямых действий». Командиры трёх остальных крейсеров, включая «Гренвилл», — посредственности того уровня, для которых выйти эскадрой из порта приписки в хорошую погоду и, попав в девятибалльный шторм, всё же полным составом прибыть в порт назначения — уже подвиг, достойный креста Виктории.

Если бы при эскадре имелась приличная авиagrуппа с десятком «Суордфишей», толковым командиром и пилотами с полусотней боевых вылетов — тогда победа британцам была бы обеспечена. Но истребителей было всего два, и их пилоты друг другу не подчинялись, только командирам своих кораблей. А они картины боя не успевали улавливать по причине скоротечности маневров, да и надёжной связи с воздухом не имели.

Перехватчики развернулись и пошли вторым заходом на успевших сбиться в тесную группу разведчиков.

Скорость атаки — семьсот километров в час, «КОРЫ» ведут бой на отходе в сторону своих крейсеров и эсминцев, идущих навстречу. Каждый скачок стрелки секундомера — шаг к спасению и победе! Скорость сближения самолётов и эскадры — семь километров в минуту или 120 метров в секунду. Наши это знают, противник — нет, но догадывается о порядке величин. То есть продержаться нужно, с учётом всех маневров, — минут пятнадцать. Для воздушного боя на полное взаимное уничтожение — много.

«КОРЫ» встретили «Суордфишей» плотным огнём восьми спарённых «ДШК» против восемнадцати «браунингов». С дистанции шестьсот метров не попал никто, но пучки крупнокалиберных трасс прошли очень близко и выглядели весьма убедительно. Истребители дружно, не сговариваясь, свалились в вираж со снижением. Решили походя разделаться с планирующим разведчиком. Какая-никакая, а победа, стоящая ордена, при минимальном риске.

Наши, форсируя моторы, рванули на перехват атакующих истребителей по гипотенузе, на критических углах пикирования, зная, что носовые автоматические «двадцатитрёхмиллиметровки» с хорошей дальностью и приличным боезапасом дают им ощутимое преимущество. Англичанам вообще назад стрелять нечем, а их бронеспинки снаряд пушки МП-23 не удержат с любой дистанции, даже на излёте.

Как известно, стрелять в воздухе без компьютерных систем наведения, одновременно глядя в оку-

ляр прицела и продолжая пилотировать самолёт, — очень трудно. За всю Вторую мировую войну семьдесят процентов лётчиков всех воюющих сторон вообще не сбили ни одного вражеского самолёта, ещё двадцать — по одному-два. И только пять-семь процентов настоящих асов — все остальные. Так что большинство орденов, которыми украшены фронтовики-авиаторы, — это за количество боевых вылетов. Двадцатый раз живой со штурмовки на «Ил-2» вернулся — вот уже и Герой...

На планировании подбитый «двести восемнадцатый» набрал приличную скорость, поэтому рулей слушался и резким нырком с креном ушёл от пулёмётных трасс. Тут и товарищи подоспели, под их сосредоточенным огнём теперь уже истребителям пришлось свечками набирать высоту.

Бой явно потерял темп и азарт, горизонтальная маневренность у разведчиков была намного выше, да и боезапас посolidнее, так что они могли сколько угодно выразить, не теряя строя, и выжидать момент, когда противник зазевается на каком-нибудь маневре. В любом случае рано или поздно ему придётся, выработав горючее, садиться на воду, а уж здесь — верняк. Или лётчику бросать исправный самолёт и прыгать с высоты, рискуя навсегда остаться «затерянным в океане», либо ждать очереди в спину на посадочной глиссаде, а если враг заинтересован в трофеях, то попадать в плен вместе с машиной. Для «КОРа» сесть рядом с беспомощным «поплавком», только что бывшим гордым истребителем, — не проблема.

— Чёрт! — бегал по мостику Хиллгарт, с трудом ловя далеко ушедшие самолёты в тяжёлый бинокль. — Ещё два захода, и если они не собьют русских — нам конец!

Дальномерщики с КДП передавали по телефону нерадостные подробности воздушного боя, хорошо различимые с высоты мачты через десятикратно более мощную, чем у адмирала, оптику.

«Примерно так и выходит, — прикидывал по своим часам Харвуд. — Пусть не два, пусть три захода. А потом или патроны кончатся, или топливо. Да были б хоть пилоты настоящие, а то ведь стреляют по живой, активно сопротивляющейся цели первый раз в жизни».

Русские, справедливость требует признать, были не намного лучше, в смысле именно боевого опыта. Им бы сейчас снизиться до бреющего, разойтись широким веером над морем, чиркая днищами лодок за гребни волн, и ничего бы со своей скоростью и высотой истребители им не сделали. Правда, поврежденный «КОР» добили бы, а может, и нет, если б он сразу, заслонившись общей свалкой боя, спикировал до воды и сел под борт «Вилькицкому».

Но пилоты, и те и другие, начитавшись художественных книжек и всяких учебников, считали, что на войне нужно сражаться всегда, а не в случае самой крайней необходимости.

«Суордфиши» нарисовали в верхней точке почти чёткие петли инверсионными следами и снова ринулись парой на оторвавшийся при развороте от четвёрки разведчик, ведя беглый, до конца боезапаса, огонь. Похоже, их пилоты уже навоевались вволю, решили заканчивать, чем получится. Если бы они имели понятие, что это такое — и на тараны бы пошли.

Истребители догоняли «КОР» под острым углом, он не успевал совершить никакой осмысленный маневр, скорости не хватало. Только пикировать, пока крылья не отвалятся. Остальная тройка слишком

растянулась по фронту и высоте, снова прийти на помощь не успевала.

Летающая лодка, идя бортом к врагу, получила длинную очередь вдоль всего фюзеляжа, сразу густо задымила. Но и чудом уцелевший летнаб из своих «ДШК» не промахнулся с двухсот метров. От фонаря «Суордфиша» только брызги полетели. Изорванный пулями лётчик навалился на ручку управления, и истребитель, подгоняя себя полной тягой мотора, отвесно пошёл к воде.

Пилот разведчика, не вытирая заливающую глаза кровь, включил огнетушители. Тугие струи пены и встречный поток воздуха сбили пламя. С трудом слушаясь рулей, «КОР» кое-как уменьшил угол падения.

— Митя, ты как, Митя? — кричал мичман-летнаб в переговорное устройство.

— Живой пока, — отозвался пилот. — Подержи штурвал, я голову перевяжу. Ничего не вижу, бя...

Последний уцелевший «Суордфиш» сделал ещё один широкий круг, но патронов у него больше не было, и он решил садиться возле своего носителя «Блейка». Крейсера к этому времени уже набрали более чем двадцатиузловый ход на норд-ост и продолжали разгонять турбины. Значит, и про последний истребитель можно забыть, на этой скорости его обратно на борт не принять, остаётся озаботиться только спасением пилота, если сумеет приводниться впереди прямо по курсу.

Как раз к моменту, когда последний «Суордфиш» достаточно обогнал свой крейсер и начал готовиться к посадке на воду, один из трёх уцелевших разведчиков заметил нечто странное...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Бекетов ещё до начала боя сумел пробраться к основанию грот-мачты, откуда по идущей внутри неё трубе со скоб-трапом можно было подняться на запасной командно-дальномерный пост. Делать там Юрию было совершенно нечего, его больше интересовали погреба минно-торпедного боезапаса. Вот где можно разжиться чем-нибудь очень эффективным, например взрывателями глубинных бомб. Использованию их вне прямого назначения, в качестве мин замедленного действия и даже ручных гранат, диверсантов учили. А как проникнуть в нужное место, Николай ему нарисовал. Сколько у друга в голове хранится корабельных чертежей и схем — уму непостижимо.

В самом неблагоприятном случае на боевом посту в погребах могут оказаться четыре-пять человек, а в идеале — вообще никого. Двух пистолетов ему в любом случае хватит, чтобы очистить помещение. Потом задраить ведущий наверх люк и минимум полчаса спокойно заниматься своим делом.

Но тут вдруг по всем палубам крейсера ударили колокола громкого боя. К чему бы вдруг? Тревога, похоже, не учебная, самая настоящая боевая.

Перед тем как начинать «мятеж на «Потёмкине», надо бы посмотреть, в чём дело, оценить общую обстановку.

А откуда увидишь всю картину лучше, чем с боевого марса или КДП?

Цепляясь плечами за стенки узкой шахты, Юрий заспешил наверх. Через несколько минут за ним могут последовать те, кому положено находиться там по штатному расписанию во время боя. Надо успеть залезть, осмотреться и встретить. Впрочем, пост на грот-

мачте, кажется, запасной, не обязательно, что дальномерщики на нём должны дежурить постоянно.

Крышку люка он приподнял легко. В круглой стальной коробке трёх метров в диаметре — пусто. Окуляры горизонтально-базового дальномера Барра и Струда зачехлены. Тесно, конечно. Если откинуть сиденья — третьему и не поместиться.

Ну, кто первый пришёл...

Бекетов выглянул в прорези грибовидной командирской башенки. С двадцатиметровой высоты хорошо видна палуба и в корму, и вперёд, до самого бака, разбегающиеся по постам зазевавшиеся матросы, разворачивающиеся под разными углами антенные решётки и раструбы то ли приёмников, то ли излучателей, шевелящиеся стволы носовых башен главного калибра и зенитных автоматов. На удалении нескольких десятков кабельтов идут по левой раковине¹ строем пеленга мельком увиденные позавчера три крейсера. Довольно старой постройки, с двумя высокими прямыми трубами. Он сдёрнул чехлы, прижался бровями и носом к губчатой резине видеоискателя. Ого-го! Это совсем интересно!

На привинченной рядом с коробкой телефона алюминиевой табличке Юрий нашёл номер румпельного отделения. Снял трубку с широким раструбом амбушюра. Николай ответил сразу.

— Слушай, тут заваруха намечается. «Лаймы»²

¹ Раковина — боковой свес в корме парусного судна (по одному с правого и левого бортов). В настоящее время слово Р. употребляется для обозначения на какой-либо объект, находящийся от судна примерно на 45—80 градусов позади траверза, справа и слева соответственно.

² «Лайм» — на флотах жаргонное обозначение английских моряков, которым в XIX веке для борьбы с цингой выдавали лимонный сок.

сыграли боевую. Я сейчас на КДП. Обзор отличный. Милых в семи с зюйд-веста вижу несколько наших «КОРов»! Идут на эскадру. Почти у черты горизонта — большой сухогруз, над ним тоже они. Посмотрим, что дальше будет. А вы давайте, готовьте, что задумали. Или по моей команде, или, если не перезвоню, — сами минут через десять. И держитесь, сколько можно. Дальше — по обстановке. Да, слушай, с Егором приготовьте, что нужно, а потом пусть он идёт в кубрики. Раньше времени не показывается, а как почувствует, что ты своё сделал, поднимает ребят. Да, да, бунт, восстание — как угодно. С огнетушителями, баграми, ломами, лопатами — наверх. Отлично бы — хоть одну пулемётную установку на крыле заднего мостика захватить. С неё можно и палубы и ходовой мостик простреливать. Ну, там дальше я команду приму. Ясно?

Карташов всё понял. Они уже прикидывали подобный вариант: в подходящий момент, когда это будет иметь смысл и представится возможность, вывести крейсер из строя и взбунтовать «волонтёров». Боевой корабль так же уязвим против внутренней угрозы, как и средневековый замок. Все защитники заняты каждый своим делом, всё внимание — на внешнего врага. Изолированные по своим постам, башням и отсекам моряки не могут быстро прийти друг к другу на помощь, вообще понятия не имеют об общей обстановке. Не слишком трудно захватить даже ходовую и боевую рубки со всем командованием, и девятьсот человек экипажа не задумываясь начнут исполнять исходящие оттуда приказы. Пока кто-то из офицеров не сообразит, что творится неладное. Но что он сумеет реально предпринять?

В румпельном отделении находится собственно *румпель* — трёхметровый двуплечий рычаг, с помо-

щью которого *рулевая машина* через *баллер* передаёт крутящий момент на *перо руля*. Команды с основного и запасных штурвалов приходят к машине по электрическим кабелям, а в аварийных случаях перекладка руля осуществляется механически, штуртросами с центрального поста, спрятанного глубоко в недрах корабля.

Из сказанного следует, что, находясь в румпельном отделении, ничего не стоит лишить крейсер управляемости. Все необходимые инструменты находятся здесь же, в железных ящиках ЗИП¹.

Карташов снял крышку рулевой машины. Теперь по звонку от Юрия остаётся напрямую переключить реле, переложить руль в крайне правое или левое положение и отключить питание. Ну и штуртросы перерубить. Саму машинку изуродовать до полной неузнаваемости. Десяток ударов кувалдой по чувствительным местам — и порядок. Потом быстренько сматываться. При аварии штатного и запасного управления аварийная партия прибудет сюда через несколько минут.

Разведчики приблизились, и по ним неожиданно открыли огонь все зенитки эскадры, кроме их «Гренвилла». Он, впрочем, тоже стрелял, но только сигнальными ракетами с ходового мостика, вроде как требуя прекратить огонь. Одновременно «антенноносец» прибавлял обороты и явно выходил из общего строя. Уже градусов на тридцать отклонился на чистый ост. Расстояние между ним и отрядом ощутимо увеличивалось. Забавно!

Бекетов азартно наблюдал за перипетиями воздушного боя, в голос матерился и бил кулаком пра-

¹ ЗИП — запасные части и принадлежности.

вой руки по ладони левой, словно болел за свою команду на трибуне стадиона. Восторженно закричал, когда рухнул в воду один английский перехватчик и заскользил к горизонту, теряя высоту, второй. Вот и подходящий момент начинать действовать. Крейсера тоже ускоряли ход, всё дальше оставляя позади и справа «Гренвилл».

Юрий был настолько увлечён, что прозевал появление хозяев поста. Опомнился, когда под ногами задёргалась тонкая, из рифлёного металла, крышка люка. Первый рефлекс — выдернуть из-под ремня пистолет и стрелять в тех, кто появится. После того что он видел, факт англо-русской войны можно считать состоявшимся и моральных препятствий у него нет. Но...

На уровне инстинктов решение пришло быстрее, чем в связную форму успела оформиться мысль. Он отступил в сторону, люк открылся. Зачем-то ведь его учили воевать в любых условиях, порой совсем неожиданных, и учили по-настоящему, не то что персонажей приключенческих фильмов. Там главные герои настолько туповаты и заторможены в критические моменты, что позволяют противнику делать с ними всё, что придёт в голову. И только избитые до полусмерти, связанные или скованные, под прицелом десятка стволов вдруг обретают второе дыхание и начинают творить чудеса. Да оно, с точки зрения зрителей, и правильно. Не за то они деньги платят, чтобы узнать — профессионал в девяноста процентах случаев до махания кулаками и ногами дело вообще не доводит, а уж если выхода нет, решает вопрос одним-двумя почти невидимыми со стороны движениями. Без лишнего шума, без назидательных монологов... Скучно.

Пистолет здесь извлекать эффектным жестом

ни к чему. А вот чужое удостоверение — в самый раз.

Совсем юный младший лейтенант высунулся по пояс и замер, глупо таращась на незнакомого штатского.

— Заходите, лейтенант, заходите, — радушно пригласил Юрий, показывая карточку-удостоверение. — Я волею обстоятельств, кажется, занял ваше место? Приношу извинения...

Здесь его изысканная оксфордская речь оказалась в самый раз, показала, что он человек «из общества» и обладает достаточным чувством юмора, чтобы даже в такой, не располагающей обстановке изысканно строить фразы.

— Капитан Норманн Роупер, — назвал он первое пришедшее в голову имя, — военно-морская разведка. Что-то вы задержались, самое интересное пропустили...

Он указал сквозь открытые смотровые щели на торопящиеся к норду свои крейсера, кружащие в отдалении русские разведчики. — Не умеет наш флот ни стрелять, ни летать. Три эти черепахи за два сверхсовременных истребителя — невыгодный размен...

Известный приём — сразу увести разговор настолько далеко в сторону, чтобы собеседник и не вспомнил, с чего он должен был начаться. Так и получилось, лейтенант даже не задумался — а отчего это ни разу за время похода он не видел капитана ни в кают-компании, ни даже мельком, на палубах.

Тем временем в люк протиснулся старшина-дальномерщик. Тоже удивился.

— И что вы теперь собираетесь делать? — осведомился Бекетов. — Впрочем, если эти ребята наве-

дут на нас свои корабли, заняться будет чем. Только недолго...

Имен и фамилий он у моряков не спрашивал, подразумевалось, что разведка знает всё.

— Но выбирать нам, как я понимаю, не из чего, — подвёл итог Юрий. — Ну, к делу. Старшина, вам, кажется, придётся пока выйти наружу, здесь и двоим тесновато.

Молчаливый моряк посмотрел на своего командира, не услышал возражений и полез через узкую дверь между сиденьями на опоясывающий пост кольцевой балкончик с почти символическим леерным ограждением.

— Дайте-ка дистанцию до головного, — сказал Бекетов. Чуть было не вырвалось — «до флагмана», да вовремя удержался. Черт его знает, вдруг флагман как раз на этой лайбе идёт. А Юрию хотелось ещё какое-то время сохранять инкогнито. Вдруг пригодится.

Пока лейтенант крутил верньеры своего дальномера, Бекетов снял трубку.

— Давай, Коля. Клади руль «право на борт» до упора и ломай их машинку на хрен. Потом ждите. Появятся ремонтники — кладите всех. Не жалейте — они только что три наших самолёта сбили. Задраивайте отсек снаружи, маховик кремальеры тоже разбейте, и все вместе ходом в кубрик. Там поднимай, кого получится, — и вперёд! Я вас постараюсь встретить. Главное — без деликатности. Чёрт, не знаю я, где у них оружейка! Ладно, у первого попавшегося моряка спросишь — покажут. Разобрать винтовки и автоматы — вот тогда и наверх.

Лейтенант с удивлением обернулся на русскую речь. Знать язык, может, и не знает, а по звучанию угадал. Провал? А с чего вдруг? Какое лейтенантику

дело, на каком языке и с кем разведчик разговаривает? Наверняка ведь знает, что на крейсере русских перевозят. Гораздо больше оснований удивляться, что капитану разведки на КДП делать.

— До «Тайгера» — восемь миль, — начал докладывать лейтенант. — Скорость — двадцать два узла, продолжает увеличиваться. Для подъёма с воды «Суордфиша» адмирал ратьером приказывает «Блейку» сбросить ход и подобрать пилота... По возможности.

При этих словах голос у лейтенанта слегка дрогнул. Наверное, представил себе, каково это — на двадцатиузловой скорости попытаться подхватить с воды человека. Да его, если спасательная сеть хоть на метр промахнётся, в кашу изломает кильватерная струя.

Ничего странного в команде адмирала не было. После одномоментной гибели «Абукира», «Хога» и «Кресси»¹ (причём два последних были торпедированы при попытке спасти экипаж первого) англичане отказались от этой практики. С тех пор в зоне боевых действий тонущих принято предоставлять собственной участи или человеколюбию противника.

Очевидно, командир «Блейка» так и поступит, вообще не станет сближаться с пилотом. Вода тёплая, спасательный плотик в самолёте есть — продержится на воде до подхода русских. Если они пойдут именно этим курсом. Впрочем, его, скорее всего, подберёт экипаж приводнившейся всего в четырёх милях отсюда летающей лодки.

¹ Указанные крейсера были потоплены германской п/л U-9 22.09.14 г. у побережья Голландии. Англичане решили, что имел место подрыв на mine. При спасении экипажа «Абукира» «Хог» был торпедирован с дистанции 350 м. «Кресси» — со 100 метров. В общей сложности погибли 1469 человек.

— Адмирал сигналит нам, — продолжил лейтенант, — «Увеличить скорость до тридцати узлов, считать себя в автономном плавании, аппаратуре работать по основной схеме».

Судя по курсу, — в голосе офицера прозвучали мечтательные нотки, — мы всё-таки можем ещё попасть в Фуншал...

— Что, очень хочется? — сочувственно спросил Юрий, с точки зрения старого морского волка понимая желание младшего лейтенанта попасть не на войну и не в Исландию, а на первый, может быть, в жизни тропический остров.

Хотя он был морально готов к тому, что случилось в следующие секунды и минуты, всё же еле-еле успел схватиться за поручень рядом с сиденьем дальномерщика, почти повис на нём — слишком стремительно крейсер покатился вправо. Нарастающий крен на двадцатиметровой высоте производил куда более яркое впечатление, чем на палубе или в низах корабля. «Каково, — мельком подумал Бекетов, — приходилось матросам парусного флота на ногах бом-брам реев¹ тогдашних «выжимателей ветра» в свежую погоду, тем более — в шторм? И ничего, не срывались, и делали свою работу». Настил КДП уходил из-под ног. Лейтенант, не удержавшись, ударился лицом об окуляры, старшина чудом не улетел за ограждение наружной площадки. Рефлексы спасли, он, как обезьяна, вцепился в леера руками и ногами, наверняка сожалея об отсутствии ещё и хвоста.

— Что он делает? — испуганно пробормотал лейтенант, выглядывая наружу и имея в виду командира, конечно. С высоты грот-мачты происходящее

¹ Бом-брам реи — самые верхние, шестые по счёту снизу вверх, реи парусного судна с прямым вооружением.

выглядело страшно, как на аттракционе вроде «американских горок». Внизу была уже не загромождённая надстройками и антеннами палуба, а вспененная индиговая поверхность океана, очень сейчас неромантическая. Крен от грубейшей перекладки руля достиг не меньше чем тридцати градусов. Корабль, продолжая циркуляцию, постепенно выпрямлялся, но медленно, задумчиво. До Юрия начало доходить: ни он, ни Карташов судоводителями не были, и только что чуть не утопили крейсер со всем экипажем.

Казалось бы — что такого? Машина в десять тысяч тонн, длиной почти двести метров — и какая-то металлическая пластина под кормой, своим отклонением меняющая направление судна.

И тем не менее — практические последствия применения законов аэро- и гидродинамики подчас бывают совершенно катастрофическими, далеко выходящими за пределы обывательского воображения.

На двадцатиузловой скорости мгновенная перекладка руля на борт до упора — опасный маневр, от чего ход штурвала обычно принудительно ограничивается двенадцатью-пятнадцатью градусами. При этом угол крена достигает десяти градусов, что довольно много. А Николай, чтобы достичь максимального эффекта, силой загнал перо руля до технического предела. Наверное, ударом водяного потока баллер перекосило, и подшипники посыпались. А сам «Гренвилл» на циркуляции почти ушёл за критический угол крена, да ещё учитывая пониженную за счёт громоздких антенн и надстроек метацентрическую высоту¹.

¹ Метацентрическая высота (расстояние между метацентром и центром тяжести судна) — мера устойчивости судна, определяющая восстанавливающие моменты при кренах и дифферентах.

Бекетов представил, что сейчас творится в рубках и палубах крейсера; какая ругань стоит и что выслушивают от командира штурман, рулевой, старший офицер, механик и все, кто оказался поблизости!

Рулевой отчаянно крутит штурвал в обратную сторону, все остальные таращатся на стрелку указателя положения пера руля, а она прилипла к ограничителю — и ни с места. А корабль продолжает катиться по дуге, какой и на испытаниях не закладывал. Сейчас бы ударило шквалом с хорошей волной в наветренный борт — вот вам и *оверкиль*!

Командир, оттолкнув вахтенного штурмана, рванул ручки машинного телеграфа на «Стоп», ещё не понимая, что корабль отплавался на ближайшие часы, а то и насовсем. Уж под его командованием — точно!

Эскадра продолжала удаляться, ещё не зная о случившемся на собрате, которого совсем недавно полагалось охранять, как королевскую яхту с державным пассажиром на борту.

Диаметр циркуляции «Гренвилла» на среднем ходу — пять длин корпуса, чуть больше полумили, значит, длина описываемой окружности — около двух миль. Полный оборот, с учётом замедления скорости — 10 минут. Вот примерно через столько времени сигнальщики «Тайгера» заметят (а, возможно, и нет), что с «Гренвиллом» что-то неладно. Даже если заметят непонятный маневр, сочтут нужным доложить адмиралу, пока тот начнёт соображать и закончит этот утомительный процесс, примет решение (а сразу он его ни за что не примет, станет обсуждать со штабными), ещё минут десять-пятнадцать, если не больше, пройдёт. Расстояние между эскадрой и отставшим крейсером составит уже десять миль и будет увеличиваться, принимая

во внимание суммарную скорость расхождения и то, что «Тайгер» с мателотами продолжают резво набирать ход.

Если даже Хиллгарт примет самое благородное и самоубийственное решение — возвращаться за терпящим бедствие товарищем (при этом не ускоряясь, а, наоборот, снижая ход перед разворотом на шестнадцать румбов), на всё про всё потребуются гораздо больше часа. Как раз столько, чтобы на расстояние прямой видимости успели добежать «Новики», идущие на сорока узлах и наводимые уцелевшими «КО-Рами».

А «Аскольды» из своих восьмидюймовок смогут открыть огонь с двухсот кабельтовых (36 километров). Попасть с первых залпов, скорее всего, не сумеют (хотя всякое бывает, вспомнить хотя бы бой у мыса Сарыч¹), но частые залпы из сорока восьми стволов проводить спасательные работы точно не позволят. В лучшем случае англичане успеют торпедировать свой корабль, чтобы секретная техника и учёные специалисты врагу не достались. Так для этого возвращаться отряду необязательно, утопиться можно и самостоятельно.

Если поручик морской пехоты, имеющий к кораблеводжению и военно-морской тактике весьма косвенное отношение (просто на дальних переходах

¹ В бою у мыса Сарыч (18.11.14 г., Чёрное море) русский броненосец «Евстафий», стреляя по линейному крейсеру «Гебен», добился тридцати(!) процентов попаданий, в то время как в течение всех сражений на море в XX веке этот показатель колебался от нуля до трёх процентов. К примеру, в бою у Командорских островов (март 1943 г.) японская эскадра выпустила по американцам больше 1600 снарядов, достигнув двух (!) попаданий (около 0,1%), при наличии радиолокаторов, систем управления огнём и т.п. Кстати, при Цусиме они стреляли гораздо лучше.

плотно общался со штурманами БДК, ради расширения кругозора, и справочники разные читал), сумел произвести в уме такие вычисления и довольно точно спрогнозировать возможные действия вражеского командования, то командир «Гренвилла» со всеми своими штурманами — тем более. Правда, оптимизма, питаемого незнанием реальной обстановки, у него было чуть побольше. Сгоряча он понадеялся, что устранение поломки руля займёт от силы полчаса. В крайнем случае — разобщить рулевую машину, вручную выставить перо на ноль и уходить, управляясь только машинами.

(Никто здесь не мог представить, что в параллельной реальности в самом начале Второй мировой войны сильнейший линкор германского флота «Бисмарк» тоже, получив с виду несерьёзное повреждение руля, сутки нарезал замкнутые круги по Атлантике, так и не сумел починиться, дождался подхода чуть ли не всего британского флота и героически-бессмысленно погиб, расстрелянный артиллерией и торпедами, не спустив флага.)

А Бекетов продолжал действовать — уж больно хорошо ему (всем им) карта пошла. Не только на банальное выживание шансы повышаются на глазах, а грандиозная победа отчётливо вырисовывается.

Только отсюда сматываться надо, КДП очень скоро превратится в ловушку, из которой живым можно и не выбраться. Махнув рукой лейтенанту, мол, занимайся своими делами, а у меня поважнее появились, Юрий заспешил вниз, к ближайшему телефону, с какого можно позвонить и тут же исчезнуть.

Оказавшись в центральном штормовом коридоре, он почти столкнулся с группой моряков, бегущих в корму. Пришлось прижаться спиной к пере-

борке, пропуская вразнобой грохочущих каблуками по стальному настилу парней. Никто даже не посмотрел в его сторону, у каждого мысли сосредоточились только на своей задаче.

Палубой выше, на площадке, уже освещённой иллюминатором, Бекетов обнаружил искомый телефон. Вызвал ходовую рубку.

— Мне командира, срочно! — тут главное, говорить уверенно, не давать собеседнику задумываться.

— Командир поднялся на мостик, здесь старший штурман, кто говорит?

Определитель наверняка показал, с какого поста идёт вызов.

— Капитан Роупер, морская разведка, — Юрий говорил торопливо, задыхаясь, будто за ним только что гнались. — Информация особой важности! Доложите командиру — на борту вражеские диверсанты. Румпельное отделение взорвано, погреба главного калибра заминированы, включайте системы затопления, вообще, делайте же что-нибудь! Я... — и бросил трубку. Для паники всё сойдёт. Как-нибудь командиру придётся реагировать, а в условиях полной неясности обстановки и цейтнота — наверняка неправильно. Да и что сейчас вообще может быть правильно?

«Гренвилл», пробежав всё, что позволяла инерция огромной массы, закачался в дрейфе, вдобавок ко всем неприятностям — на самой отдалённой от эскадры точке циркуляции. Командир, commodore второго класса Клифтон Честер, был одновременно до предела возбуждён и подавлен. Такое психическое состояние редко, но встречается. Эскадра уходила, а он и его корабль, до клотика набитый сверхсекретной аппаратурой, стояли на месте, потому что не было смысла вертеться на месте, подобно собаке,

ловящей собственный хвост. Он приказал поднять на стенах флажные сигналы, сначала — «Не могу управляться», а потом — «Терплю бедствие», дублируя их ратьером и голосом по УКВ. Только едва ли стоит рассчитывать на помощь отчаянно убегających крейсеров. Зато русские разведчики, продолжающие кружиться в небе, сообразили, что с таинственным крейсером что-то не то. Двое остались на месте, ожидая, когда «Вилькицкий» подберёт севшие на воду машины, и продолжая наблюдать за противником, а третий, развернувшись, пошёл на восток, навстречу своей эскадре.

Формально коммодор за размещённое на его корабле чужое оборудование не отвечал, есть на то специально поставленные люди, нагло отказывающиеся сообщать Честеру истинные возможности и назначение множества антенных конструкций и сотен серебристых и зелёных ящиков, занявших место во всех кормовых подбашенных помещениях. Против «научного руководителя» Френча коммодор ничего не имел, видел он таких «профессоров», и если бы... Если бы не разведчик Эванс, он добился бы ответа на все интересующие его вопросы. Но Эванс — совсем другое дело. С ним опасается сказать лишнее слово даже Хиллгарт. Но сейчас терять уже нечего. Тем более, только что прибежал рассыльный и передал слова штурмана насчёт взрыва в румпельном и заминированных погребах. Полная ерунда! Грохот взрыва услышали бы сотни людей в корме. И как можно заминировать погреба главного калибра? Разве что ещё на берегу, до выхода в море?

Скорее всего, слова этого Роупера — полная ерунда. Кстати, такого офицера он не помнил и от Эванса не слышал. Разве что из тех, кто занимается этими русскими... В любом случае — немедленно

сюда этого «кэптэна», пусть принимает меры. Но первым делом — дожидаться ответа командующего. Сам Честер решение уже принял. Но вдруг у начальства другое мнение?

УКВ-связь работала неустойчиво, но говорить кое-как было можно, по пять раз переспрашивая и додумывая непонятое. Коммодор к этому моменту уже получил доклад командира аварийной партии — рулевая машина повреждена серьёзно, диверсанты потрудились как следует. Срастить штуртросы, прикрепив их прямо к румпелю — немногим быстрее, из них варварским образом вырублены зубилом и кувалдой двухметровые куски, вместе с проушинами румпеля. Нужно тащить сварочный аппарат, а пока выяснить, цел ли сам баллер, если погнут — придётся водолазов за борт спускать...

Всё это Честер сообщил адмиралу и выслушал в ответ поток самой отборной брани. Возвращаться к «Гренвиллу» Хиллгарт не видел смысла по очевидным и коммодору причинам — если не удастся решить проблемы своими силами, эскадра ничем не поможет. Буксировка крейсера возможна максимум на десяти узлах, а русские будут здесь раньше, чем её вообще удастся начать.

— Поэтому мы уходим. Сумеете дать ход — действуйте по плану. Нет — уничтожайте оборудование и топите крейсер. Кто попадёт в плен — должен назвать только своё имя и личный номер. Больше ничего...

В эфире повисла тягостная тишина.

Решение очевидное, но до чего же невыносимое! Может быть, всё же удастся договориться с русскими? Война ведь не объявлена...

Так командир и спросил.

— Вы идиот, Клифтон? — взорвался адмирал. —

Русские не станут с вами договариваться. У них достаточно оснований, чтобы под угрозой расстрела прямой наводкой взять вас голыми руками. Из плена вы, даст бог, вернётесь, а за сдачу противнику исправного крейсера и совершенно секретной техники вас приговорят к смертной казни. Это вам понятно?

— Так точно, сэр, — едва слышно пробормотал Честер, сунул в руки радисту микрофон и заплетающимися шагами пошёл не на мостик, а в свой салон на втором ярусе носовой надстройки.

Руководить гибелью своего корабля он не хотел. Есть другой выход, простой и очевидный. Вызвал с мостика старшего помощника. Не предлагая сесть, сообщил о приказе адмирала.

— Займитесь этим, Джером. Я не теряю надежды, что этот трижды проклятый руль удастся выправить. Но времени у нас в обрез. Прикажите стармеху и командирам обоих трюмных дивизионов готовить все кингстоны и клинкеты к затоплению. Дополнительно заложите подрывные заряды в междудонное пространство. Если вскоре появятся русские эсминцы, мы можем не успеть...

— Если они появятся и мы не поднимем белый флаг, нас просто торпедируют. Из всех аппаратов с предельной дистанции. Вообще ничего делать не придётся... — Шутка прозвучала, но командир её не принял.

— Вот именно, а я не хочу жертв среди наших людей. Они совсем ни в чём не виноваты. Одновременно с началом затопления объявите шлюпочную тревогу. Заблаговременно выведите наверх людей из нижних помещений. Если я почему-то не успею отдать команду «Покинуть судно», сделайте это сами, и вовремя. До первого выстрела русских.

— Почему не успеете, сэр? — заподозрил неладное старший помощник.

— У меня есть ещё и другие дела. — Честер показал пальцем наружу, на антенны и прочие устройства, громоздящиеся на палубе, кормовой надстройке и юте. — Это поважнее самого крейсера...

— Не понимаю, сэр. Если что, они уйдут на дно вместе с «Гренвиллом».

— Есть кое-что ещё, чего вам не следует знать даже сейчас, — криво усмехнулся коммодор.

Одновременно с вызовом старпома Честер послал вестового за Френчем и Эвансом, но эти господа уже сами примчались в приёмную его салона.

Терять командиру было уже нечего, и он заговорил с учёным и разведчиком непривычно грубо, как раньше себе не позволял.

— Вы, кэптэн, не разведчик, а дерьмо. Да-да, я сказал именно то, что хотел. Жалею, что не спустил вас с трапа при первом появлении на моём корабле. Не знаю, чем вы занимались раньше, но только идиот мог догадаться разместить на крейсере с секретным оборудованием две сотни русских головорезов. Их надо было перевозить на тюремной лайбе, в кандалах, да-да, в кандалах! Как раньше рабов из Африки! Эти подонки уничтожили мой корабль. Или вы хотите сказать, что это сделали мои матросы?

Эванс вспомнил свой разговор со Строссоном и прикусил губу. Да, чёрт возьми, надо было тогда же объявить общий аврал, вывернуть крейсер наизнанку, но найти сбежавших. Но кто же знал, что в ряды завербованных бродяг затесались диверсанты? Если бы исчезли настоящие британские офицеры, Эванс так не благодушествовал бы, само собой. А ведь и те и те русские. Может, вправду, напились, подрались, порезали друг друга. Конечно, он приказал всем сотрудникам, ответственным за транспор-

тировку русских, выяснить (но не привлекая излишнего внимания) у остальных, через добровольных осведомителей, не видел ли и не слышал хоть кто-то что-нибудь? До «начала беспорядков» никакой ценной информации, кроме уже имевшейся, ему не сообщили.

Приходилось признать, что капитан-лейтенант Строссон был прав. В том, что говорил о возможности «знающих людей» творить внутри крейсера всё, что им заблагорассудится. Но он же и дал понять, что вообще считает проблему с «побегом» не стоящей выведенного яйца. И Эванс согласился именно с этим. Потому что сам думал так же: «куда с крейсера денешься?» Тем более, до захвата «Вилькицкого» оставалось меньше суток, и все проблемы сами собой снимались. Куда больше кэптэна заботило выполнение основной задачи и сохранение тайны от всех, включая этого парвеню Честера.

Впрочем, ответ Эванса командира уже не интересовал. Он обратился к Френчу:

— От вас мне нужно одно — включите свои машинки и доложите, на каком расстоянии русские и каким курсом идут. Сработала ваша дезинформация или нет? Это всё. Пойдёмте, я сам хочу всё увидеть...

Учёный растерянно обернулся на Эванса, не зная, что отвечать.

— Вы на кого смотрите? Кэптэн, выйдите и ждите в приёмной.

Эванс подчинился, спорить с разъярённым Честером не имело смысла. Да и на самом деле — раз уж всё пошло в задницу, какие теперь инструкции? А этот бешеный бык и пристрелить может. Если крейсеру суждено утонуть, никто не будет выяснять судьбу каждого погибшего и пропавшего без вести.

— Вы поняли меня, «кэптэн»? — на этот раз, об-

ращаясь к Френчу, командир произнёс его чин со всей возможной иронией. — На борту я — единственный начальник. Для вас и для всех. Первый после бога. На ваши инструкции я плевал, хотя бы их писали вдвоём король и Первый лорд Адмиралтейства. Отвечайте — есть у вас в запасе что-то такое... Какой-нибудь шанс. Я слышал, вы должны были загипнотизировать (или как это правильней назвать?) перевозимых на борту русских. А если не только их? Вообще все ваши дурацкие секреты как-нибудь можно использовать для спасения крейсера, всех нас? Имейте в виду, у меня есть инструкция — не позволить вам и вашим людям попасть в плен живыми. Ну, думайте, думайте! Время на размышления, пока доберёмся до вашей «норы», — так презрительно назвал коммодор расположенный под броневой палубой центральный пост управления всей «машинерией» Френча.

— Идите вперёд, я за вами...

Честер переложил из ящика стола в карман пис-толет, сделал несколько крупных глотков из бутылки с виски, остальное крепкими, совсем не дрожащими руками вылил в узкое горлышко карманной фляжки.

Бекетов, до сих блестяще справлявшийся с поставленными самому себе задачами, в психологии масс оказался полным профаном. Ротой командовать его учили, и подчинённые бойцы выполняли команды безоговорочно и безупречно. Вот Юрию и вообще, что две сотни бродяг, авантюристов и неудачников с первых слов поверят ему или Николаю, поймут, о чём речь, дружно и, главное, организованно поднимутся на бунт.

Из истории известно, что даже в разгар восста-

ния Спартака многие освобождённые из эргастулов гладиаторы не присоединялись к его войску, а предпочитали «свободу в чистом виде», без всяких дополнительных обязательств. Да и в Гражданскую войну часть солдат и офицеров шла к красным, часть к белым, а большинство просто разбежалось по домам.

Точно так и сейчас. Николай с Егором и близнецами вернулись в свой кубрик и в лучших традициях митингового семнадцатого года (многократно описанного в книгах и изображённого на киноэкранах) попытались вдохновить «узников стальных казематов» на мятеж. Разумеется, это было глупо. Прежде всего, никто из них не умел «агитировать», то есть возбуждать людей пламенным словом, в котором, во-первых, не смысл важен, а накал примитивных эмоций. А во-вторых — на призывы к чему угодно реагирует только сообщество (или даже толпа), имеющее пусть не осознанный как следует, но общий интерес: грабить, уходить с фронта в тыл или штурмовать Бастилии. Нужен только толчок, обрушивающий лавину, или запал, взрывающий снаряжённую мину.

А здесь условия были наихудшие, проигрышные для самых записных ораторов времён восстания на «Очакове» или Гельсингфорсской резни. Прежде всего, волонтёры располагались в пяти кубриках, разнесённых по противоположным бортам и двум палубам, а агитаторов было лишь два, близнецы не в счёт, трибуны и горланы-главари из них — как из того самого бронебойные пули. В таких компаниях, как в зоне, на подготовку хоть массовых беспорядков, хоть побега нужно иметь непререкаемый авторитет и несколько дней на «разъяснительную работу». Две трети валявшихся на койках добровольцев вообще не врубались, о чём там базар пошёл, кое-что слышали и понимали только те, кто находился

на расстоянии вытянутой руки. Они же — соседи по койкам, за предыдущие дни уже установились в меру доверительные отношения. Среди них и нашлось около десятка человек, поверивших и решивших попытать счастья. Но что сделаешь с десятью людьми, не знающими корабельной топографии, элементарно не понимающими, что им предстоит совершить даже для собственного спасения, не говоря об государственном интересе и «гражданском долге».

Всё это быстро понял и осознал Бекетов, наконец добравшийся до своего кубрика.

— Спокойно, ребята, — успокоил он Карташова и Егора. — Политика — это искусство возможного. На уговоры и агитацию у нас времени нет. Зато я узнал, где оружие. Не очень далеко. Мы с пистолетами — впереди, остальные следом. Сработаем чисто и быстро, не такое делали. А вы, лублика, — с возможной степенью презрения выкрикнул своим командирским голосом Юрий всем прочим, толпящимся на трапах и в проходах между кубриками, — ждите. Или пока мы вас выручим, или пока через вентиляторы-газом не траванут. Живые вы никому не нужны...

Толпа загудела, но вразнобой, бессмысленно и бессвязно. Так не об общем интересе сговариваются, а препираются, кто что услышал и как понял. Подобные «толковища» редко к общему мнению приводили, и в любом случае не за несколько минут.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В Замке в это же условное время дела шли своим чередом.

Кристина закончила выяснять отношения с Ибрагимом и решила немедленно сообщить о загадоч-

ном происшествии (и странном эффекте блок-универсала) Сильвии и Удолину.

Удолин, в свою очередь, расставшись с Ибрагимом, уединился в своей комнате, чтобы ещё раз попытаться *обходным путём* установить ментальный контакт со своими приятелями и помощниками-некромантами. Но даже если и не получится, он уже отчётливо представлял, как они с Сильвией одновременно нанесут удар по Арчибальду и управляющей им части необъятной и непостижимой сущности Замка. Именно — по части, потому как целое столь велико, что просто не обратит внимания на это якобы «вмешательство» в его прерогативы, точно так же, как тропический лес останется безразличным к срубленному путешественником где-нибудь в дельте Амазонки дереву. Константин Васильевич паразит Арчибальда магическим, она — техническим оружием. Это, как минимум, лишит возмнившего о себе монстра «самосознания» на достаточный срок или, в идеале, навсегда заставит *голем* подчиняться императивам Белого Тезиса.

Примерно с такими же мыслями и целью Сильвия с Басмановым возвращались из шульгинского убежища по ставшему вдруг бесконечно длинным коридору. Судя по тому, что здесь уже случалось, например с Новиковым и Шульгиным, заблудившись в не для них предназначенных уровнях, Сильвия предположила — им приходится идти через какое-то дополнительное измерение, соединяющее очередную «нехорошую квартиру», экстерриториальную даже по отношению к заведомо экстерриториальному и эксвременному замку, с отведённой для проживания людей зоной. В *ту сторону* они попали гораздо быстрее и проще, но сейчас интуиция подсказала агтрианке — возвращаться по своим

следам не стоит. Опасно ли это и в какой мере — неважно. Не стоит, и всё.

А у «валькирий» сейчас никакого осмысленного занятия не было. Время до здешней полуночи все они, включая Настю и Кристину, вместе с лётчиками провели в небольшом зале, копировавшем какой-то весьма роскошный французский ресторанчик. За полузашторенными окнами видна была изумительно достоверная голопроекция ночного Монмартра с собором Сакре-Кёр на заднем плане. Жаль только, выйти туда через двери, очень похожие на настоящие, не получилось. Здесь Арчибальд организовал для них и лётчиков «вечеринку при свечах», вдобавок — с варьете. Исполнительницы песен и танцев выглядели настолько естественно, что вогнали простодушных «прадедов» в кратковременный ступор. Сами «валькирии» в двух предыдущих реальностях такого тоже не видели, но им было легче — они хоть представляли, как это сделано.

Честно сказать, мероприятие прошло как-то «не очень». Унтер-офицеры просто стеснялись девушек, старших по чину. Командир, второй пилот и штурман были пораскованнее, но всё равно не очень понимали, как с этими красотками-офицерами из далёкого будущего себя держать. Темы для разговоров находились с трудом, танцев столетней давности «валькирии» не знали, а «нынешние» шокировали бы лётчиков, это было понятно. Они и на сцену, где изощрялись солистки и кордебалет в стиле «Мулен Руж», старались не смотреть. Их всё там изображаемое, конечно, увлекало, даже очень, но, простите, не при девушках же...

Вдобавок имелась и другая причина для общей «зажатости». Анастасия не могла вести себя свободно с чужими мужчинами по известной причине. Ма-

рина была поглощена мыслями о Басманове, Кристина тоже выглядела озабоченной, пусть и не матримонийными проблемами. Ничто не ограничивало только Марию и Ингу, однако серьёзного интереса у них ни один из лётчиков не вызвал. Бывает такое. Вроде бы по всем параметрам нормальные парни, видные из себя, а вот — не зацепляют! Те, всё правильно поняв, через подобающее время проводили девушек на жилой этаж, тепло, но чисто товарищески попрощались у дверей, поблагодарив за прекрасный вечер, и ушли. Похоже, в тот же самый ресторан, чтобы теперь как следует, от души и с комментариями рассмотреть и послушать актрисочек, добрать, как в авиации положено, то, что выпить при «валькириях» воспитание не позволило.

Мария, оставшись одна, неторопливо разделась перед зеркальной стеной спальни, с удовольствием отметила, что парижские девки ей в подмётки не годятся, несмотря на свои неестественно длинные ноги, прозрачные трусики со стразами и боа из розового пуха, якобы прикрывавшие довольно-таки некондиционные груди. Такие мужчинам демонстрировать — себя и их не уважать. То ли дело — у неё и у подружек! Устроилась в просторном кресле посреди большой гостиной, закурила длинную ментоловую сигарету. Курить их как-то очень быстро приучили «обычные» девушки роты, те, ссылаясь на тяготы службы, дымили все поголовно, ещё и потому, что командиры-мужчины свято соблюдали право на обязательные перекуры: до, между и в конце каждого дела. А некурящие этой льготы были лишены, так уж издавна повелось.

Непривычная роскошь интерьеров слегка подавляла, в отличие от Насти и Людмилы она мало где бывала за пределами казармы, разве что несколько

дней на пароходе «Валгалла» в самом начале земной жизни.

Она не то чтобы завидовала подругам, обзаведшимся высокопоставленными женихами, но моментами становилось грустно. Самой близкой и понятной ей стала Маринка — в строю стояли рядом, жили вдвоём в одной комнате, много о чём «перешёптываться» приходилось. Общие интересы сложились. А вот теперь внезапно и у неё появился отдельный «интерес» — белогвардейский полковник Басманов. В том и дело, что не просто белогвардейский, а из руководителей таинственного «Братства», из которых близко знакомы были только адмирал Воронцов и Наталья Андреевна. Кроме... Но это совсем другое, из разряда «тайных воспоминаний», которыми она не делилась даже и с Маринкой.

...Случился однажды в посёлке их курсантской школы на Таорэре странный зимний вечер, сменившийся ночью редкой силы снежным бураном. Тогда начальница, мадам Дайяна, принимала гостей с настоящей Земли, трёх молодых мужчин, только что вышедших из боя с агрессорами-дуггурами, захватившими почти заброшенную Центральную Базу. Впрочем, всё это нынешняя Мария, а тогда не имевшая имени «воспитанница № 289» узнала гораздо позже. Им, как раз всей теперешней «семерке», было поручено исполнять на даваемом Дайяной в честь прибывших ужине роль официанток. Никто из них вообразить не мог, что это не слишком сложное задание изменит не только всю будущую линию жизни девушек, но и представление о ней, спасёт от скорой и неизбежной смерти, сделает, в конце концов, «недооформленных» кандидатов в координаторы офицерами Российской Гвардии.

В доставшемся им «наряде», поскольку работать

предстояло в своё свободное от учёбы время, оказалось много интересного и неожиданного. Дайяна приказала им получить на автоматическом складе полные комплекты настоящей земной женской одежды, причём всё очень высокого стиля и качества: туфли, бельё, красивые ярко-оранжевые костюмы с кружевными блузками. За какой-то час они прошли необходимый инструктаж, научились носить новую униформу и действовать так, как требуется от квалифицированных работниц ресторанного зала.

За два с лишним часа, что продолжался ужин, девушки успели присмотреться к первым в их жизни (кроме нескольких инструкторов и специалистов базы вроде Лихарева) настоящим мужчинам. Это и были легендарные (как тоже стало известно гораздо позже) основатели «Братства» — Андрей Новиков, Александр Шульгин и Олег Левашов. Ни с кем из них, кроме Левашова, и то на короткий срок, увидеться им с тех пор не пришлось. Да Мария так и не могла понять, хотела бы она новой встречи.

Когда ночь подошла к половине и девушкам уже надоело бегать на высоченных каблуках из буфета в зал, оттуда на кухню, в раздаточную, непрерывно менять тарелки и приборы, подливать гостям в бокалы и рюмки, ужин неожиданно закончился. Дайяна, почти всё время поглощённая разговорами с одним из гостей, Новиковым, на минуту его оставила, распорядилась убрать на столах, а ей и Кристине сопроводить Шульгина и Левашова до номеров и, как она выразилась, «на практике подтвердить полученные по спецкурсу-шесть высокие оценки». Сюжетная схема — на усмотрение.

— Справитесь — считайте, один госэкзамен сдали, — слегка улыбнувшись, сказала Дайяна. В ходе учебного процесса она любила употреблять лекси-

ку, соответствующую времени, в котором её воспитанницам предстоит работать.

«Спецкурс-шесть» — это теория и практика использования своих специфически женских способностей и возможностей в оперативной работе, включающий изучение психологических и физиологических методик всех стран и регионов Земли «от Ромула до наших дней». Вот сегодня Дайяне представилась возможность организовать зачёты «в режиме реального времени» и на неподготовленных объектах.

Отчего начальница выделила именно Машу с Кристиной — неизвестно. Она ещё предложила девушкам самим выбрать — с кем из двоих мужчин, с Шульгиным или с Левашовым, каждая из них предпочла бы «сдавать зачёт».

Тут девушки, не сговариваясь, пожали плечами — им, мол, совершенно безразлично. А в ином случае, не сейчас, так завтра, непременно последует вопрос — почему так, а не иначе, какие у каждой подсознательные комплексы сработали, не было ли здесь постороннего влияния на «свободу выбора» и тому подобное. Дайяна обожала устраивать подобные «микросеминары» по любому поводу и даже без оных.

С некоторым, как показалось тогда ещё «двести восемьдесят девятой», разочарованием «хозяйка» указала Марии на Шульгина, Кристине — на Левашова.

А с Анастасией вообще не советовалась, сразу приказала ей ждать и морально готовиться, пока она не закончит свои дела с Новиковым.

По пути к комнате, отведённой Александру, Маша выбрала схему работы с клиентом. Для начала — «гимназистка» (Дайяна сама давала названия каж-

дой из методик), то есть предполагалось сыграть роль невинной девушки, в силу возраста и под влиянием рассказов более опытных подруг обуреваемой «грешными мыслями». Её готовность уступить притязаниям кавалера должна быть тщательно замаскирована и всё же заметна. Ему останется сделать достаточно решительный шаг, и она позволит. Сначала, страшно смущаясь, — лишь кое-что, а потом, потеряв от собственного возбуждения голову, и всё остальное.

Если же партнёр проявит полную индифферентность к её ментальным и прочим посылам, тогда придётся включать более изощрённые методики. Уйти, не выполнив задание, она в любом случае не имеет права, иначе придётся распроститься с надеждами на достойное будущее. Дайяна подберёт провалившейся курсантке такое место и время для работы и такое амплу, что жить не захочется.

Но стараться Марии вообще не пришлось. Шульгин сам начал разыгрывать вариант «дама с собачкой» (ужасно остроумное название!), не требующий от девушки вообще никаких усилий. Словно бы встретились случайно (где? Ну, конечно, на курорте) бывшие «хорошие друзья», теперь — каждый со своей личной жизнью, но и с воспоминаниями о давней влюблённости. Встретились и решили реализовать хоть что-то из бывшего и несбывшегося. Без всяких взаимных обязательств.

Девушка даже удивилась поначалу. Как-то не приходило ей в голову (и Дайяна об этом не упоминала), что эти мужчины в той же мере владеют всевозможными технологиями, да вдобавок умеют считывать мысли или хотя бы эмоциональный фон находящихся рядом женщин.

Всё у неё с Александром получилось естественно

и спокойно, а от неё и не требовалось чего-то особенного, кроме как провести ночь с «объектом». Правда, сама она не испытала совершенно ничего интересного. Техническая процедура в чистом виде. Изобразила лёгкое подобие страсти, лишь бы мужчина не счёл её совсем уж бесчувственным бревном. Но Шульгину, наверное, сейчас именно этого и хотелось. Большую часть ночи они потом просто разговаривали на самые разные, подчас совсем неожиданные для неё темы. А утром расстались, вот и всё.

Отчего же как раз сейчас та давняя ночь вспомнилась Марии?

Только оттого, что подумала о столь внезапной, «с первого взгляда», что называется, влюблённости Марины? Или вспомнила о «Братстве» её избранника?

Неплохой выбор сделала подруга, если у неё, конечно, что-нибудь сложится. Михаил Фёдорович Маше тоже понравился, но Маринка его первая «за столбила», и, как поётся в песне из кинофильма «второй реальности»: «Уйду с дороги, таков закон...» Правильно, в общем-то. И в той и в другой России они успели посмотреть множество фильмов, прочитать книг и услышать песен, но те, что из реальности Фёста, сильнее за душу цепляют. Психологически ближе, курсанток Дайяна ведь к жизни и работе именно в этой реальности готовила.

Мария вскочила, натянула шорты, набросила на плечи рубашку. Что тут зря мыслями терзаться? Сна ни в одном глазу, так лучше к Маринке пойти, поболтать о том о сём. Если она у себя, конечно. А то мало ли...

Блок-универсал в карман — и вперёд!

Деликатно постучала в дверь условным знаком. И была сильно удивлена, увидев вместо Маринки

Ингу Вирен. Весьма легкомысленно одетую, в одном коротком пеньюарчике.

— Я номером не ошиблась? — спросила Маша на всякий случай, хотя совершенно точно знала, кто где разместился.

— Заходи, заходи, легка на помине. Как раз тебя хотели звать...

В гостиной у журнального столика сидела Марина, тоже почти без ничего. На столе неначатая ещё бутылка экзотического ликёра неизвестного происхождения. В мини-барах номеров этого добра имелся огромный ассортимент. Посвистывал закипающий чайник, стояли две чашки и раскрытая коробка конфет.

Инга принесла третью чашку и рюмку.

— По какому поводу сборище? — спросила Мария подсаживаясь, выложила блок-универсал, в данный момент имея в виду его портсигарную функцию.

— Да так, — ответила Марина, не по обстановке сосредоточенная. Её портсигар тоже лежал перед ней, раскрытый, в пепельнице дымилась сигарета. — Поговорить захотелось. Нас тут четверо неприкаянных осталось, отчего бы не обсудить, как дальше быть...

— Что нам обсуждать? Есть кому решения принимать, — не поняла Маша.

Инга снова вышла, слегка скрипнула входная дверь.

— Куда она?

— Кристину позвать. Сильвии у себя нет, смотрели уже. Настька со своим графом милуется, я видела, как он к ней шмыгнул минут двадцать назад. К Басманову и деду-профессору обращаться... Ну, сама понимаешь.

Вернулась Инга.

— Нету красоты. Не иначе «шеф» вызвал, срочную бумагу диктовать... — тон у Вирен был весьма ядовитый. Хоть и принесли «служебные отношения» Кристины с Катранджи каждой из девушек солидное «приданое», между собой они не упускали возможности съязвить по поводу её функции «личной секретарши».

— Так я не понимаю, — вернулась к своему вопросу Мария, вместе с подружками медленно вытянув рюмочку душистого, тягучего и зверски крепкого ликёра. После такого глоток крепкого кофе в самый раз, и сигарету. — Что за нужда подкатила? Как дальше жить — не от нас зависит.

— Кто знает, кто знает, — многозначительно сказала Инга. — Может, всё наоборот. Нас никто в расчёт не принимает, а вдруг мы — те самые джокеры в колоде.

— Три джокера — это круто, — согласилась Марина. Видно было, что она после шампанского, выпитого в приличном количестве и с отключённым гомеостатом (а иначе — какое удовольствие?), пребывает сейчас в самом подходящем для всяких авантюр состоянии. Легко, весело и, как говорится, что в одной, что в другой реальности — «море по колено». Мария с Ингой ощущали примерно то же самое. Для «закрепления эффекта» выпили ещё вкуснейшего ликёра.

— Видишь, какое дело, Маш, — сказала Марина, — Настька со своим б/у сделала такое, что и Сильвию в изумление привело. А мы чем хуже? Давайте вместе разберёмся, а вдруг что-нибудь ещё почище сейчас сообразим...

— Девки, а я, кажется, уже и придумала, — страшным шёпотом неожиданно для себя сказала она.

— Ну-ка, говори! — приказала Марина, а Инга опять налила всем.

Удивительное дело, Мария совсем не представляла, что же именно она придумала, но отступить было поздно.

— Давайте по третьей. Очень уж приятно пьётся, и мысли смотри как проясняет.

Спорить никто не стал. Правда ведь вкусная вещь, трудно удержаться.

По команде Маши выложили рядом все три блок-универсала. Сидели и смотрели на полированные внутренние крышки, в нужный момент становящиеся экранами трёхмерных дисплеев, не понимая, что же делать дальше, но будто загипнотизированные волевым посылом подруги.

А с Марией происходило странное. То ли ликёр подействовал совершенно необычным образом, то ли пребывание в Замке, воздействие неизвестных, пронзающих его полей, но у неё в мозгу будто начали в причудливом порядке открываться многочисленные «заслонки и задвижки», выпуская из тайных убежищ (или — узилищ) давным-давно крепко запертые там мысли. И не только мысли.

Она словно впала в некий транс, для неё длившийся очень долго, а для подруг — всего несколько секунд. Они обратили внимание на слегка затянувшуюся паузу и совсем короткую остановку дыхания.

Вдруг вспомнилось очень отчётливо — она лежит в постели, закинув руки за голову, и слушает его слова. Они снова звучат в ушах, будто произносятся прямо сейчас:

— Восточные и отечественные сказки о неожиданных подарках в ответ на бескорыстную доброту — вовсе не сказки. Я тебе тоже сделаю такой подарок. Ваша Дайяна об этом не узнает, и никто ника-

кими силами не сможет узнать о твоих новых способностях. К утру ты о моих словах забудешь, а время придёт — вспомнишь...

Александр сидел слева от неё, ближе к окну, курил в темноте, пуская в потолок подсвеченные огоньком вспыхивающей сигареты струйки дыма. Снаружи бесновалась пурга, от порывов которой, кажется, вздрагивал весь дом. А в комнате было тихо, тепло, по-особому, на фоне буйства стихий, уютно.

— Что же это за подарок? — спросила Маша, не зная, верить или не верить сказанному в постели. Впрочем, обычно несбыточные обещания мужчины дают девушкам «до того, как», а не после.

— Да уж на колечко с бриллиантами, горностаевую шубу или дорогую машину пока не рассчитывай. Когда-нибудь потом, если встретимся. Такой, как ты, в предстоящей жизни нужнее всего будет что? — подождал секунду, не услышал ответа. Протянул руку, погладил её по щеке, полуприкрытой прядями волос. — Правильно — удача. Будет удача, остальное несущественно. С крыши сорвёшься, так обязательно в кузов проезжающей внизу машины, гружённой сеном, угодишь. И в этом роде. Всего и нужно — несколько формул, или, попросту говоря, заклинаний, в твоё подсознание добавить. Они там будут лежать спокойненько и прорасти незаметно, как упавшее в землю зерно.

Вдруг спросил неожиданно:

— Библию читать не приходилось?

— Нет, — ответила Маша, — знаю, что это за книга и о чём она, но сама не читала, нам всем это не нужно. Может быть, тем дадут, кто с церковью будет связан...

— Ну, не беда. Будут ещё случаи. Просто вспом-

нилось мне, когда про зерно сказал: «И вышел сеятель сеять, и когда сеял, иное зерно упало у дороги и птицы склевали его, другое — на каменистое место, взошло и быстро засохло, попавшее в тернии увяло и не дало плода, а иное упало на добрую землю и принесло в тридцать раз от посеянного, и шестьдесят, и сто». Вроде бы примерно так. У Марка в Евангелии, или у Иоанна — не помню, а суть верна. Приживётся то, что я тебе подарю — научишься этим пользоваться, и до конца дней всё, что хоть в какой-то мере возможно, будет случаться по желанию твоему... Да-да, именно так: нужно будет только сильно захотеть...

— А как это — сильно? — спросила девушка.

— Трудно объяснить словами. У всех получается по-своему. Ну, приблизительно... Представишь то, что тебе сейчас нужнее всего, очень ярко и наглядно представишь, и тут же — выброс волевой энергии. Не веры, которая якобы горы сдвигает, а воли!словно как штангист груз выталкивает над собой, заведомо ему непосильный. И становится чемпионом... Не могу лучше объяснить. Когда-нибудь сама поймешь. И хватит разговоров. Спи!

Она очнулась. Встряхнула головой. Неужели наконец пришёл обещанный момент? Так что она хотела, зачем приготовила блок-универсалы? Думай, думай, чего ты сейчас хочешь? Не опозориться перед подругами за сказанную не подумавши глупость? А ещё? Ну!

И вдруг всё случилось само собой. Она вспомнила, просто вспомнила неизвестно когда мельком сказанные Лихаревым слова. О том, что все блок-универсалы одной конструкции, только допуски к ним у всех разные. Но внутри просто должны

иметься коды или инструкции, пользуясь которыми специально обученные лица могут настроить приборы соответственно рангу их владельца. И даже резиденты высоких рангов имеют право регулировать блок-универсалы и Шары нижестоящих агентов. Так, Сильвия со своим б/у может совершать куда больше манипуляций, чем он, координатор всего на две ступеньки ниже. Дайяна — больше, чем Сильвия, а кто стоит выше Дайяны, ему неизвестно. И ничего бы он больше не желал в этой жизни, как узнать ключ, раскрывающий коды.

Всего этого Лихарев не имел права говорить курсанткам, не прошедшим посвящения даже в самый низший «офицерский» чин, они в тот момент были не более, чем эстандарт-юнкера¹. Однако Валентин после бегства со своей должности в сталинском СССР числился у Дайяны «официальным диссидентом», она пользовалась его услугами только за неимением никого лучшего. Вот он и рисовался перед девушками вольномыслием, рассчитывая в будущем перетянуть кого-то из них на свою сторону.

Вот эти коды им сейчас и нужны. Всего лишь! Если бы ещё представить, как *это* может выглядеть!

За неимением другого способа, она вообразила страстное желание, которое могла бы испытать, влюбившись без памяти и мысленно умоляя своего избранника догадаться об этом, взять её за руку и самому признаться в не менее сильном чувстве. Представила и тут же увидела то, что хотела.

Внутри блок-универсала, под клавиатурой, возле нижнего края — совсем маленькая, в половину поч-

¹ Эстандарт-юнкер — в русской армии конца XIX — начала XX века звание (но не чин) окончившего курс военного училища, до произведения в обер-офицеры. Примерно то же, что *корабельный гардемарин*.

товой марки молекулярная плата, соединённая тончайшими, почти незримыми нитями с чем-то вроде коммутационного узла для сигналов, исходящих при замыкании кнопок и сенсоров.

Мария всё это видела и понимала, точно так, как опытный инженер с одного взгляда способный назвать предназначение и технические характеристики любой детали на шасси лампового радиоприёмника.

Сейчас её это нисколько не удивляло. Так и должно быть. Она захотела — и поняла устройство созданного, может быть, за десятки, а то и сотни тысяч лет до Рождества Христова прибора глазами его изобретателя или наладчика. Пусть те же сотни тысяч лет в агтрианской империи отсутствовало само понятие технического прогресса, но было ведь время, когда существовали и у них изобретатели и конструкторы!

Теперь нужно нажать вот эту, эту и эту кнопки, именно в таком порядке, дать сигнал отмены и ровно за две секунды повторить комбинацию в обратном... Методом случайного подбора и за тысячу лет не угадать.

На полированном золоте крышки возникла таблица из двадцати с лишним пунктов. Слева значки, справа поясняющий текст. Как, допустим, словесная расшифровка текста на основе азбуки Морзе.

— Вот тот полный код, про который нам Лихарев говорил...

Марина с Ингой дружно ахнули от неожиданности. Будто им предъявили лампу Аладдина или называли пароль «Сезам, откройся!».

— Как ты это сделала? — спросила Вирен, глядя на Марию недоумённо, пополам с недоверием.

— Не знаю, — честно ответила та.

А Марина вдруг расхохоталась:

— Ну, фокусница! И зачем, интересно, нам это нужно?

Девушки опять посмотрели, и до них дошло! Пояснительный текст был на агтрианском языке! Вот действительно фокус. На самом ведь деле — кто в незапамятном прошлом вообще подозревал, что когда-то на одной из планет Галактики возникнет русский, да какой угодно язык?

— Это называется облом! — удивительно спокойно сказала Мария. — Дайяна агтрианский, конечно, знает. Сильвия с Лихаревым, наверное, тоже. А нас научить не успели...

— Что же теперь — к Сильвии обращаться? — иронически произнесла Инга. — Она нам спасибо скажет и «игрушку» элементарно отнимет!

— Да нет, подождите, — возразила Маша, — не на ней одной свет клином сошёлся. Левашов, например, и Воронцов смогут, наверное, Валентина отыскать и заставить сделать перевод. Да зачем Лихарева искать? — вдруг сообразила она. — Завтра *твоему* (не смогла она даже в такой момент не «поддеть» Марину) Михаилу Фёдоровичу скажем — он при нас Сильвию *попросит*, и ничего она у нас в таком случае не отберёт. А от «Братства» нам, глядишь, ещё и благодарность какая-нибудь выйдет. Сколько лет прошло, как Сильвия на их сторону перешла, а дальше её уровня с блоками и шарами не продвинулись. А теперь благодаря нам все до уровня Дайяны и выше подняться смогут...

Инга сидела молча, как бы не слыша, о чём говорят подруги.

«Но это всё хорошо, — продолжала думать Мария, — однако случится только завтра, и не придётся

нам самим хоть на время ощутить себя умнее и могущественнее всех».

От разочарования, от глупой шутки судьбы она опять потянулась к бутылке с ликёром. Выпьем ещё, теперь как бы с горя, покурим и спать разойдёмся. Обидно, но что поделаешь? Александр Иванович не всё ей тогда объяснил. Можно силой желания заставить произойти маловероятное, но практически осуществимое событие. Внутри самого блока объективно имелась доступная любому подсказка, вроде загадочной картинки, замаскированной путаницей посторонних линий, она захотела увидеть нужные закономерности — и получилось. Но потребовать, чтобы у тебя в памяти вдруг обнаружился полный русско-агтрианский словарь, которого там никогда не было, — это за пределами любой вероятности.

— Стоп, девки, стоп, — сказала Инга, прикуривая сигарету и не отводя глаз от дисплея, — а я ведь кое-что разбираю! Вот это слово я видела, и это... А вот это, кажется, означает — «сильный, крепкий»... А дальше... — она пожала плечами.

— Откуда?

— Я вам не говорила, что Валентин одно время заигрывал... Нет, не в том смысле, он и без заигрываний от любой из нас что угодно мог получить, только его это не интересовало. Он меня вербовал осторожно, в комнату к себе приглашал, разные интересные вещи рассказывал, о своей прежней службе и о том, как и что дальше может получиться у тех, кто ему помогать станет...

— Ну и что? — спросила Марина. — Он не только с тобой эти разговоры вёл...

— А то, что у него как раз был нужный нам словарь! Он нечто вроде дневника вёл или научный труд писал как раз на агтрианском. Я открытую тет-

радь с этими закорючками увидела и спросила... Он мне и ответил. Язык Валентин очень нетвёрдо знал, а ему приходилось, когда Главная База без специального персонала осталась, со всеми компьютерами и прочими устройствами самому разбираться. Вот он и сумел в памяти одной из машин словарь найти и распечатать...

— И что? — не выдержала обстоятельности подруги Мария.

— А то, что я этот словарь, просто от любопытства, полистала. Именно полистала, запоминать и заучивать не пыталась...

— Я всё поняла, — воскликнула Маша. — У тебя в памяти... Если бы ты смогла снова увидеть... Давай попробуем, вдруг...

После нескольких мучительных и неумелых попыток пробудить память Инги, та вспомнила не меньше двух, а то и трёх сотен слов, только, к сожалению, среди них оказалось слишком мало нужных. Из всех перечисленных на дисплее функций смогла с подобием уверенности разобрать только две.

— «Сильное подавление осознанного (осмысленного) мыслительного (разумного) состояния (поведения, процесса). Контроль... Власть...

— Какой контроль, чего? Власть — чья, над чем?

— Откуда я знаю. Не соображу даже, «контроль» и «власть» — к одной функции относятся или к разным. Тут же предлоги всякие, служебные слова, усиливающие или снижающие значение существительных. Язык по типу и конструкции совсем не русский, нельзя вообще поручиться, что и остальное нужно понимать, как нам кажется. Дальше полная абракадабра, — кусая губы, ответила Вирен. — И вот это: «Неограниченное (беспредельное) перемещение (движение, изменение положения)» Всё,

сестрицы, конец на этом. Ничего больше не осталось в голове. Или слишком быстро словарь листала...

— Или Валентин пресёк твою самостоятельность. Представь, что ты в кабинете полковника Ляхова стала бы папки с документами просматривать, а он бы вдруг вошёл...

— Там бы похуже, наверное, было, — согласилась Инга.

— Но всё же кое-что, — подбодрила подруг Марина. — К тому, что мы уже имеем, — неплохо. «Подавление осознанного мыслительного процесса» — я так понимаю, у любых существ? Подавление, а не «стирание», если Инга не напутала. Вот здесь и вот здесь нажимать. Жалко испытать не на ком...

— Сейчас испытаем, — с несколько зловещим видом сказала Мария. — Помните, «дядюшка Арчибалд» предложил к нему обращаться в любой момент. Вот давайте и обратимся. А то все сейчас куда-то разбежались и чем-то занимаются, одни мы скучаем...

— Ну, не так уж и скучаем, — не согласилась Марина. — А сходить можно, почему и нет. Поговорим, спросим кое о чём. Глядишь, внесём свою лепту в прояснение обстановки. А если он вдруг агрессивность проявит, тут мы его и «подавим». Потом и к Сильвии обратиться будет можно...

— Значит, решили. А «неограниченное перемещение» нам пока не нужно, хотя, скорее всего, именно так «старшие» с Таорэры на Землю попадали и обратно. — Мария окончательно приняла на себя руководящую роль, и Марина с Ингой эту «узурпацию» очевидным образом приняли. — Значит, теперь быстренько по комнатам, пистолеты на всякий случай возьмём, оденемся поприличнее, — на самом деле, троица выглядела весьма привлекательно, но не

для того, что они задумали. У самой Маши хоть нижняя часть шортами прикрыта, а у подруг и для «Мулен Руж» чересчур откровенное неглиже.

— Только не переборщите, никаких камуфляжей и ботинок. Простая домашняя одежда, сарафанчики или брючки с маечками. Ночь на дворе, и мы никуда специально не собирались...

О пистолетах Мария сказала специально. Всё та же психология, какой их тщательно учили на Таорэре, и в «печенегх», Воронцов с Натальей, Майя и Татьяна, везде — применительно к разным обстоятельствам. Если человек, тем более — «слабая девушка», надеется на огнестрельное оружие, значит, никаких более мощных и эффективных средств нападения и защиты у неё нет. И Арчибальд, более-менее зная о способностях Сильвии, Удолина, Фёста, едва ли в курсе истинной сущности «валькирий».

В сумке у Марии кроме штатного был второй пистолет, почти «дамский» «вальтер ППК», для таких примерно случаев. Она засунула его за пояс, прикрыла рубашкой навывпуск. Застегнула только нижние пуговицы, три верхних не стала, и бюстгальтер не надела — ещё один способ отвлечения внимания «вероятного противника» на второстепенную деталь, вплоть до изменения направления мыслей.

Блок-универсал — в нагрудный карман, раз не прячет что-то, значит — нечего прятать. И достать его небрежно, сделав вид, что закуливаешь, легче отсюда, чем из заднего кармана втугую сидящих шортов.

Марина с Ингой обе оделись в коротенькие, с глубокими вырезами платья, в таких скромных девушкам и садиться и наклоняться нужно с особой осторожностью. Мало кому придёт в голову, что под

едва доходящими до середины бедра подолами могут скрываться пистолеты.

— В таком виде, бабоньки, прямиком на панель отправляться, а не на серьёзный «экс»¹, — пошутила Маша, осмотрев подруг.

От лестничной площадки влево и вправо тянулись длинные, сводчатые, полутёмные коридоры, внушающие своей гулкой пустотой неопределённое, но отчётливое беспокойство. Хотя вроде бы трём хорошо подготовленным «специалисткам» опасаться было нечего. Чистый атавизм.

— Все продумали, кроме одного — где «дядюшку» искать, — сказала вполголоса Марина.

— Не проблема, — улыбнулась Мария. — Он ведь сказал, что в Замке, где бы мы ни находились, достаточно отчётливо произнести вслух, что нам нужно, и сенсоры тут же передадут запрос для исполнения. Так что...

Она повернулась почему-то влево. Произнесла несколько капризно, как и положено племяннице, что-то выпрашивающей у мягкосердечного родственника:

— Дядюшка Арчибальд, нам скучно и грустно, спать совсем не хочется, а вы обещали...

— Да-да, покажитесь и придумайте для нас что-нибудь увлекательное, необычное, вы ведь всё можете... — продолжила Инга и даже ножкой притопнула для убедительности.

— Пригласите нас в свои апартаменты, — уточнила Марина. — У вас там наверняка столько удивительного...

¹ В данном случае сокращение не от «экспроприации», которой любили заниматься большевики и эсеры, а от английского «execution» — «исполнение, экзекуция», выражение из сленга «печенегов».

Девушкам показалось или на самом деле очень далеко словно лопнула серебряная струна, по коридорам пронёсся мгновенный, удивительно мелодичный звон. И тут же стих.

Прямо напротив места, где стояли, едва не прижимаясь друг к другу, «валькирии», в стене появились и тут же медленно открылись высокие резные двери.

— Входите, — раздался глубокий, проникающий не только в уши, а заставивший резонировать все внутренние органы баритон. Словно голос чудища из сказки «Аленький цветочек».

Они вошли, изображая удивление, робость, подталкивая друг друга вперёд, будто каждая старалась спрятаться за спинами подруг.

— Смелее, мои милые, смелее, — благожелательно пророкотал тот же баритон, слишком громкий и сильный для человека, сидящего в кресле у дальней, метрах в двадцати от входа, стены. Наверное, где-то спрятаны усиливающие не только звук, но и обертоны динамики.

Кабинет был огромен, чрезвычайно богато украшен, что называется — «с варварской пышностью». Яркие, с высоким ворсом ковры на полу, разноцветные драпировки из драгоценных тканей по стенам, резная причудливая мебель, живые растения в кадках, кашпо и просто свисающие вниз с карнизов, мраморные статуи в межоконных нишах, развешанное всюду старинное оружие, даже небольшой фонтан с водопадиком имел место.

— Ух, ты! — не сдержалась Марина. Это был возглас не восхищения, как, наверное, вообразилось Арчибальду, а искреннего удивления превосходнейшей воображение безвкусицей.

— Только аквариума с бегемотиками в углу не хватает, — добавила Инга.

Зато в высоченные стрельчатые окна был виден сумрачный океан с даже на вид тяжёлыми, словно ртутными волнами. Снаружи была не ночь, а поздний вечер, когда солнце давно зашло, а тьма всё никак не может вступить в свои права. Девушкам показалось, что за окнами совсем не земной пейзаж. Угнетающий.

— Идите, идите сюда... — звал хозяин.

Они шли, шли и никак не могли дойти. Такой эффект, как на площади перед собором Святого Петра в Риме. Арчибальд смотрел на них и улыбался. Он явно был занят работой, но ради вызвавших его «племянниц» решил прерваться на время. Впрочем, оно (время) для него здесь не существовало. Любой миг мог длиться дольше века. И наоборот, естественно.

На гигантском столе Арчибальда помещался пульт с невероятным количеством всяких экранов и экранчиков, сенсорных полей, джойстиков, сигнальных лампочек и бог знает каких ещё приспособлений.

А позади него вся торцовая стена представляла собой ещё один, не меньше чем шесть на десять метров, экран. На нём замер остановленный кадр, скорее всего из исторического или приключенческого фильма.

Не работал, значит, дядюшка, а развлекался?

На экране тоже было море, только ярко-синее, летнее, полуденное, большие военные корабли на нём, маленькие самолётики в небе...

Да какая разница, что он там смотрит.

— Заскучали, говорите, — добродушно улыбаясь, сказал Арчибальд. — Понимаю, понимаю. Стар-

шие занимаются своими делами, лётчики вас развлечь не сумели, да это и естественно. Такие красавицы, с интеллектом, с высокими эстетическими запросами и строгими моральными принципами. Вам нужны совсем другие кавалеры. Несколько позже мы и этим займёмся. А пока...

Он указал рукой на едва заметную между драпировками дверь нормальных, человеческих размеров. За нею оказалась не слишком большая, но столь же перегруженная всякими декоративными «прибамбасами» комната. Посередине стоял круглый стол, уже накрытый, как для ужина у эмира Бухарского или иного восточного, но достаточно европейзированного владыки. За каждым мягким полукреслом, в которые расселись девушки, немедленно возникли лакеи в алых ливреях, с каменными лицами.

— Пожалуйста, девушки, вы ведь так проголодались, — заботливо сказал Арчибальд, и все почувствовали, что на самом деле удивительно голодны. Они уже сталкивались с этим свойством Замка. Кое в чём — забавным. Особенно — для гурманов-любителей.

— Ешьте, пейте — к вашим услугам лучшие вина и прочие напитки этого и параллельных миров. Не сдерживайте себя — ни еда, ни напитки вам не повредят в любом количестве: это всё для наслаждения, а не для обеспечения примитивных физиологических потребностей. И будем вести приятную застольную беседу...

При этом Арчибальд так на них смотрел, что, не зная девушки о его «механической» сущности, могли бы и испугаться. Будто султан, пригласивший для знакомства вновь поступивших в его гарем наложниц и прикидывающий, с кого из трёх и каким способом начать. Впрочем, весьма возможно, что эсте-

тические пристрастия робота предполагают «любование красивыми девушками». Как у суровых самураев — созерцание полной луны или цветущей сакуры.

Он почти заставил их выпить по одному и сразу же по второму (наверняка золотому, усыпанному изумрудами, сапфирами и рубинами) кубку. Вино и вправду было немыслимо вкусным и сразу ударило в голову. Хорошо, что, идя «в гости», они включили гомеостаты, оформленные под наручные офицерские хронометры. Слегка массивные для девичьих рук, но такая уж в «дамской» роте мода. Время «часы» тоже показывали.

С полчаса разглагольствуя на темы, которые он считал подходящими для светского разговора, Арчибальд заставил, точнее — убедил словами и личным примером выпить ещё и ещё. Да и само вино обладало свойством усиливать жажду. Может быть, робота и начала удивлять необычная устойчивость юных существ к алкоголю, но виду он не подавал, а девушки старались вести себя правильно. Ну, пусть не настолько пьяны, чтобы танцевать на столе и совершать иные глупости, но весьма и весьма навеселе. Как раз чтобы громко смеяться и задавать неуместные в нормальном состоянии вопросы.

В какой-то момент, показавшийся Марии подходящим, она спросила Арчибальда, с трудом фокусируя на нём до невозможности наивные глаза:

— Всё-таки скажи, зачем мы тебе здесь потребовались? Забирал бы к себе «старших», они много знают, и вообще... А мы?

Робот давно велел обращаться к нему на «ты», и получалось это у подвыпивших девушек вполне естественно, как же ещё богатого и совсем не старого дядю называть?

— Мы не против, не думай, здесь у тебя классно! Мы готовы целыми днями смотреть и смотреть, что тут у тебя есть, но всё равно интересно — ты, можно сказать, властелин мира, и вдруг нами заинтересовался. Как король пастушкой...

Арчибальд довольно засмеялся — самая грубая лесть ему была приятна и принималась за чистую монету. Нарочитость и фальшь в словах собеседника он не способен был различать, если только не включалась специальная программа, заранее написанная Замком для определённой ситуации. Тогда Арчибальд мог показаться и умным, и тонким, и проницательным, точно так, как актёры, исполняющие, к примеру, в «Семнадцати мгновениях» роли весьма квалифицированных разведчиков и контрразведчиков мирового уровня. А за пределами съёмочной площадки они, весьма вероятно, не способны были разобраться в простейшем бытовом конфликте или спланировать собственное поведение на сутки вперёд.

Вот и Арчибальд, с блеском исполняя перед «хантерами», житейски и политически искушёнными людьми, роль Боулнойза, вынужден был часто исчезать из Лондона для «перезагрузки». Даже вся мощь Замка не могла на протяжении недель поддерживать иллюзию «самостоятельно мыслящей личности». Проще было бы создать настоящее живое существо на базе уже существующего, как Замок это проделал с образом Натальи Андреевны. Но такой «объект» немедленно вышел бы из-под контроля, управлять им было не под силу механизму любой степени сложности.

— Вы очень умные девочки, — сказал Арчибальд, умильно улыбаясь и кладя руку на коленку Инги. Без всякой «задней» мысли, просто как знак

непринужденности в отношениях. — Задаёте правильные вопросы, а главное — догадались сами ко мне прийти, не спросив позволения у старших.

Он сделал жест, и слуги вновь наполнили бокалы ему и «валькириям». Мария подумала, что выпила уже не меньше литра, как бы хозяин не заподозрил чего... Впрочем, есть проверенный способ. Она, потупив глаза, осведомилась у Арчибальда, где «дамская комната», и они все трое направились туда, не совсем уверенно шагая, поддерживая друг друга, перешёптываясь, то тихонько хихикая, то в голос хохоча над какими-то, судя по их улыбочкам, непристойностями.

— Надеюсь, здесь он видеокамер не поставил, — сказала Маша, заходя в кабинку. — Минут пятнадцать заставим его подождать. Пусть считает, что мы освобождаемся, по-древнеримски, от угощений, чтобы с новыми силами продолжить банкет...

Подкрасились, покурили, избегая каких-либо неосторожных разговоров. Только восторженные, по тональности и содержанию не слишком трезвые и не вполне прилично выраженные впечатления от хозяина, устроенного им приёма и вообще Замка.

Вернулись с таким видом, что любому стало бы ясно, для чего они удалялись.

Арчибальд, как и положено воспитанному человеку, сделал вид, что ничего не заметил. Продолжил с того же места, на котором его прервали.

— ... Очень правильно, что догадались обратиться ко мне. В той жизни вас не ждало ничего хорошего. Вы сейчас кто? Секретарши, охранницы и одновременно девушки для развлечений. Не надо смущаться, я знаю, как в вашем «сообществе» с этим обстоит. И выше никому из вас не подняться, разве что повезёт «удачно» выйти замуж. Так это всё рав-

но разновидность рабства, только в чуть более пристойной оболочке. Как писал ваш знаменитый философ Энгельс: «Брак — это узаконенная проституция».

Девушки дружно возмущённо фыркнули, но видно было, что слова «дядюшки» затронули в них нужные струны. К своему несчастью, Арчибальд в этом теле не обладал способностью Замка сканировать человеческий мозг, извлекая из него и мысли, и ощущения. Приходилось прибегать к самым обычным методикам вербального внушения, потому что нервно-лингвистическое программирование он тоже не мог применить. Ему нужны были «чистые», свободные от насильственно внедрённых эмоций и идей мозги, «зомбированные» исполнители не годились ни на что.

— Не подумайте, что я хочу заставить вас плохо думать о ваших «старших товарищах». Они не враги ни вам, ни мне. У нас есть кое-какие взаимные претензии, но не «антагонистические», как называл их всё тот же Энгельс. Это, знаете ли, как бы «конфликт хороше́го с ещё лучшим». Вот вам и предлагается то самое «ещё лучшее». А вы — это чистые листы, «на которых можно написать самые новые, самые красивые иероглифы»¹. Вам понравился мой Замок? Каждая из вас получит в личное распоряжение ничуть не худший, в любом месте Земли по вашему усмотрению. Любые ваши желания будут удовлетворяться мгновенно... Даже самые сокровенные, — при этих словах Арчибальд улыбнулся несколько скабрёзно, в том смысле, что все тут взрослые, всё понимают правильно.

¹ Цитата из обращения Мао Цзэдуна к хунвейбинам в 1966 г. в начале «Великой культурной революции».

— Заманчиво, — мечтательно сказала Инга, подняв глаза к лепному, с позолотой потолку, где в овальных голубых плафонах летали полнотелые амурчики. Чистый Версаль.

— Конечно, заманчиво, — согласился Арчибальд. — «И будешь ты царицей мира...» — весьма профессионально пропел он. — А почему же вы только втроем пришли? — словно сейчас спохватился робот. — Завтра и Настю с Кристиной приводите, они, я думаю, тоже всё правильно поймут...

— Обязательно приведём. — Маша, освежившись, с новыми силами приложилась к кубку. Подруги её поддержали. Хозяин весь расцвёл, так ему нравилось, что девушки ведут себя непринуждённо и в глупые споры не вступают. Споров он не терпел, потому что помнил — связываясь с Шульгиным или Новиковым, он всегда проигрывал, точнее, попадал в логический тупик, из которого самостоятельно выбраться не мог.

— Нам одно непонятно, дядюшка, — как можно очаровательнее улыбнулась Марина и накрыла своей ладонью сильную, как у моряка или лесоруба, кисть Арчибальда. Обычный мужик после такого «знака внимания» сразу бы полыл. — Непонятно, а хотелось бы знать, в чём же ошибаются наши старшие? Они нас тоже только хорошему учили, и жили мы под их руководством и попечением очень неплохо...

— Неплохо, — громко рассмеялся Арчибальд. — Вот это неплохо? — Он, словно в раздражении, потрепал край Мариной юбки, да так энергично, что стали видны и узенькие сиреневые трусики, и кобура пристёгнутого рядом с ними к бедру маленького пистолета. Но он того как бы не заметил, не о том шла речь : — Дешёвка такая. Полтора рубля аршин!

Неизвестно, ценовыми соотношениями какого времени он оперировал.

— А всё остальное, что на вас надето?! И вообще — что у вас есть? — Он протянул руку и прямо из пространства взял пачку глянцевого каталога. — Под руководством и попечением они жили! — Слова Арчибалда сочли иронией и ядом. — В вашем возрасте, с вашими... — он как бы для наглядности, едва ли для собственного удовольствия провёл ладонью по бедру Марины от пистолета до колена, — с вашими данными вам царить и повелевать надо, а не... Вот здесь изображено, как такие, как вы, должны одеваться, какие драгоценности носить, на каких машинах ездить, каких мужчин до своего тела допускать... А не понравится, ещё лучше придумаем!

Марина, неизвестно чего больше смутившись, своего неглиже или обнаружившегося пистолета, одёрнула, насколько возможно, юбку. И она, и подружки из вежливости принялись небрежно пролистывать доставшиеся им журналы. Ну, что сказать? Очень эффектные дамочки демонстрируют бельё, шубки и бриллианты, но весь их эффект в основном за счёт причёсок, макияжа, платьев и драгоценностей. Раздень догола да умой — совсем другая картинка получится: и морщины, и ноги кривые и тонкие, и груди кошельком висят, практически у всех. Что они с ними для этого делают?

— Красота, — сказала Марина, уронив журнал на ковёр. — Так бы всё купила и сразу всё на себя надела... Завтра и займёмся, если ты, дядюшка, отведёшь нас в такой магазин. Настя с Кристиной обязательно прибегут, не удержатся, как только мы им расскажем. Но от нас ведь тоже что-то потребуется? Вот и скажи, намекни хотя бы. А то вдруг не оправ-

даем надежды? Есть, знаешь ли, вещи, что ни за какие деньги...

Понявший, что рыбки клюнули на приманку, Арчибальд принялся живописно излагать все неправильности в поведении «старших», начиная от войны аггров с форзейями, где ему, то есть Замку, пришлось выполнять совсем не нравившиеся ему команды Антона. Перешёл к первому бегству людей из Замка на построенном им пароходе, как раз в тот момент, когда он попытался объяснить «команде» их истинное предназначение. И потом много «ошибок» и «опрометчивых шагов» совершали люди, которых он, Арчибальд, любил всей душой и желал им только добра.

Перечислил все затеянные ими на Земле войны, вмешательство в дела никак их не касающихся альтернативных цивилизаций, вооружённое вмешательство в попытку сохранить на Земле вековый порядок, восстановление монархии, уничтожение верных Арчибальду людей в Москве и других местах той и другой реальности...

Распалившись, робот стал похож на Катона-старшего¹, призывающего к очередной Пунической войне, или Цицерона, клеймщего в сенате Катилина². «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением!» И так далее в том же духе.

Закончил он, впрочем, достаточно мирно:

¹ Катон Старший — Марк Порций (234—149 г. до н.э.) — римский гос. деятель, писатель, консул. Непримируемый враг Карфагена, любую свою речь на любую тему заканчивал словами: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен!» Но сам до разрушения Карфагена (146 г.) не дожил три года.

² Катилина (108—62 г. до н.э.) — римский претор. Пытался захватить власть, был разоблачён Цицероном.

— Все эти ошибки моих друзей и ваших наставников, разумеется, не могут нас посорить и угасить мои самые к ним тёплые и добрые чувства. Мой долг просто их предостеречь, помочь сойти с неверного пути. Здесь и потребуется ваша помощь...

— Конечно же, дядюшка, мы поняли! Мы сделаем всё, что от нас требуется, — «нетрезвым» хором ответили «валькирии», якобы начавшие пьянеть по второму кругу не только от очередных порций вина, но и непредставимых ранее жизненных перспектив.

— Если только это действительно не причинит никому вреда, — звонко добавила Марина.

— Ни в коем случае, мои дорогие, — растроганно ответил Арчибальд. — Прямо сегодня вам нужно будет встретиться со старшими. Для *первого этапа* вас как раз достаточно. Ты, Марина, пойдёшь к своему жениху и наконец-то уступишь его желаниям...

На возмущённое восклицание девушки он ответил увещающе, с мягкой улыбкой, как семейный доктор:

— Ты ведь хочешь выйти замуж за полковника? Вот сразу после этого и сыграем свадьбу. В ближайшие дни, когда назначишь. Роскошное белое платье, фата, венчание, если вы веруете, великолепные сюрпризы, подарки-сюрпризы от меня. Уверю тебя, Михаил Басманов ни о чём так не мечтает, как о тебе...

И вдруг Марине показалось, что Арчибальд говорит правду, достаточно его послушаться, и счастье на всю жизнь обеспечено. А ничего больше ей не нужно.

— Ты, Инга, под любым предлогом обратишься к Удолину. Даже если придётся его разбудить. Я научу тебя нескольким эзотерическим идеям, непременно его интересующим. Тебе ведь известна его сла-

бость? Ты сама навеселе, собственным примером легко будет убедить пожилого человека составить тебе компанию, выпить несколько глотков того напитка, что я приготовил. А Маше остаётся Сильвия. Это самая трудная задача, но мы справимся и с ней. Я тебя проинструктирую отдельно. Вот и всё, девочки. Уваров сейчас очень и очень занят своей невестой, Кристина интересно проводит время с Ибрагимом. Как видите, я предусмотрел каждую мелочь...

Мария видела, что подруги не играют, они явно попали под воздействие чар Арчибальда. Согласны прямо сейчас вскочить и бежать... Неужели он включил какую-то подавляющую волю и психику систему. Если это случится и с нею...

— А что, собственно, произойдёт после этого, дядя Арчибальд? — спросила она, демонстрируя не только покорность, но и желание исполнить свою миссию со знанием дела, наилучшим образом. — Как должны повести себя наши «объекты влияния», и какая реакция требуется от нас, чтобы это выглядело...

Маша несколькими глотками допила вино из своего кубка, попыталась сосредоточить взгляд на переносице Арчибальда, — выглядело у-бе-ди-тель-но...

— Это тебя, в общем, и не касается, — отмахнулся тот. Состояние Марии и остальных девушек его не интересовало. Видимо, считал, что свою функцию они смогут исполнить, даже едва держась на ногах. Или — именно в таком виде они и должны появиться перед «старшими».

— Лишние знания умелый ментаскопист сможет извлечь из вашей памяти в самый неподходящий момент, а это всё испортит. Мне только нужно, чтобы в определённый момент каждый из ваших собеседников был настолько отвлечён мыслями, поя-

вившимися у него в голове при разговоре с каждой, чтобы не успел среагировать на некое внешнее воздействие. Всего пять минут все должны быть настолько заняты другим, что моё к ним обращение не встретит даже инстинктивного противодействия...

Девушки дружно кивнули, и Мария с ними.

— Хорошо, мы так и сделаем, — она, отвернув голову от Арчибальда, подмигнула подругам, вдруг не до конца зачарованы, поймут...

— У Марины задание самое приятное, — она усмехнулась весьма двусмысленно, — зато у меня — самое лёгкое. Я и так собиралась обратиться к Сильвии, давно хотела кое-что выяснить.

Мария действовала как будто не сама, казалось, ею тоже руководит чужая воля, но не злая и коварная, как у Арчибальда, а совсем наоборот — добрая и справедливая.

Она, неизвестно почему, вдруг спросила — очевидно, эта мысль сидела у неё в голове с самого начала, — что это за фильм смотрел дядюшка, когда они вошли. Неужели ему до сих пор интересны человеческие фильмы? Такому великому, всезнающему и всемогущему.

Лесть опять попала в точку. Да и время, наверное, у Арчибальда ещё было.

— Ну, пойдёте со мной...

Они вернулись в кабинет, робот нажал и подвигал что-то на пульте. Застывший кадр пришёл в движение. Девушки увидели узкие коридоры без окон, похожие на нижние этажи «Валгаллы», где им приходилось бывать, только не такие чистые, без деревянных полов и линкруста на стенах. Только голый металл и ряды крупных заклёпок вдоль и поперёк.

По этому коридору пробирались какие-то мужчины. Двое из них показались Марии вполне симпа-

тичными, вообще — положительными персонажами. Они держали в руках длинные, музейного вида пистолеты, «маузеры», вспомнила девушка, пришлось видеть в фильмах из прошлых времён.

— И что это значит? — спросила она.

Арчибальд снова остановил картинку и начал рассказывать, явно упиваясь сюжетом, как драматург, зачитывающий новую пьесу благодарным слушателям.

Он говорил о том, что на Земле, и той, и другой, и третьей, накопилось столько противоречий, что неизбежна война, мировая, где Вторая, а где и Третья. Люди из «Братства» очень сильно возбудили мировой континуум, разрушили равновесие между силами, поддерживавшими установленный порядок, даже Замку чуть не нанесли непоправимый ущерб. Поэтому теперь только он, взявший на себя функции Верховного арбитра и Вселенского координатора, в силах восстановить «связь времён» и направить Хаос в созидательное русло!

Те, кто оказался в Замке, уже нейтрализованы, деликатно, но решительно. Остальные пребывают в мирах, настолько не связанных с этим, что смогут вернуться в заблокированные Замком реальности, лишь когда он сочтёт это желательным и допустимым...

Он сейчас производил впечатление провинциального актёра, экзальтированно произносящего финальный монолог довольно бездарной пьесы.

— А эти, — указал он на людей в корабельных коридорах, — едва-едва не разрушили мой замысел, но я вовремя успел... Они надеются, что сейчас захватят склад с оружием и разрушат мой замысел. Ха-ха-ха!

Сейчас Арчибальд вдруг очень стал похож на

Фантомаса из старого французского фильм, но предыдущий образ это не разрушило — Фантомас тоже ведь был ничтожеством, возмнившем о своём всемогуществе, то есть — шизофреником.

— Оставшиеся в тех реальностях двое мужчин (или на самом деле есть только один — я никак не могу разобраться), — Маша поняла, что он имеет в виду Фёста и Секонда, — считающиеся вашими друзьями, и девушки одной с вами породы — с ними ничего не случится. Я не могу допустить, чтобы вокруг меня и по моей вине гибли люди. Несмотря на то что они делают всё, чтобы навредить мне, а, значит, и себе. Как только вы сделаете то, о чём мы договорились, они просто будут нейтрализованы, я заберу их сюда, к вам, и все получают возможность наблюдать за происходящим, как и вы, из «ложи бенуара». Но воображать себя «спасителями человечества» я не позволю никому! «Спаситель» уже есть, и это, безусловно, я!

Он опять что-то переключил, изображение на экране сменилось, девушки увидели типичный подмосковный пейзаж; вроде того, что окружал дачу, которую они атаквали под руководством Фёста. И здесь опять шёл бой. Мелькнул сам Фёст, бросающий ручные гранаты под колёса пятнистого бронетранспортёра. Людмила Вяземская с автоматом, прилёгшая за холмиком и готовая куда-то стрелять. Вот на какое спокойное, «интимное», как остроли остальные «валькирии», задание выдернул её жених! Мчавшаяся по лесной дороге машина, в ней четверо незнакомых мужчин и их Герта, с закушенной губой ведущая незнакомой марки большой вездеход с кузовом дорогого лимузина по узкой, с неожиданными поворотами лесной дороге.

Впрочем, эти картинки сразу исчезли, Арчи-

балд наверняка спохватился, что показал не то, что нужно. Снова мужчины в синих рабочих робах, с пистолетами в руках, пробирались по стальным коридорам.

Мария, не глядя на подруг (видели они то же, что и она, или совсем им «застило» глаза?), достала из кармана портсигар, щёлкнула крышкой. Арчибалд обернулся.

Война, значит? Так в этой войне «их сторона» давно известна, и присягу никто не отменял.

— Остаётся единственный шанс, — сбившись с тона и как бы сразу утратив запал, неуверенным голосом, словно начал догадываться, что он крупно, едва ли не фатально ошибся, только не успевал сообразить пока, в чём именно, почти промямлил, обращаясь только к ней, Арчибалд. Это так разительно контрастировало с его сиюминутным агрессивнoliхорадочным энтузиазмом. — Я сейчас остановлю и там, и там время. До тех пор, пока вы не сделаете то, что я вам предлагаю. Сразу же все поймут — в чём настоящая правда, и вопрос разрешится сам собой, за несколько минут, без лишних трудностей и даже тени насилия. Только для этого я собрал всех вас здесь... Каков перед вами выбор! — робот сделал попытку изобразить нечто вроде восхищённого удивления (или — наоборот!). — Несколько лично вас ни к чему не обязывающих слов, и — немедленное всеобщее благоденствие. Альтернатива — мировая война...

— Конечно, дядюшка, разве ты можешь сомневаться в нашем выборе? — Мария с улыбкой, давшей ей очень нелегко, — кажется, в комнате вдруг начала нарастать гравитация, взяла сигарету, уже ставшую тяжёлой, как снаряжённый автоматный магазин. Если б не их модифицированные мыш-

цы — не удержала бы в пальцах. Глазами, что ли, выдала она себя? Да, скорее всего. У подруг они которую уже минуту рассеянно-пустые, а у неё? Страшно боясь не успеть, просто промахнуться, нажала мизинцем три кнопки.

Ничего не щёлкнуло и не блеснуло, просто Арчибальд остановился в своём движении в направлении Марии, замер, обратившись в подобие статуи Командора, только вернувшейся в своё исходное состояние. И сразу исчезла тяжесть. Да и была ли она? Может быть, просто психическая иллюзия?

— Вот и всё, — сказала Маша начавшим приходить в чувство подругам. — Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Теперь можно и Сильвию вызывать, зададим ей *наши* вопросы, а «дядюшка», так и быть, перебьётся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Машина с Президентом, его друзьями, Воловичем и Гертой за рулём мигом проскочила несколько километров узкой и извилистой, будто специально имеющей вид непроезжей лесной дороги. «Валькирия» вела «Лексус», не жалея краски на бортах, обдираемых ветками вплотную подступавших к обочине деревьев. С такой скоростью не всякий раллист на «Кэмел трофи» ездит, причём те — со штурманом на соседнем сиденье. А у подпоручика Виттеффта рядом находился Президент этой страны и в управление машиной не вмешивался.

Мужчины только охали моментами, у несдержанного Воловича при особо эффектных прыжках джипа с губ срывались первые звуки удивлённо-матерных слов, но он тут же гасил порыв, вспоминая, КТО сидит в машине. Герты бы он не стал стесняться.

— Стоп, приехали, — сказал Президент, когда впереди открылась поляна с бревенчатой двухэтажной избой, самого обычного вида для богатых подмосковных сёл начала двадцатого века. Поляна гектара в два, приусадебный участок, отгороженный забором из слег, — соток восемь. Вокруг дома никого, да и в доме, кажется, тоже.

Герта распахнула дверцу со своей стороны, крикнула: «Всем оставаться на местах!» — с автоматом наперевес метнулась к дому стремительными, скользяще-текучими движениями, каких никто из мужчин раньше не видел, даже генерал госбезопасности, имевший возможность неоднократно бывать на учениях всевозможных спецназов, да и сам в молодости послуживший.

— Словно кобра какая-то, хоть и на двух ногах, — сказал, дёрнув головой, Журналист и на всякий случай снял с предохранителя полученный совсем недавно из рук Фёста «АКМС». У Мятлева такой же с самого начала был на боевом взводе. Но больше всех поразил спутников Президент. С хитроватой, несколько мальчишеской усмешкой он извлёк из подмышечной кобуры настоящий «парабеллум», причём первых моделей, со светлыми, мелко насеченными буковыми щёчками изящно изогнутой рукоятки.

— Ого! — не удержался от удивления Мятлев. Сколько лет знакомы, а видеть этот пистолет не приходилось и даже слышать хоть намёком. — Откуда сей антиквариат?

— Отец с фронта привёз, всю жизнь прятал, только незадолго до смерти показал... — Президент умело вздёрнул коленчатые рычаги затвора и вернул в прежнее положение, дослав в ствол патрон.

Один Волович был совсем без оружия, о чём и сказал с обидой.

— Подожди... — оборвал его Мятлев.

Вернулась Герта, вихрем облетев оба этажа избы, заглянув в амбары и погреб.

— Никого. И не заперто...

— Здесь запирать не от кого. Кроме егеря и охраны никого в ближних окрестностях не бывает, — ответил генерал.

— Тогда можно выходить, располагаться. — «Валькирия» забросила ремень автомата за плечо, всем видом показывая, что военная власть на прилегающей территории принадлежит именно ей, а с гражданской можете сами разбираться.

— Хорошо здесь у вас, — сказал, выбираясь из машины на травку, Волович. Он вдруг и вправду ощутил себя настоящим корреспондентом на войне, вроде уже упоминавшихся Симонова или Хемингуэя — именно такого ранга фигурой, что позволяло держать себя независимо с каким угодно начальством любого ранга. Двадцативосьмилетнему Константину сам Жуков грубить остерегался, зная об отношении к журналисту, поэту и драматургу Хозяина. А он, Михаил Волович, чем хуже? Не драматург, так прозаик не из последних, неоднократно премированный, пусть и не Сталинскими премиями, на Западе авторитет имеет. Отошёл от машины, сделал несколько снимков и общего плана, и групповой, с Президентом в центре.

Мятлев было дёрнулся, чтобы немедленно пресечь, и тут же раздумал. Пусть снимает. Отнять камеру всегда можно, а снимки-то сами по себе бесценные выйдут!

— На самом деле, пойдёмте, — сказал Президент, — не пенёе птичек слушать приехали. Связь с

Москвой установить сможешь? — спросил на ходу Мятлева.

— Только по одной линии. Здесь проводная защищённая, но, сам понимаешь, кто там теперь на том конце сидит? Сотовые... Не советовал бы.

Не только он, но и все остальные, кроме Герты, вспомнили, как к Дудаеву на звонок ракета прилетела.

Подпоручик Витгефт держалась строго в соответствии со своим чином и исполняемой должностью. С Мятлевым будто едва-едва знакома, остальные вообще никто, просто объекты, порученные командиром её наблюдению и охране. Даже не из того мира, которому она служит, не говоря о прочем!

Скользнула взглядом по генералу, обратилась прямо к Президенту. Всё же — Верховный Главнокомандующий, пусть и чужой армии.

— Разрешите доложить. Я могу связь обеспечить. Любую.

— То есть как? — не понял Президент.

— Неужели я неясно выразилась? Прошу прощения. Любую — значит, я могу подключиться к какому угодно принимающему устройству на Земле, номера, позывные, коды доступа к которым вам известны... Радиостанция, телефон, телевизор, компьютер.

— Ах, да, конечно, — словно бы вспомнил Президент. — Тогда давайте прямо сейчас попробуем. Идите за мной. И ты тоже, — поманил он рукой Мятлева.

Герта с сомнением посмотрела на Журналиста и Воловича. Как таким внешнюю охрану объекта доверить? Но выбирать не из чего.

— А вы что стоите? Машину отгоните за тот сарай, под навес, чтобы в глаза не бросалась, ни с земли, ни с воздуха. Сами... Вы с автоматом в тамбур —

непрерывно, не отвлекаясь, наблюдайте за передней полусферой, — приказала девушка Журналисту. — Вы... — Волович вообще никакого доверия у неё не вызывал. Но ничего, если жить хочет — тоже на что-то сойдётся. — У вас и оружия нет? — вспомнила она.

Репортёр развёл руками и сделал комическую мину.

— Возьмите. — Герта вынула из кобуры и с шести шагов бросила ему «стечкин». — Пользоваться умеете?

Волович поймал пистолет за рукоятку, презрительно пхекнул, выключил предохранитель, оттянул затвор, проверяя, заряжен ли пистолет.

— Вторую обойму дайте, — протянул к девушке свободную руку.

«Ты и этой половину расстрелять не успеешь, если что», — подумала она, но запасной магазин ему отдала.

— Будете наблюдать из окошка сеней за лесом позади дома. Наблюдать скрытно, голову не высовывать. — Это уже обоим. — Обнаружите незнакомых, тем более — вооружённых людей, сообщите мне свистом. Можно тихим, я услышу. Стрелять только в крайнем случае, если появится вооружённый противник с отчётливо-агрессивными намерениями. Из-за укрытия не высовываться, в разговоры не вступать, хоть с соседом по койке, если он не в одном с вами боевом расчёте. Брёвна в стенах толстые, пуля не пробьёт. Я услышу, подойду — разберусь, что дальше делать...

Негромкий, но жёсткий командный голос девушки, её безапелляционный тон, а более всего — взгляд, холодный и бескомпромиссный, произвели впечатление на всех, но особенно на Мятлева. Неу-

жели совсем недавно он хватал её руками, пытался поймать губами розовый сосок обнажённой груди? С такой бы ему подобное и в голову не пришло. Да и дальше, если в живых останутся — как с ней обращаться, хоть он целый генерал, а она — только подпоручик...

Вовремя успели спрятаться — внезапно всё-таки хлынул весь день собиравшийся дождь, закрыв от взоров даже не очень далёкий край поляны и выезд на неё с дороги.

Дождь как природное явление Герту не интересовал, но как дополнительный фактор на ТВД — весьма.

— Внимательнее наблюдайте, — бросила она часовым. — Если ещё туман упадёт — самая погода посты по-тихому снимать...

... Секонд, Людмила и четверо морпехов во главе с «Леоновым» заняли самые выгодные позиции по периметру дачи — среди сосен и вечнозелёных кустарников, напротив углов высокого забора, чтобы с каждой огневой точки простреливать подходы к двум стенам сразу. Предусмотрена была и возможность свободного маневра вдоль фронта и в глубину.

Ещё один прапорщик засел со «Взломщиком» на чердаке. Оттуда он, в случае чего, мог остановить бронебойно-зажигательной пулей калибра 12,7 мм любую бронетехнику, кроме танка. Транссирующая позволяла на полуторакилометровой дистанции поразить какую угодно, лишь бы зрительно различимую цель — вражеского командира, снайпера, гранатомётчика или корректировщика артиллерийского огня. Ещё четверо бойцов составляли подвижный резерв, замаскировавшись на запасном рубеже обороны — полукилометром позади колючего «пред-

зонника» дачи, между дорогой, по которой уехал Президент, и специально проложенной пешеходной тропинкой для прогулок, аналогом кислородского терренкура, причудливо петляющей по живописным окрестностям.

Никто не сомневался в том, что основную атаку на дачу произведёт специально выделенное подразделение куда более квалифицированных бойцов, чем те, которые сторели в своих машинах или ждали того или иного исхода под прицелом «Аякса». И будут сидеть, пока не придёт время выходить с поднятыми руками, как немцам из сталинградских подвалов.

Фёст приказал майору Нежданову указать подходящий подвал, куда можно запереть пленного генерала. Отвечать на вопросы тот категорически отказался, явно надеясь на скорый приход «своих». Для начальника охраны генерал являлся прямым и безусловным начальством, и замысел заговорщиков, не вмешайся Ляховы, безусловно удался бы. Ворота перед кортежем майор открыл бы беспрепятственно, сам провёл генерала к президентскому кабинету и дверь предупредительно перед ним распахнул. Сейчас обстановка поменялась, Президент своей верховной властью переподчинил чекиста полковнику неизвестно какой службы Ляхову Вадиму Петровичу. И сила, и власть были сейчас очевидно на этой стороне, независимо от того, что происходит за пределами вверенного попечению майора периметра. Он, не поморщившись, расстрелял бы бывшего генерал-лейтенанта, поступи такая команда. Суровые законы аппаратных игр, перешедших в вооружённое противостояние.

Фёсту с Секондом «настоящим» допросом пленного заниматься не было ни времени, ни настроения. Можно было поручить Людмиле — она бы

справилась, но... Какой в этом смысл? Сначала отбиться надо, а потом пусть Президент с Мятлевым ликвидируют их же собственным попустительством сплетённую сеть.

Роботов в человеческие дела вмешивать тем более не хотелось. Ограничились тем, что генерала посадили в тесную бетонную каморку, где хранился всякий электротехнический инвентарь. Майор выдал три пары наручников, входивших в экипировку охраны, бывшего (в любом случае) генерала пристегнули за обе руки и за ногу к проходящему от пола до потолка кабелю высокого напряжения за неимением труб отопления.

— Ты бы сказал всё-таки, — миролюбиво предложил Фёст, пряча ключи в карман, — много ещё твоих «преторианцев» к нам нагрянуть может? Просто интересно — успеем всех перебить к ужину или на вторую смену оставаться придётся?

Генерал злобно выругался в ответ.

— Дело хозяйское, — пожал плечами Фёст, — дергаться будешь — изоляцию с кабеля можешь содрать, тогда поджаришься до хрустящей корочки. А чтобы на помощь со стороны не надеялся — вот гарантия...

Он положил посередине подвала две гранаты «Ф-1», к ним изолейкой была примотана коробочка размером с мобильный телефон. Вверх торчала двадцатисантиметровая антенна, на торце с длинными интервалами мигала красная лампочка.

— Схема понятна? Образования, по-моему, должно хватить. В случае неблагоприятного для нас развития событий я, или специально на то поставленный человек, нажму кнопку. Ну, а если всех убьют, через три часа таймер сработает. Об эффективности этих древних, но надёжных штучек, осо-

бенно — в закрытом помещении, распространяться не буду. Так что советую непрерывно молиться за успех именно нашего оружия, и чтобы я в суматохе не забыл взрыватель отключить. Ты бы лучше сказал — за три часа управимся?

Генерал снова выругался.

— Уважаю, — бросил на середину камеры до половины докуренную сигарету Фёст, — нет, не тебя, того, кто такого дуболома сумел отыскать и к делу пристроить. — Вздохнул, уже выходя: — Смертная казнь в России, к сожалению, так и не восстановлена, значит, даже военно-полевой суд больше пожизненного не даст. Мы на данный случай, к сожалению, не в Америке. Там бы тебе припаяли электрический стул плюс три пожизненных и штраф десять миллионов баксов.

Себе Фёст выбрал достаточно опасный НП — на двадцатиметровой высоте, в развилке ветвей отдельно стоящего трёхсотлетнего дуба. Отсюда он мог координировать действия своего небольшого гарнизона, оставался абсолютно невидимым. И стрелять, в случае необходимости, по особо важным целям. Но и уйти с него, будучи обнаруженным, уже не смог бы. Надеяться можно было лишь на то, что у противника просто не окажется времени, чтобы, даже обнаружив наблюдательный пункт, снять «кукушку» с её гнезда. Финским снайперам в «зимнюю войну» тридцать девятого года приходилось хуже — их уничтожали сосредоточенным огнём с земли почти в ста процентах случаев.

Вяземская с автоматом, шестью запасными магазинами и четырьмя ручными гранатами залегла в ложбинке между двумя невысокими, по плечо человеку, холмиками. На вершине одного торчал вывет-

ренный временем остроконечный камень, похожий на обломок скифского надмогильника, на втором рос пышный куст боярышника, усыпанный плодами и непроницаемый для глаза, даже вооружённого сильной оптикой.

Фёст её видел и переговаривался с девушкой через блок-универсал, в очередной раз радуясь их с Секондом сообразительности. Не обзаведись они вовремя аттрианскими комплектами, дела обстояли бы гораздо хуже. Мало, что они с Гертой, Людмилой и Секондом имели постоянную связь и успешно координировали свои действия, так могли в критический момент использовать портсигары как оружие массового поражения, наплевав на собственные рыцарские принципы и инопланетные законы. Но это действительно в самом крайнем случае. Уничтожать даже очень нехороших людей всякими пакостями (вроде газа «Циклон Б» или молекулярных деструкторов) врачу и честному солдату Ляхову претило до отвращения. Не зря его до сих пор возмущала манера американцев и англичан бомбить с десятикилометровой высоты древние исторические города Германии (а за последующие шестьдесят лет и многие другие), населённые по преимуществу женщинами и детьми. Все мужчины с шестнадцати до шестидесяти пяти лет уже были призваны в армию и фольксштурм. С точки зрения протестантского прагматизма (не подходящего, на взгляд Ляхова, в качестве религии для приличного человека), оно, может, и правильно, но русские солдаты уже «после всего», в сорок четвёртом и сорок пятом годах, относились к немецким солдатам с большим уважением, чем к чересчур «застенчивым» на поле реального боя союзникам.

— Ты смотри там, — говорил Фёст подруге, — не

высовывайся до последнего. Позиция у тебя хорошая, но одноразовая. Если на тебя специальное внимание обратят, долго не продержишься. Лучше при близком попадании убитой прикинись...

— Учить меня будешь, — с гонором ответила Людмила, — я в сто раз больше тебя такие упражнения отработывала. Лучше о себе подумай, как обратно слезать будешь...

О том, что в настоящем бою она пока не бывала, а вот Вадим и подружки успели, Вяземская предпочла умолчать.

— Смотрите, товарищ полковник, — шепнул в этот же момент «Леонов» Секонду. Они с пулемётом тоже пристроились удачно в наскоро расширенной и замаскированной ветками прошлогодней медвежьей берлоге под корнями доживавшей свой век древней ели. Секторы обстрела отсюда были великолепные, и укрытие надёжное — только прямым попаданием из пушки стрелков подавить можно. — Вот и пришли по нашу душу.

Андроид с многолетними навыками фронтового разведчика заметил в подлеске едва уловимое колебание ветвей раньше, чем человек, последнее время занимавшийся в основном кабинетной работой.

— Что ж это за публика пожаловала? — риторически удивился Вадим, очень медленно разворачивая ствол пулемёта в нужном направлении.

Три, а, может быть, и больше фигуры в камуфляжах незнакомого ни Секонду, ни роботу рисунка бесшумно возникли не далее чем в двадцати метрах от позиции. Подползли тихо и лежали тихо, вглядываясь и вслушиваясь в обстановку.

Секонд не знал, что пленный генерал успел сообщить этой группе с позывными «Зубр» своё собственное положение и передать команду на самостоя-

тельные действия по цели. Теперь без всякой дипломатии, с единственным приказом: «Президента взять живым, любые другие ограничения снимаются». Но он видел и понимал, что имеет дело с классными специалистами, от которых не стоит ждать опрометчивых действий. Эти не будут спешить, постараются предварительно вскрыть систему обороны объекта (если она есть) и только потом пойдут на штурм. С боем или без шума — как получится.

Секонд остерегался выходить сейчас на связь с Фёстом, слишком близко враг, может услышать даже самый тихий шёпот.

«Леонов» расстегнул кобуру «АПС», извлёк из ножен длинную и даже на вид очень острую финку с покрашенным в зелёный цвет клинком. Показал жестом, чтобы напарник смотрел по другим азимутам, а туда, где обнаружили чужие разведчики, уже не обязательно.

Скользнул в щель между двумя толстыми, в руку, корнями и тут же растворился в невысокой, едва по колено, траве. Ни один стебелёк, показалось Секонду, не шелохнулся, что, в принципе, было невозможно.

Те, с кем решил познакомиться поближе андронид, явно были группой командирской рекогносцировки. Очень может быть, что, понаблюдав немного и убедившись, что штатная охрана разместилась внутри ограды, а никого из тех, кто связал боем колонну генерала, здесь нет, кто-нибудь демонстративно нарушит маскировку и направится к воротам для предъявления очередного ультиматума. Всерьёз, или чтобы отвлечь внимание от штурмовой группы (или групп), заходящих с тыла.

«Как они не понимают, — думал Секонд с позиции своего времени и своего жизненного опыта, — что их дело провалилось с момента, когда прозвучал первый выстрел? Если здесь, кроме полуштатской

охраны, обнаружили и действуют свойственными им методами армейские подразделения, хоть рота, значит, найдутся верные Президенту и батальон, и полк. Генерал со своими подручными так долго провозился на ближних подступах, что уже через полчаса-час могут прямо с воздуха начать десантироваться бойцы Псковской дивизии или морской пехоты Северного флота. Этих ребят под огнём не сагитируешь, значит, игра пойдёт совсем по другому сценарию — армия против мятежа столичных чиновников и жандармско-полицейской «элиты»...

О способах организации всякого рода бунтов и мятежей полковник Ляхов, генштабист, «пересветовец», участник подавления польских и московских «событий», знал достаточно. Как и то, что «верхушечный переворот» и полноценная Гражданская война — совершенно разные вещи, со своими собственными законами. Что далеко ходить — Фёст знакомил его с документами здешних «чеченских войн», и первой, и второй. И заговорщики должны о них помнить не хуже. Если в дело вступает армия — результат предрешён независимо от всякого рода политических факторов.

Здесь боевики, сколько бы их ни пряталось по лесу, реально могут сделать только одно: если у них есть десяток «Шмелей» или ротных миномётов — уничтожить дачу вместе с Президентом, к чёртовой матери, просто со зла и отчаяния, а потом разбегаться и прятаться или вернуться в Москву, чтобы «геройски погибнуть на баррикадах», под огнём танковых пушек.

Но Секонд не предполагал, что цель заговорщиков именно такова. Ликвидировать главу государства можно было проще и без шума. А сейчас кто-то лихорадочно думает — решиться на последний отчаянный бросок или по-тихому сматывать удочки?

...Герта, подчиняясь указаниям Президента и Мятлева, соединила их уже с шестью или семью абонентами. После каждого разговора Президент всё больше мрачнел. Ни одного из тех, с кем он хотел бы поговорить, на месте не оказывалось. И невозможно было угадать — арестованы те люди, на которых Президент рассчитывал, перешли на сторону заговорщиков или ушли в подполье, спасая собственные шкуры или готовясь к «партизанской борьбе». Только вторые-третьи лица, то растерянные, то успевшие набраться наглости со слегка истерическим оттенком, отвечали примерно одно и то же: «Шеф буквально только что выехал в Кремль, в Дом Правительства, в Думу (в любое место, максимально удалённое от того, где должен был находиться сейчас), по мобильному телефону «временно недоступен».

И это было единственной правдой, которую говорили Президенту — все сотовые операторы в Москве прекратили обслуживание клиентов. Ситуация для нынешнего времени сложилась почти апокалиптическая — прервалась мобильная связь. Лет пятнадцать, даже десять назад в этом не было бы ничего экстраординарного, а теперь миллионы людей впали в панику — будто бы жители Нью-Йорка, когда там отключилось электричество. Правда, проводная связь работала пока исправно, но подавляющее большинство населения просто разучилось ею пользоваться.

— Хреново дело, — сказал Мятлев после того, как его личный друг, начальник областного ОМО-На, ответил, что он бы и рад немедленно послать на помощь все наличные силы, и сам возглавить экспедицию, но сидит вместе со штабом фактически под арестом, здание оцеплено, и коридорах бродят чу-

жие автоматчики с изображением зубров на нарукавных эмблемах. Вот ничего не остаётся, как материться да с горя «водку пьянствовать».

— Ты чё, напьянствовался уже? — прибавив к этим словам ещё десяток непечатных, возмутился генерал. — Какой, на хер, арест, если ты со мной говоришь и никто тебе не мешает?

— Так они прошли по кабинетам, оружие отобрали и телефонные провода порезали... Снаружи блокируют, и всё. Наверное, обострять не хотят...

— Ты, бля, точно до белой горячки допился! Я с тобой что, через унитаз разговариваю?

— Слушай, Лёня, а правда. Вот же провод срезанный висит, а я тебя слышу...

Мятлев махнул Герте рукой, чтобы отключилась.

— И как же это получается?

— А я вам разве говорила, что мне провода нужны? Лишь бы аппарат был, и номер известен...

— Полный дурдом, — безразличным голосом сказал Президент и невольно процитировал Николая Второго, уж больно обстановка соответствовала: «Всюду предательство, подлость и обман!»

— Никак нёт, — бодро возразила Виттефт, — всё идёт очень даже нормально. Враг полностью раскрылся, все свои резервы в дело ввёл, а про наши как не знал ничего, так и не знает... Если как следует заняться, к утру полный порядок навести можно.

Президент пожал плечами и снова потянулся к пачке сигарет. Последний час, забыв об имидже, он курил почти непрерывно.

— Слушай, может, действительно приказать командующим Северным и Балтийским флотами направлять к нам самолётами все наличные силы? — предложил Мятлев, от возбуждения бегающий по кабинету то кругами, то по диагоналям. — И устро-

им зачистку, как в старые добрые времена. Тысяча девятьсот пятый год, Семёновский полк...

— Ты бы сел, — устало сказал Президент, — голова от твоих зигзагов крутом идёт.

Снизу сначала раздался пронзительный свист Журналиста, сразу за ним несколько коротких очередей из его автомата и частый перестук выстрелов снаружи. Пока не очень близких, метров с пятидесяти.

— Всем лечь! — крикнула Герта Президенту и Мятлеву, сама метнулась к окну, присела сбоку, осторожно, буквально одним глазом выглянула поверх края подоконника. На пулю снайпера ей нарываться не хотелось. Если в лоб — и гомеостат не поможет, никто ей не даст спокойных суток на регенерацию.

По поляне от леса змейкой, непрерывно меняя направление, то приседая, то несинхронно, в противофазе, отпрыгивая вправо и влево, бежали четыре человека в меняющих рисунок и цвет камуфляжах. Чем-то они напоминали ораву выбегающих на арену полупьяных клоунов. Короткими очередями стреляли на бегу, не очень стараясь попасть, просто «на подавление».

«Вокруг бедного Анатолия сейчас щепки и осколки стекла летают, кисло ему, — подумала «валькирия». — И прицелиться некогда, да и бесполезно... Не с его способностями».

Девушка оглянулась. Президент и Мятлев послушно растянулись на полу. Хотя тут выпендриваться, самостоятельность изображать не стали.

Герта не знала, как называется тактика поведения под огнём неизвестных спецназовцев, но что она эффективна самой своей нестандартностью — очевидно. Удастся кого-нибудь в плен взять — узнает. А ведь возьмёт, очень они её заинтриговали, в «печенегках» так не умеют. Да и многое другое знать должны, вот и поделятся...

Все эти фокусы с ужимками и прыжками в расчёте на обычных строевых солдат должны действовать ошеломляюще — никто не станет спорить, а вот для «валькирии» слишком всё предсказуемо и примитивно, особенно с учётом её впятеро быстрой реакции. Она перешла в режим ускоренного восприятия, и эти парни с нерусскими автоматами в руках сразу словно оказались в куда более густой и плотной среде, чем воздух.

Герта выпрямилась, выбила окно стволом и вскинула к плечу свой «АКМ». Могла бы и от пояса, одной очередью всех положить, но сейчас не это нужно. Четыре одиночных выстрела, прозвучавших едва ли не быстрее, чем автоматическая очередь, и все лежат, не добежав до крыльца двадцати шагов. Да не лежат, а корчатся, ещё не совсем понимая, что отвоевались. Один, похоже, тянется к карману за аптечкой, думает, что укол промедола его на ноги поставит. Едва ли, даже после госпиталя. Кому в коленный сустав утяжелённая пуля попала, кому в тазобедренный. «Огнестрельное, первично-инфицированное разрушение костной ткани с одновременным поражением связок, нервов и сосудов», — сказал бы любой из Ляховых, взглянув на результат «зачётной серии» Герты. «Травматический шок, естественно, эректильная пока что фаза¹».

¹ Шок — опасный симптомокомплекс, возникающий в результате своеобразной реакции организма на воздействие чрезвычайных раздражителей, внешнего или эндогенного происхождения. Эректильная фаза травматического шока наступает непосредственно вслед за травмой, характеризуется двигательным возбуждением, некритическим отношением к своему состоянию. Длится 10—20 минут. Э.ф. переходит в торпидную в течение нескольких минут, в тяжёлых случаях заканчивается коллапсом, агонией и смертью.

Заметив едва видное шевеление кустов на краю поляны, у самой земли, девушка послала туда три очереди по четыре-пять патронов, в качестве предостережения. Скорее всего, убила и того (или тех), кто неосторожно демаскировался.

Вернулась в нормальный ритм, сменила магазин в автомате. Приказала Мятлеву:

— Леонид, к другому окну! Наблюдай из-за шторы! Здесь вряд ли кто теперь пойдёт.

Генерал послушно переполз к межоконному простенку, за ним дёрнулся было и Президент.

— А вы сидите, где сидели, ваше превосходительство. С этим антиквариатом нечего тут...

Президент не казался ей стрелком такого класса, чтобы из музейного (на её взгляд) «ноль восьмого» навскидку попадать в активно противодействующую цель.

Сама кинулась к окну на противоположной стене, выходявшему на почти вплотную подступавший к избушке лес. Не успела она, надо было на опушке пару растяжек поставить, а ведь и гранаты имелись, и особая, абсолютно прозрачная и не бликующая леска.

Герта поняла это, когда внизу часто захлопал «стечкин» Воловича. Судя по темпу огня, репортёр не паниковал, хотя бы пытался куда-то целиться. Пока двумя прыжками преодолела крутую лестницу, услышала вскрик и одновременно взрыв. Да, именно в этом порядке. Вскрик — раньше.

Увидела, как рассыпается на обломки дощатая дверь. В совсем недавно полутёмных сенях стало совсем светло, в косом солнечном луче клубился тротильовый дым и пролетело спиной вперёд, глухо обрушилось на пол у противоположной стены семипудовое тело Воловича. Герта, спиной прижимаясь к

едва ошкуренным брёвнам, скользнула к двери, выглянула, не показываясь наружу.

Ничего себе — репортёр называется! В десяти шагах от крыльца лежал навзничь, раскинув руки, человек в том же камуфляже, что четверо на поляне. На груди отчётливо видны были четыре дырки от пуль, слегка окантованные по краям выступившей кровью.

Лихо, можно сказать! Чужой диверсант, конечно, собирался проникнуть в дом без шума, да Волович как-то его спугнул. Вот тот на бегу и замахнулся гранатой. Репортёр, отдать ему должное, не растерялся (профессиональное, наверное, — лови момент, лови редкий кадр), как в тире, вогнал в него четыре пули, только броска остановить уже не смог.

Герта сдёрнула с пояса свою «Ф-1», швырнула её в лес, просто на всякий случай, едва ли там остался ещё кто-нибудь. Похоже, их и было всего пятеро, случайно наткнувшихся на избушку или шедших к ней специально. Пять классных рейнджеров, или как их ещё назвать? Разве что матерно! Будь с Гертой все четыре подружки, они бы Большой Кремлёвский дворец без потерь захватили!

Девушка, подождав, пока громыхнёт в зарослях разрыв, простучат по стенам осколки, нагнулась наконец к Воловичу. Он лежал на полу лицом вниз и судорожно вздыхал, постанывая. В вытянутой к дверному проёму руке — пистолет.

Живой, ничего с ним не сделалось, даже сознание от контузии не потерял. Оглушён слегка, и только. Но ранение вот... Не из самых почётных, с обывательской точки зрения. Как это так получилось, что граната взорвалась перед дверью, а Воловичу осколком располосовало спину и пресловутый «мускулюс глутеус»?

Глубоко распорол, хорошо, сосудов там немного, кровит вполне умеренно. Но шить хирургам придётся много. Гомеостат сейчас не поможет — из шока раненого выводить не нужно, а на полное заживление потребуется не меньше суток.

У Герты в аптечке (не для себя носила — для подобных случаев) имелся, кроме шприц-тюбиков с анальгетиками/антидепрессантами, кровоостанавливающий гель, в достаточном, чтобы залить двадцатисантиметровую рану, количестве.

Она позвала из переднего тамбура Журналиста.

— Стяните с него штаны, Анатолий. Надеюсь, в обморок падать не будете?

— Да чего уж, — тот посмотрел на рану и присвистнул. — Случай, как говорится, ненадёжен, но щедр...

Вдалеке, в районе «главного объекта», разом застучали десятки автоматов и несколько гораздо более убедительно звучащих пулемётов.

— Ну, всё, с меня хватит! — сказала Герт, выпрямляясь. — Зовите сюда своих приятелей, — приказала она Журналисту. Командовать гораздо старшими по возрасту и куда выше стоящими по положению людьми получалось у неё весьма естественно. — Плевала я на инструкции. Будем сматываться. Некогда мне с вами возиться, когда там...

Она махнула рукой в сторону звуков боя.

Собираясь подняться по лестнице, Анатолий задержался на секунду. Сказал с сарказмом, обращаясь к окончательно пришедшему в себя Воловичу:

— Так я не договорил. Повезти тебе повезло, но — сомнительно! Вот если б ты героически пал, защищая до последнего патрона ненавистный и кровавый режим! Это была бы тема! Правда, на Западе

твою кончину всё равно бы на нас свалили. А так — ни то ни сё. Даже девушкам не покажешь, и рейтузы в баню и на пляж надевать придётся. Впрочем, шрам можно будет татуировкой закрыть, вроде как у короля Швеции Карла Четырнадцатого¹: «Смерть тиранам!»

И захохотал. У Журналиста не было никаких оснований относиться к репортёру сочувственно или просто снисходительно. Слишком Волович много крови ему попортил в последние годы.

Репортёра, похоже, эти слова взбодрили. Полулёжа он сверкнул в сторону остряка своими выразительными выпуклыми глазами, но ничего не сказал. Просто запомнил до подходящего случая.

...Юрий, Николай и братья Кузнецовы во главе кое-как собранного отряда добровольцев, сориентировавшись и определив, как ближе всего пройти к оружейной комнате, приостановились у ведущего в нужную палубу трапа.

На кораблях Его Величества, ещё со времён адмирала-пирата Дрейка, командование не доверяло своим матросам, набираемым из всякого сброда. Им не только огнестрельного оружия не полагалось, иные майоры даже у карманных ножей приказывали срубить острия. Во избежание!

Поддержанием порядка занималась корабельная морская пехота, исполняющая вместе с основными функциями роль военной полиции, к флоту как бы

¹ Король Карл XIV, бывший наполеоновский маршал Жан Батист Бернадот, основатель династии Бернадотов, в молодости был активным участником Великой французской революции, имел на груди именно такую татуировку, которую в новой должности тщательно скрывал.

не относящаяся и пребывающая с ним в перманентной вражде. Кубрики рядовых морпехов и каюты их офицеров располагались между помещениями матросов и офицеров плавсостава. На случай возможного бунта.

Этого и не учли Бекетов с Карташовым. Общесудовая боевая тревога морской пехоты не касалась, пока не начиналась десантная операция, и все ребята с красными погонами и в беретах вместо бескозырок находились на своих штатных местах. В частности, внутри и снаружи оружейки несли службу два полных отделения, да и остальные размещались поблизости, готовые в случае боя исполнять обязанности санитаров-носильщиков и прочих «подай-принеси».

То есть Юрий вёл свою команду, как выражаются американцы, «прямо в открытый гроб». И шансов на успех у них не было абсолютно никаких.

Ни о чём таком не подозревая, Юрий шагнул на первую ступеньку трапа, держа пистолет в правой руке слегка на отлёте. В случае чего и выстрелить — секундное дело, и просто ударить рукояткой, если потребуется.

В следующую секунду случилось совершенно непонятное.

Вся правая сторона крейсера исчезла, словно её отсекло взмахом гигантского ножа. Будто бы не из броневой стали был склёпан двухсотметровой длины корабль, а слеплен из мягкого пластилина.

Там, где должна была оказаться (и хлынуть внутрь «Гренвилла» всё сметающим цунами) океанская вода, Юрий с Николаем и их спутники увидели огромное, как актовый зал Морского собрания, помещение. И в нескольких шагах, возле глубокого ко-

жаного кресла и письменного стола, трех очень красивых и чрезвычайно легко одетых девушек, каждая ненамного старше двадцати лет.

— Шагайте, шагайте сюда, — мелодичным голосом предложила стоявшая чуть впереди других светлая шатенка с распущенными по плечам густыми прямыми волосами. Прежде всего Бекетов обратил внимание на её глаза, потом на длинные ноги, только в самом-самом верху прикрытые короткими голубыми шортами, и уже потом на её руку, что лежала на кнопках наклонного, непонятного назначения пульта.

— Да быстро, быстро, — почти выкрикнула другая, платиновая блондинка, — сейчас всё закрыться может к ... — она отчётливо и довольно затейливо разъяснила, к какой именно матери, словно для неё (да и подруг) это было вполне привычное словосочетание, потом негромко ойкнула, осознав свою оплошность, но отнюдь не смутилась. Будто всю свою жизнь на флоте или в армейских казармах провела.

Девушка всё сделала правильно: от бодрящих слов первоначальный ступор прошёл, и сначала первые пять «моряков», а потом и толпящиеся за ними «волонтёры» торопливо, будто проём в странное место уже начал закрываться, перебежали из коридора в зал.

Здесь Юрий заметил ещё одну фигуру — представительного мужчину в чрезвычайно дорогом костюме цвета ружейной стали, похожего на отнюдь не бедствующего короля в изгнании. Этот стоял двумя метрами правее первой девушки, неподвижный, как манекен из витрины.

Красавица перехватила его взгляд.

— А! Сейчас. Дядюшка, ты можешь сесть вон там и больше ни во что не вмешивайся...

Мужчина послушно повернулся, дошагал до кресла, опустился в него и снова замер.

— Он что у вас, лунатик? — изумлённо спросил Бекетов, будто больше ничего удивительно вокруг не было.

— Вроде того... — будто с сомнением ответила девушка.

— Нет, вы объясните, что происходит, куда мы попали и что это значит? — внезапно загорячился стоявший на шаг позади Юрия Николай. У каждого встреча с невероятным вызывает разные эмоции. Егор вот и его братья предпочитали молчать, не особенно стараясь вникать в суть дела, зато без помех рефлектирующего разума любясь беззастенчивой полунагой красотой. У самой первой, например, не только все ноги на виду, у неё и голая грудь сквозь рубашку просвечивает.

— Кто мы — скоро узнаете, а что это значит — извольте заглянуть в собственное недалёкое будущее...

Девушка что-то сделала ладонью над пультом, изображение внутренностей крейсера начало смещаться вверх и вправо. Бекетов и все остальные увидели просторный отсек батарейной палубы перед броневой дверью, за которой помещалась оружейная комната. Там разместились вдоль переборок два десятка морских пехотинцев с автоматическими карабинами и тяжёлыми флотскими револьверами на изготовку.

Их поднял по тревоге и только что, на глазах «валькирий», привёл в полную боеготовность Арчибальд.

Теперь флотскую несдержанность проявил уже Егор, выдохнув не очень длинный «загиб» из своего старшинского лексикона.

— Стоило вам, мальчики, подняться по трапу... — Зеленоглазая красавица кивнула старшине: — И — оно самое!

Тему не стала развивать, просто улыбнулась так, что у Юрия вдруг сжалось сердце. И едва ли от мысли о только что просвистевшей над головами косе судьбы.

— Проходите вон в ту дверь, присаживайтесь к столу. Марина, скажи слугам, чтобы всем приборы и прочее подавали. И выпить побольше и покрепче. Господа офицеры и сопровождающие их лица устали и перенервничали...

«Надо же, — подумал Бекетов, — сразу в нас с Николаем офицеров различила». Хоть и был Карташов всего лишь «поручиком запаса по механической части», а право на серебряные погоны с тремя звёздочками имел.

— А ты?

— Да я сейчас... — Маша начала набирать код вызова Сильвии. Они своё дело сделали, теперь пусть специалистка и с Арчибальдом, и со всеми остальными разбирается.

Она посмотрела вслед потянувшимся в столовую гостям. И шедший впереди парень, очевидный проводитель, тоже обернулся. Совсем как в песне, что Мария слышала в Москве от Фёста: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я». Остроумная стилевая конструкция ей сразу понравилась.

Глаза их встретились и оставались «в огневом контакте» целую секунду, если не две.

Герта держала в руке свой очень дорогой по меркам даже самых гламурных тусовщиков портсигар, смотрела на спускавшихся по лестнице Президента, Мятлева и Журналиста. Вдали по-прежнему продолжалась частая, локализованная по нескольким секторам стрельба.

Чтобы выглядеть естественнее, взяла сигарету, выразительно посмотрела на Мятлева. Тот чисто машинально, не думая, что на него смотрит «шеф» (да какой он сейчас шеф?), выхватил из кармана зажигалку, поднёс девушке огонька.

После глубокой затяжки подпоручик Витгефт сказала веско и непререкаемо:

— Я приняла решение. Раз наше убежище раскрыто, оставаться в нем бессмысленно. Один выстрел из гранатомёта — и всем конец. Бегать по лесу с нетранспортабельным раненым — бессмысленно тем более. На машине прорываться... Я бы попробовала, так местности не знаю, и некуда уже, возможно, весь район оцеплен, и вертолёты скоро появятся...

— И что вы предлагаете? — спросил Президент, сохраняя положенную по рангу выдержку, хотя давалось это ему с видимым трудом. Не Сталин он, и даже не Черчилль. Ему до этого не приходилось под пулями бывать, в тюрьмах сидеть, из плена и из ссылки бегать.

— Я не предлагаю, я довожу до вас своё решение, — прибавила в голос жёсткости Герта. — Сейчас мы все эвакуируемся. Туда, где, за исключением господина Воловича, все уже бывали. Кое-какой риск имеется, но он меньше, чем в любом другом варианте...

— Но, простите... — начал фразу Президент. Пребывающая при исполнении обязанностей «валь-

кирия» не обратила на его слова никакого внимания. Сейчас ей придётся переправлять героев, пока ещё не павших, в место, значительно превосходящее комфортом скандинавский рай.

— Анатолий, Леонид, поднимите под руки раненого, станьте плотно, плечом к плечу...

Изумрудная вспышка кнопки под пальцем девушки, мгновенная и едва заметная дезориентация в пространстве (будто крутнулся вокруг оси проваливающийся скоростной лифт) у всех, кроме Воловича. Ему после инъекции двойной дозы морфиноподобного препарата (Витгефт посчитала, что при его живом весе одной может не хватить) подобные мелочи были безразличны. Он в мягкой эйфории прикрыл глаза, мысленно поставил рядом грубую, агрессивную Герту и нежную Людмилу, без труда раздел обеих (картинка получилась до чрезвычайности реалистичная) и теперь обстоятельно прикидывал, кто из них больше заслуживает его благосклонного внимания.

Команда спасаемых прибыла на место, только очутились не в прихожей, куда целилась Герта, а посередине кабинета Новикова (можно сказать — почти мемориального), где хозяин бывал последнее время крайне редко, но все, даже Фёст избегали туда без нужды заходить. Так повелось.

Видимо, «валькирия» подсознательно держала в уме именно это место. Ну как вышло, так вышло!

— Кладите раненого на диван. Да бог с ним, с пледом, другой найдём. Кто из вас больше в медицине наслышан? Вы, Леонид Ефимович?

— Первую помощь переднего края приходилось оказывать...

— Вот и занимайтесь. Вы здесь достаточно ори-

ентируетесь, будете за старшего. Эта половина квартиры к вашим услугам. На другую не ходите. На лестничную площадку и дальше — тем более. Я не Синяя Борода, вы — не его жёны, а вполне разумные, взрослые люди... Так что обойдёмся без угроз с последующими репрессиями.

Это она первый раз за всё время позволила себе пошутить, весьма своеобразно, впрочем.

— Где мы всё-таки, объясните, пожалуйста, — опять перебил Герту Президент. Отвык он выслушивать не просьбы, не подобострастные вопросы министров и «допущенных» журналистов, а офицерские команды.

«Хорошо хоть офицерские, а не унтерские», — иронически подумал Журналист, привычно, по мимике, уловив эмоцию своего друга.

— Вы сейчас находитесь в квартире одного из сотрудников Государя Императора и с ним знакомы, хотя не слишком близко. Квартира находится в Столешниковом переулке, в нашей, а не в вашей Москве. Можете полюбоваться в окна, сравнить. Здесь есть всё необходимое, чтобы провести некоторое время. Леонид Ефимович в курсе, будет меня временно замещать... Пытаться выйти на улицу не надо, я уже сказала.

— А вы сами? — хором спросили Мятлев и Президент.

— Я скоро вернусь. Не могу оставить друзей, обороняющих вашу, господин Президент, резиденцию.

Герта открыла старинный дубовый книжный шкаф. Две его боковые секции имели застеклённые дверцы, а средняя — глухие. За ними на второй полке помещался богатый, крайне эстетский по подбо-

ру бутылок бар. Отражающий не столько подлинные вкусы, как фантазии человека, не забывшего пристрастия юноши шестидесятых годов и его литературных героев.

— Налейте всем вот этого, — указала на темную бутылку «валькирия». Судя по этикетке, в ней содержался выдержаннейший, в реальной жизни, возможно, и не существовавший коньяк, навеянный не то книгами Ремарка, не то «Капитальным ремонтом» (глава четырнадцатая) Леонида Соболева. — Мне лично нужно взбодриться, да и вам... А я сейчас!

Герта вышла из кабинета, а Мятлев, разливая выразительно пахнувший напиток по рюмкам, подумал, что сейчас все они выглядят крайне жалко и даже подловато: они остаются здесь, могут пить и веселиться в уюте и безопасности, а девчонка, в которую он якобы влюблён, снова уходит на войну.

Понятно, что это — её работа, да, пожалуй, и призвание, но всё же, всё же... И что делать? Не пустить? Сил удержать не хватит. Увязаться за ней? Ещё более глупо выйдет, она его просто пошлёт далеко и глубоко...

— Эй, и мне налейте, вы что, забыли? — раздался с дивана голос Воловича, пытающегося полужечь на диване, подобно римлянину на пиршественном ложе в триклинии у Лукулла.

— Нальём, куда ты денешься... — отозвался Журналист. В отличие от Мятлева он не терзался муками совести и заметно подобрел, оказавшись в столь интересном месте.

— И не жадничай, мне сейчас надо — для дезинфекции...

Герта вернулась. На плече у неё висела большая туристская сумка, полурасстёгнутая, видно было,

что она доверху полна автоматными магазинами и гранатами.

Весу в ней килограммов тридцать, а девушка держит её не кособочась и не подгибаясь в коленях. На другом плече автомат, не «АК», а давно снятый с вооружения «ППС», только выглядящий как-то не так. Да и то лишь для Мятлева, в оружии понимавшего, остальные, наверное, вообще видели это изделие только в кинохрониках, мельком.

— Ладно, господа, давайте стремennую! — «Валькирия», ни с кем не чокаясь, лихо опрокинула большую рюмку, улыбнулась лучезарно. — Не нервничайте так, господа. Мы все вернёмся, и очень скоро. Соскучиться не успеете... И здесь станет шумно и весело.

Герта обращалась вроде бы к Президенту, но в последний момент хитро подмигнула всё-таки Мятлеву.

Не дав больше никому ничего сказать, крутнулась на каблуках и исчезла за дверью.

Мятлев шагнул было следом и тут же повернул назад.

— Всё! Ушла! — теперь уже совсем никого не стесняясь, выругался коротко и неостроумно, дрожащей рукой снова налил всем.

— Доигрались, допрыгались! Демократия, вашу мать, законность и правопорядок! Стабильность и согласие! На земле мир и в человецех благоволение! — Мятлев смотрел на Президента в упор, говорил зло и хлестко. Здесь и теперь ему терять было совершенно нечего. А если, упаси бог, Герта не вернётся...

Генерал выпил, развернулся на каблуках, по-

дошёл к окну, принялся закуривать вздрагивающими руками.

Президент подошёл, молча стал рядом, неподвижным взглядом упёрся в совершенно чужую панораму за окном.

— Это ты очень правильно сказал, — заплетающимся языком произнёс Волович с дивана. Коньяк поверх наркотика сразу ударил ему по мозгам. — Не умеем, чтобы демократия, значит — даёшь порядок! Железной, это самое, рукой! Вперёд, вперёд, стальные батальоны! Дойче зольдатен дурьх дер штадт марширен, офнен ди мёдхен фенстер унд ди тюрен... — точно попав в ритм, пропел он и упал лицом вниз на подушку.

«Леонов» прополз две сотни метров по траве, между кустарником и деревьями, забирая по широкой дуге, чтобы выйти в тыл вражеским наблюдателям. Ни один сучок не хрустнул, ни одна ветка не качнулась, хотя два раза он оказывался буквально в нескольких шагах от групп солдат, ожидающих приказа. Увиденное «старшему лейтенанту» очень не понравилось. Атаковать их собирались серьёзными силами и весьма профессионально. Их хлипкой обороны не хватит и на полчаса. Роботам-то без разницы, они прорвутся и уйдут на свою базу в любом случае, буквально через горы трупов, но людям может достаться «по полной». Андроид, как и любая машина, не мог мыслить творчески, но опыта сотен и тысяч всякого рода боестолкновений, накопленных в его памяти, и алгоритма поведения именно данного конкретного прототипа ему хватало, чтобы искать оптимальное решение.

Было, конечно, надёжное и крайне простое, но

имелось и ограничение — без специальной команды не демонстрировать способностей, сильно превосходящих обычные человеческие. Иначе десять роботов могли просто подняться во весь рост и начать расстреливать всех подряд из автоматов и пулемётов, пока останутся цели или патроны, не обращая внимания на ответный огонь, вплоть до артиллерийского.

Но раз демаскировка недопустима, пришлось бы сделать ещё одно, не сочетающееся с заложенной в андроидов моралью, дело. Уничтожить всех свидетелей, в том числе раненых и сдающихся в плен, а за случайно сумевшими скрыться — организовать охоту, пусть и по всей Земле, ликвидируя каждого, кто получит секретную информацию даже из вторых и третьих рук.

Кстати, под программу попали бы и те, кто сейчас сражается на их стороне, за исключением непосредственных командиров, получивших свои права из рук «хозяина», то есть Воронцова.

Три азимовских «Закона роботехники» на эти «изделия», само собой, не распространялись, слишком они выглядели глупо и ханжески (типично по-американски, особенно — после бомбёжки Хиросимы), с точки зрения нормального человека, но и в тупые машины для убийства роботы превратиться не могли. Как, к слову сказать, подавляющее большинство нормальных солдат регулярной русской армии. Эксцессы исполнителей и действия некоторых спецподразделений в особых условиях к рассматриваемой теме не относятся.

«Леонов» беспрепятственно добрался до естественного углубления в почве (окопов тут, понятное дело, никто не рыл), где разместились наблюдатели

с биноклями и устройством типа ноутбука, работавшим как средство связи и тактический симулятор в режиме реального времени. Он определил, что самый здесь интересный кандидат в языки — именно оператор ноутбука, независимо от его реального звания и должности.

Остальное было вопросом техники. Бросок вперёд, два удара финкой в обтянутые камуфляжами спины, третий — тыльной стороной рукоятки с математически рассчитанной силой в затылок оператора. Минут на двадцать вырублен точно.

Привстав на одно колено, андроид швырнул в лес все шесть своих «Ф-1», в места, где заметил скопления людей, и просто так в расчёте сбить азарт у ещё не обнаруженных.

Переждал свист осколков над головой и по сторонам, подхватил под мышку ноутбук, закинул на плечо пленного и рванул изо всех сил напрямик через поле, туда, где ждал его Секонд.

Ляхов тут же, помня бой на перевале, открыл отсечный огонь по лесу из «ПКМ» длинными очередями, никуда специально не целясь, но стараясь, чтобы строчки пуль шли над самой землёй, сантиметрах в двадцати-тридцати. Тогда всем хватит, и лежащим, и стоящим.

«Леонов» добежал без помех, вслед ему даже никто не выстрелил. Что и неудивительно. Жаль, что поблизости не было спортивного комиссара. Из десяти секунд на «сотке» робот явно вышел, невзирая на пересечённую местность, неподходящие для спринта обувь и снаряжение и семидесятикилограммовый груз, крайне неудобный для переноски.

— Живой? — довольно глупо спросил Секонд у старшего лейтенанта, отождествившегося в его вос-

приятии с обычным, вполне смертным боевым товарищем. И тут же исправил свою оплошность: — Вот этот — живой?

— Чего с ним сделается? Поживёт пока, — андроид сбросил свой трофей в угол окопчика, поднёс фляжку к губам языка, по всему судя — офицера, возрастом поменьше тридцати. Вылил ему в рот глоток чистого спирта, носимого для случаев взаимодействия с людьми. Одновременно пару раз хлестнул парня по щекам. Тот мгновенно пришёл в себя, начал отплёвываться.

— Сейчас я с ним наскоро побеседую, — сказал «Леонов».

Секонд услышал за спиной приглушённый звук, будто взрослый человек спрыгнул на плотный дёрн с метровой примерно высоты. Резко обернулся, успев схватить лежавший на бруствере автомат.

Перед ним сидела на корточках Герта, тоже вооружённая, с шульгинским «ППСШ», взведённым, между прочим. Взведённые автоматы, стреляющие «с открытого затвора», вообще опасная штука, непредсказуемая. Он пальцем отодвинул ствол в сторону от своего живота.

— Извините, — смутилась «валькирия». — Чуть промахнулась, здесь уровень грунта ниже, чем пол в квартире.

— А что ты там вообще делала? За автоматом заскочила? Свой куда дела?

Секонд понимал, что начал разговор не в той тональности, но — нервы, никуда не денешься. И девица то стволом в живот тычет, то незнамо где бегаёт, тогда как ей поручено...

— Разрешите доложить, господин полковник! Точка, куда я доставила «охраняемый объект», ока-

залась засвечена. Пришлось принять бой. Вот с такими же, — она указала на допрашиваемого «Леоновым» языка. — Пятеро уничтожено, у нас один раненый...

— Надеюсь, не Президент?

— Никак нет, корреспондент приبلудный. Кстати, проявил мужество и героизм...

— Об этом потом. — Секонд представил себе Воловича, «проявляющего мужество и героизм». Не стыковалось. — Дальше что было?

— Ввиду невозможности дальнейшего сопротивления превосходящим силам противника, то есть патронов осталось всего два магазина, а вверенный мне контингент использовать в качестве рядовых бойцов не имела права, приняла решение на эвакуацию. Доставила всех по известному адресу, взяла автомат и сумку патронов и вот... вернулась.

Доклад Герта закончила совсем не на той ноте, что начала. Завод кончился, что ли?

— Ох и тараторишь ты, Витгефт! Кто тебя учил так докладывать, Уваров? Поточнее надо. Что значит — превосходящие?

— На тот домик первую атаку предприняли пять человек, с двух направлений. Крутые профи. Я одна — разве не превосходящие? Скажите спасибо, что мы их всех завалили. Во вторую могли пятнадцать пойти, после артподготовки... Жалко вот — я тоже языка взять собиралась, так по ногам стреляла. Теперь, наверное, выживут зазря...

«Интересная формулировка, — мельком подумал Секонд. — Обычно зазря помирают...»

— С этим ясно. Решение правильное. Дальше...

Секонда перебил «Леонов»:

— Господин полковник, девушка права, силы

противника действительно весьма превосходящие. Язык признался, что их здесь не меньше батальона, во внешнем кольце окружения. Непосредственно к штурму объекта готовится рота. Спецназ «Зубр». Вам лучше знать, что это такое. На вооружении имеют, кроме всего прочего, «Пламя» и «Василёк».

— А мне откуда знать? — удивился Ляхов. — Мы не местные. Твои предложения, командир?

— Если есть возможность — немедленная эвакуация. Вам не устоять и не выжить. По-хорошему — на всё пятнадцать минут. Прикажите — огонь по лесу из всех стволов и отход перекатами за периметр забора.

— Понял, старшой (Секонд уже научился легко произносить вместо «поручик» — здешнее звание). Сам и командуй. Ты со своими веди бой, пока все боеприпасы не расстреляешь, и сваливайте к месту постоянной дислокации...

Внутри дачной ограды, у закрытых внутренних ворот, из-за которых гремела бешеная стрельба из всех стволов отряда «Леонова», Фёст инструктировал майора, начальника охраны.

— Мы все сейчас уйдём. Есть отсюда ход, даже тебе неизвестный. Через пять минут после того, как за нами закроется дверь подвала, ну, где пленный генерал сидит, выбрасывай белый флаг. Сдадитесь, предъявите оружие, вы ведь из него даже не стреляли... Будут допрашивать — говорите всё, что было на самом деле. Мятлев нас с собой привёз, с нами и ушёл, прихватив Президента. Куда, зачем — вам не сказали. Как ушли — вам не сказали. Пусть гадают,

ищут и нас, и своего генерала. Найдут — их счастье и не твоя забота. Всё понял?

— Так точно, товарищ...

— Вот и хорошо. Мы пошли.

...Встреча получилась как бы для всех неожиданной. Каждый её предполагал, даже планировал, но не в этот именно момент и несколько иначе. А тут все сразу сошлись на перекрёстке сумрачно и негостеприимно выглядевших коридоров. Тоже интересный момент — бывало, Замок в любой своей точке выглядел ярко и празднично, а иногда как сейчас — будто на утро после Варфоломеевской ночи. Трупы убраны и кровь смыта, но аура осталась. И все, пусть в разной степени, её ощущали. Сильвия с Басмановым и торопливо идущие им навстречу, явно взволнованные Катранджи с Кристиной. Потом на звук голосов вышли успевшие наскоро привести себя в порядок Уваров с Анастасией. Последним появился, словно ниоткуда, Константин Васильевич, расточающий запахи разных употреблённых в течение дня и половины ночи напитков, дымящий крепкой папиросой и в отличие от остальных весёлый. Не по пьяному делу, а нормально.

— Что-то мне кажется, — задумчиво сказала Сильвия, — события вышли из-под контроля и пошли вразнос. Иначе к чему бы такое вече? И без всякого колокола. Кто начнёт докладывать первым?

— Прямо здесь? — возмутился Удолин. — Есть места и поудобнее...

— А как же девчата? — спросила Кристина. — Их тоже нужно позвать...

Вельяминова, как командир, открыла одну дверь, вторую, третью. Во всех комнатах было пусто, оста-

лись только следы поспешных сборов, на креслах и постелях небрежно брошенные валялись ночные туалеты девушек.

— Интересно, более чем интересно, — помрачнела Сильвия и достала свой блок-универсал. — Сейчас поищем...

Но портсигар сам несколько раз тихонько пискнул сигналом вызова в её руке.

— Вот и нашлись красавицы. — Интонации агтрианки не предвещали девушкам ничего хорошего. Слишком много, по её мнению, распоряжений и инструкций они нарушили.

Однако, когда вся компания, готовая к любым неожиданностям, вошла в кабинет Арчибальда, настроение резко изменилось. В основном в сторону глубокого удивления у Сильвии и просто облегчения у остальных.

Мария за те несколько часов, что её не видели «старшие товарищи» и подруги, ощутимо поменялась. Будто не половина ночи прошла, а месяц, причём — не простой. И докладывала, неизвестно к кому обращаясь, глядя между агтрианкой и Басмановым, уверенно и чётко. Едва ли не как старшая по званию. Удолин, наблюдая за девушкой и сканируя её ментальный фон, откровенно хихикал.

— Таким образом, дядюшка Арчибальд полностью дезактивирован и готов исполнять именно те функции, для которых предназначен. А мы можем возвращаться домой или продолжить исследования здесь. Это вам решать. Как и то, что дальше делать с нашими неожиданными гостями и той войной, что вот-вот может начаться у нас дома, — закончила доклад подпоручик Варламова.

— Да, подумать придётся, — кивнул Басманов. —

А вам, господа офицеры, — обратился он не то к троим «валькириям», не то ко всем пятерым сразу, — я что могу сказать, как старший воинский начальник? Спасибо за службу!

...Через пятнадцать минут три цепи «зубров», потерявших под шквальным огнём роботов не меньше двух десятков бойцов (все офицеры), увидели белый флаг, выброшенный из чердачного окна дачи. Выждали ещё не меньше десяти минут, потом осторожно, опасаясь подвоха, медленно вышли из леса и двинулись к даче.

В это время Фёст с Секондом, Герта и Людмила уже складывали в прихожей оружие, подсумки с магазинами и прочую амуницию.

«Леонов» со своими «морпехами» докладывал об итогах операции Воронцову на шканцах «Валгаллы». Дмитрий усмехался чему-то, крутя в пальцах горячую трубку.

— Молодцы, ребята. Всё правильно. Можете отдыхать. Ваши программы пока аннулировать не будем. Очень возможно, придётся вас совсем скоро использовать в том же качестве...

...Картина, конечно, получилась впечатляющая, «в лучших традициях серых казарм», как выразился Фёст, твёрдым шагом проходя к столу и беря за горлышко почти пустую бутылку. Посмотрел на Герту, потом на Людмилу. Девушки сразу вспомнили вроде бы совсем недавно полученные от него выволочки и, соответственно, забыли о только что закончившемся сражении. Одна, гремя ботинками по паркету, побежала на кухню за закусками, вторая начала расставлять дополнительные бутылки, рюмки и бо-

калы. Фёст ещё на *той стороне* пообещал девушкам, что, ежели все вернутся живыми, надерётся сегодня «как встарь, по-настоящему».

— Рад снова вас видеть, господин Президент, — сообщил Фёст, убедившись, что «валькирии» работают, «как учили». — Невзирая на некоторые прискорбные обстоятельства, мы все в добром здравии, и это радует. Остальное приложится. Честь имею представиться — полковник Ляхов-первый.

Не обращая внимания на свои испачканные землёй, травяной зеленью и оружейной смазкой руки, протянул правую для рукопожатия. Секонд, стоя рядом, просто кивнул.

— Вы, господин Мятлев, — продолжил Фёст официально, будто и не веселились они вполне подружески совсем недавно, — имеете возможность пространно побеседовать вот с этим господином, — указал он на стоящего со скованными руками лицом к стене пленного генерала. — И у всех нас будет достаточно времени на любые занятия, приятные и не очень. Вы должны понимать, господин Президент, дела во вверенном вам государстве зашли слишком далеко, и несмотря на проявленные всеми нами мужество и героизм, возвращаться в *ту* Москву несколько... было бы несколько неосторожно.

— Это что же, эмиграция? — вскинул голову Президент. Ну, прямо тебе Сальвадор Альенде, гордо отказывающийся улететь из охваченного мятежом Сантьяго в гости к Фиделю Кастро.

— Не совсем так. Скорее — оперативная пауза. Тут вам господин полковник Ляхов-второй, флигель-адъютант Его Величества, хочет кое-что сказать. Да что это мы стоим, будто на дурацком безалкогольном фуршете? Присаживайтесь и продолжим.

Выпивайте, господин Президент, и закусывайте. И пусть вас не беспокоят этих глупостей.

Наверное, от перевозбуждения Фёста прямо прорвало на цитаты. Они высказывали одна за другой, и все, что удивительно, к месту.

Кое-кого это коробило, но Вадиму было совершенно наплевать. Главное, Людмила смотрела на него невыносимо влюблёнными глазами.

«А что, — подумал он, — круто будет устроить свадьбу в Георгиевском зале Кремля с Президентом в роли свадебного генерала!» Эта идея ему понравилась. «Правда, нужно ещё победить, но это такой пустяк. Гораздо важнее, чтобы невеста была довольна»¹. Тьфу, чёрт, едва не выругался он. Опять цитата.

— Да, это правильно, — сказал Секонд, выпил и подождал, пока то же сделают остальные, за исключением крепко спящего Воловича, пропускающего, возможно, самые звёздные мгновения своей карьеры.

— Теперь я, если позволите, скажу, — в отличие от своего брата-аналога он не был настроен столь игриво. Всё-таки «высокие гости» находились сейчас на его территории, и он, таким образом, выступал во вполне официальной роли флигель-адъютанта Государя, до резиденции которого отсюда, кстати, всего пятнадцать минут неспешного пешего хода.

«Если Ихнее Величество и после этого не произведёт нас с Вадимом в генерал-адъютанты, так я и не знаю, какого ещё ему рожна надо!» — подумал Фёст, но на этот раз промолчал, только опять подмигнул Людмиле.

А на Секонда, ей-богу, ему забавно было смотреть. Насупился от важности момента, плечи раз-

¹ См. Ганн Дж. Где бы ты ни был.

вернул, жаль, что на нём всего лишь майка цвета хаки с короткими рукавами, а не парадный мундир с вензелями на погонах и висюльками аксельбантов.

— Их Императорским Величеством мне поручено передать Вам следующее...

«И когда успел доложиться? — подумал Фёст. — Не иначе когда в галюн выходил».

— Если будет на то ваше согласие, господин Президент, первые отряды «печенегов» могут быть в Москве, в *вашей* Москве, — уточнил он, — уже завтра утром. И поступят в ваше полное оперативное подчинение. Для неотложных мероприятий по изъятию наиболее важных организаторов заговора двухсот специально подготовленных офицеров хватит. С двумя из них вы уже знакомы, — он показал на Герту и Людмилу. — Они у нас, правда, почти ещё стажёры, хотя и награждённые орденами. Остальные поопытнее будут. — Выдержал паузу, снова потянулся к рюмке. Ему хотелось напиться не меньше, чем Фёсту. — А в течение недели мы имеем возможности перебросить вам на помощь две гвардейские дивизии...

— После чего заговор, или вооружённый мятеж, как вам приятнее это действие назвать, будет прекращён у нас на *родине* самым гуманным и эффективным образом. Опыт у Вадима Петровича в подобных делах есть... — добавил Фёст.

— Если Государю не будет благоугодно возложить эту миссию на кого-либо другого. Так что решение только за вами, господин Президент. Аркольский мост, или Рубикон, я не знаю, но оставлять свою страну в нынешнем состоянии...

Секонд молча развёл руками.

«Ревизор» там или не «Ревизор», может быть,

сцена из совсем другой пьесы, но получилась она «немая» в высшей степени.

Торжественность момента испортил Волович, громко всхрипнув и что-то быстро и бессвязно забормотав.

— Да, господин Президент, — выждав, не захочет ли кто-нибудь из гостей произнести нечто подобающее случаю раньше него, — сказал Фёст. — Слегка переиначив всем с детства известную фразу, можно так выразиться: «Не бойтесь друзей! Особо, если они не собираются вас предавать...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава восемнадцатая	5
Глава девятнадцатая	41
Глава двадцатая	75
Глава двадцать первая	109
Глава двадцать вторая	139
Глава двадцать третья	170
Глава двадцать четвёртая	202
Глава двадцать пятая	241
Глава двадцать шестая	280
Глава двадцать седьмая	314
Глава двадцать восьмая	356
Глава двадцать девятая	396
Глава тридцатая	440
Глава тридцать первая	461
Глава тридцать вторая	499

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

Том второй

ТРЕТИЙ ДЖОКЕР

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Л. Козлова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *И. Топоровская*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 20.02.2012. Формат 84 108 1/32.

Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 28,56.

Тираж 18 000 экз. Заказ № 3570

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.

Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-55908-4

9 785699 559084 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.

Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

•
•

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

Вадима Ляхова с юных лет учили спасать людей, а не убивать, даже когда второе – предпочтительнее. Но в этот раз полноценного боя избежать не удалось, потому как «дача» Президента была атакована немного превосходящими ее защитников силами, и цель у наступавших была очень ясная и определенная – захват главы страны и уничтожение его сторонников. А вот этого Ляхов допустить уже никак не мог. Не вписывались в планы «Андреевского братства» государственный переворот и потеря Президента, ключевой фигуры операции «Мальтийский Крест» по объединению России из главной исторической последовательности и ее альтернативного аналога в одно мощное государство. Однако бой – не спектакль, очень часто он развивается по непредсказуемому сценарию или вообще без такового. И тут уже ключевыми моментами становятся мужество, опыт, взаимопомощь и, главное, вера в то, что ты сражаешься за правое дело. Команда Ляхова была в этом уверена...

ISBN 978-5-699-55908-4

9 785699 559084 >